

УДК 94(476)(=161)
ББК 63.3(2)2–91
3-14

Рекомендовано
ученым советом исторического факультета
21 июня 2011 г., протокол № 7

Рецензенты :
кандидат исторических наук *Л. В. Колединский*;
кандидат исторических наук *В. А. Теплова*

Загорульский, Э. М.
3-14 Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси /
Э. М. Загорульский. – Минск : БГУ, 2012. – 367 с.
ISBN 978-985-518-772-2.

Комплексно проанализированы письменные, археологические, лингвистические, этнографические и антропологические источники по славянскому этногенезу.

Намечены основные этапы в этнической истории славян, время и направление их миграций в те места, где их застает письменная история.

Важное место отведено славянским памятникам в Восточной Европе и этническим процессам, приведшим к возникновению белорусов.

УДК 94(476)(=161)
ББК 63.3(2)2–91

ISBN 978-985-518-772-2

© Загорульский Э. М., 2012
© БГУ, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Славяне — один из крупнейших народов мира, занимающий обширную территорию — от Одера и верховьев Эльбы в Центральной Европе и до берегов Тихого океана. На славянских языках сегодня говорит около 300 млн человек [164]. Интерес к этногенезу славян всегда остается сильным и устойчивым.

Если ориентироваться на древнейшие письменные источники, то славяне появились на исторической арене сравнительно поздно. Скудость исторических данных о начальных этапах исторической жизни славян породила множество гипотез об их прародине и этногенезе вообще.

Недружелюбной, а потому и необъективной историографией вокруг славян создан миф о якобы извечной их отсталости и даже «неполноценности».

Отголоски научных заблуждений дают о себе знать и теперь. Еще не изжиты тенденции «выталкивания» славян из древней Европы, намерения сузить их первоначальную территорию, ограничить их прародину припятскими болотами [191] или включить в периферию ареала других народов. Даже в таком солидном издании, как Британская энциклопедия, говорится о миграции славян из Азии.

По-прежнему предлагаются противоречивые гипотезы о времени и обстоятельствах появления славян и их культур, отраженных в археологических материалах. Более того, похоже, что различные точки зрения на проблему славянского этногенеза имеют тенденцию не к сближению, а к еще большему расхождению.

И теперь одни пишут о вырастании славянского этноса из древнеиндоевропейских племен, когда нелегко найти грань, за которой часть древнеиндоевропейских племен уже становится ранними сла-

вянами [193, с. 46–48], другие начало возникновения славян относят к бронзовому веку II тыс. до н. э., третьи появление славян связывают чуть ли не со временем разгрома гуннами готского объединения в IV в. н. э. [17, с. 3–4].

В поисках славянской прародины нередко проходят мимо того факта, что древнейшие исторически достоверные письменные источники доказывают существование славян в Центральной Европе к северу от Дуная и Карпат и что нет ни исторических, ни лингвистических, ни археологических свидетельств прихода славян в эту область из каких-то других мест. Даже археология, богатая на различные миграционные гипотезы, не может предложить обоснованной версии миграции. В свете современных научных представлений о причинах и характере древних миграций населения удивляет живучесть легенды о позднем расселении славян между Одером и Эльбой после ухода оттуда германских племен. Иногда эту «оставленную» древними германцами территорию простирают до самой Вислы. Подобные легенды построены на недостоверных и сомнительных данных, почерпнутых у античных авторов, которые плохо знали этногеографию Центральной Европы [71, с. 54]. О колонизации этих земель славянами нет намеков ни в сказаниях полабских славян, ни в немецких хрониках. Исторически известные «переселения», скорее, были выселениями части избыточного населения при сохранении основного ядра на исконной территории. Если обратиться к археологическим источникам, то начиная с финального неолита в Европе к северу от Карпат прослеживается непрерывное культурное развитие. Даже миграции эпохи бронзы не сопровождалась уходом древнего населения. Именно утверждение производящих форм хозяйства, особенно земледелия, содействовало оседлому образу жизни. Германские племена того времени, когда о них появились сообщения в античных источниках, не были кочевниками. Их участие наряду с другими «варварами» в борьбе с Римом — явление, характерное для периода распада первобытнообщинных отношений и возникновения строя военной демократии. Таковыми были и походы викингов. Их исключительная активность в IX–X вв., далекие походы, колонизация ряда районов Европы не привели к оставлению ими основной области их обитания — Скандинавии. Широкое славянское расселение во 2-й половине I тыс. н. э. — это выход славян за границы своей прародины, обусловленный экономическим развитием, ростом народонаселения и сложившейся политической ситуацией, но отнюдь не оставление ими прародины.

Проблема этногенеза славян тесно связана с вопросами происхождения и других индоевропейских народов, в первую очередь балтов и германцев. Наличие разнообразных гипотез и продолжающиеся споры по общим и частным вопросам славянского этногенеза — один из лучших показателей научной актуальности и ценности проблемы.

Любовь к родине неразрывно связана и с любовью к своему народу. И если мы говорим о праве каждого народа на чувство национальной гордости, то особое чувство этнической солидарности рождает осознание своей принадлежности к группе родственных славянских народов, внесших огромный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Изучение вопросов славянского этногенеза показывает, что в этом процессе участвовали и другие, не славянские, народы, которые с полным правом могут рассматриваться в качестве предков современных славян. Это один из примеров того, что все современные народы — результат длительного этнического развития, сопровождающегося активным взаимодействием и смешением с другими народами. Осознание этого факта очень важно в наш беспокойный век этнических противостояний.

В настоящей работе исследуется вопрос о начальном этапе славянского этногенеза и месте, где протекал этот процесс. Поиск ответа может вестись двумя путями. Первый, ретроспективный, предполагает движение от известного позднего этнического явления к генетически связанному с ним более раннему состоянию. Обычно этот метод применяется в археологии для перенесения этнического имени носителей какой-либо культуры на ее генетических предшественников. Но этот метод в силу ряда причин, связанных как с состоянием источников, так и с самой методологией, не всегда применим.

Второй путь — поиск праславян начального этапа их развития, выявление тех формирующихся у них признаков, которые позволяют отличать нарождающуюся этническую общность от ее предшественницы — индоевропейской или какой-то иной промежуточной общности. Второй метод принят в данной работе.

Поскольку проблема славянского этногенеза является предметом изучения различных наук — лингвистики, археологии, антропологии, этнографии, настоящее исследование представляет собой попытку координации выводов, полученных этими науками, прежде всего лингвистикой и археологией, которым принадлежит наибольший

вклад в решение славянской проблемы, поиск максимальных соответствий в наблюдениях, выводах и реконструкциях, связанных с древнейшим состоянием праславян и их прародин. Хотя каждая из указанных наук располагает своими источниками исследования и своей методикой, позволяющими приходиться к независимым решениям, только комплексное использование различных источников и основанных на них реконструкций обеспечит успех, компенсирует те недостатки и потенциальную ограниченность, которые присущи каждой из этих наук в отдельности. Данное обстоятельство заставляет нас отрицательно относиться к позиции тех ученых, которые в решении этногенетических проблем настаивают на необходимости исследования вопроса только на базе собственных наук. Комплексное использование наук, несомненно, расширяет источниковую базу проблемы и делает качественно иной саму методику исследования.

По славянскому этногенезу имеется обширнейшая литература. Над этим вопросом трудились выдающиеся исследователи во многих странах. Автор отметил их вклад в решение как общих, так и частных вопросов, связанных с происхождением и расселением славян. Без их работ невозможно было бы написать книгу в том виде, в котором она предлагается читателю. Автор решил не давать отдельного историографического описания даже основных трудов, для этого потребовалась бы отдельная книга, а рекомендует тем, кто хотел бы больше узнать об истории изучения славянской проблематики, книги крупнейшего слависта академика В. В. Седова «Славяне в древности» (М., 1994) и «Славяне. Историко-археологическое исследование» (М., 2002).

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА И ВОЗМОЖНОСТЯМ ИСТОЧНИКОВ

Исследование начальных этапов этногенеза предполагает решение в первую очередь следующих вопросов: 1) установление самого факта появления этноса, т. е. тех основных элементов, которыми он характеризуется; 2) определение времени появления этноса, хронологических рамок, внутри которых происходило становление этноса, поскольку это процесс длительный; 3) выяснение того, как проходило рождение данного этноса, какой тип этногенетического процесса определил возникновение этноса, что послужило причиной этнообразования, какие этнические компоненты приняли участие и в какой мере в этом процессе; 4) где, в каком ареале протекал этот этногенетический процесс, где была прародина славян.

Под прародиной понимается та первоначальная территория, на которой проходило становление этноса и где он обитал до переселения в другое место или до расселения на более обширной территории.

Решение любой научной проблемы зависит от количества и качества доступных источников и от уровня развития самой науки или соответствующего ее направления. Следует поэтому рассмотреть, в какой степени вопросы этногенеза фиксируются источниками и могут решаться средствами различных наук.

Под этносом в широком смысле слова понимается исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общим языком или группой близкородственных диалектов, понятных в языковом общении, территории обитания, своеобразной повседневно-бытовой культурой, обрядами, нормами поведения, устным творчеством, психическим складом и этническим самосознанием, ощущением принадлежности к отдельной самостоятельной общественной группе, проявляющимся, в частности, в самоназвании (этним) [205, с. 99–100]. Этнос – понятие социальное и историческое. В зависимости от различных социально-экономических

характеристик образуются различные типы этносоциальных общностей: племя, народность, нация.

Будучи категорией исторической, этнос образует подвижную структуру, претерпевающую постоянные изменения во времени, и является результатом длительного развития, во время которого он часто взаимодействует с другими этносами. Развитие этноса, протекающие в нем изменения принято называть этническими процессами. Они не являются биологическими процессами, а обусловлены социальными факторами. В этнических процессах различают две основные типологические группы: этническое разделение и этническое объединение, которые, однако, редко выступают в чистом виде и чаще проявляют себя в конечном результате этнического развития.

В разные периоды социально-экономического развития общества разделительные и объединительные процессы выражаются по-разному. Этническое разделение выступает в виде этнической парциации или этнической сепарации. При первой происходит разделение некогда единого народа на несколько новых этносов. Этот процесс иначе еще называют дифференциацией, термином, широко принятым в лингвистической литературе. Парциация может быть вызвана различными причинами: расселением этноса на большой территории, в результате чего со временем ослабевают внутренние связи внутри этноса и накапливаются новые черты и характеристики в отдельных частях расселившегося этноса, приводящие к их отдалению. Разделение может быть также результатом процесса взаимодействия этноса с другими этническими группировками, в том числе и объединительного, при котором активная роль может принадлежать этническим субстратам. В современную эпоху причиной парциации может стать расчленение этнической территории государственной границей. При парциации утрачивается прежнее этническое самосознание, поэтому этот процесс носит этно-трансформационный характер.

Этническая сепарация представляет собой отделение от народа какой-то его части, превращающейся в самостоятельный этнос при сохранении этноса в основной части.

Процессы этнического разделения особенно характерны для доклассовых и раннеклассовых обществ. Рост народонаселения и истощение естественных ресурсов в зоне обитания племен вели к их разделению и миграциям, способствовавшим, в свою очередь, дальнейшему разделению этноса.

Этнообъединительные процессы подразделяются на несколько видов, важнейшие из которых: консолидация (с двумя подвидами – этнотрансформационная и этноэволюционная), ассимиляция, интеграция и этногенетическая миксация [22, с. 233–243].

Консолидация этнотрансформационного характера представляет слияние нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в новую более крупную общность (этногенетическая консолидация). При консолидации этноэволюционного характера (внутриэтническая консолидация) происходит процесс внутреннего сплочения крупных этносов, сопровождающийся сглаживанием языковых и культурно-бытовых различий.

Ассимиляция предполагает растворение более мелких этнических групп в среде более крупного этноса. Различают естественную и насильственную ассимиляции. Для первобытно-общинного строя характерен первый вид ассимиляции, когда растворение происходит в процессе непосредственного общения разнородных этнических групп населения и часто сопровождается смешанными браками. Для ассимилируемых групп этот тип этнического объединения означает этнотрансформационный процесс с утратой этнического самосознания и обычно языка. Для ассимилирующей группы – это этноэволюционный процесс. Скорость ассимиляции зависит от множества факторов: численности ассимилируемой и ассимилирующей групп, степени близости их языков, развитости хозяйственно-экономических связей, характера складывающихся отношений между интегрирующими группами, различий в уровнях культур, религий, степени развития этнического самосознания и др.

Этноэволюционным по своему характеру типом этнообъединительных процессов является межэтническая интеграция, протекающая в основном внутри государственных образований, включающих несколько различных по языку и культуре народов. В результате взаимодействия у них возникает ряд общих черт, позволяющих объединять их (эти народы) в межэтнические общности. Этот процесс не приводит к образованию нового этноса.

Особый тип объединительного этнического процесса составляет этногенетическая миксация. При ней в результате активного взаимодействия двух или более не связанных между собой генетическим родством народов происходит сильная трансформация этнических признаков, которые были присущи ранее контактирующим группам. Взамен распространяются новые общие черты, становящиеся этнически определяющими. Практически это приводит к исчезновению прежних этносов и возникновению нового народа. По своей сущности этногенетическая миксация носит этнотрансформационный характер [22, с. 233–243].

Поскольку этнос – историческая реальность, а не кабинетное понятие, он не может не проявлять себя различным образом. Однако далеко не все характеристики исторического этноса в равной степени оставляют свои следы, которые можно было бы дешифровать средствами различных наук. В этом одна из трудностей в исследовании древних

этногенетических процессов. Сложности усугубляются недостаточной разработанностью самой теории этногенеза и методологических основ этногенетических исследований [182], что нередко приводит к субъективным оценкам характера этногенетических процессов и произволу в этнических атрибуциях археологических культур, подрывающих доверие к возможностям различных наук в решении проблем этногенеза.

Общепринятым стало считать язык и этническое самосознание главными определителями этноса среди суммы его других характеристик. Действительно, общность языка является одним из важнейших условий формирования и существования этносов. Для этноса обычно характерен один язык или несколько близкородственных диалектов, допускающих языковое общение. При первобытно-общинном строе диалект часто совпадал с племенем. Известны, однако, народы, пользующиеся двумя и более языками. В древности такое явление имело место при миграциях, когда в условиях чересполосного обитания и тесных межэтнических контактов двуязычие представляло необходимый переходный этап к последующему одноязычию. Наблюдается существование двуязычных групп вдоль этнических границ. Двуязычие, например, отмечено на Балканском полуострове в древних греческих источниках [76, с. 18]. Следовательно, с изучением этногенеза связана сложная проблема выявления возможного субстрата, его интерпретация и определение на этом основании этнических компонентов, которые принимали участие в формировании того или иного этноса.

Признаком субстрата принято считать наличие в языке синонимов [24, с. 22]. С другой стороны, обязательно ли сохранение субстрата или суперстрата при этнообразовании путем этногенетической миксации, когда, по-видимому, происходит решающая перестройка старых языковых структур, грамматических форм и лексического фонда? Вообще лингвистика плохо фиксирует процессы этнического смешения. На тех же Балканах догреческие и дославянские языки сохранились только в виде ономастических реликтов [35, с. 49], хотя смешение там этносов не только имело место, но и было чрезвычайно эффективно.

Ценность лингвистических штудий в изучении этногенетических проблем настолько велика, что сам этногенез выступает как лингвистическая проблема. Неслучайно в современной лингвистической литературе под терминами «древние индоевропейцы», «кельты» или «праславяне» предпочитают понимать условное название племен, говоривших на праиндоевропейском, кельтском или праславянском, или даже более осторожно — на различных диалектах праиндоевропейского, кельтского, праславянского, отказываясь включать в эти понятия другие характеристики (антропологические, этнографические и пр.) этих племен [33, с. 21].

Такая осторожность имеет под собой основания, так как сами языки являются результатом не только собственной длительной эволюции, но и следствием взаимодействия их предшественников, языковых смешений, инноваций, языковых субстратов и т. д. Следовательно, и носители этих языков в такой же мере — результат сложных этнических взаимодействий. Исходя из этих соображений, казалось бы, трудно допустить наличие единых специфических признаков у носителей данных языков, таких как единый антропологический тип, единый тип материальной культуры.

И все-таки это не означает, что их не может быть. Историческая действительность допускает случаи самостоятельного и длительного развития отдельных популяций. Некоторые группы племен по разным причинам в течение длительного времени могли развиваться без заметных иноэтничных включений. Даже при наличии миграций, при которых имело место вытеснение автохтонного населения, возможно, было изолированное развитие. При таких обстоятельствах допустимо возникновение со временем совокупности общих или близких характеристик, в том числе и антропологических, у «носителей» тех или иных языков. Вот почему раскрытие этногенетического процесса не может и не должно ограничиваться изучением только языка. Вполне вероятно, что один язык и не в состоянии адекватным образом отразить этногенетические процессы, потому что взаимодействующие, втянутые в этот процесс этносы часто переходят на один язык, причем это может быть и язык мигрантов, и язык автохтонов, и даже меньшая по численности часть населения может навязать свой язык большинству, что в истории хорошо известно. Поэтому выявление структурных компонентов в языке, хотя и дает материал для суждения о характере этнических взаимодействий, не гарантирует возможности установления точных соотношений в этнических компонентах, принимавших участие в этногенетическом процессе. В перспективе же изучение этнической истории должно предполагать точный учет всех компонентов, которые участвовали в народообразовании. И они должны выявляться различными науками и на основании языковых данных (лингвистика), и по материальной культуре (археология, этнография), и по антропологическим характеристикам.

Вопрос об этническом самосознании, которому придается особое значение в этнической идентификации применительно к современной эпохе, видимо, не был таким же определяющим в условиях первобытно-общинного строя. Отсутствие социально-экономических центров этнической консолидации стало одной из причин длительного сохранения племенного самосознания [164, с. 176–177]. Известна также нечеткость этнического самосознания у переходных, двуязычных групп. Тем не ме-

нее именно появление отчетливого этнического самосознания рассматривается как свидетельство завершения процесса этногенеза. Причем это самосознание появляется после того, как оформятся признаки, объективно отличающие новую этническую общность от других одновременных ей этносов. Эти признаки и порождают ощущение определенной общности у ее членов [77, с. 63].

Очевидно, что обнаружение этого факта появления этнического самосознания у племен дописьменной эпохи практически недостижимо (за редким исключением). Этническое самосознание фиксируется, как правило, письменными источниками или в устном творчестве, носящем легендарный характер, или в этнонимах. Последние, однако, доходят нередко не в форме самосознания этноса, а в обозначении его другими народами, которые обычно не совпадают с самоназванием. Благодаря этому этнос может быть известен под разными названиями, да и сами названия могут меняться. Тем не менее иногда можно обнаружить этнонимы в ономастике. Однако здесь исследователь оказывается перед сложной проблемой хронологизации этнонима.

Ценнейшее достоинство лингвистики в изучении этногенетических проблем состоит в ее способности реконструировать несуществующие уже языки, исследовать их древнее состояние и динамику и извлекать заложенную в реконструированном языке обширную историческую информацию, включающую и свидетельства об истории появления и функционирования этноса в течение всего периода его существования.

Но этнос — явление историческое, и каждый этап его развития должен быть четко хронологизирован. В противном случае каждый из сюжетов, имеющих отношение к этногенезу, будет носить абстрактный неисторический характер. Общие схемы развития, пусть и необходимые в любой исторической концепции, уже не могут удовлетворить современную науку об этносе. Поэтому проблема установления факта рождения этноса теснейшим образом связана с возможностями хронологизации языковых данных, что, впрочем, в равной степени относится и ко всем другим источникам. В этом смысле применяемые ныне методы датирования этнонимов, что могло бы быть использовано для установления времени оформления этнического самосознания у того или иного этноса, оставляет пока желать лучшего. В отдельных случаях интересные результаты дает стратиграфическое членение топонимического материала и при сопоставлении лингвистических материалов с другими источниками возможно датировать географический этноним, но нет уверенности, что полученная дата совпадает с моментом утверждения этнического самосознания. Впрочем, и такая дата важна, так как указывает на время, когда этническое самосознание уже наличествует.

Существование этноса лингвистически фиксируется, в частности, в терминологии, отражающей характер и уровень социального развития и хозяйственной деятельности носителей данного языка. Такая терминология одновременно содержит и хронологические ориентиры. По социальной и хозяйственной терминологии можно реконструировать социально-экономический тип общества, что, используя исторические параллели, позволяет устанавливать время.

Точность датирования повышается, если при этом учитываются данные археологии. В особенности это относится к терминологии, связанной с хозяйственной деятельностью, поскольку она может быть сопоставлена с датированными археологическими материалами. Очень ценны в этом смысле слова, обозначающие материал (камень, различные металлы), орудия труда и оружие, технические изобретения, виды транспорта, земледельческие культуры, домашних животных и т. д. По языку можно определить господствующую форму хозяйства у носителя языка, а сам тип хозяйства поддается датированию на основании совокупности археологических данных. В социальной терминологии может быть отражено деление общества на фратрии и касты, что соответствует определенному уровню социального развития. Очень ценной представляется система слов, означающая родство, а также религиозная терминология.

Некоторые хронологические данные о существовании какого-то этноса можно получить на основании анализа заимствованной лексики, что было результатом древних языковых контактов. При этом необходимо располагать хронологическими данными о времени существования этноса, с которым такие контакты осуществлялись, и знать условия, при которых они были возможны. Здесь нередко на помощь приходит археология, регистрирующая такие контакты.

Иногда для установления относительной хронологии лингвисты используют данные сравнительной диалектологии, исходя из предположения, что языки с большей диалектной расчлененностью являются более древними по сравнению с языками, у которых диалектная дифференциация выражена слабее [174, с. 213]. Но этот тезис следует принимать с оговоркой. Необходимо помнить, что образование диалектов связано со многими факторами. Поэтому нужно учитывать и размеры территорий сопоставляемых этносов, и их предшествующую этническую историю.

Сугубо лингвистические датировки, основанные только на языковом материале, дают, как правило, такие растянутые даты, которые уже не могут удовлетворять современную науку об этногенезе. Например, Свадеш, пользуясь методом лингвистической палеонтологии, считает, что

славяно-германское языковое разделение произошло примерно 3–4 тыс. тому назад, в 1850 и 1050 гг. до н. э. В пределах этого хронологического диапазона и могло иметь место, по его мнению, разделение [237]. Очевидно, что такая хронологизация неприемлема, так как в течение этого периода, охватывающего восемь столетий, археология обнаруживает целую серию больших и важных с точки зрения этнической истории событий. Вызывает настороженность и сама методика лингвистических датировок. Вот, например, как обосновывается дата распада индоевропейской общности Т. Милевским. Условно датируемые XV–XIII вв. до н. э. древнейшие из дошедших до нас тексты на индоевропейских языках (гимны Ригведы, хеттская клинопись и греческие тексты микенской эпохи, написанные линейным письмом В) столь же далеки друг от друга, как романские языки между собой в XX в. н. э. Отсюда можно предположить, что они к тому времени имели за собой столько же веков самостоятельного развития, сколько романские языки после падения Римской империи. А поскольку романским языкам для того, чтобы достичь нынешней степени различия, потребовалось 15 веков, то можно предположить, что и древнейшие индоевропейские языки к XV в. до н. э. имели столько же веков предшествующего исторического развития после выделения их из праиндоевропейского. Из этих сопоставлений вытекает, что распад индоевропейской общности наступил около 3000 г. до н. э. [245, с. 54–69].

Процесс языковой дифференциации рассматривается Милевским как некое явление, которое, подобно распаду радиоактивного элемента, протекало с постоянной скоростью во все времена. При этом не учитываются ни социально-экономический, ни территориальный факторы, ни характер внутри- и межэтнических процессов. Влияние всех этих факторов на процесс дифференциации могло быть различным в разное время. Как справедливо отмечал А. Мейе, время — это лишь одно из условий, от которого зависит значительность языковых изменений, темпы же самих изменений колеблются в очень широких пределах. Например, армянский язык наиболее существенные изменения пережил в период между V и X вв. н. э., тюркские наречия почти не изменились с XII в. и т. д. [104].

Таким образом, хронология — одна из слабых сторон лингвистического источника. Временные измерения лингвистика часто получает от археологии, что является одним из свидетельств благотворности сотрудничества этих двух очень разных наук. В дополнение к сказанному можно указать на возможность извлечения ценной хронологической информации из топонимической (особенно гидронимической) номенклатуры, где тоже имеется поле для сотрудничества лингвистики и археологии.

Обязательным в этногенетических исследованиях является определение территории обитания этносов. В этом плане язык хранит чрезвычайно ценный материал, реконструирующий географические условия, среду обитания, в которых протекала жизнь этноса. Этим также открывается возможность для поисков прародины. Такой языковой материал дает терминология, связанная с обозначением рельефа местности, климата, представителей животного и растительного мира. На основании географической лексики можно представить ландшафт, определить климатическую и растительную зону, с которыми была связана область первоначального обитания этноса. Географическую информацию можно извлечь из названий месяцев календаря, иногда фиксирующего циклы хозяйственных занятий, соответствующих конкретной географической зоне.

Существенные сведения для локализации этноса можно почерпнуть в материалах, отражающих лингвистические контакты. Маргинальное сосуществование этносов обычно сопровождается лексическими взаимопроникновениями из одного языка в другой. По ним можно определить географическое место этноса среди других. При этом если известна локализация соседних народов, то не составляет труда хотя бы в общих чертах установить место и для искомого этноса. Однако следует отличать лексические проникновения от лексических заимствований. Если первые предполагают обязательное длительное, смежное в территориальном отношении сосуществование этноса с неизбежным двуязычием в пограничной полосе, то вторые появляются и при отсутствии территориальной близости благодаря торговым и культурным связям.

Прямое отношение к географической локализации этноса имеет топонимика. Среди географических названий есть и этнонимы, которые, к сожалению, составляют ничтожную часть географической номенклатуры. По мнению специалистов, этнонимы обычно располагаются на пограничье этнических ареалов [118].

Особое значение для изучения древней этнической истории имеет гидронимика. Названия вод (гидронимы) обладают наибольшей устойчивостью во времени. В интерпретации гидронимического материала для этноисторических целей более продуктивен словообразовательный анализ по формантам, а не этимологический. Для различных языковых групп характерны свои, наиболее распространенные форманты. По формантам удастся установить изоглоссные области и наметить относительную хронологию гидронимов [176, с. 18].

Несмотря на естественные расхождения во мнениях лингвистов о языковой принадлежности отдельных гидронимов, в целом гидронимические ареалы выделяются достаточно надежно. Нет, однако, еди-

ного мнения о том, как следует использовать гидронимический материал в поисках прародины населения, оставившего связанную с ним гидронимику. Одни утверждают, что место основного сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности указывает на прародину этноса, носителя данного языка. Такое представление было традиционным в лингвистике и в настоящее время еще имеет своих сторонников. Однако есть и другое, в корне противоположное мнение, впервые обоснованное М. Рудницким. Согласно этой точке зрения, на территории прародины того или иного этноса должны господствовать более древние формы топонимики, восходящие к языку его генетического предшественника. Место же сосредоточения топонимики, характерной для языка какого-то народа, следует рассматривать как область его миграции. Есть немало оснований признавать справедливость второго мнения.

Однако этим не исчерпывается значение гидродинамического источника. В одних и тех же областях присутствует несколько иноязычных гидронимических пластов, что важно учитывать при решении этногенетических вопросов, так как сам факт сохранения иноязычной гидронимики свидетельствует не только о сменах населения, но и о длительном совместном проживании на одной территории различных этносов и о процессах ассимиляции, чем и объясняется сохранение старой топонимики и усвоение ее новым населением. К сожалению, топонимика, особенно древнейшая, не обладает определенностью в хронологическом плане и самими специалистами очень часто датируется по-разному.

Наиболее сложной проблемой в изучении этногенеза эпохи первобытно-общинного строя, несомненно, является выяснение самого механизма развития этноса, причин и обстоятельств его формирования, установление типа этногенетического процесса, которым характеризуется это развитие. Теоретически следует допустить две основные возможности развития доисторического этноса: развитие на основе собственного этнического материала и развитие, определяющую роль в котором играло взаимодействие с другими этническими группами.

В чистом виде первый путь развития, если и имел когда-нибудь место в истории отдельных изолированных популяций, едва ли можно считать типичным. Даже в палеолите при исключительной разреженности населения нередки свидетельства пересечения судеб отдельных человеческих групп, принадлежавших даже к различным расам. В мезолите, отмеченном подвижным образом жизни населения, встречи бродячих групп, включавшихся в общий этногенетический процесс, уже, очевидно, были обычным явлением. Более длительным, возможно, было изолированное развитие некоторых этносов в неолитическую эпоху, о чем могут свидетельствовать значительные ареалы ряда очень устойчи-

вых в культурном отношении археологических культур, особенно лесной зоны. Однако почти повсеместно конец неолита отмечен быстрым ростом населения не только внутри обществ, освоивших новые, производящие виды хозяйства, но и среди охотников и рыболовов. Рост народонаселения стал причиной значительных передвижений. Учитывая заселенность ойкумены, такие передвижения должны были сопровождаться этническими взаимодействиями племен. Еще в больших масштабах это имело место в эпоху металла с ее многочисленными миграциями.

Таким образом, второй путь развития этносов следует признать более характерным и логичным. Этнос не формировался в вакууме. Его судьба зависела от степени взаимодействия с другими этносами. Основные формы этногенетических процессов уже были рассмотрены, и нас сейчас интересует, как эти процессы могут проявить себя в различных источниках, и прежде всего — в лингвистических.

Традиционной в лингвистике признается следующая схема развития родственных языков, за которой следует видеть и развитие этноса. Первоначально развитие языка (праязыка) проходило на небольшой территории. Это составляло первый период в истории языка. Второй период характеризовался складыванием диалектных различий, чему в огромной степени способствовало увеличение территории обитания носителя данного языка.

Третий период представлял дальнейшее расхождение диалектов, их отпочковывание и превращение в самостоятельные языковые ветви [245]. Из этой схемы следует сделать существенный для теории этногенеза вывод о том, что увеличение территории обитания этноса не способствует его консолидации, а, напротив, является одним из факторов, приводящих к его дифференциации, разделению. Иными словами, в поисках прародины этноса предпочтительным является предположение, что она была меньшей по своим размерам, чем область последующего обитания, если окажется, что размеры ее значительны.

Однако в этой схеме в качестве причины дифференциации можно видеть лишь действие пространственного фактора. В реальной же жизни, как уже отмечалось, расширение области обитания этноса неизбежно связано с его взаимодействием с другими этносами и его языками. Характер и последствия этих языковых взаимодействий могут быть различными.

В одних случаях диалекты (язык) мигрирующих племен могли расщепиться в языках местного населения, оставив, однако, в них некоторые следы своей структуры и лексики, называемые языковым суперстратом. В других случаях они вытесняют местные языки и становятся языком страны. Следы местных языков могут сохраниться в виде субстрата в языке-победителе, причем субстрат может ощущаться во всей

структуре и лексике утвердившегося языка. Более того, субстрат может сыграть очень заметную роль в трансформации языка мигрантов, его структуры и звукового состава. Смена языка не всегда влекла за собой смену населения. И недавнее и более отдаленное прошлое выразительно иллюстрируют это положение. Не касаясь хорошо известных примеров перехода коренного населения Латинской Америки на испанский и португальский языки, рассмотрим в качестве примера историю образования некоторых романских языков, как она представляется значительной части лингвистов.

Различные народы бывшей Римской империи — иберы, галлы, лигуры, венеты, даки — приспособляли свои языки к латинскому, насыщая лексически заимствованиями из него, видоизменяя свою грамматику и синтаксис по примеру латинского. И сам латинский язык переживал изменения, вызванные взаимодействием с местными «варварскими» языками, и хотя со временем победу одержал латинский тип языка, он далеко уже не соответствовал первоначальному латинскому, и главное — не был единым во всех частях империи. «Провинциальные» разновидности этого языка стали затем, после распада империи, развиваться в разных направлениях, породив, в конце концов, современные романские языки. Восходя в основном к вульгарно-латинскому, они были специфичны в силу воздействия на него различных субстратов. Согласно Трубецкому, в этом проявился путь дивергентного развития, переплетающегося с конвергентным, когда имело место и сближение местных языков с латинским [194, с. 67]. Таким образом, субстратам отводится важная роль в развитии языков.

Субстраты не только могут активно способствовать углублению языковой дифференциации, но и стать одной из решающих причин образования новых языков. Однако в отличие от наук, связанных с изучением материальной культуры и способных выделить и объяснить природу различных культурных компонентов, принявших участие в смешении культурно-исторических групп, а в перспективе — установить и удельный вес каждой из них, лингвистика вынуждена пока констатировать, что она не в состоянии выделить надлежащим образом языковые компоненты, в том числе и субстраты. А. Мейе, признавая активную роль субстратов, прямо говорит, что в индоевропейских языках, например, они почти неизвестны и пока приходится довольствоваться на этот счет недоказуемыми гипотезами [105, с. 59]. В процессе становления языковой общности, при котором имело место взаимодействие различных языков, борьба разных языковых тенденций могла иметь своим результатом такое их амальгирование в одной языковой системе, что бывает невозможно сказать, какой из языковых типов, участвовавший в этом про-

цессе, должен рассматриваться как «основа» языкового строя, поскольку уловить конкретные языки, участвовавшие в этом процессе, не удается [39, с. 27].

В процессе этнических взаимодействий, в частности этногенетической миксации, возможно образование качественно нового этноса. Следовательно, необходимо предполагать существование и языкового соответствия этой форме этнообразования, т. е. появление качественно нового языка, обязанного амальгированию, языковой миксации. В принципе эта форма образования языка может рассматриваться как одна из разновидностей взаимодействия суперстрата-субстрата, возможно как взаимодействие более или менее равнозначных участников процесса. В теории субстрата есть ослабленные позиции. Хотя в основе самого понятия «субстрат» лежит чисто геометрическое представление наложения одной плоскости на другую, в реальной действительности имело место не наложение языков, а их контактирование [158, с. 7–12].

При этом решающим было не маргинальное, а внутрирегиональное контактирование. Рассматривая образование языков с позиции теории субстрата, можно прийти к неверному выводу, о чем справедливо заметил Б. В. Горнунг, что при неоднократных наслоениях языков всегда побеждал какой-то один языковый строй, сохранявший свою основу, и что эта основа могла существовать, постоянно выходя победителем, у самых ранних представителей гомо сапиенс [39, с. 27]. Иными словами, теория субстратов пока еще недостаточно объясняет механизм появления нового языка как качественно отличного от своих генетических предшественников, а не просто новой ветви или разновидности образующегося в результате взаимодействия субстрата – суперстрата языка. Конечно, одна из причин такого положения – сама специфика отражения в языке языковых процессов. Это обстоятельство не позволяет рассматривать лингвистику в качестве единственной и решающей науки при изучении этногенетических вопросов. Язык и этнос не синонимы, и этнические процессы во многом отличаются от языковых. По этой причине не все выводы, сделанные на основании лингвистического материала, могут быть распространены на природу этнических взаимодействий. В языке слабо отражается удельный вес различных этнических компонентов, принимавших участие в этнической интеграции.

Все большую роль в изучении этногенеза стала играть археология. Археологические источники есть результат материальной деятельности людей и потому особенно ценны для изучения хозяйства, техники, быта. Важным достоинством их является хронологическая определенность. Установлено, что определенные виды археологических памятников тес-

нейшим образом связаны с этнографической особенностью людей. Даже при наличии известных культурных различий внутри этнической общности сохраняются некоторые однотипные или очень близкие между собой культурные элементы, обязанные происхождением их носителей от общего источника. К ним относится та группа памятников, которая имеет тенденцию к длительному переживанию и обладает некоторыми консервативными свойствами. Это — погребения, характер домостроительства, керамика, некоторые типы украшений. Связь их с этносом настолько значительна, что их часто называют этнически определяющими. Они — важная составная часть археологической культуры — совокупности однородных археологических памятников, распространенных в какое-то время на определенной территории. Многочисленными примерами из практики этнографических и археологических исследований было доказано наличие соответствий между археологическими культурами и этническими общностями. Это относится к неолиту и бронзовому веку, что объясняется особенностями строя и быта того времени [23; 183, с. 7]. При господстве натурального домашнего производства, слабом развитии межплеменных связей, замкнутой жизни общин и эндогамных порядках археологическая культура формировалась на основе опыта и традиций предыдущих поколений. Традиционный быт и обычаи нередко освящались религией и искусственно консервировались обычным правом. Религия с ее атрибутами может рассматриваться как один из элементов археологической культуры и хорошо выражает себя в археологических источниках. Ее можно считать также одним из факторов этнообразования и индикатором этноса, ибо, как отмечал К. Маркс, созданные отдельными народами боги «были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области» [98, с. 313].

Однако нельзя понимать тезис о соответствии археологической культуры и этнической общности буквально и упрощенно. На пути корреляции этих двух понятий немало трудностей. Прежде всего, этнос может быть представлен несколькими и достаточно отличными друг от друга археологическими культурами. Во-вторых, археологии известны и полиэтничные культуры. Наконец, на культуре не написано, какому этносу она принадлежит.

Археологи научились проследивать миграции народов, выявлять в вещественном материале отражение процессов, связанных с этническими взаимодействиями различных групп, степень участия их в этногенезе какого-то народа. Средствами одних только археологических источников возможно и решение вопросов об этнической принадлежности носителей отдельных археологических культур. Но обязательным усло-

вием таких определений является наличие генетической связи между определяемой культурой и культурой, этническая принадлежность носителей которой уже известна. Восхождение от этнически определенной археологической культуры к культуре, связанной с ней по происхождению, позволяет последовательно отодвигать этническую историю народа все дальше в глубь веков. Создание такой цепи генетически связанных между собой культур составляет сущность ретроспективного метода в археологии.

При всей убедительности и логичности такого метода решения этногенетических вопросов в археологии он далеко не беспорен. Само нахождение и обоснование генетических связей между культурами дело непростое, этот метод не исключает возможности выхода за пределы определенного этноса даже при наличии генетических связей между культурами. Потому что как в формировании этноса, так и в сложении археологической культуры могут участвовать разные в этническом отношении группы.

Культура может иметь не одного, а двух и более предшественников. И может возникнуть неразрешимая проблема, по какому пути двигаться дальше. В частности, носителю какой из культур обязан своим языком носитель новой культуры, возникшей на базе нескольких предшествующих? Более того, время существования этносов исторически ограничено определенными хронологическими рамками. Потому в своем продвижении в глубь веков по ступенькам археологической лестницы практически можно добраться до самых истоков формирования какого-то народа, но вместе с тем сохраняется потенциальная опасность того, что можно не заметить границы, отделяющей этот народ от предшествовавшего ему этнического образования, хотя и связанного с ним генетически, но представлявшего собой лишь его этнический компонент, качественно иное явление.

В этом состоит одна из существеннейших особенностей изучения этногенеза на основании археологических материалов. Вот почему следует с осторожностью подходить к попыткам решать этногенетические проблемы только средствами археологии. И вот почему необходимы совместные усилия различных наук. Очень часто археологический источник нуждается в корректировке со стороны лингвистики и других наук.

Наибольшие дискуссии вызывает вопрос о возможности археологического материала, материальной культуры вообще отражать этническую специфику. Высказывается мнение, что археология, по крайней мере на современном уровне ее развития, не располагает надежной методикой вскрытия этнических детерминативов [76, с. 18]. Ставится под сомнение тезис о соответствии этносам археологических культур. Среди самих

специалистов нередки споры о критериях, на основании которых выделяются археологические культуры, о различиях между культурами и вариантами одной культуры. Особенно скептическое отношение к возможностям археологии делать этнические заключения заметно среди неархеологов, в частности среди лингвистов, да и среди историков. Показательно в этом смысле резкое выступление против привлечения к этногенетическим исследованиям проблемы индоевропейцев археологии, а заодно антропологии и этнологии известного лингвиста Н. С. Трубецкого. Он высмеивает тех языковедов, которые задаются вопросом: какой тип доисторической керамики должен быть приписан праиндоевропейцам? По его мнению, подобный вопрос праздный, поскольку доказать связь определенных типов материальной культуры с определенным типом языка невозможно [194, с. 69].

Конечно, ни одна археологическая находка, относящаяся к дописьменной истории, не сможет сама по себе указать, на каком языке говорил ее создатель, но это не означает, что между нею и этносом нет никакой связи. За археологической культурой, как явлением общего порядка, несомненно, скрываются реальные исторические и этнографические общности, но не во всех элементах культуры в равной степени и в разные исторические эпохи они себя проявляют, ибо не все элементы материальной культуры одинаково связаны с этнографической спецификой этноса. Характер некоторых элементов зависит и от условий географического окружения, типа хозяйства, уровня развития производительных сил, поэтому такие элементы могут выглядеть одинаково у разных этнических групп. Но этнические вопросы решаются не на основании изолированных и выборочных фактов, а на их совокупности. Совокупность различных признаков предполагает и само понятие «археологическая культура». Этнография очень четко фиксирует связь этнографических групп с определенным типом материальной культуры и убедительно выделяет отдельные ее элементы, которые бывают присущи именно данной этнографической группе или совокупности родственных групп. Поскольку сама материальная культура является одним из необходимых условий и проявлений этноса, она должна быть и его отражением. И нет принципиальной разницы между этнографией и археологией в изучении и этнической интерпретации материальной культуры [173, с. 29]. Как в этнографии, так и в археологии специфические особенности выступают как сумма коррелирующихся признаков. Мобилизация максимального числа признаков представляется наиболее желательной, обеспечивающей успех в научном поиске. Однако нередко из-за недостатка материала археология вы-

нуждена оперировать отдельными, иногда единичными признаками [185, с. 29].

Для периода развитого родового строя наиболее существенную этногенетическую информацию содержат такие виды или элементы материальной культуры, как керамика, домостроительство, погребения, в отдельных случаях также некоторые типы орудий.

Ценность керамики состоит в ее массовости, длительности переживания и соповторяемости. Из-за своей хрупкости и неограниченности сырьевой базы она, как правило, не являлась предметом обмена. Необходимость постоянно обновлять фонд посуды делает керамику наилучшим индикатором хронологических изменений.

Изделия из керамики заключают в себе гамму всевозможных признаков, связанных с формой сосудов, техникой и технологией их изготовления, орнаментацией и т. д. Каждая характеристика керамики, в свою очередь, имеет ряд признаков. Так, понятие «форма» определяется посредством таких признаков: форма самого сосуда, его венчика, шейки, плечика, стенок, днищ [49, с. 60]. Корреляция этих признаков позволяет делать надежные исторические выводы. Доказана устойчивость форм сосудов во времени, зависимость ее от орнамента и связь с определенными этнографическими группами [178, с. 15].

Большое внимание при изучении керамики уделяется ее орнаментике, потому что орнамент, судя по тому, что он повторяется на предметах различного назначения и даже в племенной татуировке, выполнял не только эстетическую нагрузку. Археологи выявляют единые орнаментальные мотивы на предметах различного назначения как в пределах одного памятника, так и среди памятников, близких между собой по различным показателям, что позволяет говорить о племенном характере определенных орнаментальных мотивов [200, с. 73]. Этнографически засвидетельствовано совпадение характера татуировки на людях и скульптуре, а находки человеческих изображений с воспроизведением татуировки позволяют предполагать, что и в древнем родовом обществе не только существовала татуировка, но и носила племенной характер [120, с. 136]. Особенно богатую орнаментацию содержит неолитическая керамика. Этнографический характер орнаментации керамики позволяет делать выводы о наличии или отсутствии родственных связей между носителями археологических культур, улавливать по элементам орнаментации, мотивам орнамента и технике его нанесения следы этнических взаимодействий, контактов и даже смешений. Вероятность конвергентного возникновения одинакового комплекса орнаментальных мотивов у различных племен, как показывают этнографические исследования, чрезвычайно мала [65, с. 369–434]. Возможность

аналогизирования особенностей домостроительства с этническими общностями доказана и признана как в этнографической, так и археологической науках. Хотя характер жилых и хозяйственных построек зависит от многих факторов (природные условия, уровень развития общества, социальное положение владельцев и т. д.), многие черты в типе построек, строительной технике, планировке, устройстве очагов сохраняют устойчивую традиционность и явно имеют этнографическую окраску. Поэтому постройки не только являются важным элементом археологической культуры, но и имеют непосредственное отношение к источникам по этнической истории. Использование в качестве одного из определителей археологической культуры типа построек повышает возможность идентификации археологической культуры с этнической общностью. К сожалению, находки жилищ не так часты, как хотелось бы. Потому при характеристике археологических культур иногда приходится довольствоваться небольшим количеством открытых построек, что затрудняет выявление характерного для данной культуры типа постройки, поскольку возможно одновременное существование нескольких типов (зимних, летних и др.).

Погребения как элемент археологической культуры – противоречивый с точки зрения его этнической интерпретации объект. С одной стороны, устройство могил, погребальный инвентарь непосредственно связаны с материальной культурой, с другой – погребения с его обрядовой стороной близко стоят к духовной культуре. В археологии зафиксировано немало случаев распространения на обширной территории одинакового или сходного типа погребений. По погребениям были выделены и целые культуры или культурно-исторические области (курганная культура, культура длинных курганов, различные культуры полей погребений и др.). Известны попытки племенного членения по некоторым отличиям в погребальном обряде [161].

В древности, когда мировые религии еще не охватили различные этносы, местные религии, охватывавшие небольшие ареалы, могли совпадать с племенем или группой родственных племен. Если бы имелись точные доказательства, что данному племени или группе родственных племен был присущ совершенно определенный вид погребений, то этот элемент археологической культуры мог бы быть надежным индикатором этнических общностей. Но на практике дело выглядит значительно сложнее. Известны случаи, когда членов даже одного рода хоронили различным образом, в зависимости от их положения в обществе, характера смерти, возраста, результатов гадания над покойником, географических особенностей местности [44, с. 47, 61]. Обычай христиан хоронить не-

крещеных и самоубийц за оградой кладбища мог быть легко принят при незнании такого обычая за свидетельство разноэтничности или смены населения. С другой стороны, даже в древности сходные обряды захоронений иногда распространялись на такой большой территории (поля погребений), что невозможно допустить их принадлежность только одному этносу. Следовательно, погребения как элемент археологической культуры далеко не всегда могут рассматриваться в качестве определителя этнических общностей и должны использоваться только в комплексе с другими элементами культуры.

Несколько слов о возможности применения в качестве этнических определителей некоторых других элементов материальной культуры, в частности орудий труда, кремневого инвентаря.

Очевидно, что тип, форма, материал орудий зависят от уровня развития техники, господствующей формы или типа хозяйства, от особенностей географической среды и местных условий вообще. Исходя из этих соображений, можно было бы априорно говорить об отсутствии связи между орудиями труда и этносом. Однако это не так. Этнография, выводы которой должны учитываться при изучении археологических находок, хорошо показала наличие этнических различий в орудиях труда. В. Р. Кабо, посвятивший специальную работу каменным орудиям австралийцев, приходит к выводу, что свои изделия они предназначают в основном для потребления внутри племени, что эти изделия не только часто отличаются от подобных изделий, изготовленных в соседних племенных ареалах, но и не подражают им, даже тогда, когда имеется чужой образец и подходящий материал. Приводятся примеры коренных различий в технике обработки каменных изделий у соседствующих племен [67, с. 5, 83, 94]. Более того, в трудах авторитетнейших ученых ставится под сомнение тезис, который принимался на основании простой логики, о связи между обликом кремневого инвентаря и спецификой хозяйства. А. А. Формозов, проанализировав список фауны с мезолитических стоянок и кремневый инвентарь, пришел к выводу, что прямой связи между характером охоты и типами орудий не наблюдается [199, с. 11].

Значительно ощутимее связь между локальными различиями в орудиях и техническими традициями. Сами же традиции являются выражением определенной общности людей. Исходя из наблюдений над типами и формами кремневых изделий, А. А. Формозов один из первых проследил развитие локальных вариантов материальной культуры в каменном веке на территории европейской части бывшего СССР, отметив длительное существование таких различий и преемственность в раз-

витии производственного и бытового инвентаря внутри отдельных районов. Была тем самым показана пригодность каменных орудий для изучения этнической истории [198, с. 39–42]. Совпадение ареалов культурных общностей, выделенных на основании мезолитического кремневого инвентаря, с ареалами неолитических культур, в основе определения которых лежит керамика, обнаруживается и на территории Беларуси [51, с. 25–31].

Наиболее убедительные материалы дает анализ каменного инвентаря из археологических памятников, находящихся в одинаковых географических условиях и связанных с одинаковым типом хозяйства, поскольку выявляющиеся различия в орудиях уже никак не могут быть объяснены типом хозяйства, а вероятнее всего связаны с местными традициями этнического порядка.

Конечно, по одним особенностям в формах и типах орудий, как и других массовых археологических находок, можно лишь предполагать этническое своеобразие их создателей, но одного этого еще недостаточно для установления этнического имени культурной общности.

Итак, археологическая наука научилась по разным признакам выделять культурно-исторические общности (археологические культуры), может точно локализовать их, определить время существования, проследить их формирование, выявить культурные компоненты, принимавшие участие в их сложении, видеть пространственные перемещения этих общностей и характер отношений между различными культурными группами. Они предстают как живые организмы и правомерно связывать жизнь этих историко-культурных общностей с жизнью особых, различающихся материальной культурой и этнической принадлежностью человеческих сообществ. Наконец, сильной стороной археологии является ее способность реконструировать быт и хозяйственные занятия носителей археологических культур. Все это и создает условия для сопоставлений данных археологии и лингвистики, дополняющих друг друга.

Как и в лингвистике, в археологии часто наблюдается возникновение внутри некогда единой культуры локальных вариантов. В этом смысле развитие некоторых культур напоминает известное по лингвистическим наблюдениям процесс дифференциации. Причем чаще всего локальные варианты развиваются в двух случаях: при распространении культуры на большую территорию в результате миграции и в результате действия местных субстратов, если мигранты смешивались с местным населением. В археологии нередки случаи совпадения ареалов локальных вариантов культуры с ареалами предшествовавших им самостоятельных археологических культур [180, с. 46]. Локальные варианты одной культуры

со временем могут превратиться в самостоятельные археологические культуры. Возникает группа родственных археологических культур. Подобное имело место с культурой пражского типа, в которой исследователи видят последнюю археологическую культуру неразделившихся славян (праславян). С распространением этой культуры на украинскую Волынь в ней сформировался постепенно особый волынский вариант (культура типа Корчак). На Балканском полуострове культура пражского типа тоже скоро претерпела сильную трансформацию. Все это напоминает языковые процессы и позволяет предполагать, что в обоих источниках получают отражение одни и те же явления этнической дифференциации. В связи с этим можно сформулировать два важных положения, которые следует учитывать при решении этногенетических вопросов:

1. Если дифференциация археологической культуры вызывается действием территориального фактора или субстратом, то первоначальная территория формирующейся археологической культуры не должна быть слишком большой.

2. Поскольку дифференциация культуры и возникновение локальных вариантов – процесс вторичный, предпочтительнее предположение, что формирующийся этнос первоначально должен быть представлен одной, а не несколькими археологическими культурами. Не исключены, однако, и случаи интеграции различных этнокультурных элементов в одну, более крупную культурно-историческую общность, что наблюдалось в мезолите [199].

Большие возможности в решении этногенетических проблем связаны с антропологической наукой. По ряду специфических антропологических признаков, присущих определенным народам как в настоящем, так и в прошлом, можно наметить ареалы древних популяций, генетическую линию развития, обнаружить смешение различных этнических групп. Привлечение антропологического материала стало особенно возможным в решении этногенетических вопросов в последнее время в результате больших успехов, достигнутых в методологии и методике антропологических исследований. Имеется уже удачный опыт сопоставлений антропологического типа, историко-этнографической области, этнической и языковой групп. Прослежена связь между антропологическими типами и этническими границами.

Отмечается, что с точки зрения этногенеза антропологический материал как исторический источник представляет особый интерес и надежность при изучении ранних эпох истории человечества, так как большинство антропологических особенностей изменяется во времени

медленно, но стабильно. В отличие от них язык и культурные признаки меняются быстрее. Отсюда и возникающее на определенном этапе несовпадение антропологических и культурно-языковых явлений [4, с. 173–195]. Но антропология очень четко фиксирует появление новых антропологических типов, связанных с миграцией нового населения, что очень важно в свете проблемы расселения индоевропейцев и смешения их с местным населением. Антропология может дать свой независимый материал, указывающий на источник такого расселения. Современные методы антропологических исследований позволяют выделить географические зоны, установить степень генетической близости различных популяций и наметить пути распространения носителей генотипа. Все это позволяет предвидеть большое будущее антропологической науки в решении этногенетических проблем.

Рассмотренные нами вопросы по теории этногенеза и о возможностях различных источников в решении этногенетических проблем и вытекающие отсюда выводы, несомненно, должны учитываться и быть использованы в раскрытии заявленной темы о происхождении и расселении славян, особенно при поисках их прародины и установления времени возникновения славянского этноса. Именно теория открывает возможности для нового подхода к решению поставленных задач.

Глава 1

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ И ТЕРРИТОРИИ ИХ ОБИТАНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Известия древних авторов о славянах долгое время оставались единственным источником по проблеме славянского этногенеза. И теперь, после бурного развития лингвистики, археологии, антропологии и этнологии, они не утратили своего значения. С их анализа традиционно начинают историю славян. И это тем более важно, поскольку появилась возможность сопоставить свидетельства древних авторов о славянах с выводами по славянскому этногенезу других наук.

Несомненно также и то, что первые известия древних авторов о славянах, пусть крайне скудные, разрозненные и достаточно противоречивые, исключительно важны в поисках славянской прародины.

Историография, связанная с интерпретацией этого источника, наиболее солидная. Она насчитывает уже около трех веков и имеет в своем активе ряд блестящих изысканий. Понятно, что ни одна работа, посвященная ранней истории славян, не обходит вниманием этот источник. Однако наша задача не в том, чтобы пересказать мнения историков по поводу содержащихся в них фактов (эти мнения очень различны), а в том, чтобы еще раз обратиться к самим фактам, которые бы позволили получить представление о территории, какую занимали тогда славяне. К сожалению, со славянским миром античные авторы столкнулись поздно. Их страну, как и другие народы Центральной и Восточной Европы, удаленные от древних культурных центров, они знали плохо и в основном пересказали то, что слышали от других. Это объясняет не только фрагментарность, но и неточность, противоречивость сообщаемых ими сведений о славянах.

Славяне в то время представляли совокупность различных племен со своими названиями, которые могли меняться, и многие из них к ран-

нему Средневековью уже вышли из употребления и не были известны ни античным, ни восточным авторам. Многие наименования славян, которые были воспроизведены античными авторами, уже в Средневековье были забыты.

Известно, что самоназвания народов далеко не всегда совпадают с именами, которые им дают другие народы, даже их непосредственные соседи. К тому же они далеко не прозрачны, и необходимы специальные лингвистические и исторические исследования, чтобы объяснить их этимологию. Впрочем, в их интерпретации и профессионалы далеко не всегда согласны друг с другом.

Под своим настоящим именем славяне впервые появились в письменных источниках только в VI в., но и тогда оно не было единственным и общим наименованием всех славян. Поэтому допустимо, что в труды различных древних авторов могли попасть наименования или разных славянских племен, или разные названия одних и тех же племен, под которыми они были известны у других народов. Более того, под славянским именем могли скрываться и неславянские народы, что мы покажем ниже. Все это создает дополнительные трудности при интерпретации древних источников и в попытках исследователей соотнести различные этнонимы со славянами.

Конечно, следует учитывать, что время появления самих славян отстоит на несколько тысяч лет от того момента, прежде чем они попали на страницы письменных источников. Поэтому сведения древних авторов помогут составить суждения об их нравах, обычаях, мировоззрении, общественном устройстве и т. д., прежде всего на тот момент.

При множестве существующих концепций, объясняющих происхождение этнонима «славяне», нелегко отдать предпочтение какой-то из них. К тому же не исключено, что славяне могли иметь другое самоназвание или до какого-то времени вообще не иметь его. Известно, что германцы и балты не имели или не сохранили общего самоназвания [94, с. 47; 191]. Заслуживает внимания мнение, что славяне прежде имели другое общее самоназвание – себры.

Древние авторы могли не знать этнонима, каким называли себя сами славяне, и пользовались названиями, которые им дали другие народы. Но и эти этнонимы могли быть сильно искажены либо самими авторами, либо теми, от кого они о них узнали. Поэтому и названия, под которыми славяне были известны у других народов, в том числе и ближайших их соседей, не только могли быть разными, но и не имели ничего общего с самоназванием. Так, еще относительно недавно немцы называли славян венедами, латыши – кривами. Константин Багрянородный называл турками венгров, сами же венгры называли себя гуннами. По-

этому найти славян среди множества этнонимов, встречающихся в работах древних авторов, сложно, а чаще — просто невозможно. Интерпретация этого источника многовариантна, и никакие упрощения здесь недопустимы.

1.1. ВЕНЕДЫ, СКЛАВЕНЫ, АНТЫ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Впервые под собственным именем славяне названы в работе римского епископа Иордана, гота по происхождению, жившего в VI в. н. э.

В своей книге, посвященной истории германского племени готов, он дал описание многих племен Европы, судьбы которых, так или иначе, пересекались с готами. Среди них он называет большой народ венедов, в состав которых, кроме прочих, входили также и славяне. Приведем цитаты из его книги: «Хотя их (венедов. — Э. З.) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами». И далее: «Эти (венеды), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов».

Прозрачность этнонима «склавены», его близость по звучанию к теперешнему самоназванию славян дает ученым надежные основания говорить, что в склавенах следует видеть исторических славян. Столь же очевидным в свете сообщения Иордана представляется славянство венедов и антов. Лучшим подтверждением допустимости отождествления славян и венедов является то, что имя «венеды» славяне сохраняли долгое время, и оно или его производные вошли в целый ряд других языков для обозначения славян. Алкуин (ок. 735–804 гг.) прямо писал, что славян в его время называли венедками [71, с. 17]. Словом *Wenden, Winden* в немецком языке обозначали полабских славян, а также лужичан (славян-сорбов), сохранившихся в Германии до наших дней. Средневековые английские авторы именами *Winedas, Winlandia* называли поморских славян и одновременно область на севере Германии, где они тогда обитали. В датском языке для обозначения славян служило слово *Vender*, в скандинавском — *Vindr*. В Средневековье венедское население было настолько мощным, что, по словам исландского историка XII в. Снорри Стурлуссона, «Европа зовется иначе Энетией» [71, с. 23]. Этимологическая связь между терминами «Энетия» и «венет», «венед» более чем вероятна. Из германских языков это слово перешло в финно-угорские (по-фински Россия — *Venaja, Venaa, Venat*).

Вывод о том, что славяне (скламены) и венеды — два имени одного и того же народа, представляет особый интерес, прежде всего потому, что этноним «венеды» в различных вариантах встречается в письменных источниках значительно раньше, чем термин «скламены», и это позволяет продлить письменную историю славян дальше в глубь веков.

Предполагается, что уже у Гесиода и Геродота можно найти упоминание о венедах в их рассказе о янтаре, который происходит из земли генетов или енетов. Упомянутые ими генеты или енеты, видимо, — позднейшие венеды [117, с. 39]. Возможно, о венедах идет речь и в пересказанном Помпонием Мелой и Плинием сообщении Корнелия Непота о том, как около 60 г. до н. э. римский проконсул в Галлии Квинт Метеллий Целер получил в подарок от вождя батавов каких-то «индов», чьи суда будто были занесены бурей из «Индийского океана» в Северное море и прибиты к берегам Западной Германии. Полагают, что в этом сообщении «инды» — искаженное слово «венды». Впрочем, связь данного рассказа со славянами некоторыми исследователями ставится под сомнение, ибо по данным письменных источников известно также о существовании в Галлии так называемых венетов-амориканцев. В связи с этим, отмечает Г. Ловмянский, «существует большая возможность выбора одного из западных венедских названий как эквивалента индов Корнелия Непоты. Увязывание их со славянскими венедами — наименее правдоподобное решение проблемы или даже вообще неправдоподобное».

Приблизительно 120 лет спустя после истории с индами римский автор Плиний в своей «Естественной истории» (написана около 77 г. н. э.) также упоминает венедов (*Venedi, Veneti, Venadi*) и помещает их в Прибалтике между Вислой на востоке и германским племенем ингвеонов, соседствовавшими с ними на западе. Последние расселились на востоке до низовьев Эльбы. «Некоторые передают, — пишет Плиний, — что эти земли до реки Вислы обитаемы сарматами, венедами, свирами и гиррами».

Еще через двадцать лет о венедах упомянул римский историк Тацит в своей книге «Германия» (написана в 98 г.). «Здесь конец Свебии, — пишет он. — Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю... Венеды переняли многое от их (певкинов) нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

Из приведенного отрывка видно, что Тацит предпочитает объединять венедов с германцами только на основании сходства их образа жизни. В понимании Тацита германцы это совокупность племен, обладавших некоторыми специфическими этнографическими чертами, что позво-

ляет ему отличать их от степных сарматов. Однако сходство образа жизни и уровня развития германцев и венедов вовсе не исключает языковых различий между ними. Несколько раз упоминает венедов в своем «Географическом руководстве» александрийский астроном, математик и географ Клавдий Птолемей (умер около 160 г. н. э. или около 178 г.). В третьем томе «Географии» он пишет: «Сарматию занимают очень большие племена: веныды вдоль всего Венедского залива». Сарматию Птолемей помещал между Вислой, Доном, Карпатами и Балтийским морем («Сарматским заливом»). Название «венеды» встречается и в «*Markians's periplus*» (около 400 г.).

В работах древних авторов можно найти и другие упоминания о народах, в которых некоторые исследователи считают возможным видеть венедов-славян. Но места, с которыми их связывают источники, не совпадают с той территорией, которую занимали веныды, как это представляется из приведенных выше свидетельств. Поэтому считаем необходимым снова вернуться к этим свидетельствам, чтобы представить себе место обитания венедов.

Здесь мы, однако, встречаемся с немалыми трудностями. Сложность состоит не только в том, что географические сведения у древних авторов, как и их информация об этносах, столь же фрагментарны и неточны, но и потому, что сами географические названия, которые мы встречаем в античных и средневековых источниках, отличаются от современных. Так, если р. Вистула в древних документах еще может быть сопоставлена с Вислой, то по поводу названий «Венедский залив», «Венедское море», «Венедские горы» и др. у исследователей нет согласия в их аналогах на современной географической карте. Так, Венедский залив античных источников считают Балтикой в целом С. Роспонд, К. Тыменецкий; юго-восточной Балтикой — М. Рудницкий (он допускает, что это могла быть и южная Балтика), В. Коваленко; восточной Балтикой — А. Д. Удальцов. С Гданьским заливом связывают его Т. Сулимирский, Т. Лер-Сплавиньский, Я. Филип, А. Сенн (допускает также устье Вислы), Г. Шелесникер (допускает также Рижский залив).

Еще большие расхождения обнаруживаются относительно идентификации Венедских гор. Карпатами их считают Г. Шелесникер, К. Тыменецкий, А. Наш (допускает также Лысье горы), М. Рудницкий (допускает также Судеты). Свентокшискими горами считают их Т. Лер-Сплавиньский, С. Роспонд; возвышениями Мазурского Поозерья — Г. Ловмянский, Т. Стех; Валдаем — В. Кентршиньский; Дылевской горой или Силезской возвышенностью — Е. Поляшек. Имеются и другие мнения.

По Плинию, восточная граница расселения венедов указана прямо: она проходила по Висле. Западную можно вывести на основании его сообщения, что западными соседями венедов было германское племя

ингвеонов, чья территория расселения на востоке достигала низовья Эльбы. Следовательно, в I в. н. э. по Плинию, славяне (венеды) занимали территорию между Эльбой и Вислой. Как они уживались здесь с сарматами, свирами и гиррами, сказать ничего нельзя. Похоже, что и сам Плиний все это представлял себе плохо, ибо передает только мнение других, что ему приходилось слышать или читать. В данном случае источник, которым он пользовался, не назван.

Пожалуй, наиболее подробные данные о локализации венедов мы находим у Птолемея. Из его работы вырисовывается более широкая локализация венедов. Во-первых, они, по его словам, расселялись по всему Венедскому заливу, который Птолемей относил к Сарматскому океану. В залив, кроме Вистулы, впадают реки Хрон, Рубон, Турунт, Хесин. Вторых, с локализацией венедов, несомненно, связаны, что следует из самого названия, «Венедские горы», которые упомянуты им в списке гор европейской Сарматии. На VIII карте Птолемея Венедские горы помещены восточнее среднего течения Вистулы параллельно берегу Венедского залива до р. Хрон. Самих венедов Птолемей помещает на карте к востоку от Вистулы, между Венедскими горами и Венедским заливом. На западе они достигают р. Хесин. Здесь не все ясно. Если венеды живут к востоку от Вислы, то, следовательно, и р. Хесин находится восточнее Вислы. Что это за река — Буг, Неман или Двина — не ясно.

Не совсем понятно следующее место у Птолемея: «Около реки Вистулы, ниже венедов — гитоны, затем финны, далее сулоны...» С одной стороны, он помещает венедов вдоль всего Венедского залива, с другой — в низовьях Вислы между ними и, по всей видимости, Венедским заливом, по его словам, проживали гитоны, финны и сулоны. Можно предположить, что такое размещение указанных народов имело место к востоку от низовьев Вислы.

Певкинов, с которыми, по Плинию, соседствовали венеды, Птолемей помещает «выше Дакии». Местонахождение Дакии достаточно определенно указывается в источниках, поскольку она находилась к югу от Карпат и была лучше известна древним авторам. То, что венеды были отделены от Дакии только певкинами, может свидетельствовать о том, что славянский ареал не ограничивался нижним Повисленьем и областью Венедского залива. Он простирался далеко на юг, по меньшей мере до Карпатских гор, которые, как мы уже отмечали, исследователями отождествляются с Венедскими горами.

Интересные данные, связанные с локализацией венедов, содержатся в Певтинговых таблицах, или Певтинговой карте (рис. 1), и вступительной записке к ней. Таблица, представляющая собой дорожные карты Римской империи, была скопирована в XIII в. из древних доку-

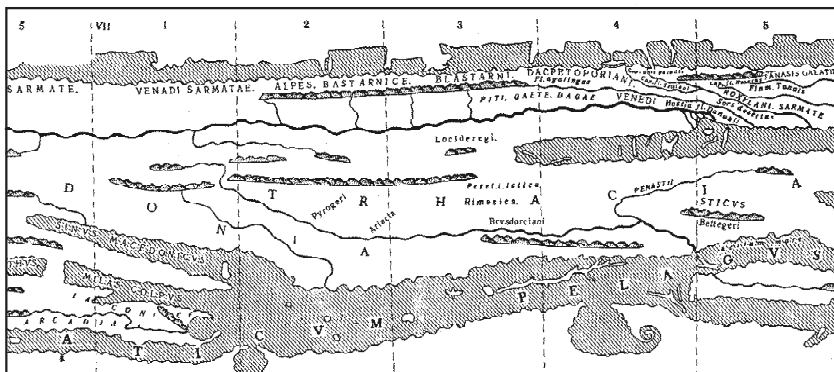

Рис 1. Часть Певтингеровой карты с этнонимами venadi и venedi (2000)

ментов и отразила ситуацию II–IV вв. н. э. Л. Нидерле был склонен датировать их III в. н. э. [117, с. 38]. Венеды на ней помещены дважды. Один раз в Дакии, между Дунаем (*Danabu*) и Днестром (*Agalingu*), к юго-востоку от Карпат, в таком порядке: гепиды, геты, даки, венеды.

Другой раз венеды обозначены южнее Балтики, к северо-востоку от Карпат. Полагают, что на карте зафиксированы две группы венедов, с которыми познакомились античные авторы. Однако то обстоятельство, что они упомянуты при описании двух разных маршрутов, можно объяснить как свидетельство расселения венедов на обширных пространствах Европы.

Еще более пространно дано описание страны венедов у Иордана. «У левого их склона (имеются в виду Карпаты. — Э. З.), спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов» [66, с. 71]. Из отрывка следует, что территория венедов на юге начиналась от Карпат и верховьев Вислы, простираясь далее далеко на север.

Доказательством, что славяне жили в области Карпат и среднего Дуная (*Danube*), может служить сообщение, которое послал в 448 г. византийскому императору ратор и философ Приск (*Priscus*). В нем он пишет, что по пути к знаменитому «королю гуннов» Атилле (*Attila*), чья ставка находилась в средневенгерской степи, он встретил людей, которые угостили его пшеничным хлебом и спиртным напитком, названным *medos* (*mead*, мед. — Э. З.). Хотя их и называют скифами (так тогда называли готов), но они не были готами, что видно из следующего замечания Приска. Этот народ, по его словам, «легко овладевает не только родным языком, но и другими языками, а именно: латинским и готским».

У Иордана мы находим описание похоронных поминок у могилы Аттилы. Пиршество («*kar*»), устроенное по этому случаю, он называет местным названием «*strava*». «После того, как он (Аттила. — Э. З.) был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные (чувства), выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием» [66, с. 90].

Название напитка из меда и описанная похоронная тризна, как думают, могут быть доказательством славянского расселения в том регионе. В своей работе «О происхождении и деяниях гетов» Иордан дает дополнительную информацию о размещении славян, рассказывая об их совместной с готами войне с Римской империей в низовьях Дуная [66, с. 117]. Это событие датировано IV в. н. э. И хотя Иордан жил в VI в., известно, что его труд базируется на более древних письменных записях, которые ему были доступны.

Византийский историк Прокопий Кесарийский рассказывает об одном интересном для нас эпизоде: немецкое племя *Heruli*, продвигаясь около 512 г. из Паннонии в направлении к нижнему течению Эльбы, вошло в контакт со славянским населением, которое, по его словам, не проявило к нему враждебного отношения.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что к тому времени, когда античным историкам и географам довелось познакомиться с составом населения средней Европы, славяне под именем венедов представляли собой один из крупнейших коренных народов, занимавших обширную территорию между Балтийским морем на севере и Карпатами на юге, между Эльбой на западе и Вислой на востоке.

Следует, однако, сказать, что задолго до Иордана, почти на тысячу лет раньше, о народе, известном под именем Пафлагонских венедов, упоминает Геродот. Они, по его мнению, были родственны иранскому племени мидийцев. Впрочем, близкий этноним «генет» встречается даже в гомеровской «Илиаде»: «Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце, выведший их из Генет, где стады дикие мески». Правда, еще в древности полагали, что здесь под именем генетов имеется в виду не народ, а город Энеты. У Тита Ливия говорится о том, что некие Эвганеи жили между Аттикой и Адриатическим морем. Затем они были вытеснены генетами, прибывшими из Малой Азии. Страбон тоже полагал, что адриатические или италийские венеты являются выходцами из Пафлагонии, области в Малой Азии.

Представляется очевидным, что, кроме славян, этнонимом «венеды» (венеты) иногда обозначались и другие народы, по меньшей мере три группы: галльская, италийская и прибалтийская. С галльскими венедо-

ми почти все исследователи связывают кельтов. С италийскими одни отождествляют тоже кельтов, другие — иллирийцев. В прибалтийских венедах, помимо славян, возможно, скрывается часть древних балтских племен. Несмотря на то что большая группа очень авторитетных ученых (М. И. Артамонов, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, С. Н. Толстов) были склонны видеть в прибалтийских венедах славян, однозначно ответить на этот вопрос без привлечения археологических материалов едва ли возможно. Анализируя работы древних авторов, далеко не всегда очевиден смысл отдельных этнонимов, означал ли тот или иной этноним имя самого этноса или жителей страны с таким названием. Естественно, что если подразумевалось второе, то различные народы могли быть названы одинаковым именем. В римских источниках под термином «германцы» нередко фигурируют просто жители Германии как особой области Европы, и совсем не обязательно племена германской этнической группы. То же можно сказать и о жителях северных областей европейской Сарматии, которые ни в коем случае не были ираноязычными сарматами. Подобным образом могли называться венедами и неславянские народы Европы. Выше мы уже приводили свидетельство исландского историка XII в. Стурлуссона о том, что Европу называли также Энетией.

Некоторые совпадения в названиях народов, близкие или совпадающие с этнонимом «венеды», едва ли дают право расширять территорию исторических славян-венедов до тех мест, где зафиксированы подобные названия, и включать в нее, например, Францию, Аппенинский полуостров или Малую Азию, состав населения которых хорошо известен из других источников. Возможны и простые совпадения в этнонимах. Латышей, например, часть эстонцев называют термином «ведде» и «видде». Не так далеко от этого этнонима стоит и название «воть», которым обозначен в русских летописях один из финно-угорских народов. В. П. Кобычев сближает название «води» с именем древнегерманского бога-героя Одина.

Толкование этнонимов всегда привлекательное занятие, но далеко не всегда надежное. Даже этимология слова «славяне» имеет несколько объяснений.

Что касается этнонима «венеды», то в литературе высказывалось предположение, что он мог быть связан с некоторыми географическими особенностями страны их обитания, отличавшейся повышенной влажностью, возможно подвергавшейся периодически затоплению. Надеждин еще в 30-х гг. XIX в. полагал, что название «венд-вент» прилагалось к населению «мокрого» побережья Балтики и означало «житель влажной страны».

После прихода сюда славян это имя могло быть перенесено на часть поселившихся здесь славян, так же как и на часть германцев – вандалов [71, с. 23]. Скорее всего, лингвистика еще не сказала по этому поводу своего последнего слова.

Попытки использовать топонимику для установления территории обитания венедов не дали должного результата.

Топонимы с основой *венд-вент* имеют широкое распространение. Они известны и в Италии, и в Британии, и в Галлии, и в Скандинавии, и даже в Малой Азии.

Сегодня все согласны с тем, что названные *Venedi*, или *Veneti*, имеют отношение к славянам. Но это название имело два значения. Первоначально германцы использовали его для обозначения неславянского населения, жившего на территории современной Франции, на север от Адриатического моря, в Центральной Европе и части Польши, которые были в основном восточными соседями германцев.

Славяне занимали обширную территорию к югу, западу и востоку от германцев, еще, по всей видимости, не вышедших далеко за пределы Ютландского полуострова – в этом-то и ценность источника, зафиксировавшего уже в те времена широкое расселение славян.

Но германцы применяли этот термин, обозначавший неславянские племена, и по отношению к своим новым соседям. Именно под таким названием славяне существовали до VI в. н. э.

Как уже говорилось, помимо склавен, второй крупнейшей группой венедов Иордан называет антов. Это и послужило основанием относить их к славянам. Самое раннее упоминание о них датируется 376 г., когда, по сообщению того же Иордана, имевшего, как думают, в своем распоряжении более древние источники, готский король Винитар напал на антов и одержал над ними победу в трудном сражении. Он убил их «царя» Божу, его сыновей и 70 старейшин.

Интересные сведения об антах имеются у Прокопия Кесарийского, жившего в том же VI в., что и Иордан. У него анты соседи славян и мало чем от них отличаются. По свидетельству Прокопия, «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же... У тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга».

Почему почти не различимые между собой по языку, внешнему виду, обычаям и месту обитания анты и склавы имеют разные наименования, источники не объясняют. Можно допустить, что это были разные союзы славянских племен.

В трудах Иордана и Прокопия мы находим некоторые сведения об истории антов и территории их обитания. Так, Иордан помещает их между Днестром и Днепром. По свидетельству Прокопия, анты были

соседями славян и, как и славяне, «имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега», очевидно на ее левом (северном) побережье.

Именно оттуда, по словам Прокопия, в 533 г. анты, перейдя Истр (Дунай. — Э. 3.) с большим войском, вторглись в пределы римлян.

По Л. Нидерле, об области антов сохранилась память в «лангобардской традиции» [117, с. 139].

Все сообщения говорят о набегах антов на балканские владения Византии со стороны низовьев Дуная. Два византийских императора Юстиниан и Юстин в знак своих побед над антами присоединили к своим титулам наименование «антский». Из этих свидетельств можно было бы сделать вывод, что анты занимали более южные области славянского ареала. Однако, анализируя замечания Прокопия о территории антов, не покидает ощущение того, что автор, возможно, что-то напутал. У него не только анты, но и «славяне» живут на северном берегу Дуная без указания на то, где проходила граница между ними, кто из них располагался западнее или восточнее, южнее или севернее относительно друг друга. И являются ли «славяне» Прокопия той же группой венедов, которую Иордан называет «склавенами»? Эти вопросы возникают еще с большей силой, когда мы обнаруживаем у Прокопия и Иордана новое определение территории, какую занимали в то время анты. Иордан прямо говорит о том, что анты жили между Днестром и Днепром. У Прокопия же в другом сообщении их территория на востоке простирается далеко за Днепр, и их южными соседями являются азовские болгары. Именно там, по его словам, «занимают землю бесчисленные племена антов».

В конце 50-х или в 60-х гг. VI в. анты подверглись нападению со стороны аваров, которые, пройдя, по-видимому, через антские земли, к 568 г. осели в Паннонии. Но анты, надо полагать, благодаря своей многочисленности и большим размерам их страны, не исчезли с исторической арены. По-видимому, какая-то их часть вступила в союз, направленный против аваров, со своим прежним противником Византией, что заставило аварского военачальника Апсиха провести в 602 г. карательный поход против антов. После этих событий упоминания об антах в письменных источниках прекратились, и их дальнейшая судьба не освещена. Трудно сказать, против какой области антов выступил Апсих. Если он ударил со стороны Паннонии, то, скорее всего, это были соседние с этой областью земли, но не отдаленные приазовские степи. Представляется странным, что источники ничего не говорят в связи с этими событиями о «склавенах», которые были не только соседями антов, но и, как утверждал Прокопий, одним с ними народом. Между тем о нашествии авар («обров») и их жестоком обращении со славянами еще помнили русские

летописцы. Все это лишний раз демонстрирует слабую информированность авторов рассматриваемых источников, что заставляет относиться к ним с достаточной долей осторожности. Ловишь себя на мысли, что в источниках речь идет о каких-то разных народах, обозначенных под именем анты, одни из которых обитали севернее Дуная, другие – в азовских и заднепровских степях, третьи – между Днестром и Днепром.

Мы уже отмечали случаи, когда разные народы фигурируют в древних источниках под одинаковым именем. В близких к рассматриваемому периоду сообщениях обширная область Центральной Европы к югу от Балтийского моря называлась Сарматией (европейской Сарматией). Между тем ираноязычный степной народ – сарматы – никогда здесь не обитал. Никогда не проживали на севере Европы и причерноморские скифы I тыс. до н. э., хотя средневековые источники включают этот край в Скифию. По имени германского племени готов, по-видимому, называли какую-то часть древнего балтского населения, проживавшего на территории Беларуси. Производным от него именем гуды литовцы называли белорусов. Названию германского племени франков обязаны своим именем романский народ французы. Все это указывает на специфичность ономастического источника и на необходимость очень осторожного обращения с ним.

Нельзя признать удачными многие и различные по своим выводам попытки исследователей связать с антами-славянами различные археологические культуры или отдельные артефакты. Большинство предположений не выходит за рамки гипотез потому, что по-разному определяются их территория.

Не касаясь подробно этой темы, отметим, что с точки зрения лингвистики территория восточноевропейской степной зоны не могла быть местом прародины славян. По данным письменных источников, лингвистики и археологии, известно, что в железном веке в I тыс. до н. э. и в первой половине I тыс. н. э. южные степи последовательно занимали ираноязычные скифы, сарматы и аланы. Западнее их, по-видимому, обитали фракийские племена. В первых веках I тыс. н. э. в Среднем Поднепровье на какое-то время обосновались готы.

Орды гуннов в IV в. н. э. в своем продвижении через эти места в Западную Европу размели и разрушили все, что было на их пути. Но трудно допустить, что с их нашествием полностью исчезли все жившие здесь до них народы с высокой культурой. После ухода полчищ гуннов на Запад жизнь постепенно возрождалась. Прежняя культура была слишком высокой и сильной, чтобы исчезнуть вовсе. Несомненно, выжила и значительная часть прежнего населения с его культурными достижениями. Нам представляется, что на основе ираноязычных аланов развилась куль-

тура нового населения, которое в этом регионе получило название антов. При таком допущении понятна локализация той части антов, которую Прокопий Кесарийский помещает в южных областях Восточной Европы до Азова и восточнее Днепра. Они не были славянами, и их имя, как считают некоторые лингвисты, имеет ираноязычную природу. Мы не исключаем того, что это имя появилось у части аланского племенного союза еще до нашествия гуннов. Видимо, на них напал в 376 г. готский король Винитар, о чем говорилось выше. Хотя из этого эпизода не ясно, где обитали анты, однако логичнее предположить, что речь в источнике идет о степных антах, обитавших восточнее готов, а не на Дунае.

Все это не совпадает с той территорией, какую тот же Иордан отводил венедам. И если анты, как утверждал Иордан, являются одной из групп венедов, то почему же он ограничивал территорию венедов на востоке Вислой, а не Днепром и не тем более Доном?

Как явствует из источников, пришедшие в Паннонию авары начали войну с антами со стороны Паннонии, т. е. с запада. Следовательно, анты оказались их восточными соседями. Но ведь, согласно Прокопию, анты занимали до этого приазовские степи и, следовательно, должны были быть разгромлены аварами уже там, а не после того как, пройдя через их территорию, расселились в Паннонии. Поскольку авары начали войну с антами с территории Паннонии, то можно заключить, что антов в Паннонии до этого не было. Кто же там был до аваров — «склавины»? А может быть анты южных степей Восточной Европы совсем другой народ и вовсе не славяне?

Нельзя ли предположить, что когда Прокопий говорил об антах как о соседях славян, он имел в виду не принадлежность их к общему этносу, а географическое соседство этих двух народов? Если это так, то снимаются многие вопросы. Занимая, по Прокопию, обширную территорию в приазовских степях, анты могли соседствовать и соприкасаться со славянами как в низовьях Дуная, так и в Днепро-Днестровском междуречье, куда их помещает Иордан. Что же касается утверждения Прокопия об их общем «довольно варварском языке», то здесь он мог и ошибаться.

Отметим, что упоминания об антах приходятся на время Великого переселения народов, участие в котором приняли и славянские племена. Поэтому не исключено, что в VI и последующих веках в источниках могут быть упомянуты те группы славян, которые расселились за пределами своей прародины. В работах античных авторов эти группы могли быть названы антами.

По Нидерле, анты, представлявшие собой союз родственных племен, не исчезли с приходом аваров и не ушли на Балканы, а остались в Южной Руси. То, что они исчезли из греческих источников, он объясняет

тем, что в VII в. Дунай уже перестал быть границей между империей и славянами, и то, что происходило севернее его, уже перестало интересоваться греков [117, с. 140]. Конечно, это тоже одна из гипотез, которую нечем подтвердить. К истории антов мы вернемся еще раз после того, как познакомимся с археологическими материалами, относящимися к этому периоду (см. главу 7).

1.2. ОБ ОТНОШЕНИИ К СЛАВЯНСКОМУ ЭТНОСУ НЕКОТОРЫХ ПЛЕМЕН, ОПИСАННЫХ ГЕРОДОТОМ

Историки давно пытаются искать упоминания о славянах уже в трудах Геродота, в которых имеются описания некоторых народов Восточной Европы. Четвертый том его известной истории греко-персидских войн действительно содержит практически первые сведения о некоторых народах Восточной Европы, попавших в поле зрения автора в связи с описанием им неудачного похода персидского царя Дария против скифов, занимавших южные степные пространства Восточной Европы. Скифам, их быту и легендарной истории посвящены интереснейшие страницы его труда. Попутно он коснулся и некоторых других народов, о которых ему приходилось слышать от греков, имевших свои города-колонии в северном Причерноморье, и от самих скифов, поддерживавших с колонистами тесные экономические и культурные связи. Надо отдать должное отцу истории Геродоту, сам он не всему верил из того, что слышал от других, но считал долгом передать эти рассказы. Многие сведения о быте и обычаях скифов позже получили блестящее подтверждение в археологических материалах и усилили доверие к Геродоту как историку.

Поскольку большинство историков убеждено в том, что славяне или, по крайней мере, их часть издревле проживали в Восточной Европе, то вполне естественен их интерес к описанным Геродотом народам этого региона, среди которых могли быть и славяне. То обстоятельство, что Геродот нигде и ни разу не назвал народа с именем славяне или с этнонимом, близким к нему по звучанию, не было препятствием к тому, чтобы отождествить со славянами некоторые упомянутые Геродотом племена с другими именами. Вопрос об этнонимах не простой, и их толкованию лингвисты уделяют много внимания.

История показывает, что названия этносов возникают и меняются самым причудливым образом. Очень редки соответствия между самоназванием и тем именем, под которым этнос известен у других народов. Даже ближайшие соседи могут называть его по-разному. История может сохранить не все имена, а только часть их или даже одно, каким не

пользовался сам народ, носитель этого имени. Первичные племенные имена в силу особых исторических обстоятельств со временем могли быть заменены именем одного какого-то племени, возвысившимся над другими или подчинившим остальные даже родственные племена. Возникновение более крупных племенных союзов может привести со временем к утрате имен первичных племен и утверждению единого названия. Следовательно, отсутствие среди упомянутых Геродотом названий племен имени «славяне» или ему созвучных еще не означает, что славян там тогда не было и что они не могли фигурировать под другими этнонимами.

Невры. Среди большого количества племен, упомянутых Геродотом, особое внимание историков привлекли невры, будины и меланхлены, в которых они считали возможным видеть славян (рис. 2).

Достаточно распространено, особенно в старой историографии, представление, что древнейшее упоминание о славянах содержится уже в четвертой книге Геродота (ок. 484–425 г. до н. э.) «Истории» (Мельпомена), где перечисляются народы, жившие к северу от скифов. Особое внимание, как уже отмечалось, привлекло упоминание о народе «невры» («неврои»), известном и более поздним авторам.

Основным доводом в пользу отождествления невров со славянами послужила локализация невров на той территории, которая поборниками этой идеи априорно считалась исконно славянской.

О месте обитания невров сам Геродот сообщает следующее: «От торгового города борисфенитов (имеется в виду Ольвия. — Э. З.)... первыми

Рис. 2. Карта Геродотовой Скифии (по Третьякову, 2005)

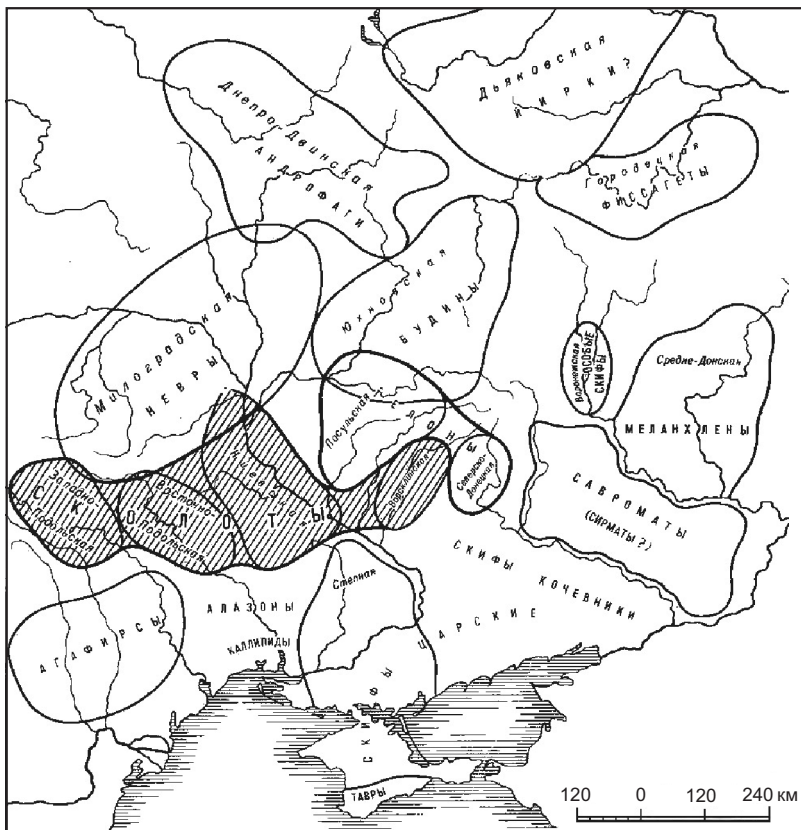

Рис. 3. Племена Восточной Европы по Геродоту (Рыбаков, 2006)

живут каллипиды, представляющие собой эллинов-скифов, выше их живет другой народ, именуемый алазонами... Над алазонами обитают скифы-пахари... Выше их живут невры. К северу от невров, насколько мы знаем, лежит пустыня» [203, с. 15–16].

Свою информацию о народах, населявших Восточную Европу, и в частности о неврах, Геродот, как он сам не раз об этом говорил, получал от скифов и проживавших в Скифии греков, в правдивости которой сам нередко сомневался. И это следует учитывать. Многие названные им народы больше не встречаются в последующих письменных источниках, а описания некоторых из них — чудовищно фантастичны.

Приведенный выше отрывок свидетельствует, что локализация невров не очень определена хотя бы потому, что в своем перечне народов,

обитавших к югу от невра, он не указывает границ территории обитания этих народов. Настораживает фраза о том, что к северу от невра «лежит пустыня». Отсюда можно было бы заключить, что это очень северный, если не самый северный народ Восточной Европы, территория обитания которого граничила с ненаселенными или очень слабо заселенными областями, может быть тундрой. Тем не менее исследователи помещали невра то в Галиции, то на Волини, то в Полесье. При определении территории невра пытались использовать данные гидронимики. Приводились, в частности, такие аргументы: в юго-западной части Беларуси имеются речные названия с корнем *нур-*, *нер-* (Нур, Нурец, Нурчик), которые могут быть сопоставлены с этнонимом «негры». Отмечали также, что еще в XVI в. за этой местностью сохранялось название «Нурская земля» [117, с. 130]. Принимая во внимание эти обстоятельства и накладывая Геродотову карту (рис. 3) на карту археологических культур, которые соответствовали тому времени, когда писал свою книгу Геродот, одни археологи пытались отождествлять невра с носителями высоцкой культуры раннего железного века, распространенной на Украине в верховьях Западного Буга, другие (О. Н. Мельниковская, Б. А. Рыбаков) связывали невра с милоградскими племенами, обитавшими в I тыс. до н. э. на территории украинской Волини и юго-восточной Беларуси [107; 138]. М. И. Артамонов был склонен соотносить невра с одним из лужицких племен и помещать их в лужицком ареале, который распространяется на Польшу и восточную Германию [9, с. 19].

Учитывая локализацию невра, известный чешский славист Л. Нидерле прямо писал, что негры обитали «бесспорно, на славянской прародине, а именно в ее восточной части, и поэтому мы можем с наибольшей вероятностью рассматривать их как славян» [117, с. 230]. Уточняя свою мысль, он далее связывает невра с «частью восточных славян на нынешней Волини, Киевщине и в бассейне реки Припяти» [117, с. 230]. Однако все эти доводы основаны на уверенности, что, во-первых, славяне как этнос во времена Геродота уже существовали, во-вторых, что негры обитали на исторической родине славян. Однако каждый из этих постулатов требует доказательств. (Вопрос о времени появления славян решается в современной науке далеко не однозначно. Еще более дискуссионной является проблема местонахождения славянской прародины. Напомним, что славянство невра в исторической литературе было принято до того, как были решены вопросы о времени и месте формирования славян.)

Основываясь на предположении, что негры могли сохранить воспоминание о себе в речных названиях с корнем *-нур*, *-нер*, близких к самоназванию невра, исследователи пытались определять их начальную

локализацию в нижнем течении Западного Буга и Варты, т. е. в той области, которая входила в ареал расселения венедов-славян. Позже они переселились к востоку и юго-востоку, в верховья Западного Буга и Волынь под натиском напавшего на них какого-то племени, что нашло своеобразное отражение, по мнению ученых, в рассказе Геродота о вытеснении неврах змеями [9, с. 19]. Это — один из основных доводов в пользу отождествления неврах со славянами. Но откуда известно, что они переместились именно к востоку и юго-востоку и как можно установить их новое местопребывание во времена Геродота, обладая столь скудной и сомнительной информацией? Основной довод в пользу славянства неврах, связанный с гидронимами, тоже не безупречен, так как эти гидронимы скорее связаны с балтами, чем со славянами [152].

Впрочем, в неврах ученых привлекала не только их локализация. Но и сам этноним, а также описание Геродотом некоторых их обычаев, объяснение которым искали на славянской почве.

Так, было обращено внимание на сходство этнонима «неврах» с названиями «норцы», «нарцы», «норики», встречающимися в русских летописях. Последние, согласно утверждению автора «Повести временных лет», «суть Словене».

Интересен и другой рассказ Геродота о неврах. Приведем его полностью. «У неврах нравы скифские. За одно поколение до похода Дария змеи вынудили их покинуть всю страну свою, именно: земля произвела множество змей, а еще больше вторглось их из верхних пустынных земель, пока, наконец, жители не были принуждены покинуть родину и не поселились вместе с будинами. Кажется, что люди эти колдуны, по крайней мере, скифы и элины, живущие в Скифии, рассказывают, что ежегодно однажды в год каждый невр становится на несколько дней волком, а потом снова принимает человеческий облик. Я не верю этим рассказам, — заключает Геродот, — но так говорят и рассказы удостоверяют клятвою» [203, с. 39–40].

В этом рассказе Геродот еще раз подтвердил тот факт, что севернее неврах других племен не было. Ученые по-разному пытаются найти объяснение замечанию античного историка о вытеснении неврах из прежних мест обитания змеями. По мнению Л. Нидерле, поход Дария на скифов в 512 г. принудил неврах отойти к северу [117, с. 36]. Однако, поскольку будинов Геродот помещает восточнее неврах, можно заключить, что неврах переместились не в северном направлении, а на восток. М. И. Артамонов полагал, что под змеями следует подразумевать поморских венедов, оттеснивших неврах к востоку. Этим было положено начало новому, по его мнению, антскому центру славянской культуры [9, с. 19]. Но мнение даже авторитетного ученого не гарантирует истины. Уж слишком аллегорично изложен Геродотом сюжет со змеями.

Более интересен другой сюжет — о способности невраов перевоплощаться в волков. Этот рассказ некоторые воспринимали как одно из доказательств славянской принадлежности невраов, отмечавших, что подобные сюжеты характерны для славянской мифологии. Приводили в пример даже известное место из «Слова о полку Игореве», где говорится о полоцком князе Всеславе, который «волком рыскаше». Однако следует заметить, что истории с волками присущи не только славянам. В меньшей степени они характерны для германских и балтийских народов и вообще связаны с древней индоевропейской мифологией.

Кроме Л. Нидерле, Б. А. Рыбакова, О. Н. Мельниковской и М. И. Артамонова, со славянами связывали невраов Ю. Костшевский, Г. Ловмянский, М. Плезя, В. Куча, В. Георгиев, Т. Лер-Сплавинский, В. Коваленко и др. [9].

Значительная часть исследователей, особенно в последнее время, выступает за отождествление невраов с балтами. Это — Т. Сулимирский, Я. Налепя, В. В. Седов. Седов, в частности, приводит аргументы, указывающие на связь этнонима «невраы» и возможных производных от него с балтской гидронимической номенклатурой. Имеются, однако, ученые, которые связывают невраов с финно-уграми, неразделившимися балто-славянами и кельтами [119, с. 10–11]. Одно это может свидетельствовать о ненадежности источника для этногенетических заключений.

В свете сказанного следует признать, что вопрос о славянстве невраов не выходит за рамки простых и откровенно натянутых предположений. Для положительного решения проблемы необходима, по меньшей мере, полная уверенность в том, что, во-первых, в описываемое Геродотом время славяне уже существовали как народ. Во-вторых, что невраы расселялись в пределах славянской территории, для чего должна быть предварительно определена эта территория. Но и в этом случае не исключена возможность проникновения в славянский ареал и неславянского племени, каким и могли быть невраы. Миграции в железном веке подтверждены не только письменными источниками того времени, но и материалами археологии. Неопределенность географических координатов в рассказе Геродота, породившая целую серию различных предположений о локализации невраов, а также, по меньшей мере, более чем странный характер других известий о них — красноречивое свидетельство ненадежности самого источника.

Будины. Имеются исследователи, которые видят славян и в Геродотовых будинах (Л. Нидерле, В. Георгиев, Т. Лер-Сплавинский). Их локализуют на Волге, среднем течении Дона, между Доном и Днепром. Мотивацию для отождествления будинов со славянами пытаются искать в самом этнониме. Не малую, если не основную, роль здесь, как и в

случае с неврами, сыграло и распространённое убеждение об автохтонности славян в Восточной Европе. По этому вопросу имеются и другие точки зрения. Так, К. Мочинский связывает будинов с угро-финнами, а В. Кучка — с балтами.

Конечно, как и в случае с неврами, чтобы говорить о связи будинов со славянами, нужно быть уверенным, что славяне в Геродотово время обитали на той территории, куда историки помещают будинов. Даже если пренебречь существенными расхождениями среди ученых в вопросе о локализации будинов (ни одно предложение не выходит за рамки произвольных предположений), почти все они помещают будинов далеко на восток от славянской прародины.

Меланхлены. Приблизительно то же можно сказать и еще об одном народе, упомянутом Геродотом, — о меланхленах. В переводе с греческого этноним «меланхлены» означает «люди в черных одеждах», «черноризцы». Внимание тех, кто пытается отождествлять меланхленов со славянами, привлекло само название этого народа. Указывали на то, что со словом, означающим цвет «черный», связаны топонимы Чернигов и Воронеж. Вспоминали о легендарном основателе Чернигова князе Черном, о «черной могиле» в Чернигове и т. д.

В попытках видеть в меланхленах древних славян также сыграло свою роль априорное убеждение о давнем расселении славян в этом регионе. Но одних убеждений недостаточно, этимологические же экзерсисы со словом «черный» не очень убедительны. Поэтому связь меланхленов со славянами более чем сомнительная, ибо неубедительны сами аргументы, а некоторые из них просто ошибочны.

Скифы-пахари и скифы-земледельцы. Давнюю историю имеет тенденция приписывать скифам роль предков славян или связывать с ними если не всех, то какую-то часть скифов. Особое внимание с точки зрения славянского этногенеза привлекали Геродотовы скифы-пахари и скифы-земледельцы. В последнее время этой проблеме уделил большое внимание Б. А. Рыбаков, который в своем оригинальном исследовании «Геродотова Скифия» подробно рассмотрел вопрос о локализации этих групп скифов, их занятиях, наличии этнографических и фольклорных параллелей между ними и славянами, о происхождении этнонима «сколоты» и т. д. [138].

Оставляя за исследователями право формулировать различные гипотезы и отдавая должное остроумным наблюдениям по этногеографии скифского мира, следует признать, что одних их еще недостаточно для утверждений о принадлежности к славянам отдельных народов Геродотовой Скифии. Напомним, что сами скифы были народом ираноязыч-

ным, что уже ни у кого не вызывает сомнений. Однако изучение самой скифской проблемы еще далеко от завершенности. Вполне вероятно, что под общим названием скифов скрывались народы и нескифской принадлежности. Но выявить генетическую связь какой-то их части со славянами можно будет только тогда, когда будет доказана возможность обитания в этих местах славян во времена Геродота, или потому, что эта территория составляла часть славянской прародины, или потому что имела место миграция сюда славян до того, как данный регион попал в поле зрения Геродота.

Так обстоит дело с некоторыми из племен, упомянутых Геродотом и вошедших в научную и учебную историческую литературу в качестве ранних славян.

Анализ одних известий древних авторов не дает надежных оснований отнести к славянам ни невров, ни меланхленов, ни будинов, ни какую-то часть скифов. К этому вопросу можно вернуться на основании комплексного изучения и сопоставления других источников — лингвистических и археологических.

Глава 2

ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ. ПРАРОДИНА, РАССЕЛЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

2.1. РАСЧЛЕНЕНИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Известия древних авторов о славянах зарегистрировали лишь факт существования славян в пределах известной им территории. Но они не могли ответить на вопрос, когда и как появились славяне, поскольку начало славян отстояло слишком далеко от того времени, когда о них узнали древние авторы и появились первые известия не только о славянах, но и о народах, заселявших области севернее Средиземноморья. Для решения проблемы этногенеза славян необходимо обратиться к другим источникам, и прежде всего к лингвистике, к языку славян. Только с появлением славянского языка можно говорить о появлении славян как этноса.

Лингвистика утверждает, что все славянские языки развились на основе единого общеславянского языка. Несмотря на существование разных точек зрения по поводу времени появления общеславянского языка, основные представления на этот счет можно свести к следующим позициям.

Начало славянского этногенеза связывают с началом дифференциации предшествовавшей славянам этнолингвистической общности. В. В. Иванов праславянский, или общеславянский, этап помещает между началом предполагаемой миграции индоевропейских племен в северное Причерноморье и на Балканы, начавшейся, по его мнению, вскоре после разделения индоевропейских диалектов, которое он датирует временем около III тыс. до н. э., и концом существования общеславянской общности [64, с. 46].

Расчленение общеславянского языка, означавшее конец праславянского этапа, связывают с началом движения славян на Балканы и расселением там их значительной части, т. е. с V–VI вв. н. э. Однако не-

которые заимствования и словообразовательные производные позволяют говорить о том, что еще в VIII в., а может быть, и даже в IX в. общеславянский язык продолжал оставаться реальностью. Показательным в этом плане является существование близких производных слов от имени императора Карла Великого (771–814 гг. н. э.) в различных славянских языках (королевич – в русском, крулевич – в польском, кралиевич – в сербохорватском) [105, с. 295, 418].

С точки зрения лингвистики распад праславянского языка и расхождение все дальше выделившихся из него языков были результатом того, что «один и тот же славянский корень был использован для образования различных форм, или что одно и то же славянское слово изменяло свое значение в зависимости от условий употребления» [105, с. 395]. Процесс дифференциации усиливался в результате контактов и взаимовлияний славянских языков с языками соседей, латинского и греческого на Балканах, финно-угорским и тюркскими – на Востоке, германским – на Западе [89, с. 7]. Естественно, что за взаимодействием языков мы должны усматривать взаимодействия их носителей.

Общеславянский (праславянский) язык, по мнению ряда лингвистов, представлял собой систему близкородственных диалектов, которые, возможно, соответствовали древним родственным племенам и племенным группировкам. В настоящее время получила признание предложенная Ф. П. Филиным периодизация развития общеславянского языка. В истории общеславянского языка он выделяет три этапа. Ранний этап – от времени образования общеславянского языка и до конца I тыс. до н. э. Он характеризовался формированием основы общеславянской языковой системы, что привело к возникновению таких отличительных признаков, которые выделяли славянский язык среди других индоевропейских языков. Начало формирования этой системы связано с началом распада индоевропейской общности, что, по его мнению, имело место уже в III тыс. до н. э. Средний этап он датирует концом I тыс. до н. э. – III–V вв. н. э. В этот период происходит дальнейший цикл крупных преобразований славянской языковой системы, изменения в фонетике (палатализация гласных, устранение некоторых дифтонгов, изменения в сочетаниях гласных, отпадание согласных в конце слова), идет дальнейшая дифференциация диалектов славянского языка.

Причину этих изменений он видит во взаимодействии славян с другими этноязыковыми группами. Поздний этап датируется им V–VIII вв. н. э. и характеризуется постепенным переходом от старого состояния славянской речи к новому, когда общеславянский язык начинает распадаться на отдельные исторически зафиксированные языки, но и в этом периоде еще сохраняется единство языка [196, с. 101–103]. Последний этап совпадает с началом широкого расселения славян. К этой

периодизации были предложены хронологические поправки, в которых, очевидно, учитывались датировки некоторых археологических культур, связываемых со славянами [124, с. 39–40].

Так, предлагается раннепраславянский период датировать XV–XIII вв. до н. э., среднепраславянский – IX – концом I в. до н. э. и позднепраславянский – I–V вв. н. э. Относительно обоснованности таких датировок мы выскажемся позже. Сейчас же отметим, что поздний период явно вынесен в слишком отдаленное время. Данные языка указывают на то, что праславянский язык просуществовал почти до появления у славян письменности и был очень близок к языку дошедших до нас славянских письменных источников X–XI вв. Основанием для удревления третьего периода послужили некоторые выводы археологов о родстве пшеворской и зарубинецкой культур, которые оказались ошибочными. Различия между этими культурами посчитали отражением начавшегося культурного распада славянской общности. Однако мнение о славянской принадлежности зарубинецких племен не получило подтверждения.

Общеславянский язык существовал очень длительное время, несмотря на отсутствие письменности, которая могла бы подавлять растущие диалектные расхождения. Изменения в системе, по мнению Ф. П. Филина, носили всеобщий характер с одинаковыми результатами в отдельных славянских диалектах, ибо отношения между диалектами тогда не были иерархически подчиненными, а равноправными [196, с. 29].

2.2. МЕСТО СЛАВЯН В СЕМЬЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Сравнительное славянское языкознание убедительно доказывало, что, подобно тому как русский, украинский и белорусский языки восходят к единому древнерусскому языку, на котором говорила в X–XIII вв. особая этническая общность, – древнерусская народность, как и сам древнерусский язык вместе с языками-предшественниками современных западных и южных славян, восходит к еще более отдаленному языковому предку – общеславянскому, или праславянскому, языку или диалектам, на котором говорили родственные славянские племена.

Праславянский так же, как и прагерманский, прабалтийский и другие предшественники современных индоевропейских языковых групп, является следствием дифференциации еще более древней языковой структуры. Учитывая, что язык – это один из важнейших признаков этноса, исследование этногенеза, включая проблему возникновения славян, не может решаться без лингвистических данных.

Славяне составляют часть индоевропейской семьи народов, в которую по принятой этнолингвистической классификации входят народы,

говорящие на индийской группе языков, германской, романской, славянской, иранской, кельтской, летто-литовской (балтийской), а также на греческом, армянском и албанском языках. Почти каждая группа включает совокупность отдельных родственных языков, восходящих, очевидно, к общему праязыку. Поскольку современные языки являются результатом длительного исторического развития, в прошлом в семью индоевропейских языков входили многие уже не существующие (мертвые) языки, например латинский, древнерусский, и более древние – лидийский, кирийский, этрусский, догреческий, фракийский, фригийский, дакийский, иллирийский, далматинский, паннонский, либурнийский, венетский, ретийский, лепонтийский, элимский, праиндийский, хеттский, лувийский, микенский и др. [34, с. 3–9].

Одно время в лингвистической классификации индоевропейских языков было очень популярно деление языков на две группы, называвшееся соответственно «кентум» и «сатем» по тому, как произносится слово «сто» в латинском языке и санскрите. Было замечено, что там, где в словах некоторых языков имеется буква «к», в других стоит «с». Следует, однако, заметить, что далеко не все лингвисты принимают эту систему классификации языков, многие считают ее искусственной, не отражающей действительную степень родства между отдельными языками [39]. По этой классификации в группу кентум входят: германские, итальянские, романские, кельтские языки, а также отдельные языки: греческий, иллирийский (восточная часть Центральной Европы), мессанийский (юго-восточная часть Италии), сицилийский, лигурийский (распространен частично в Италии, Франции и Испании), клинописный хеттский. Группа сатем представлена славянскими, балтийскими, иранскими и индийскими языками, а также отдельными албанским, фракийским (Балканский полуостров), фригийскими (Малая Азия), иероглифическим хеттским и армянским языками. Какое-то промежуточное положение в этой классификации занимает тохарский язык, известный по рукописям первых столетий н. э., обнаруженным в западной части Китая.

В системе различных языков индоевропейской семьи народов разные языки, как отмечают специалисты, имеют между собой не одинаковую систему близости, или родства. Так, праславянский язык или праславянские диалекты ближе всего стоят к прабалтийским и прагерманским диалектам. Некоторые социальные термины общи только для них. На основании исследования славянской и балтийской лексики и грамматических форм доказана наибольшая близость друг к другу славянских и балтийских языков. Праславянский и прабалтийский относят к северной индоевропейской или древнеиндоевропейской группе индоевропейских диалектов [64, с. 46–47].

Славянские языки в системе некоторых групп индоевропейских языков (по Куртик)

Болгарский	староцерковно-славянский	южные	СЛАВЯНСКИЕ	
Сербохорватский				
Словенский				
Лужицкий (сорбский)	полабский	западные	СЛАВЯНСКИЕ	
Польский				
Словацкий				
Чешский				
Белорусский	древнерусский	восточные		
Русский				
Украинский				
	Древнепрусский + 1700 н. э.	западные	БАЛТСКИЕ	
	Ятвяжский			
	Куршский			
Литовский		восточные		
Латышский				
Шведский	древний норзе		ГЕРМАНСКИЕ	
Норвежский				
Исландский				
Датский				
Голландский	верхний	западные		ГЕРМАНСКИЕ
Немецкий (новогерманский)				
Фризский	нижний			
Английский				
	Готский + 1500? н. э.	восточный		
Ирландский	Q-кельтский (goidelic)		КЕЛЬТСКИЕ	
Уэльский				
Бретонский	R-кельтский			
Манкский				
Французский		фалисканский	РОМАНСКИЕ	
Испанский	средне-ковый	вульгарно-латинский		латинский
Португальский				
Провансальский	латинский			умбрианский
Итальянский				осканский
Румынский				
Цыганский				
Новогреческий	койне	дорический	западные	ЭЛЛИНСКИЕ
		аркадский		
		кипрский	восточные	
		ионический		
Армянский				
Албанский				
	Тохарский + 800 н. э.			
	Хеттский			
	Этрусский			
	Фракийский + 600 н. э.			
	Иллирийский + 800 н. э.			

Поэтому историю развития праславянского языка и, следовательно, праславян вообще нужно рассматривать в тесной связи с историей других родственных языков и этносов.

Не вызывает сомнения тот факт, что образование языка, как и народа, говорившего на нем, — процесс постепенный и длительный. Он связан с перестройкой предшествующей структуры языка и накоплением новых лексических, фонетических, синтаксических и прочих форм, делающих его отличным от других языков, языком, а не группой родственных диалектов и тем более — не одним из диалектов. В связи с этим необходимо четко определить, с какого момента следует начинать историю данного языка (этноса) и когда эти преобразования привели к сложению нового языка и нового этноса. Не исключено, что между старым и новым состояниями лежит переходный период. Этот переходный период, по нашему мнению, должен быть включен в исторические рамки соответствующего этноса, его этногенетического процесса. При отсутствии языковых данных такое выделение переходного периода сделать не просто. Учитывая постепенность и длительность процесса, а также то обстоятельство, что эволюция языка продолжается, границы между периодами этногенеза носят условный характер.

2.3. ПРАИНДРОЕВРОПЕЙЦЫ

Как уже отмечалось, праславяне, как и другие народы индоевропейской семьи, являются результатом дифференциации более древней этнолингвистической общности, которую принято называть праиндоевропейцами. Вопрос о происхождении индоевропейцев, их прародине, расселении, причинах дифференциации — не менее сложен, чем и вопрос о славянском этногенезе. По каждой позиции существуют разные мнения среди ученых и, комбинируя их, можно сформулировать любую концепцию. Так уж получается, что одну сложную проблему приходится решать посредством такой же запутанной.

Большинство лингвистов и лингвистических школ рассматривают проблему возникновения праиндоевропейцев как сугубо лингвистическую, имеющую дело только с историей развития языка, и исходят из данных языка, очень часто не считая нужным использовать свидетельства других наук. Сами лингвисты далеко не единодушны в определении самого предмета исследования, путей развития индоевропейских языков, и главное — их исходной формы. Одни разрабатывают и исповедуют теорию индоевропейского праязыка, иногда заменяемого термином «язык — основа», лежащего в основе всех ныне существующих и мертвых индоевропейских языков. Другие древнейшее состояние индоевропейского обо-

значают как совокупность близких между собой диалектов. Третьи исходят из предположения о существовании языкового союза, в котором входящие в него отдельные языки приобретают сходные черты. Четвертые прошлое индоевропейских языков сводят к образованию и последующему распаду индоевропейской языковой общности, понимая под ней «совокупность взаимодействующих диалектов», объединяемых достаточно плотным пучком постоянно возникающих «глобальных изоглосс», но одновременно и постоянно расчленяемую «парциальными» изоглоссами и лишенную какой-либо наддиалектной формы языка [39, с. 16].

Современные тенденции развития лингвистической да и исторической наук об индоевропейцах ведут, однако, к признанию факта реального существования в пространстве и времени общеиндоевропейского праязыка, последующий распад которого привел к образованию «родственных исторических диалектов». Эти исторические диалекты в процессе дальнейшей эволюции и внешних воздействий могли положить начало отдельным индоевропейским языкам.

Можно также отметить и другую тенденцию. Откровенное неверие лингвистов в недалеком прошлом в возможность привлечения к решению проблем этнической истории других наук (в частности, археологии) сменилось более трезвой оценкой возможностей как самой лингвистикой, так и другими науками. Так, Б. В. Горнунг прямо заявляет, что проблема генезиса индоевропейской языковой общности может ставиться и разрабатываться «только при условии постоянного сопоставления выводов лингвистического анализа с выводами, к которым приходит современная доисторическая археология» [33, с. 21]. Совершенно справедливо его утверждение, что все лингвистические реконструкции характера языковой системы, ее отдельных звеньев и языковых единиц, заключения о типах языкового взаимодействия, о соотношении дивергенции «должны формулироваться в строгом соответствии с возможными закономерностями развития первобытного доклассового общества на разных его этапах.

Хотя в основе почти всех концепций, связанных с проблемой праиндоевропейцев, лежат лингвистические наблюдения, их решения уже не связаны с одними только языковыми данными. Более того, можно сказать, что проблема все более становится археологической. Сравнение различных лингвистических наблюдений с итогами археологического изучения тех регионов, с которыми пытаются связывать индоевропейскую прародину, выявление следов и путей миграций различных народов, что привело к сложению той культурно-исторической карты, которая может быть сопоставлена со свидетельствами письменных источников о расселении исторически зарегистрированных народов, открывают пути к решению индоевропейской проблемы. Поэтому наиболее приемлемым

методом поиска ответов на поставленные вопросы представляется выявление суммы фактов, которые находят подтверждение в различных науках, и прежде всего в лингвистике и археологии.

2.4. О ПРАРОДИНЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Носители индоевропейских языков уже в отдаленном прошлом были расселены на обширных пространствах Европы и Азии, но вопрос об источниках и путях расселения продолжает волновать ученых. В разное время были выдвинуты гипотезы о месте формирования индоевропейцев на севере и в центре Европы, на Балканах и нижнем Подунавье, в северном Причерноморье и на Кавказе, в Евразии и Малой Азии.

Следует заметить, что лингвистические материалы, согласованные с данными археологии, давали пищу для локализации индоевропейской прародины в широком ареале от Балкан до южной Туркмении и позволяли включать в него и южные степи Восточной Европы, и Закавказье, и Ближний Восток. Так, развитая у праиндоевропейцев терминология, связанная с колесным транспортом (слова: колесница, колесо, ось, дышло, упряжка, ярмо), свидетельствует о наличии у индоевропейцев колесного транспорта чуть ли не во времена их проживания в пределах своей прародины. Четвертым тысячелетием датирует появление колеса археология. Древнейшие же находки колесного транспорта зарегистрированы в Верхней Месопотамии, Закавказье, северном Причерноморье, на Балканах и несколько позже – в Центральной Европе. Однако другие данные требуют сужения территории древней прародины индоевропейцев и исключения из нее ряда регионов (не только зооботаническая лексика, дающая представление о конкретном географическом ландшафте и климате, характерном для территории первоначального обитания индоевропейцев, но и факты, связанные с лексическими заимствованиями и взаимодействием индоевропейского праязыка с другими языковыми системами).

2.4.1. Центрально-северогерманская концепция

Долгое время в науке господствующее положение занимала теория центрально-североевропейской прародины индоевропейцев, согласно которой начало расселения их из этой зоны и последовавший затем распад праиндоевропейского языка относятся к началу II тыс. до н. э. Основными лингвистическими источниками этой концепции послужили древнегреческий и древнеиндийский языки. Неслучайно реконструированный

представителями этого направления в лингвистике индоевропейский праязык был окрещен «окрошкой из санскрита и древнегреческого языков» с приправою некоторыми фактами других языков.

Последующая дешифровка хеттского и микенского, а затем лувийского и палайского, иероглифических надписей (хеттский и лувийский) дала совершенно новый фактический материал, заставивший пересмотреть старые представления и, по существу, отвергнуть эту теорию в том виде, в каком она тогда предлагалась.

Так, существование более древних южноевропейских языков в начале и середине II тыс. до н. э., уже достаточно расчлененных, указывало, что начало распада индоевропейского праязыка лежит далеко от середины II тыс. до н. э., что должен был пройти длительный срок, чтобы эти языки II тыс. до н. э. смогли так далеко отойти друг от друга. Этот срок мог исчисляться тысячелетиями [34, с. 9].

Надо сказать, что теория центрально-североевропейской прародины в значительной степени мотивировалась пангерманскими настроениями многих ее сторонников. Позже она легла в основу археологической концепции Коссины и его учеников о расселении древнейших индоевропейцев — носителей культур боевых топоров и шнуровой керамики — с севера Европы. На базе этой концепции выросла и идея об исключительности арийцев и их культуртрегерской миссии.

В результате открытия южноиндоевропейских языков, а также неолитических земледельческо-скотоводческих археологических культур на Дунае и Балканском полуострове поиски прародины индоевропейцев передвинулись в более южные районы. Большинство исследователей стали относить образование индоевропейской языковой общности к V—IV тыс. до н. э., а выделение обособившихся групп индоевропейцев — к III тыс. до н. э.

2.4.2. Идеи Георгиева

Некоторые ученые пытались относить образование и расселение индоевропейцев еще к более раннему времени. Так, В. И. Георгиев склонен увязывать возникновение индоевропейцев с появлением людей современного физического типа — гомо сапиенс. О месте обитания их в позднем палеолите, по его мнению, нельзя утверждать ничего определенного, но уже в начале неолита, в период появления примитивного земледелия и скотоводства индоевропейцы, как он думал, заселяли уже обширные пространства в Европе — от Рейна на западе и до Дона на востоке, от Северного и Балтийского морей на севере и до Альп на юге, а также Балканский полуостров и запад Малой Азии. Доказательством такого ареала, по его мнению, являются индоевропейские названия всех

крупнейших рек в этом регионе [34, с. 9]. Он предлагает датировать расселение индоевропейцев временем приблизительно VIII тыс. лет назад. Однако датирование столь ранним временем индоевропейской гидронимики в Европе не выходит за рамки предположений.

С точки зрения современных представлений на характер образования гидронимической номенклатуры, индоевропейская гидронимия в очередном районе могла бы свидетельствовать не столько о прародине индоевропейцев, сколько об их миграции сюда. На время же такой миграции европейская индоевропейская гидронимия определенных указаний не дает.

2.4.3. Балканская концепция

В последнее время среди исследователей, особенно археологов, все большее признание получает мысль о том, что широкое расселение индоевропейцев вряд ли могло иметь место до утверждения в их экономике земледелия и скотоводства. Именно благодаря тому, что земледелие и скотоводство приобретают господствующее положение в хозяйстве индоевропейских племен, быстро возрастает численность населения и поголовье скота, что становится одной из главных причин миграции. Индоевропейская лексика свидетельствует, что состояние относительного языкового единства индоевропейцев соответствовало тому периоду, когда в их среде распространилось скотоводство и появился металл при сохранении еще каменных орудий.

Археологически это соответствует концу каменного века и началу века металла. В Европе это приходится на IV–III тыс. до н. э., в Малой Азии и на Ближнем Востоке, основания для включения которых в ареал индоевропейской прародины есть, этот период может быть датирован еще более ранним временем – VI–V тыс. до н. э.

Эти представления побудили исследователей искать прародину индоевропейцев на Балканском полуострове и породили концепцию балканской прародины индоевропейцев. Эта теория балканской прародины продолжает оставаться популярной. Ее наиболее сильным аргументом следует считать археологические свидетельства об очень раннем возникновении в этой области производящих форм хозяйства и прослеживаемое движение племени с юга на север.

Одним из вариантов балканской теории можно считать получившую признание концепцию Б. В. Горнунга, в основе которой лежат как лингвистические, так и археологические наблюдения. Коротко она формулируется им в следующем виде. Ареал раннеолитических культур южной и юго-западной части Восточной Европы составлял часть обширной

области, связанной с распространением одного из древних языковых типов (северо-восточный, или урало-алтайский), который был главным компонентом сложения уральских языков, а в своем европейском ареале – индоевропейской языковой общности. Европейский ареал этого компонента, по Б. В. Горнунгу, совпадает с территорией распространения буго-днестровской культуры и областью, лежащей на юго-запад от нее. В V или конце VI тыс. до н. э. этот языковой тип вошел в соприкосновение («столкновение») с совершенно другим языковым типом, распространенным в ареале культуры Кереш-Страчево (язык средиземноморско-кавказского типа по Трубецкому), что привело к иррадиации новообразований, которые отграничили индоевропейскую языковую общность от других частей «языкового ландшафта» юго-восточной части Европы. Это был первый пучок изоглосс, древнейшая ступень развития индоевропейского языкового типа, постепенно распространившегося на «маргинальные» и «латеральные» ареалы. Этот язык пока едва доступен для реконструкций. Причиной языковых «столкновений», по Горнунгу, могут быть не только передвижения населения, но и распространение языковых влияний [37, с. 36].

Но одни языковые влияния едва ли могли охватить столь большие области и вызвать глубокую взаимную трансформацию языков. Горнунг в общем избегает говорить определенно о механизме образования индоевропейской языковой общности древнейшей стадии, ничего не говорит о расселении в ареале культуры Кереш-Страчево носителей первого языкового типа, допуская конструктивную роль и одного языкового влияния. Не выделяет он и первую археологическую культуру, с которой можно было бы атрибутировать носителей этой индоевропейской языковой общности древнейшей стадии. С точки зрения археологии это наиболее уязвимое место в построениях Горнунга, теоретически и практически долженствующих занимать особое место, раз речь идет о «рождении» первых индоевропейцев и их прародине.

Дальнейшее развитие этой новой общности и возникновение диалектных индоевропейских зон ему представляется в следующем виде. Сначала распространение индоевропейских новообразований было направлено к северо-востоку, что привело к сложению раннетрипольской культуры на Днестре. При этом Горнунг снова допускает возможность распространения не населения, носителя этих новых языковых форм, а одного языкового влияния. На этом новом этапе днестровский ареал испытывал, по его мнению, одновременно сильное воздействие со стороны «адстрата» этноязыкового элемента, связанного с носителями культуры линейно-ленточной керамики, язык которых был ближе к «евроазиатским диалектам», чем к «средиземноморско-кавказским». Однако

влияние адстрата, выражавшееся в отдельных «инклинациях», не затрагивало существенных звеньев языковой системы.

Сложение раннетрипольской культуры и культуры Боян и обособление культурного комплекса Винча – Тордош – Тиса могло, по мнению Горнунга, привести к обособлению трех или четырех диалектных зон внутри индоевропейской языковой общности (четвертой зоной могла стать область культур Караново и Хаманджия).

Второй этап распространения «индоевропеизации» охватил южную часть Средней Европы, где язык носителей культуры линейно-ленточной керамики выступал уже в роли субстрата индоевропейского, способствуя созданию новых индоевропейских диалектных «протогрупп» [37, с. 37].

Для языка эти этноязыковые процессы имели своим результатом начало падения ларингальных и формирование нового фонологического строя. Оно реализовывалось в процессе усвоения раннеиндоевропейской речи носителями неиндоевропейских диалектов с развитым вокализмом «широких гласных» в области формирования раннетрипольской культуры, а также в южной части ареала культуры линейно-ленточной керамики.

На следующем этапе (вторая половина IV–III тыс. до н. э.) имело место продолжительное взаимодействие индоевропейского диалекта трипольцев, постепенно продвигавшихся к Днепру, с языком носителей восточных энеолитических культур, диалекты которых относились к одному из двух языковых типов, вошедших в качестве компонентов в индоевропейскую языковую общность, что облегчало процесс культурных и языковых взаимодействий и привело к сложению в междуречье Днепра и Дона особой индоевропейской диалектной группы с большим единообразием диалектов. Иными словами, экспансия трипольцев на восток привела к индоевропеизации носителей древнеямной культуры. В своей аргументации Горнунг берет на вооружение ошибочную идею Д. Я. Телегина о том, что древнеямная культура формировалась при активном участии местной днепродонецкой неолитической культуры, что, по-видимому, давало основание Горнунгу исключить ранних древнеямников из круга индоевропейских культур, в противном случае это поставило бы под сомнение всю гипотезу о балкано-дунайской прародине индоевропейцев. Однако не днепродонецкие неолитические племена были источником древнеямных. Древнейшие центры древнеямной культурно-исторической области, распространявшейся от Прута и Нижнего Дуная на западе до Зауральских степей на востоке, лежали не на западе, в зоне контактов ее с трипольской культурой, а далеко на востоке. «Именно в восточной части степной полосы, — отмечает исследователь этой культуры Н. Я. Мерперт, — фиксируется первая археологически засвидетельствованная вол-

на распространения древнеямных племен» [108, с. 147]. Повсюду ощущается движение древнеямных племен с востока на запад, а не наоборот, как это представляется Горнунгу. Сейчас уже нет сомнений в принадлежности древнеямников к индоевропейским племенам и это отнюдь не связано с каким-то воздействием на часть древнеямных племен трипольцев. Это обстоятельство ставит под сомнение общую идею Горнунга о первоначальном центре индоевропейцев, ибо она не объясняет широкое проникновение их на восток, поскольку нельзя это распространение связывать с древнеямными племенами.

Между тем именно древнеямные племена, точнее, их северо-восточная часть стала, по Горнунгу, «колыбелью индоиранского языкового и религиозно-культурного единства. Эта часть племен, как думает Горнунг, приняла участие и в формировании усатовской культуры Северного Причерноморья, в которой он видит исходный очаг «протогреческих племен» и факт их дальнейшего продвижения на юг Балканского полуострова, где они сменили пеласгические и пеласго-фракийские племена, принадлежавшие к другой дунайской диалектной группе индоевропейской языковой общности. В лингвистическом плане доказательством этому может служить, по Горнунгу, бесспорный факт «тесной связи древнегреческого языкового строя со строем индо-иранских языков».

Северо-западная часть ареала древнеямных племен рассматривается Горнунгом как исходная область экспансии носителей культур боевых топоров в Среднюю Европу и лесную полосу Восточной Европы. Здесь Горнунг солидаризируется с идеей, которую теперь разделяет значительная часть археологов и лингвистов.

Мы сознательно довольно подробно изложили концепцию Б. В. Горнунга как пример комплексного анализа лингвистических и археологических источников. Ей нельзя отказать в стройности, в желании охватить важнейшие части индоевропейской проблематики, попытках обнаружить очаг праиндоевропейцев и проследить основные направления их расселения, приведшего к появлению отдельных групп индоевропейцев, с которыми можно связывать последующую историю индоевропейских народов. Не все в рассуждениях исследователя может быть принято. Уже говорилось о несоответствии имеющимся археологическим материалам идеи об «индоевропеизации» трипольцами носителей древнеямной культуры. Можно также отметить небесспорность решения вопроса о первичной области индоевропейцев или ареале древнейшей стадии индоевропейской языковой общности. Предложенная идея не выглядит убедительной, поскольку автор ее, будучи лингвистом, оставил без внимания материалы зооботанической лексики, позволяющие реконструировать среду обитания праиндоевропейцев, что можно было сопоставить с географическим ландшафтом той зоны, которую он определяет в ка-

честве прародины. Автор также не обратил внимание на то, что некоторые явления археологического материала противоречат данной концепции. Многие археологические памятники, связываемые археологами с индоевропейцами, в Малой Азии, Закавказье, южном Туркменистане оказываются более древними, чем аналогичные объекты в южных степях Восточной Европы, которые он рассматривает в качестве очага основной миграции индоевропейцев.

2.4.4. Концепция Бош Химперы

Были предложены гипотезы и о более широкой локализации праиндоевропейцев. В книге известного испанского археолога и лингвиста П. Бош Химперы (1962), содержащей обзор лингвистических и археологических концепций по проблеме происхождения и расселения индоевропейцев и их исторического развития до римского времени, начало индоевропейцев реконструируется следующим образом.

Индоевропейцы, как и финно-угры, сформировались на субстрате мезолитического населения Европы. Уже в раннем неолите (V тыс. до н. э.) появляется, как он думает, несколько значительно отличающихся друг от друга индоевропейских групп. Одну он связывает с линейной дунайской культурой, другую локализует между Польшей и Черным морем, третью связывает с культурой воронковидных кубков в северной части Центральной Европы, четвертую называет черноморско-кавказской.

В III тыс. до н. э. индоевропейцы дунайской группы проникают на Балканы и Аппенинский полуостров. С ними Бош Химпера предположительно связывает и миграцию ранних греков, а также хеттов и лувийцев (в Малую Азию). На базе черноморско-кавказской группы формировался индоиранский блок (общность). Часть индо-иранцев распространилась затем на Ближний Восток, а другая – в Центральную Европу и северные области Восточной Европы, где они смешались с индоевропейским населением другой группы и дали начало культурам шаровидных амфор и боевых топоров. Миграция этой части индо-иранцев стала причиной разделения многих европейских археологических культур III–II тыс. до н. э. Возникшие в раннем бронзовом веке некоторые археологические культуры этого региона могут быть идентифицированы с некоторыми исторически известными индоевропейскими лингвистическими группами, такими как ахейцы – в Греции, фрако-фригийцы – на востоке Балканского полуострова, германцы – на севере Германии и юге Скандинавии, балты – в восточной Прибалтике. С лужицкой культурой бронзового века он отождествляет ранних славян.

В последующее время имели место значительные передвижения индоевропейских племен на юг и запад, которые привели к некоторым перегруппировкам индоевропейских образований.

Ареал праиндоевропейцев, по мнению Бош Химперы, занимал обширные пространства от Эльбы на западе до нижней Волги на востоке. Из него исключаются, однако, Балканский полуостров и западносредиземноморские области. Такая широкая локализация индоевропейской прародины не может быть принята. Вызывает сомнение утверждение о возможности формирования праиндоевропейцев на разнокультурном и, возможно, разноэтническом фоне мезолитических культур, который обычно способствует дифференциации этноса, а не его консолидации. Трудно объяснить также факт столь значительных культурных различий между намеченными им группами ранних индоевропейцев. Анализ древнейшего состояния индоевропейских языков дал основание большинству лингвистов сделать заключение, что первоначальная область расселения индоевропейцев, их прародина, должна была представлять собой относительно компактную территорию, что явно не согласуется с предлагаемой Бош Химперой локализацией праиндоевропейцев.

Намечаемые им пути миграции некоторых индоевропейских племен из области их первоначального обитания (например, тахарцев, которых он помещает в районе Северных Карпат) не находят подтверждения в археологическом материале.

2.4.5. Концепция М. Гимбутас

Концепцию евроазиатской прародины индоевропейцев предлагает в ряде своих работ американский археолог М. Гимбутас. В ее основу положены главным образом археологические наблюдения, дополняемые некоторыми выводами лингвистики и палеоантропологии.

Древнейшими индоевропейцами, по ее мнению, были носители так называемой курганной культуры. Под этим термином она объединяет несколько культур, самые ранние из которых в конце неолита — энеолите занимали области Нижнего Поволжья, закаспийские и зауральские степи и далее на восток — вплоть до верховьев Енисея. На археологической карте этого региона ареал курганной культуры совпадает с древнеямной и афанасьевской культурами III тыс. до н. э., с одной стороны, очень близкими между собой, как думает Гимбутас, с другой — отражающими уже некоторую дифференциацию.

Дальнейшее расселение индоевропейцев во все районы, где их застает историческое время, она связывает с экспансией этих курганных племен. Сначала они распространяются в Северное Причерноморье, достигают Кавказа и через Кавказ проникают в Закавказье, на Ближний Восток и в Анатолию. Другая часть этих племен около 2400–2200 гг. до н. э. продолжила движение в западном направлении вдоль северного побережья Черного моря, вышла в Трансильванию и Венгрию. Огибая

с запада Черное море, она достигла Румынии и Болгарии и проникла на запад Анатолии, где вошла в соприкосновение с группой, которая продвинулась сюда через Кавказ. Расселение шло не только по суше, но, возможно, и по морю.

С появлением курганных племен на Балканском полуострове произошла полная трансформация в культурном развитии этого региона, и в течение нескольких последующих столетий, как ей представляется, восточнобалканские культуры прекратили свое существование.

Южные степи Восточной Европы стали также основным очагом последующего расселения индоевропейцев в лесной полосе Восточной Европы, в Центральной Европе к северу от Карпат и Альп, в процессе которого они достигли на западе Рейна, а на севере — юга Скандинавии и Норвегии. Экспансия носителей курганной культуры привела к полному исчезновению древнеевропейских неолитических и халколитических культур.

Вместе с индоевропейцами южных степей распространились удивительно близкие культурные элементы, покрывшие собой обширную зону Европы, Кавказа и Малой Азии. Но расселение на столь большой территории, отличавшейся разными культурными традициями и условиями природного окружения, имело своим последствием дальнейшее разделение индоевропейцев.

Многие приведенные М. Гимбутас наблюдения над развитием археологических культур и распространением культурных элементов, в частности археологическое и антропологическое обоснование мощной миграции из южных степей Восточной Европы на север и северо-запад, не противоречат данным современной археологической науки. Напротив, в ее интерпретации археологический материал во многом заговорил по-новому. Эта часть гипотезы, которая касается обстоятельств расселения индоевропейцев в Восточной и Средней Европе, может быть принята и развита дальше.

Однако ошибочно выводить все индоевропейские племена из евроазиатских степей. Так, не соответствует археологическим данным намечаемый ею путь продвижения курганных племен через Кавказ на Ближний Восток.

Материалы майкопской культуры свидетельствуют о более высоком уровне культурного и общественного развития ее создателей, чем степных кочевых племен курганной культуры. Они указывают не только на связи Северного Кавказа с Передней Азией, но и вторичность майкопской культуры по отношению к культурам Передней Азии. С позиций концепции Гимбутас это выглядит парадоксом. Объяснения Гимбутас на этот счет не убеждают. В ее интерпретации это представляется следующим

образом. Сначала курганные племена через Кавказ и Закавказье попали в Малую Азию, там они приспособили свою культуру к более высокой культуре тех мест, а затем перенесли эти новые ближневосточные элементы в культуру Северного Кавказа. Не проще ли и не естественнее ли объяснить это перемещением сюда населения с юга, а не наоборот?

Не очень обоснованно излагается и схема расселения курганных племен на Балканском полуострове, хотя она в значительной степени и перекликается с представлениями по этому вопросу Горнунга. А главное — намечаемый ею широкий евразийский ареал праиндоевропейцев, как и в случае с концепцией Бош Химперы, никак не соответствует выводам лингвистики да и теоретической археологии о том, что для формирующегося этноса первоначальная территория их обитания не может быть большой.

Не отвечает ее концепция и наблюдениям лингвистов о древних контактах и взаимодействиях праиндоевропейских диалектов с семитскими и кавказскими диалектами. В намечаемой ею «прародине» такие контакты в период формирования индоевропейцев не могли быть реализованы, так как эта «прародина» лежит далеко от картвельских и семитских лингвистических ареалов.

Если обратиться к одним археологическим материалам, то не вызывает сомнения тот факт, что картина этнического состояния Европы, в том виде, в каком она фиксируется письменными источниками, является результатом неоднократных передвижений населения. Одна из самых значительных миграций имела место еще в мезолите в связи с общим процессом широкого расселения человека в послеледниковый период. Но эти перемещения нельзя связывать с индоевропейцами. Для широкого расселения этой этнической группы еще не наступило время. Только освоение скотоводства и металла создало экономические предпосылки для больших миграций, связанных с быстрым ростом народонаселения. Такая ситуация сложилась на рубеже неолита и раннего металла. Этим временем лингвистика датирует и появление на исторической арене праиндоевропейцев. Наиболее вероятно поэтому соотнести расселение индоевропейцев с большими миграциями эпохи финального неолита — энеолита, которые очень хорошо прослеживаются археологией и направлены в сторону центра и севера Европы.

Для поисков исходной территории этих миграций можно использовать метод движения в направлении, обратном направлению таких миграций. Такое движение выводит нас, с одной стороны, в степи на север Причерноморья и далее на восток, а с другой — на Балканский полуостров, где ощущается «подвижка» — юг — север. В первом случае мы встречаемся с древнейшими племенами и в какой-то степени — с пле-

менами к северу от Кавказского хребта (майкопская культура). Хотя источники формирования древнеямных племен до конца еще не выяснены, есть немало оснований искать их в южных районах Средней Азии. Что касается майкопской культуры, то ее начало ведет в более южные районы – в Закавказье и Малую Азию.

В Европе мигранты повсюду выступают скотоводами. Поэтому в поисках прародины индоевропейцев важным представляется установить место наиболее раннего очага скотоводства. Археологически это сделать возможно, хотя скотоводческая форма хозяйства оставляет меньше следов, чем земледельческая. Неслучайно поэтому в свете данной проблемы наиболее привлекательны археологические культуры, характеризующиеся господством скотоводческой формы хозяйства. Такие наиболее ранние области скотоводства также обнаруживаются на Балканах и в южных степях Восточной Европы, в которую они были принесены движением древнеямных племен.

Но не могли же эти два изолированных центра одновременно стать местом формирования индоевропейцев, их прародиной! А может быть, они стали ареной начальной миграции индоевропейцев из прародины, которая располагалась между этими двумя областями?

2.4.6. Концепция Т. Гамкрелидзе и В. Иванова переднеазиатской прародины индоевропейцев

Заслуживает особого внимания сформулированная Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым новая гипотеза, помещающая прародину индоевропейцев в Передней Азии. В ее основу были положены главным образом лингвистические свидетельства, дополненные данными археологии и другими наблюдениями [33, с. 59]. Авторы исходят из предположения о реальном существовании в прошлом общеиндоевропейского языка, последующий распад которого привел к образованию родственных исторических индоевропейских диалектов. Принимая во внимание всю совокупность имеющегося материала, они приходят к следующим заключениям. Древнейшие свидетельства индоевропейской речи представлены на клинописных табличках, происходящих из староассирийских имен, связанных с анатолийскими языками.

Таблички на основании радиоуглеродных и других датировок относятся к периоду между 2040 и 1875 гг. до н. э. Поскольку к этому времени уже сформировались диалекты анатолийского, совершенно очевидно, что не только общеиндоевропейского, но и общеанатолийского языка тогда уже не существовало. Следовательно, должно было пройти немало времени для разделения анатолийской общности и сложения хеттского и лувийского, чему предшествовал не менее длительный период

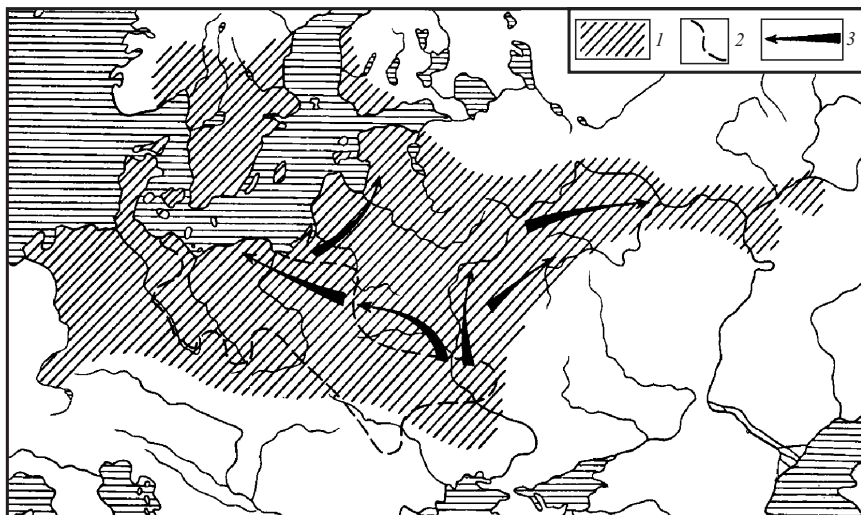

Рис. 4. Карта распространения культуры боевых топоров

существования общеанатолийского. Все это косвенно указывает на то, что распад индоевропейского праязыка, начало которому было, по видимому, положено выделением из него анатолийской языковой общности, нужно относить к очень раннему времени, отстоящему от его разделения не менее чем на две тысячи лет, т. е. не позднее IV тыс. до н. э. По схеме диалектного членения приблизительно к III тыс. или к периоду, непосредственно следовавшему за выделением анатолийской диалектной общности, следует относить и выделение из праиндоевропейского греко-арийской диалектной общности и тахарской. Вероятность предложенной датировки существования праиндоевропейского подтверждается другими наблюдениями.

Лингвистами были изучены языковые взаимодействия общеиндоевропейского и семитского, свидетельствующие о значительных и очевидных заимствованиях одного языка у другого и наоборот. Особый интерес для хронологии представляет вывод лингвистики о том, что взаимодействия и взаимопроникновения между этими языками имели место в период существования общеиндоевропейского и прасемитского языков. Последний же существовал не позднее IV тыс. до н. э. К середине III тыс. его давно уже не было, о чем свидетельствуют достаточно обособленные и оформившиеся к этому времени диалекты аккадских (восточносемитский) и других семитских групп. Хеттский и лувийский диалекты древнейшего дочернего языка общеиндоевропейского — общеанатолийского, судя по гидронимическим данным, формировались и развивались на

территории Малой Азии [33, с. 5–6]. Отсюда с достаточной долей вероятности можно предположить, что прародина индоевропейского праязыка находилась по соседству. Если бы не было никаких других данных, то ее можно было бы поместить к западу или востоку от той области, т. е. на Балканах или на Ближнем Востоке.

Дополнительные материалы для уточнения места прародины содержатся в праиндоевропейской лексике. Многочисленная серия праиндоевропейских слов связана с высокогорным ландшафтом (вершина горы, скала), с горными озерами и быстрыми реками, с горной растительностью (горный дуб), с жаркой и холодной погодой (жара, снег, лед, зима). Праиндоевропейский знает дуб, березу, бук, тис, граб, ясень, осину, иву, пихту, грецкий орех, розу, мох.

Разнообразен, но специфичен отраженный в лексике праиндоевропейского животный мир. Здесь есть: волк, медведь, рысь, лиса, кабан, олень, дикий бык, заяц, мышь, а также барс, лев, слон, обезьяна. Последние характерны для южных географических областей, и это позволяет исключить из области прародины индоевропейцев Центральную и Восточную Европу. Большое значение для локализации прародины имеют данные о языковых контактах праиндоевропейцев. В дополнение к отмеченным уже данным о контактах с семитским Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым убедительно показана связь общеиндоевропейского с картвельскими языками. Она представлена целыми пластами обоюдных лексических заимствований из одного языка в другой, а также наличием заимствований фонетического и сложного структурного порядка, указывающих на то, что праиндоевропейский язык контактировал с общекартвельским в регионе, включающим Балканский полуостров и другие более восточные и степные европейские области. Интересно, что у заимствованных у индоевропейцев слов в общекартвельском имеются не только термины, отражающие культурные влияния, но и некоторые слова основного словаря, включающие даже названия частей тела, числительные и др. Это может служить указанием на существование единого языкового союза, в который, наряду с общеиндоевропейским и пракартвельским, входил и прасемитский язык. Такое контактирование, как справедливо отмечают исследователи, могло происходить только в ареале Ближнего Востока по соседству с областью распространения южнокавказского праязыка [33].

Индоевропейские заимствования фиксируются ими в хеттском («протохеттском»), эламском, шумерском, хурритском и урартском языках. Комплекс языковых данных о духовной и социальной жизни праиндоевропейцев свидетельствует о близости их к переднеазиатским культурам и типологически характерен для ранних цивилизаций Ближнего Востока. Вся совокупность отмеченных явлений и фактов делает наиболее

предпочтительной гипотезу о локализации индоевропейской общности на северной периферии Передней Азии, к югу от Закавказья до верхнего течения Месопотамии. Именно здесь могли осуществляться языковые контакты в IV тыс. до н. э. между индоевропейским, с одной стороны, и семитским, шумерским и южнокавказскими диалектами — с другой. Правда, исследователи почему-то обошли вопрос о вероятном контактировании общеиндоевропейских диалектов с финно-угорской лингвистической семьей, что уже давно было замечено лингвистами и на основании чего предложено искать индоевропейскую прародину по соседству с народами, говорившими на финно-угорских диалектах (Н. С. Трубецкой, Уленбек, Б. В. Горнунг и др.). Тем не менее сформулированная гипотеза о месте первоначального обитания индоевропейцев подкупает логикой своих доводов, которые ведут именно к тем заключениям, которые предлагают Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов. Ее основу, как мы показали, составляет лингвистически реконструируемая лексика индоевропейского праязыка, отражающая картину среды обитания его носителей в экологическом и географическом плане, а также древние языковые контакты.

Но авторы не ограничиваются этим. Достоинством их исследования, придающем ему характер аргументированной гипотезы, является обращение к археологии. Убедительны заключения, основанные на сравнении языковых наблюдений, отражающих уровень хозяйственного и общественного развития праиндоевропейцев, с экономической ситуацией и степенью развития имущественного неравенства у различных племен и народов Европы и Азии периода существования неразделившихся индоевропейцев, какую показывают материалы изучения синхронных археологических памятников.

Интересно в этом плане наблюдение авторов о том, что у праиндоевропейцев уже в IV тыс. до н. э. имелось развитое овцеводство, в то время как в Центральной Европе оно почти полностью отсутствовало до I тыс. до н. э. Еще позже археологический материал фиксирует разведение в Центральной и Восточной Европе коз, хорошо известных индоевропейцам IV тыс. до н. э. Это тоже один из сильных доводов в пользу того, чтобы исключить Центральную и Восточную Европу из области индоевропейской прародины. Пытаясь найти археологическое соответствие праиндоевропейской общности, авторы концепции проявляют известную и в целом оправданную осторожность.

Регион, куда они помещают индоевропейскую прародину, еще нельзя считать достаточно хорошо изученным в археологическом отношении. Поэтому исследователи затрудняются указать культуру, которая могла бы «явным образом» быть соотнесена с праиндоевропейской. Ряд археологических культур этого региона соответствует культурным при-

знакам, реконструированным по языковым данным, культуре индоевропейцев. Это и халафская культура на севере Месопотамии (V–IV тыс. до н. э.), и шулавери-шомутепинская (VI – начало IV тыс. до н. э.), охватывающая все современное Закавказье и обнаруживающая связь с халафской. Сменяющая последнюю, куро-араксская культура тоже по своим археологическим признакам совместима с реконструированной по языку материальной культурой и социальной организацией праиндоевропейцев, особенно их более поздних ответвлений.

По мнению Гамкрелидзе и Иванова, куро-араксская культура включала разноэтничные объединения и группы: хурритов, южнокавказский этнос и, возможно, отделившихся от общепраиндоевропейского и сместившихся к северу каких-то ее групп или группы. Доказательством могут служить находки колесного транспорта, захоронения вождей на колесницах с предварительной кремацией покойника, что обнаруживается, в частности, в Триалетских курганах и способствует картине погребального обряда, восстанавливаемой лингвистически для общеиндоевропейской культурной традиции. Развитие скотоводческой формы хозяйства, приведшей к росту численности населения и его переуплотненности в области первоначального обитания индоевропейцев, усложнение социальной структуры, в том числе и связанной с характером брачных отношений, стали причиной широкого расселения индоевропейских племен, сопровождавшегося их расчленением. Наиболее раннее движение индоевропейцев связано с носителями анатолийской диалектной группы, постепенно распространившихся в западном направлении от области первоначального обитания индоевропейцев, проникая в гущу местного населения. Такой диффузный характер расселения, возможно, подтверждается непрерывностью линии культурного развития Анатолии на протяжении III тыс. до н. э., о чем свидетельствуют археологические материалы.

Следующим, по мнению Гамкрелидзе и Иванова, было выделение из праиндоевропейского греко-армяно-арийской диалектной общности, из которой позже выделились греческий, армянский и индо-иранский диалекты. Допускается также, что сначала могли выделиться две группы: арийская и греческо-армянская. Но расселение имело место уже после появления трех диалектных групп. Диалектные группы могли выделиться до расселения, в ареале праиндоевропейского. Так, до расселения греко-армянский диалект мог контактировать с тахарским и древнеевропейским. В области прародины индоевропейцев, возможно, уже в конце IV – III тыс. до н. э. существовали арийские диалекты к югу от Кавказа, что документально зарегистрировано в митаннийском и арийском середины II тыс. до н. э. Миграция носителей греческих диалектов шла через Малую Азию на Пелопоннес и острова Эгейского моря. В ар-

хеологическом материале обнаруживаются связи между культурами западной Малой Азии и Пелопоннеса и Эгейскими островами. В период пребывания выделившихся греков в Малой Азии в их язык могло проникнуть значительное число слов из местных языков. Об этом свидетельствует наличие в греческом «целого неиндоевропейского лексического пласта».

Возможно также, что это получило отражение и в характере ранней минойской культуры и надписях, выполненных линейным письмом А. До появления индоевропейских диалектов на Балканах там сложился древнейший в Европе очаг цивилизации (с V тыс. до н. э.), близкий по типу к древневосточному. Установление этнического характера его создателей пока не предоставляется возможным [33, с. 18].

Начиная с III тыс. до н. э. сюда распространяются миграционные волны носителей индоевропейских диалектов, исходящие из Ближнего Востока. Протоармяне, распространившись на территорию исторической Армении (Армянское нагорье), наслоились на хуррито-урартский субстрат. Отмечены языковые контакты протоармянского и хетто-лувийского. Касаясь истории индоиранских диалектов, исследователи отмечают отсутствие контактов между ними и анатолийскими и раннем расхождении их в разные стороны. Вместе с тем арийский взаимодействовал с хуритским, шумерским и другими ближневосточными языками. Его ареалом была северная часть иранского плоскогорья, составлявшего восточную окраину общеиндоевропейской территории. Судя по археологическим данным, индо-иранцы появляются на севере Ирана в первой половине III тыс. до н. э. (культура Хиссар). Через территорию Афганистана арийцы затем проникли в северо-западную Индию. Движение их на восток получило отражение в архаичных гимнах «Ригведы». В качестве археологического соответствия можно указать на близость серой керамики северного Ирана серой минайской керамике Западной Анатолии [144]. Некоторые лингвистические свидетельства могут указывать на раннее проникновение части арийцев в области к северу от Кавказа. Гамкрелидзе и Иванов выделяют в этом районе группу топонимов арийского происхождения, более архаичных по типу, чем позднейшие иранские формы. С ними они, в частности, связывают название р. Синдес, а также р. Кубань. Проникновение части индо-иранцев через Кавказ оставило, по мнению названных исследователей, память о себе и в северокавказских языках в виде ряда слов, обнаруживающих близость к сатемным арийским формам [33, с. 20–22].

Основанный на лингвистических наблюдениях вывод о проникновении части арийских племен на Северный Кавказ и на Кубань может быть сопоставлен и с данными археологии. Раннемайкопская культура

IV тыс. до н. э. на Кубани, несомненно, близка древнеближневосточной культуре Амуна-Гавры, расположенной к югу от Закавказья между озерами Ван и Урмия [8, с. 39–57].

Проникновение и расселение индоевропейских племен в Восточной Европе проходило не только и, вероятно, не столько через Кавказ. Другой путь лежал через Среднюю Азию и закаспийские степи и был направлен в сторону северного Причерноморья. К сожалению, современное состояние археологической изученности Средней Азии и в особенности Закаспия дает пока немного материала для того, чтобы проследить прохождение через эту обширную и сложную в географическом смысле зону древних индоевропейских племен. Изучение энеолитических памятников Средней Азии показывает связь их с Ближним Востоком. Особенно сильным было воздействие на среднеазиатский энеолит со стороны Ирана и Месопотамии в раннеэнеолитическое время. Это влияние можно связывать и с движением сюда индоевропейских племен. Неслучайно культура Анау А, представляющая наиболее раннюю стадию среднеазиатского энеолита, сосуществует с местной джейтунской неолитической культурой. Постепенно между ними устанавливаются связи, сопровождавшиеся, возможно, этническим взаимодействием носителей этих культур. Так, отмечается проникновение в раннеэнеолитическую культуру технологических приемов изготовления керамики, характерных для местного джейтуна (добавление в глину в качестве отощителя рубленной соломы).

В следующей стадии энеолита Средней Азии Намазга I наблюдается соединение местных традиций, выражающихся в сохранении местных джейтунских керамических традиций, и инноваций, связанных с формированием в южном Туркменистане культурного комплекса типа Анау А. Керамика имеет аналогии в северном Иране и Месопотамии, а женская терракотовая скульптура — в комплексах Элама. Радиоуглеродные даты позволяют говорить о ранних памятниках энеолита, связанных с ближневосточными, уже в V тыс. до н. э. Следовательно, расселение нового населения, отмеченного, кстати, и в материалах антропологии, началось значительно раньше, чем думают Гамкрелидзе и Иванов.

Как бы там ни было, лингвистические, археологические и антропологические исследования дают возможность определить время и наметить пути миграции индоевропейцев в пределы Восточной Европы и дальнейшее их продвижение в области, в которых историческое время застает славян.

Глава 3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ГЕРМАНЦЫ И БАЛТЫ

Последующей задачей в изучении славянского этногенеза должно стать выяснение вопроса о появлении и расселении северной группы индоевропейцев.

Среди множества индоевропейских группировок, возникавших в процессе занявшего длительное время расселения индоевропейцев за пределами своей прародины, была и так называемая северная ветвь индоевропейцев, на базе которой в результате ее дальнейшего разделения возникли славяне, германцы и балты. Далеко не случайно историческими соседями славян были германские и балтские племена. Но эти три народа не только соседи, но, как свидетельствует лингвистика, и ближайшие родственники в обширной семье расселившихся на громадных пространствах Европы и Азии древних индоевропейцев. Это обстоятельство позволяет утверждать, что они развились на основе общего предка. Необходимо поэтому не только определить место локализации этой группы, но и установить, когда и как она смогла проникнуть в ту область, где древнейшие исторические источники обнаруживают славян.

Необходимо также решить, не было ли какой-то более ранней первоначальной славянской области, их колыбели, откуда они потом переселились в Эльбо-Висланское междуречье.

3.1. ЮЖНОСТЕПНОЙ ОЧАГ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРОДВИЖЕНИЯ ЧАСТИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Лингвистические и археологические источники дают основание утверждать, что в процессе расселения индоевропейцев возникла одна из областей, которая послужила очагом последующего проникновения

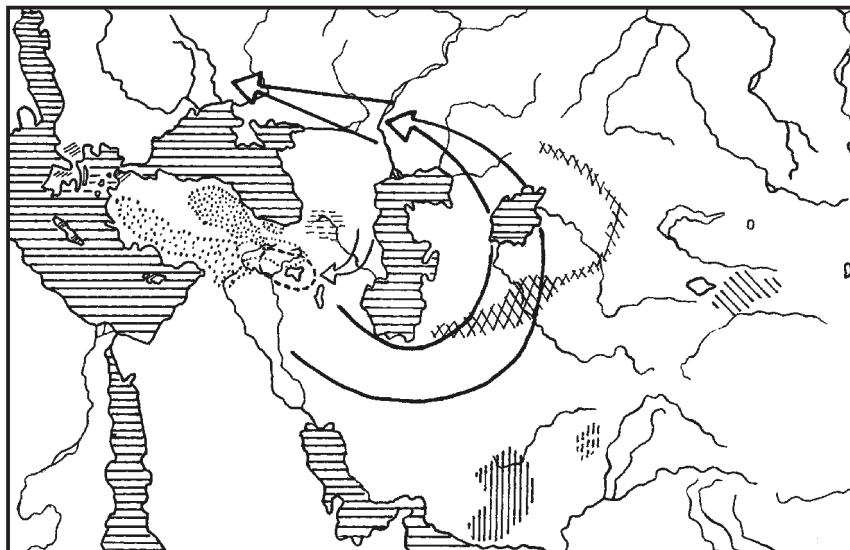

Рис. 5. Схема одного из направлений миграции индоевропейских племен

особой группы индоевропейцев в более северные районы Европы, в которых были исторически зарегистрированы славяне, германцы и балты.

Есть основания утверждать, что появившиеся в южных районах Средней Азии индоевропейские племена положили начало сложению мощной культурно-исторической общности, получившей название древнеямной культуры. В ходе дальнейшего расселения ее носители освоили большие пространства прежде всего Восточной Европы и составили особую группу северных индоевропейцев (рис. 5).

Н. Я. Мерперт, рассматривая вопросы генезиса древнеямной культуры, пытался искать ее истоки в строгановской культуре, распространенной в западной части позднейшего древнеямного ареала. Однако проблема генезиса этой культуры не может рассматриваться вне связи с вопросом о происхождении овцеводства у древнеямных племен. Известно, что приручение овцы не могло иметь место в южных степях Восточной Европы — зоне расселения древнеямных племен. Зато овцеводство как форма хозяйства хорошо представлено в энеолите Средней Азии (кости овцы в остеологическом материале поселений, глиняные фигурки овцы). Поэтому связь овцеводческого хозяйства древнеямных племен со Средней Азией вполне вероятна. Объяснять развитие овцеводства у древнеямников простым заимствованием будет едва ли правильно. Скорее всего, эта форма хозяйства распространилась в южных степях Вос-

Рис. 6. Основные группы племен Восточной и средней Европы

точной Европы в результате переселения овцеводческих племен через Среднюю Азию и закаспийские степи, которые и были одной из групп индоевропейцев, двигавшейся в северном направлении из области, близкой к их первоначальной прародине (рис. 6).

Древнеямная культура, наиболее ранние памятники которой сосредоточены в заволжских степях, проявляет отчетливую тенденцию постепенного распространения в западном, а позже — и в северном направлении.

Эти археологические свидетельства мы должны сопоставить с интересной лингвистической идеей В. В. Иванова о сложении в северном Причерноморье вторичной промежуточной прародины части индоевропейских племен. Эта область, по его мнению, стала местом контактов и вторичного сближения ранее уже частично отделившихся друг от друга индоевропейских диалектов, занесенных сюда посредством нескольких миграционных волн [64]. Этот ареал стал общим очагом последующего расселения в Европе носителей древнеевропейских диалектов.

К такому же выводу об особом месте, которое занимал северо-причерноморский ареал в дальнейшей миграции индоевропейцев, пришли и многие другие лингвисты и археологи.

Таким образом, связь причерноморской группы носителей индоевропейских (древнеевропейских) диалектов с древнеямными племенами выглядит очень правдоподобной.

Отметим также еще одно важное наблюдение лингвистов: гидронимия северного Причерноморья и центрально-европейского ареала в равной степени обнаруживает специфические черты, характерные для ранней индоевропейской гидронимии [108, с. 28].

Дальнейшая история расселения индоевропейцев уже может быть прослежена на основании археологических данных.

К середине III тыс. до н. э. племена древнеямной культуры достигают Днепра и украинской Волини. Этим временем датируются волинские курганы, а также ямные слои на поселении Михайловском на Днепре.

В Среднем Поднепровье в результате взаимодействия части древнеямных племен с местным неолитическим населением возникла среднеднепровская культура, позже на рубеже III–II тыс. до н. э. распространившихся на Верхнее Поднепровье.

Продолжая свое движение, носители курганов вышли в центр Европы и через Ютландский полуостров проникли в Скандинавию.

Первые отчетливые признаки этих племен обнаруживаются в культуре шаровидных амфор, распространенной на обширных пространствах от Эльбы до Немана. Эта культура носит смешанный характер, и помимо черт, присущих предшествующему неолитическому населению этого региона, она содержит целую группу элементов, типичных для «курганной» степной культуры: погребения в каменных ящиках или под курганами, скорченные и посыпанные охрой костяки, совместные погребения мужчины и женщины, культ домашних животных и др. Совпадает и антропологический тип. Отдельные памятники этой культуры датируются радиоуглеродным методом 2675 ± 40 г. до н. э.

В процессе своего расселения индоевропейские племена продолжали активно взаимодействовать с различными группами местного населения и постепенно утрачивали первоначальное этнокультурное единство.

3.2. ОБЛАСТЬ СЕВЕРНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Ареалы среднеднепровской культуры раннего этапа вместе с областью одновременной ей культуры шаровидных амфор дают, по нашему мнению, представление о территории, охваченной первой большой миграцией индоевропейских племен, выходцев из южных степей Восточной Европы. Путь этих племен пролегал через Среднее Поднепровье, Волинь, южные верховья Буга и Днестра вдоль южной границы лесной зоны в бассейны Вислы, Одера и Эльбы. Легко заметить, что освоенный ими ареал между Эльбой и Днепром, Балтийским морем и Карпатами в древнейших письменных исторических источниках отмечается как в основном славянский. Это расселение может быть датировано временем не позже середины III тыс. до н. э.

С последующей судьбой расселившихся здесь индоевропейцев, очевидно, и следует связывать начальную историю славян. Однако предварительно необходимо ответить на следующие вопросы: не было ли среди расселившихся индоевропейских племен уже выделившихся славян; если нет, то как долго просуществовала эта дренеевропейская общность, или, как ее иначе называют, северная группа индоевропейцев — общий предок славян, германцев и балтов; привел ли распад этой общности сразу же к выделению из нее этих народов или между ними и общностью какое-то время существовали некие промежуточные этнообразования; если такие промежуточные этносы существовали, то из какой из них и когда выделились славяне? Все эти вопросы в той или иной форме ставились в науке и получали различное освещение.

Прежде всего следует сказать, что, несмотря на некоторые осторожные намеки, какие можно встретить в трудах ряда лингвистов, о возможности сложения каких-то диалектных особенностей в составе «совокупности индоевропейских диалектов», которые после расселения индоевропейцев могли стать основой общеславянского языка, убедительных данных на этот счет не имеется. Трудно допустить, что такие зародышевые формы общеславянского могли сохраниться в условиях длительного по времени расселения, сопровождавшегося активными лингвистическими и этническими взаимодействиями их с различными группами местных неиндоевропейских племен и образованием локальных этнокультурных единиц. Например, та же древнеямная культурно-историческая общность насчитывала пять локальных групп [12, с. 25], развившихся, по-видимому, в значительной степени в результате действия местных субстратов в процессе продвижения древнеямных племен по степным пространствам Восточной Европы и смешения их с местным неолитическим населением. В таких условиях прежние индоевропейские диалекты должны были претерпевать сложные изменения и перетасовки, ибо не исключается возможность, что один диалект мог наложиться на группу разных диалектов субстратного населения или же, наоборот, разные диалекты индоевропейского могли на какой-то территории получить одинаковый лингвокультурный субстрат. Следует допускать также различную в силу разных причин степень воздействия субстратов в разных частях индоевропейского ареала и многое иное, что лежит за пределами наших возможностей в отслеживании этих процессов.

Механизм распада общего для будущих славян, балтов и германцев языкового предка представляется лингвистами по-разному. Ими предложено несколько схем, иллюстрирующих ход и время распада северной группы индоевропейцев, к которым мы еще вернемся, чтобы принять наиболее вероятную. Отметим, что наиболее известными являются схе-

мы, предложенные в разное время Шлейцером, Трэгером и Смитом, Полтнером.

Известно, что в процессе расселения в разноэтничной среде в условиях культурных и языковых взаимодействий с разными этносами постепенно утрачивается прежнее достаточно относительное единство этноса и идет языковое и культурное дробление. Поэтому расселившиеся в средней и лесной зоне Восточной Европы индоевропейские племена были уже далеко не теми, какими они были в начале своей миграции. Тем не менее лингвистика допускает и такую возможность, когда сразу же после расселения в центре Европы индоевропейцы могли составлять совокупность близких диалектов, позволяющих объединять их на какое-то время в относительно единую этнолингвистическую общность, условно называемую северной группой индоевропейцев. Однако легко заметить, что ареал этой группы наложился здесь на разные этнокультурные зоны. Археологические материалы свидетельствуют также, что пришельцы вступили в интенсивные связи с местными племенами [51, с. 33–56]. В таких условиях сохранить это достаточно относительное единство, к тому же в условиях расселенности их на очень значительной территории, было невозможно. Поэтому с позиции лингвистики, как справедливо отмечал Горнунг, гипотеза о длительном существовании «североиндоевропейской» диалектной группы, в которую протобалтийские и протославянские диалекты якобы входили вместе с протогерманскими», не может быть признана обоснованной [37, с. 57]. Многие лингвисты (А. Мейе, З. Фейст, Ю. Покорный, В. Пизани) считали, что наложение индоевропейских диалектов на разные неиндоевропейские субстраты привело к расхождению строя индоевропейских диалектов и образованию обособленных языковых групп — отдельных «ветвей» индоевропейской семьи [38, с. 43].

Существование в середине — второй половине III тыс. до н. э. в зоне расселения «курганых» (термин, которым предпочитает пользоваться М. Гимбутас) племен нескольких самостоятельных археологических культур может служить археологическим свидетельством происшедшего к этому времени распада «единства» северной группы индоевропейцев и появления либо уже достаточно сильно дифференцированных, но родственных этнокультурных группировок, либо различных новых этносов, говоривших на еще близких тогда языках, ветвях индоевропейской семьи. Впрочем, «единство» северных индоевропейцев, повторим, с самого начала было относительным. Скорее, это были группы родственных племен, говорившие на близких индоевропейских диалектах и расселившиеся чересполосно в среде местных и различных в этнокультурном плане неолитических племен. Именно потому здесь и не образовалось

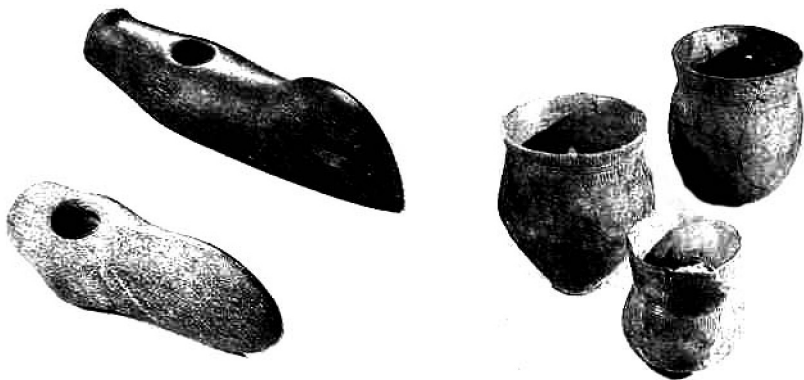

Рис. 7. Боевые топоры и посуда культуры боевых топоров

после их расселения культурного единства, которое было бы представлено какой-то одной археологической культурой.

Начавшаяся вскоре метисация должна была привести к утрате потомками мигрантов их языкового «единства».

Аналогичные процессы протекали и в культуре. Это и может служить объяснением тому факту, что, фиксируя в данной области отдельные сходные памятники, близкие к так называемой «курганной культуре», мы не обнаруживаем такой единой археологической культуры в целом. «Курганные» памятники идут попеременно с аборигенными. А когда к середине III тыс. до н. э. в ареале первой индоевропейской миграции здесь оформятся новые археологические культуры, они уже будут достаточно различаться между собой, сохраняя, впрочем, сильно выраженную общую основу — наследие общего для них индоевропейского культурного компонента. Этот общий компонент позволяет объединять эти и другие близкие культуры в группу культур шнуровой керамики и боевых топоров (рис. 7).

3.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ

Еще в 1895 г. Густав Коссинна сформулировал идею о времени, месте и обстоятельствах возникновения германцев, а также начале их последующего распространения в Европе. Его положения получили признание только сорок лет спустя. Начало формирования германцев он отнес к рубежу каменного и бронзового веков. Их прародина, по Коссинне, лежала в Мекленбурге, Шлезвиг-Гольштейне, Ютландии, датском острове и на юге Швеции. Здесь они пребывали до начала III тыс. до н. э.

Основные доводы Г. Коссинны сводились к следующему. Составлявшие Веды 1500 лет до н. э. индусы Пенджаба, точно так же, как и сочинявший приблизительно в это же время свои поэмы Гомер, рассуждал исследователь, уже не были «прагерманцами» (праиндоевропейцами. — Э. З.), а индусами и греками. Поэтому не следует удивляться тому, что и обитавшие в это же время в Прибалтике индоевропейцы были уже тысячу лет германцами, а не праиндоевропейцами («индогерманцами», по терминологии Коссинны). По его мнению, «германский народ» возник в результате слияния части древних индоевропейцев с местным населением, которое он называл прафинским.

Следует заметить, что археологическая наука, связанная с изучением древностей центральной и северной части Европы, тогда еще только набирала силы, фундаментальных раскопок было проведено немного и Коссинне пришлось работать с отдельными находками, собранными в разных частях страны многочисленными энтузиастами и любителями древностей, а также с имевшимися на тот момент выводами антропологов. В лингвистике же тогда прочно утвердилась концепция северогерманской прародины индоевропейцев.

Позже в своих работах «Индогерманцы» («Indogermanen» — 1921 г.) и «Происхождение и распространение германцев» (1926) Г. Коссинна более подробно изложил свое видение проблемы возникновения ранних германцев.

Используя метод ретроспекции и основываясь на археологических находках и антропологическом материале, Г. Коссинна шаг за шагом прослеживает локализацию древних германцев на протяжении длительного периода, от исторических времен вплоть до рубежа каменного и бронзового веков. По совокупности данных, которыми располагал исследователь, он считал возможным датировать намеченный им первоначальный очаг германского расселения началом III тыс. до н. э.

Благодаря его работам историю германцев уже не начинали больше со времен первых упоминаний о них в сочинениях Цезаря и Тацита, а продвинули ее начало на две тысячи лет в глубь веков.

Как думал Г. Коссинна, после окончания ледникового периода освободившаяся от ледника территория на севере Европы постепенно заселяется выходцами из средней Европы — племенами охотников и рыболовов с культурой доббертинер, которых он считает возможным соотносить с прафиннами. Позже на часть прафиннов накладываются вышедшие из средней Германии «индогерманцы». В результате смешения двух этносов образуются «финно-индогерманцы», создавшие культуру «больших каменных гробов» (Grosssteingraben).

По соседству с ними размещались «чистые» индоевропейцы (у Коссинны, по принятой тогда терминологии, это — «индогерманцы») с культурой одиночных захоронений в небольших курганах.

Около III тыс. до н. э. часть здешних индоевропейцев отошла к югу, а на территорию, занятую оставшейся частью индогерманцев, пришли и постепенно смешались с ними финно-индогерманцы. Результатом такого смешения стало появление ранних германцев. Прежние «финно-германцы» и часть «чистых» индогерманцев стали «одним культурно-историческим народом», пишет Г. Коссинна, — и дальше: «Результат объединения этих двух культур не мог быть ничем иным, как возникновение ранних германцев». Около 2000 г. до н. э. появляется первая унифицированная (по его словам) культура, которая отмечена распространением очень совершенного оружия из камня.

Во всяком случае, в эпоху бронзового века в 1600 г. до н. э. на территории от Дании, южной Скандинавии и средних областей северной Германии, между Эмс на западе и Одером на востоке, размещаются уже сформировавшиеся ранние германцы, а очерченная область, по Г. Коссинне, составила их прародину. Ранние германцы были представлены двумя антропологическими типами, обязанными двум группам, принявшим участие в миксации. Узколиций стал наследием племен с одиночными курганами и шнуровой керамикой, а широколицый достался ранним германцам от финно-индогерманцев, создателей культуры больших каменных гробов.

Дальнейшие исследования и новые материалы выявили некоторые ошибки и заблуждения Г. Коссинны. Так, у него носители одиночных могил возникли на территории Ютландского полуострова и в Шлезвиг-Гольштейне. Однако, как это показали Штухгардт Е. и Швантес Г., они не были здесь местными обитателями, а пришли сюда с юга по сухопутным дорогам. По Тоде, это был «военный захват» некоторой части старого населения «больших каменных гробов», и ни в коем случае только незаселенных неплодородных песчаных земель, но в больших размерах также благоприятной для земледелия страны в области расселения носителей культуры одиночных могил. Постепенно осваивались Шлезвиг-Гольштейн, потом Ютландия, остров Лолланд и Фальштер, несколько позже — Прибалтика и юг Швеции. И на всей этой территории образовывалась новая, единая культура эпохи кинжалов последней ступени северного неолита. С этим объединением возник новый народ — германцы.

Ошибки Г. Коссинны обусловлены как недостаточным количеством имевшихся в его распоряжении археологических материалов, так и убежденностью исследователя в том, что именно север Германии и юг Швеции были исконной прародиной индоевропейцев.

В результате последующего расселения в конце неолита индогерманцев во внутренней Европе, индогерманская часть северной Германии, Дании и южной Швеции сильно поредела и ослабла. В этот пробел двинулись теперь финно-индогерманцы, по-видимому, без военных столкновений друг с другом. Этот ничем не подтвержденный и явно искусственный чисто умозрительный тезис порожден ошибочным представлением Коссинны, что первоначальной областью расселения индоевропейцев был север Европы, откуда они впоследствии распространились по всей Европе и значительной части Азии.

В качестве доказательства имевшего место смешения отмеченных им двух этнических групп Коссинна указывает на находки в одиночных погребениях оружия и других предметов, характерных для культуры больших каменных гробов заключительной стадии каменного века.

Территория германцев отмечена единой культурой, в которой хорошо представлен полный комплекс оружия из камня, характерного для жителей севера, великолепно выполненные поздние формы кинжалов с рукояткой.

Основные положения концепции Г. Коссинны, касающиеся места прародины германцев, условий их формирования в результате смешения двух этносов, и предлагавшееся им время возникновения германцев были подтверждены и наполнены новыми конкретными фактами в трудах его последователей и получили признание в современной науке.

Так, проведенные Альфредом Тоде в середине 30-х гг. XX в. крупные полевые исследования в Манусе (Шлезвиг-Гольштейн) подтвердили основной вывод Г. Коссинны о формировании германцев на основе двух этнических групп — носителей культуры больших каменных гробов и племен одиночных захоронений. Это тем более интересно, поскольку исследования велись в самом центре германской прародины. Из его материалов, однако, следует, что носители культуры одиночных захоронений не были коренным населением этого региона, как думал Г. Коссинна, а пришли сюда с юга во времена сухопутным путем.

Он также пришел к убеждению, что племена больших каменных гробов не были индоевропейцами («индогерманцами»). Ими были только племена шнуровой керамики и одиночных погребений. Такую позицию разделяли и другие германские исследователи (Е. Шухгардт, Г. Швантес). По мнению А. Тоде, это был «военный захват». При этом пришлые индоевропейцы селились на плодородных землях, благоприятных для ведения земледелия и скотоводства.

Удалось проследить такую последовательность в постепенном овладении индоевропейцами земель Северной Европы: Шлезвиг-Гольштейн, затем Ютландия, острова Лолланд и Фальстер, несколько позже — Прибалтика и южная Швеция. На всей этой территории формируется новая

единая культура, включившая в себя элементы местной культуры и культуры пришельцев. Из слияния двух этнических групп возникает новый этнос — германцы.

Для нас крайне важными представляются два основных вывода, к каким пришли исследователи германского этногенеза: 1) возникновение германцев было обязано этнической миксации, слиянию двух этносов — местного доиндоевропейского и пришлого, каким были индоевропейцы; 2) возникновение германцев произошло вскоре после прихода на север Германии индоевропейцев, т. е. в конце каменного — начале бронзового века (III тыс. до н. э.).

Почти все исследователи единодушны в том, что прародина германцев может быть очерчена в следующих пределах: часть севера Германии (между Эмсом и Одером), Дания, юг Швеции. Позже будут освоены Голландия, Вестфалия, средняя Германия и Померания. Но это уже будет связано с выходом германцев за пределы своей прародины и началом их расселения на новых территориях.

Материалы полностью раскопанного в 1938—1940 гг. поселения каменного века Гунте 1 около Дюннерзее на границе Ганновера и Ольденбурга показали, как после военного столкновения носителей культуры больших каменных могил со «шнуровиками» культуры одиночных погребений произошло объединение и смешение этих двух групп. Поселение значительно увеличилось в размерах, наблюдается хозяйственный и культурный подъем, поселение перестраивается, возводятся мощные укрепления.

Несмотря на некоторые неточности в формулировании и употреблении отдельных этнонимов (например, «финно-германцы»), следует особо отметить главное достижение в изучении германского этногенеза: удалось правильно определить и объяснить механизм возникновения германцев и время начала их формирования. Г. Коссинна первым высказал идею о раннем возникновении германцев, и она была поддержана и подтверждена в трудах других исследователей. Коссинна правильно обосновал механизм возникновения германцев, в основе которого была миксация двух этнических групп — одной из частей индоевропейцев и местного доиндоевропейского населения севера Европы. Этническая миксация носила трансформационный характер. Такой тип миксации признан в современной этногенетической теории в качестве одного из распространенных и надежных путей, приводящих к образованию новых этносов.

Этногенез германцев может представлять пример сценария, по которому прошли в своем становлении и ближайшие к ним в семье индоевропейских народов балты и славяне.

3.4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БАЛТОВ

Ближайшими родственниками славян являются балты, и история их возникновения и по другим причинам представляет особый интерес для понимания этногенеза славян.

К настоящему времени сохранились два балтских народа, относимые к группе восточных балтов, — литовцы и латыши. На их языках говорит приблизительно 6 млн человек. Однако в историческом прошлом балты представлены тремя группами: западными, восточными и условно днепровскими, а область их обитания, на что указывает топонимика, была в шесть раз больше, чем теперь.

Один из западнобалтских языков — старопрусский — исчез приблизительно к 1700 г., еще раньше — ятвяжский язык днепровских балтов (последнее упоминание о балтском племени голяди, жившей в верховьях Днепра, относится к XII в.).

Самые ранние образцы старопрусского и литовского языков сохранились в религиозной литературе в лютеранских катехизисах, написанных в XVI в.

Однако не только древние образцы, но и современные балтские языки отмечены заметным архаизмом, что привлекает к ним внимание лингвистов, занятых исследованиями истории развития индоевропейских языков в древности. В качестве наглядного примера древности балтийских языков приводится сравнение литовской фразы «Бог дал зубы, Бог даст хлеб» на современном литовском с той же фразой на древнем латинском и даже санскрите. На всех трех языках, разделенных между собой временем в две и почти в три с половиной тысяч лет, она звучит почти одинаково. Сравним:

- 1) по-литовски — «Dievas dave dantis; Dievas duos duonos»;
- 2) на латинском — «Deus datit dentes; Deus dabit panem»;
- 3) на санскрите — «Devas adadat datas; Devas dat dhanas».

Этот пример дал основание лингвистам говорить о древности балтийских языков, которые в силу различных обстоятельств сохранили архаичный строй и недалеко ушли от своего индоевропейского языкового предка.

Древнейшие сведения о балтах в трудах античных авторов крайне скудны и принимаются далеко не всеми историками. Так, знаменитый рассказ Геродота о неврах, якобы вытесненных из мест своего первоначального обитания змеями, в равной степени увязывается исследователями как с балтами, так и со славянами. На связь этого сюжета с балтами, как думают, указывает тот факт, что змея занимает особое место в верованиях и фольклоре балтских народов, и немцы, проводя хри-

стианизацию этого народа и борясь с языческими верованиями, публично сжигали змей в кострах посреди местных деревень.

Известны рассказы об «*aisti*», собирателях янтаря, которых отождествляют с западными балтами, поскольку янтарь сосредоточен преимущественно на юге Прибалтики. Интересны упоминания Тацита и Птолемея названий балтских племен.

Все эти фрагментарные сведения о древних балтах дают некоторое представление о локализации их в Прибалтике, но мало что говорят об их этногенезе. Значительно больший интерес в этом плане представляют топонимические и особенно археологические материалы. Так, трудами Буги, Топорова, Трубачева и других лингвистов определена обширная лингвистическая область, в которой господствует балтская гидронимика. Она распространена от Вислы на западе до Москвы на востоке и от Западной Двины на севере до района современного Киева на юге. Этот обширный гидронимический массив, несомненно, указывает на территорию обитания древних балтов (рис. 8).

Выявленные и изученные внутри этого региона археологические культуры железного века (культура штрихованной керамики, днепродвинская, милоградская и другие, о которых будет речь впереди) большинством археологов справедливо интерпретируются как балтские. Однако приведенные данные о давней локализации балтов на территории, в 6 раз превышающей их современную, еще не дают сами по себе ответа на во-

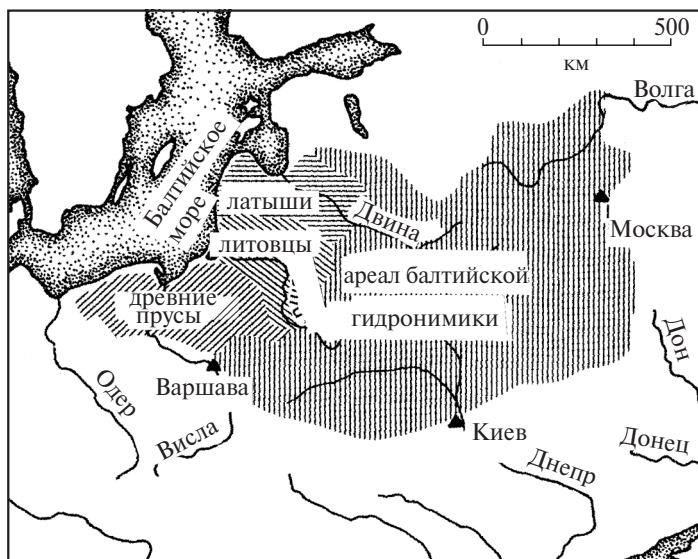

Рис. 8. Территория древних балтов (по Мэллори)

Рис. 9. Хронологическая схема формирования индоевропейских языков Г. Трегера и Х. Смита

просы: когда и как появились балты и какова была их начальная территория, поскольку любая индоевропейская группа при разделении предшествующей, по установленным и много раз подтвержденным законам этногенеза, должна формироваться на небольшой территории.

Несомненно, что балты, подобно другим индоевропейским народам, выделились в процессе расселения индоевропейцев или части их, в данном случае из северо-европейской ветви (общности) (рис. 8), при воздействии на нее либо территориального фактора (большая территория обитания), либо сильного этнокультурного субстрата населения тех мест,

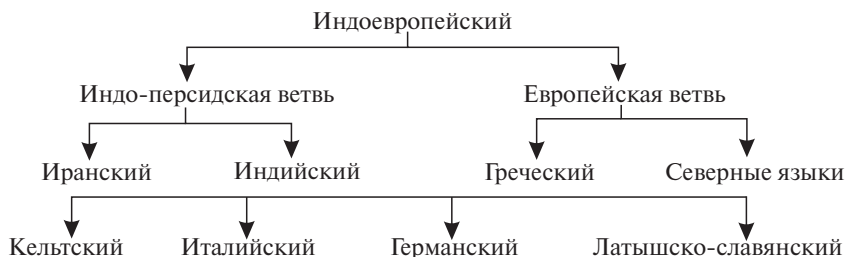

Рис. 10. Схема дифференциации индоевропейских языков по Э. Лотнеру

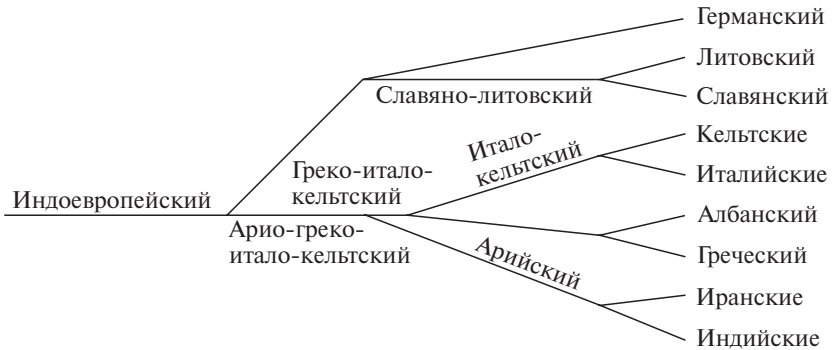

Рис. 11. Схема развития индоевропейских языков по Шлейхеру

куда они мигрировали. Разъединяющее воздействие (действия, вызывающие дифференциацию этноса) могут оказывать и оба фактора одновременно.

В теоретическом плане это понятно. Однако, касаясь конкретно этногенеза балтов, исследователи разошлись во мнениях относительно хода распада североευропейской общности и вычленения из нее новых народов. В отличие от рассмотренных выше представлений о выделении из нее германского этноса, некоторые лингвисты высказали предположение, что одновременно с германцами выделились не балты и не славяне, а некая промежуточная общность, которую назвали балто-славянской, а сама идея получила название балто-славянской концепции.

3.4.1. Концепция балто-славянской общности

Эта концепция в равной степени относится как к балтскому, так и к славянскому этногенезу. Так называемая теория единого «балто-славянского праязыка» родилась в XIX в. из наблюдений лингвистов над близостью между собой балтийских и славянских языков, из статистических подсчетов количества общих слов в балтских и славянских языках, характера и степени близости у них фонетических и грамматических форм в сравнении с другими индоевропейскими языками. Наибольшее количество общих лингвистических явлений оказалось в славянских и балтийских языках. Отсюда был сделан вывод, что праславянский и прабалтийский выделились не из древнеевропейского, а из единой лингвистической структуры – «балто-славянского» праязыка. Эта теория имела много сторонников в конце XIX – начале XX в. Ее принимали и рьяно отстаивали Шлейхер, Бругман, Брюкнер, Педерсен, Фортунатов, Хирт, Шлехт и др. Ее признавали многие польские лингвисты: Т. Лер-

Сплавинский, Я. Отрембский, Я. Сафаревич, Е. Курилович. Согласен с ней крупный болгарский языковед В. И. Георгиев. Делались попытки лингвистической реконструкции балто-славянского (А. Вайян), выделения балто-славянской гидронимии и т. д.

Однако попытки реконструкции балто-славянского языка, как и локализации этой группы, не дали положительных результатов, и уже в начале своего существования эта теория подверглась обоснованной критике. Решительно против нее выступили такие известные слависты и специалисты по балтийским языкам, как Бодуэн-де-Куртэнэ, А. Мейе, Эндзелин, Ильинский, Горнунг и др. Особенно серьезной критике подверглись лингвистические аргументы сторонников балто-славянского праязыка в последние годы. Для обоснования своих позиций некоторые лингвисты (Т. Лер-Сплавинский) пытались апеллировать к археологическим материалам, пытаясь находить в них факты, объясняющие происхождение этой общности и определяющие ее локализацию. В археологии пытались искать основания и для ее датировки. В большинстве своем такие попытки были малоубедительными и подверглись решительно критике. Однако и сами археологи в своих этногенетических построениях нередко брали на вооружение теорию балто-славянской общности. Насколько были удачны эти попытки, можно судить хотя бы по следующим примерам. Д. Я. Телегин связывал с балто-славянской общностью днепро-донецкую неолитическую культуру V—III тыс. до н. э., А. Гардавский — тшинецкую культуру бронзового века (вторая половина II тыс. до н. э.), В. Хенсель — культуру Злота II тыс. до н. э., а П. Н. Третьяков одно время балто-славянскую общность отождествлял с милоградской культурой железного века (VI в. до н. э. — I в. н. э.). Сам факт таких расхождений в соотношении этой общности с конкретными археологическими культурами и в датировках общности не может не породить недоверия. Но ведь в зависимости от датирования балто-славянского этапа получало различную хронологическую интерпретацию и начало истории балтийских и славянских народов! В настоящее время большинство советских лингвистов считают теорию балто-славян искусственным построением и предпочитают говорить о длительных контактах балтийских и славянских языков, о параллелизме их развития, что вполне объясняет природу тех общих явлений, которыми характеризуются эти языки. Общность происхождения, длительное соседство и активные взаимодействия, не ограничивавшиеся только маргинальными, — вот что определило близость славянского и балтийского. Сходство между ними поразительное, отмечал А. Мейе, но отсюда еще далеко до установления «славяно-балтийского единства» [105, с. 11].

3.4.2. Время и обстоятельства появления балтов. Начальная территория и последующее расселение

Исключительное значение для решения балто-славянской проблемы и славянского этногенеза имеют данные об очень раннем выделении и сложении балтов.

Как мы уже отмечали, топонимика фиксирует распространение древних балтов на огромной территории. Однако это вовсе не означает, что начальное формирование балтского этноса проходило на всей этой территории. Более того, это невозможно.

В самом деле, если исходить из старых представлений о позднем возникновении балтов, то невозможно объяснить, как могла сформироваться общность балтских племен после расселения индоевропейцев на столь большой территории — от Вислы до Волги, отличавшейся до этого значительной пестротой в этнокультурном отношении и неоднородностью в уровнях социально-экономического развития отдельных областей. В таких условиях расселившиеся носители культур боевых топоров по причине, характерной для первобытно-общинного строя, непрочности экономических и других связей должны были испытывать прежде всего действие центробежных сил, которое вело к дифференциации этнических образований и, безусловно, затрудняло формирование общих культурных элементов, свойственных вновь возникающей этнической общности. Для этногенетических процессов в такой ситуации более типичным было разделение с образованием новых племен и диалектов.

Наблюдения над гидронимикой Беларуси предоставляет случай еще раз вспомнить об одном весьма важном выводе лингвистики: места наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности не могут отождествляться с территорией формирования этноса, носителя этого языка. В условиях непрерывной топонимической преемственности территории формирующейся этнической группы сохраняется, как правило, старая гидронимика. Отсюда следует, что область, в которой обильно представлена гидронимика, связанная с конкретным этносом, должна рассматриваться как территория миграции сюда данного народа. Мигранты приносили с собой названия, возникшие в результате собственных лексических и словообразовательных новообразований, вытекавших из особенностей их языка [100, с. 85–86].

Этот тезис впервые был выдвинут польским исследователем Рудницким и находит все новые подтверждения.

Следовательно, мощный пласт балтской гидронимики, господствующий на территории Беларуси, должен рассматриваться как одно из доказательств миграции сюда уже сложившихся балтов, чья небольшая на начальном периоде их истории прародина должна быть локализована за пределами основного балтского гидронимического массива.

Вопрос состоит только в том, были ли расселявшиеся среднеднепровские племена уже сложившимися балтами или балтами стали их потомки после расселения. Нам представляется, что второе маловероятно. Расселение на больших пространствах в разнокультурной и, несомненно, разноэтнической среде в условиях энергичных этнокультурных взаимодействий с местными племенами привело к ситуации, малоблагоприятной для этнической консолидации этих племен. Трудно выделить такие факторы, которые бы определили развитие этих племен или их потомков в направлении консолидации и формирования у них общих балтийских этноязыковых признаков.

Логичнее предположить обратное. В условиях пространственной разделенности, непрочности межплеменных экономических и прочих связей, присущих первобытно-общинному строю, при активном воздействии разных этнических субстратов большую роль в этногенетическом процессе должны были играть центробежные силы, ведущие не к консолидации этнических групп, а к их дифференциации. В таких условиях более типичным было новообразование племен и диалектов. Лингвистика фиксирует очень ранние контакты балтов с финно-уграми. В прибалтийско-финских и поволжских финно-угорских языках обнаруживаются многочисленные заимствования из балтийского, как в словарном составе, так и в грамматическом строе. При этом по своему характеру они соответствуют историческим условиям периода освоения животноводства и земледелия, т. е. совпадают по времени с расселением в этих местах среднеднепровских племен (на Волге — фатьяновских), которые, очевидно, уже были носителями балтийских диалектов.

О древности контактов между балтами и финно-уграми свидетельствует также тот факт, что балтийские заимствования в финно-угорских языках оказываются более ранними, чем заимствования из германских языков [115, с. 30].

Ни археологический, ни палеоантропологический материалы не указывают на то, что этот обширный регион с балтийской гидронимией мог быть освоен в какое-то другое, более позднее время после расселения здесь племен с боевыми топорами. Антропологический материал самой удаленной от древних индоевропейских центров — фатьяновской группировки — не противоречит выводу об ее принадлежности балтам.

Впервые идею о раннем возникновении балтов, месте их формирования и первой археологической культуре предложил и обосновал эстонский археолог Х. А. Моора [115].

То обстоятельство, что при сопоставлении лингвистических и археологических карт ареалы балтской гидронимики накладываются на ареал археологических культур боевых топоров эпохи бронзы в восточной области их распространения, наряду с другими моментами, дает осно-

вание для вывода о возможности формирования балтской гидронимии Верхнего Поднепровья в прямую связь с расселением здесь племен с боевыми топорами. Это означает, что балты как этнос оформляются уже в III тыс. до н. э.

В наиболее законченном виде идею о раннем формировании балтских племен и за пределами той территории, которую они заняли позже в результате своего расселения в конце неолита – начале бронзового века, изложил Х. А. Моора [115].

В основе его заключений лежали следующие наблюдения:

1. Территория восточной группы культур боевых топоров совпадает с областью распространения древней балтской топонимики, выделенной в работах К. Буги, М. Фасмера, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева и др.

2. В период после распространения здесь культур боевых топоров – во второй половине II – начале I тыс. до н. э. – археологически не прослеживаются значительных этнических перемещений, проникновения в этот район большой этнической общности, которая бы «балтизировала» его.

Естественно допустить, что в последующее время в связи с племенной дифференциацией балтов и смешением этнических масс в гидронимической номенклатуре должны были возникнуть новые элементы, которые можно связать с более поздней историей балтских племен.

3. В языках прибалтийско-финских и поволжских финно-угорских народов, предки которых соседствовали с носителями культур боевых топоров, обнаруживаются многочисленные балтийские заимствования, как в словарном составе, так и в грамматическом строе. При этом балтийские лексические заимствования по своему характеру соответствуют историческим условиям периода освоения животноводства и земледелия, т. е. тому времени, когда на этих землях расселялись племена культур боевых топоров. Балтийские заимствования в финно-угорских языках, как считают лингвисты, происходили заимствованиями из германских языков.

4. Палеоантропологический материал также не дает оснований предполагать, что в период между распространением культур боевых топоров и более поздним расселением в области Верхнего Поднепровья славян «имело место какое-либо существенное изменение состава населения» [115, с. 30].

В. Мажюлис, анализируя латышские и особенно литовские диалектные материалы, соглашается с выводом Х. А. Моора о раннем формировании балтов и считает возможным относить их выделение «ко времени до начала I тыс. до н. э.» [95].

С выводами Х. А. Моора согласился П. Н. Третьяков [183, с. 111–112].

В. В. Седов изложенную идею называет догадкой, менее приемлемой, чем мнение Б. В. Горнунга о носителях культур боевых топоров как одной

из индоевропейских групп, не разделившейся еще на балтов, славян и германцев [150, с. 54]. Однако он не привел никаких контраргументов доводам Х. А. Моора.

Думается, что предложенная Х. А. Моором серия наблюдений, свидетельствующих о возможно более раннем возникновении балтов, чем предполагалось, заслуживает большего внимания, а его идея значительно лучше объясняет многие факты балтского этногенеза.

Обратимся, однако, к археологическим материалам. В середине III тыс. до н. э. на Среднем Днепре распространяются памятники древнеямной культуры. Именно таким временем И. И. Артеменко датирует древнеямные курганные погребения на Вольтыни [10, с. 30]. К этому же времени, видимо, относятся ямные слои поселения Михайловского на Днепре. К сожалению, эти даты пока слабо подтверждены радиоуглеродным методом и не исключено, что будут несколько удревлены, поскольку в средней Европе курганы, связанные, вероятно, с теми же племенами, можно отнести к началу III тыс. При этом следует иметь в виду, что в своем продвижении из южных степей они должны были достичь Среднего Поднепровья раньше, чем области средней и северной Европы. Однако даже эти даты позволяют заключить, что ранняя волна индоевропейской миграции прошла довольно быстро.

Обоснованная в Среднем Поднепровье часть древнеямных племен вступила в сложные этнические взаимодействия с местными неолитическими племенами днепро-донецкой культуры, а также в какой-то степени с населением северо-восточного ареала трипольской культуры или его потомками. В результате к середине III тыс. до н. э. днепро-донецкая культура прекращает свое существование, обнаруживая на заключительном этапе признаки несомненного воздействия новой пришлой древнеямной культуры. Вместе с тем днепро-донецкая культура, в свою очередь, оказала сильнейшее влияние на культуру пришельцев и явилась основным субстратом возникшей на части ее территории в результате энергичных миксационных процессов между местным и пришлым населением новой археологической культуры, получившей название среднеднепровской.

Среднеднепровская культура многое унаследовала от ямной: курганный обряд захоронений, скорченные позы погребенных, яйцевидные сосуды с высокой орнаментированной шейкой, молоткообразные костяные булавки и костяные пронизки. Но прав был П. Н. Третьяков, когда отмечал, что характерные для среднеднепровской культуры орнаментальные мотивы в керамике, представленные вертикальными полосами, заштрихованными треугольниками, елочками, зигзагами и т. д., имеют свои истоки только в керамике днепро-донецкой культуры.

Определенная преемственность наблюдается и в некоторых формах среднеднепровской посуды. «Только участием этих племен в формировании среднеднепровской культуры можно объяснить разнообразие форм ее керамики и орнаментации», — писал П. Н. Третьяков.

Явные признаки метизации обнаруживаются в ранних среднеднепровских захоронениях. Известно, что у древнеямных племен был распространен обряд захоронений покойников в бескурганных могилах в вытянутом положении и на спине. Часто их посыпали минеральной краской охрой. Древнеямники же покойника хоронили в подкурганных камерах на спине с согнутыми в коленях ногами и тоже посыпали его охрой.

Для среднеднепровской культуры ранней стадии характерно смешение обеих традиций: покойников клали на спину в вытянутом положении как у днепро-донецких племен, но над погребенным насыпали курган, как это делалось у древнеямных племен.

Несмотря на то что ареалы раннего этапа среднеднепровской культуры выявлены далеко не полностью и пока охватывают некоторые районы Киевской и Черкасской областей на правобережье Среднего Поднепровья, ее территория до начала II тыс. до н. э., когда начнется широкое продвижение среднеднепровцев в северном направлении, выглядит достаточно компактной. Это важно подчеркнуть, обращаясь к вопросу об этнической атрибуции носителей среднеднепровской культуры.

Хотя основной исследователь культуры И. И. Артеменко считал, что среднеднепровские племена представляли собой неразделившихся индоевропейцев, это явное заблуждение. Как мы видели, дифференциация индоевропейцев началась задолго до появления среднеднепровцев и продолжалась постоянно после их выхода за пределы прародины и смешения с различными народами, оказавшимися на их долгом и протяженном пути.

В середине III тыс. до н. э. одна из групп древнеямных племен, носителей индоевропейского, достигнув области Среднего Поднепровья, начала смешиваться с местным неолитическим населением днепродонецкой культуры и частично, возможно, с периферийными племенами трипольцев, в результате чего возникла новая археологическая культура — среднеднепровская. Едва ли следует сомневаться, что потомки древнеямных племен, смешавшись с иноэтничным населением, утратили многие черты, которыми характеризовались ранние индоевропейские мигранты. После почти пятисотлетнего обитания в Среднем Поднепровье эти группы племен начали быстрое расселение в северном направлении и скоро заняли обширные пространства от Вислы на западе до верховьев Оки и Волги — на востоке, повсюду выступая как носители

культур боевых топоров. Это было второе крупное расселение индоевропейских племен. Их ареал в точности совпадает с зоной распространения балтийской гидронимии. Поэтому имеются достаточные основания атрибутировать среднеднепровские племена или их потомков с древними балтами. Процесс их формирования как балтов проходил до их расселения и за пределами освоенной ими позже новой обширной территории. Это обстоятельство полностью соответствует выводу лингвистики о законах образования гидронимического фона, по которому господство на какой-то территории гидронимических типов определенного языка должно рассматриваться как свидетельство миграции в эту область носителей данного языка, и эта область не может быть прародиной носителя этого языка. Следовательно, область формирования балтов должна была находиться за пределами или по соседству с этим ареалом балтийской гидронимики.

Таким образом, возникновение балтов вполне обоснованно можно связывать со среднеднепровской культурой ее раннего этапа и хронологизировать временем формирования этой культуры, начавшегося вскоре после расселения в Среднем Поднепровье степных индоевропейских племен в середине III тыс. до н. э. и до начала экспансии среднеднепровских племен на рубеже III и II тыс. до н. э., когда они уже выступают в качестве сложившихся балтов.

Приведенных археологических и лингвистических материалов, на наш взгляд, достаточно, чтобы заключить, что балты как новая этническая единица выделились из группы древних индоевропейцев уже в III — начале II тыс. до н. э., и их первой археологической культурой стала среднеднепровская культура ранней бронзы. Процесс их формирования начался со времени появления в Среднем Поднепровье индоевропейских скотоводческих племен и начала их смешения с местным неолитическим населением, которое стало субстратом нового этноса (приблизительно с середины III тыс. до н. э.), и закончился к моменту широкого расселения среднеднепровских племен, т. е. занял около 500 лет.

После того как у населения Среднего Поднепровья сформировались характерные балтийские признаки, оно продолжало в течение какого-то времени пребывать в своей колыбели и оставило заметные следы в гидронимике этого региона. Так, В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву удалось выявить несколько речных названий с балтской этимологией к югу от Припяти в восточной части Припятского правобережья (по Уборти, Славечне, Уше) [178, с. 233].

Позже балтские гидронимы обнаружены были на Полтавщине и даже на украинском Поросье.

Последующее расселение балтов за пределы своей прародины и смешение их с различными группами местного неолитического населения лесной зоны сопровождалось их культурной и языковой дифференциацией и привело к возникновению различных археологических балтских культур. В этом периоде истории балтов лежат и истоки характерной для балтских языков ранней и достаточно глубокой диалектной дифференциации [105].

Сравнивая условия и обстоятельства формирования древних германцев и балтов, легко заметить, что их этногенез проходил по сходному сценарию и в одно время. Возникновение обоих народов стало результатом дифференциации северных индоевропейцев по мере их расселения и миксации с местными доиндоевропейскими племенами. Каждое из новых этнических новообразований формировалось как бы на основе двух компонентов — индоевропейского и доиндоевропейского, тех мест, куда проникли индоевропейцы. Общий индоевропейский компонент определил родство германцев и балтов. К тому же он оказался доминантным и определил их индоевропейскую сущность. Второй же компонент у них был разный: у германцев субстратом стало неолитическое население первой северной культуры, у балтов — носители неолитической днепро-донецкой культуры. Разные субстраты обусловили их этнические различия.

Знакомство с этногенезом германцев и балтов открывает новые перспективы в исследовании и славянского этногенеза, поскольку славяне представляли третью составную часть северных индоевропейцев и имели общий с германцами и балтами этнический компонент, такой же суперстрат, как и у их ближайших родственников в семье индоевропейских народов.

Глава 4

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА. МЕСТО СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ И ПЕРВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН

Мы подошли к самому ответственному моменту в изучении славянского этногенеза. Нам предстоит ответить на вопрос: как, когда и где появились славяне? Ни один источник в отдельности не дает на них бесспорного ответа. Совершенно очевидно, что никакой древний автор не мог знать этого. Процесс рождения любого этноса слишком длительный и постепенный. Чтобы наблюдать его, недостаточно жизни даже нескольких поколений. Древние авторы могли только констатировать факт существования того или иного народа, видеть лишь результат длительного этнического процесса.

Опыт этнологических исследований убеждает, что наиболее распространенной, логичной и понятной причиной возникновения новых этносов являются миксационные процессы, смешение двух (чаще всего) или нескольких разных этносов. Такая миксация может привести к сильнейшей трансформации наиболее важных этнических характеристик смешивающихся групп и рождению нового этноса. При этом относительная роль субстрата и суперстрата может колебаться.

Рассмотренная в предыдущей главе история формирования германцев и балтов, народов, наиболее близких славянам не только территориально, но и по генетическим параметрам, дает основание предполагать, что и славянский этногенез протекал по сходному сценарию. Важнейшим и общим генетическим предшественником всех трех народов в их этногенезе стали мигрировавшие в Среднюю Европу северные индоевропейцы. В III тыс. до н. э. они расселились на территории разных и очень отличных от них местных неолитических племен и вступили с ними в активные взаимодействия миксационного характера. Это и привело к постепенному распаду первоначальной северной индоевропейской общ-

ности и появлению на ее основе и основе местных племен новых народов, унаследовавших индоевропейскую форму языка. Там, где индоевропейцам предшествовали носители северных европейских культур, возникли германцы. Там, где им предшествовали неолитические племена днепродонецкой культуры, сформировались балты, позже расселившиеся на больших пространствах, включая почти всю территорию Беларуси.

Простая логика ведет к вполне обоснованному предположению, что оставшаяся третья часть северных индоевропейцев могла или должна была стать той основой, на которой формировались славяне. К такому выводу ведут теоретические рассуждения, подкрепляемые целым рядом фактов. Наша задача в том, чтобы проследить этот процесс на доступном источниковом материале.

Имеются два альтернативных представления относительно судьбы той части северных индоевропейцев, которая не приняла участия ни в формировании балтов, ни в формировании германцев. Эта часть индоевропейцев, ни с кем не смешиваясь и продолжая эволюционное развитие в «чистом виде», образовала некий «центрально-европейский культурный круг», отношение которого к славянскому этногенезу неопределенно, как непонятна и его дальнейшая судьба.

Вторая альтернатива в том, что и оставшаяся часть северных индоевропейцев, не связанная с этногенезом германцев и балтов, тоже смешалась с какой-то группой местного неолитического населения и составила один из компонентов при образовании славянского этноса. Эта миксация, как и в этногенезе германцев и балтов, стала решающей причиной возникновения славян. Впрочем, по поводу появления славян допускались варианты, значительно омолаживающие славян. Необходимо подчеркнуть, что выяснение судьбы третьей части индоевропейцев, заполнявшей ареал между германцами и балтами, крайне важно для понимания славянского этногенеза, хотя бы потому, что именно здесь обнаруживают славян древнейшие письменные источники. В этот регион нас приведет и другие материалы.

4.1. О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ СЛАВЯН

Для того чтобы наши суждения не остались голой теорией, мы должны подвергнуть анализу все доступные источники и выяснить в первую очередь, что говорят они о времени появления славян. Только решив этот вопрос, мы сможем отправиться на поиски первых славянских культур и установить место славянской прародины.

Особую ценность в решении этногенетических проблем, в том числе установления времени начального периода славянского этногенеза,

представляют данные языковедения. Датирование процесса формирования славянского языка может осуществляться различными путями: установлением времени начала распада этнолингвистической общности, которая непосредственно предшествовала славянам; анализом общеславянской лексики, позволяющей реконструировать уровень социального и хозяйственного развития праславян, который может быть датирован на основании других источников (например, археологических); анализом языкового материала, свидетельствующего о проникновении в общеславянский язык лингвистических структур из других датированных языков.

Хотя большинство лингвистов, по словам В. В. Седова, склоняется к омолаживанию славян и предлагает датировать формирование славянского языка I тыс. до н. э., в науке проблемы не решаются, к счастью, аргументом арифметического большинства. Нам представляются заслуживающими внимания и доводы тех лингвистов, которые считают возможным отнести возникновение славянского языка к более раннему времени.

Прежде всего, поразительным представляется сходство между славянской и балтской языковыми группами, что говорит об общих чертах и тенденциях их исторического, параллельного и длительного развития после отделения от древнеевропейской диалектной общности. Обе группы выражают архаичный тип в семье индоевропейских языков. Обе они сохранили старый характер склонения. Их очень богатое именное склонение имело почти столько же падежей, сколько и древний индоиранский (арийский). Не нарушали общей структуры слов и происходившие в них фонетические изменения. По мнению А. Мейе, это не только указывает на древность славянской речи, но и объясняет одну из причин сохранения древнего типа предложения в славянских и балтийских языках [104, с. 101].

Конечно, по сравнению с реконструируемым общеиндоевропейским языком общеславянский представляет новое лингвистическое явление, и в нем имеется не много таких форм, которые могут быть отождествлены с общеиндоевропейским. Он многое упростил и упорядочил. Некоторые глубокие изменения связаны с влияниями других языков, которые, однако, не смогли нарушить общей структуры славянских слов в такой степени, как, например, в греческом. Сохраняя архаичный тип, славянский язык сформировался в результате длительного употребления. Без какого-либо перерыва он продолжает развитие общеиндоевропейского языка [105, с. 14].

Архаизм его типа во многом объясняется, как думают, и тем обстоятельством, что общеславянский язык развивался на периферии индо-

европейского ареала, в стороне от оживленных центров Древнего мира, связанных со Средиземноморьем [174, с. 136].

В настоящее время получила признание предложенная Ф. П. Филиным периодизация развития общеславянского языка. Для нас важны его хронологические выводы. Из трех выделенных им этапов общеславянского языка самый ранний он датирует временем от начала распада общеиндоевропейского, которое он относит к III тыс. до н. э., и до конца I тыс. до н. э. Этот этап, по его мнению, характеризовался формированием основы общеславянской языковой системы, что привело к возникновению таких отличительных признаков, которые выделяли славянский язык среди других индоевропейских языков [196, с. 101–103].

Не противоречат такому заключению и наблюдения над лексикой славянских языков, отражающей общественную структуру и хозяйственную деятельность носителей общеславянского языка, которая может быть хронологизирована на основании всего того, что известно о социальном развитии и материальной культуре индоевропейских народов по другим источникам. Общеславянский язык, как свидетельствует сравнительное славянское языкознание, формировался тогда, когда его носители жили в условиях родового строя, еще не вступившего в стадию разложения. Так, термин «семья» по-разному обозначается в некоторых славянских языках. Это означает, что в общеславянском языке не было слова для обозначения такой формы организации ближайших родственников. Для носителей общеславянского основной формой организации был род. Значение семьи и ее выделение в качестве основной хозяйственной единицы знаменовало собой распад первобытно-общинных отношений. Из археологических данных известно, что отчетливые признаки выделения локализованной на отдельных поселениях патриархальной семьи в области расселения северных индоевропейцев приходятся в основном на начало раннего железного века, т. е. на первые века I тыс. до н. э. В некоторых же местах выделение такой семьи имело место уже в бронзовом веке. Следовательно, период существования общеславянской общности нужно отодвинуть по крайней мере на несколько столетий в глубь веков от рубежа II и I тыс. до н. э. Учитывая же длительность развития родового строя и крайне медленный характер происходивших в нем изменений, можно с уверенностью говорить о многовековом, может быть исчисляемым и тысячелетиями, существовании у носителей общеславянского языка развитой родовой организации. Более того, общая, развитая и разнообразная славянская терминология, связанная с родовым строем, позволяет говорить, что славяне формировались в условиях образования и развития самой родовой организации и ее институтов. А это предполагает очень длительный срок и отдаленный период.

Некоторые термины, обозначающие понятия и категории родового строя, у славян близки к индоевропейским, но некоторые специфичны и отличаются от аналогичных понятий в других индоевропейских языках. Это наблюдение тоже может служить указанием на раннее выделение славян из индоевропейской общности [94, с. 24].

Общеславянский язык имел достаточно выраженный фонд слов для обозначения орудий из камня и кремня. Известно, что основное употребление таких орудий приходится на каменный и бронзовый века. В железном веке они почти повсеместно выходят из употребления.

По названиям орудий земледелия и культурных растений в общеславянском языке можно сделать вывод, что выделение славян из предшествовавшей им общности приходится на время возникновения и развития земледелия. А эта форма хозяйства в ареале североиндоевропейцев фиксируется археологией уже в III тыс. до н. э.

По данным лингвистики, наложение индоевропейских диалектов на разные неиндоевропейские субстраты привело к расхождению строя индоевропейских диалектов и образованию обособленных языковых групп — отдельных ветвей индоевропейской семьи. Одна из них, как мы уже говорили, получившая название северной группы индоевропейцев, или североиндоевропейцев, дала начало славянам, германцам и балтам. Ее принято локализовать в средней Европе севернее Карпат и частично в лесной зоне Восточной Европы, где эти народы обнаруживает историческое время. Лингвистика считает возможным предполагать, что после расселения североиндоевропейцы могли некоторое время составлять совокупность близких диалектов, позволяющих объединять их в относительно единую этнолингвистическую общность [38, с. 43].

В датировании процессов, связанных с формированием славянского языка, особую ценность представляют данные археологии. Так, наиболее вероятно, что с этой общностью и ее непосредственными потомками связаны распространившиеся в этой области «курганные культуры». По ним с большей точностью можно установить время появления здесь североиндоевропейцев и определить протяженность освоенной ими территории. Археологические материалы фиксируют их уже в первой половине III тыс. до н. э., но большая часть полученных радиоуглеродным методом дат относится к середине этого тысячелетия.

В предыдущей главе мы уже рассмотрели ход и направления расселения северной группы индоевропейцев, освоивших в своем продвижении с юга большую территорию в Восточной, средней и северной Европе севернее Карпат, включая бассейны Вислы, Одера и Эльбы.

Однако, проникнув в эту область и начав активно взаимодействовать с местными племенами, северная группа индоевропейцев начинает распадаться на более мелкие этнические подразделения. С последующей

судьбой расселившихся здесь индоевропейцев (рис. 12), очевидно, и следует связывать начальную историю славян.

Пожалуй, самым большим препятствием в решении хронологических вопросов славянского этногенеза является различное понимание лингвистами механизма выделения славян из предшествующей общности. Эта проблема нуждается в решении в первую очередь. Спорным оказался вопрос о дальнейшей судьбе североиндоевропейцев: как и когда протекал процесс вычленения из них славян; привел ли распад этой общности сразу же к появлению славян или же между ними и североиндоевропейской общностью какое-то время существовали некие промежуточные этносы? Если такие промежуточные этносы существовали, то из какой из них и когда выделились славяне? Все эти вопросы в той или иной форме ставились в науке и получали различное освещение. Проблема датирования начала славян оказалась завязанной на этих вопросах и стала зависеть от их решения.

В трудах лингвистов высказывается предположение о возможности существования в составе очень древней «совокупности индоевропейских диалектов», таких, которые могли стать основой общеславянского языка. Трудно, однако, допустить, что такие зародышевые формы общеславянского могли сохраниться в условиях расселения индоевропейцев, занявшего длительное время и сопровождавшегося активными этническими взаимодействиями с различными группами местных неиндоев-

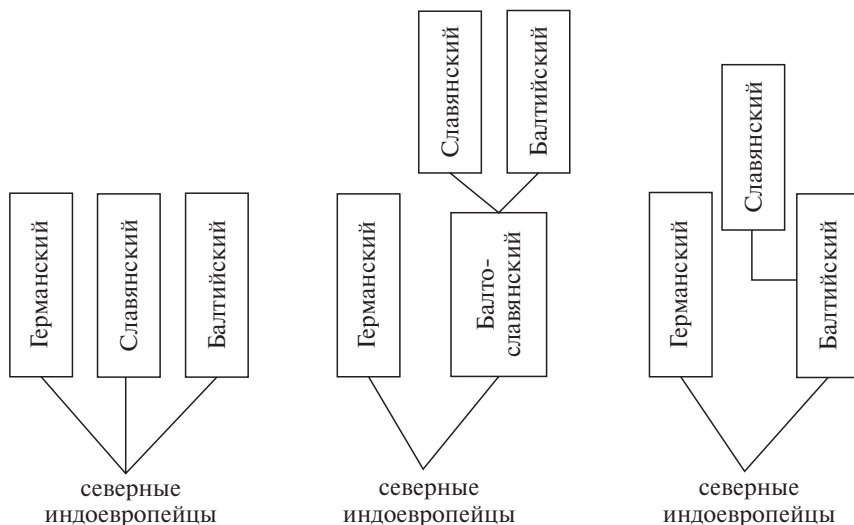

Рис. 12. Варианты схем разделения северной группы индоевропейцев

ропейских племен. Конечно, в любой большой общности можно предполагать существование диалектов. Например, как уже говорилось, древняя культурно-историческая общность, принадлежавшая одним из первых в Восточной Европе индоевропейцам, насчитывала до 5 групп. Вполне допустимо, что они отражали диалектное членение этой части индоевропейцев. Но едва ли возможно сохранение прежних диалектов в условиях миграции и постоянных смешений с новыми этносами. В этой связи нам представляется очень сомнительной картина расселения индоевропейцев, нарисованная американцами Г. Трегером и Х. Смитом. По их мнению, расселение индоевропейцев шло из одной области в виде следующих друг за другом миграционных волн, каждая из которых приносила с собой поочередно и в разное время то клинописный хеттский, то индоиранский, то греческий, то итало-кельтский, то германский [252, р. 61–70]. Неслучайно их концепция подверглась справедливой критике со стороны самих американских ученых [237, р. 57].

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что североиндоевропейцы наложились на разные этнокультурные единицы и вскоре начали смешиваться с ними [51, с. 39–48]. В таких условиях сохранить эту достаточно относительную общность было невозможно. С позиции лингвистики, как справедливо отмечал Б. Горнунг, гипотеза о длительном существовании «североиндоевропейской» диалектной группы, в которую протобалтийские и протославянские диалекты якобы входили вместе с протогерманскими, не может быть признана обоснованной [37, с. 57].

Существование в середине – второй половине III тыс. до н. э. в зоне расселения «курганых племен» нескольких самостоятельных археологических культур может служить археологическим свидетельством происшедшего к этому времени распада «единства» северной группы индоевропейцев и появления уже достаточно сильно дифференцированных, но родственных этнокультурных группировок, сохранивших, однако, сильно выраженную общую основу – наследие общего для них индоевропейского культурного компонента. Этот общий компонент позволяет объединять эти и другие близкие культуры в группу культур шнуrowой керамики и боевых топоров.

Именно в миксации и действии субстрата видят основную причину расхождения строя индоевропейских диалектов и образования обособленных языковых групп или отдельных конкретных индоевропейских языков многие виднейшие лингвисты и археологи (А. Мейе, З. Фейст, Ю. Покорный, В. Пизани, Б. Горнунг, В. Седов и др.).

Камнем преткновения, однако, на многие годы стала проблема сущности этносов, первоначально выделившихся из североиндоевропейской общности: привела ли дифференциация к появлению славян уже на том

этапе или же славяне выделились позже на базе какого-то промежуточного этноса. В первом случае начало славян можно вести со времени прихода в среднюю Европу североиндоевропейцев и начавшейся их дифференциации, в другом – со времени распада промежуточной группировки, что предполагает более позднее появление славян. Мы уже говорили о тупиковой концепции существования балто-славян, которая на многие годы повела исследователей по неправильному пути решения славянского этногенеза. Ошибочность этой концепции мы показали в предыдущей главе.

В научной литературе, однако, высказана также идея о возможности выделения славян из балтского этноса, что также предполагает более молодой возраст славян по сравнению с балтами и германцами.

Идею позднего вычленения славян из балтов можно считать относительно новой. Она получила как лингвистическое, так и археологическое обоснование в работах ряда авторитетных исследователей [63, с. 37–39]. Основные лингвистические доводы этой гипотезы, сформулированные И. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, вытекают из следующих наблюдений. В семье индоевропейских языков славянский ближе всего стоит к балтскому. Вместе с тем балтская языковая область при своей территориальной ограниченности характеризуется большой диалектной дробностью, в то время как славянская, занимая значительно больший ареал, отличается заметной монолитностью. При реконструкции балтские диалекты оказываются более древними, чем славянские. Отсюда делается вывод не только о более позднем появлении славян по сравнению с балтами, но и о вычленении их языка из периферийных диалектов балтского.

Нетрудно заметить, что сторонники этой гипотезы исходят из предположения, что как теперь, так и в далеком прошлом, территория славян превосходила территорию балтов, что должно было влиять на формирование диалектной дифференциации или даже определять ее. Но такое представление о древних ареалах славян и балтов априорное и, по существу, неверное. Прежде чем выставлять такой тезис, следовало бы доказать, что территория праславян действительно превосходила (и, вероятно, намного) территорию балтов. Данные топонимики, однако, свидетельствуют о том, что территория расселения древних балтов намного превосходила их нынешнюю. Как уже отмечалось, доказано, что балты утратили 5/6 своей начальной территории [244, с. 81].

Различия в степени диалектной структуры в балтском и славянском языках можно легко объяснить разным временем выхода их носителей за пределы своей прародины и последующим расселением на больших пространствах. Если балты начали свою миграцию еще в начале II тыс. до н. э., то славяне могли пребывать в пределах своей прародины

значительно дольше, чем балты. Этот факт мог бы объяснить меньшую по сравнению с балтами диалектную расчлененность их языка и не породить иллюзии, что он моложе балтского. Заметим, что гипотеза позднего выделения славян из периферийной группы балтов встретила резкое возражение и со стороны О. Н. Трубачева, признанного специалиста в области славянского и балтского языкознания.

Пример балтов, как и германцев, показывает, что распад северной группы индоевропейцев сопровождался выделением не каких-то никому не известных промежуточных этнических группировок, а современных исторических народов, точнее — их корневых этносов. Следовательно, если не было никаких предшествовавших славянам промежуточных групп, то их этногенез нужно начинать со времени прихода северных индоевропейцев в европейскую область севернее Карпат и начала их распада. Так это было с этногенезом балтов и германцев, так это должно было обстоять с этногенезом славян. Выше было показано, что распад северной группы индоевропейцев и формирование германцев и балтов приходится на середину III тыс. до н. э. К этому времени правомерно относить и выделение из той же группы североиндоевропейцев и славян. Нет никаких аргументов для предположения, что балты и германцы могли вычлениваться из североиндоевропейской общности раньше славян и что на остальной территории расселившихся северных индоевропейцев их единство не было нарушено и там по-прежнему продолжала существовать неопределенная «совокупность носителей общих близких диалектов». Такое гипотетическое допущение было бы возможно только при условии, что этногенетический процесс за пределами балтской и германской областей протекал иначе, и древнеиндоевропейские племена и их языки не подвергались воздействию со стороны местных субстратов. Но такого не было. И на соседних с древними балтами территориях, куда расселились северные индоевропейцы и где позже историческое время застает славян и германцев, имели место аналогичные процессы энергичного этнического смешения пришельцев с местными племенами. Важно подчеркнуть, что местное население здесь не было этнически однородным и северные индоевропейцы оказались под воздействием разных субстратов. Это не могло пройти для них бесследно. Сохранить прежнее состояние было невозможно, и мы вскоре увидим появление в европейском ареале к северу от Карпат родственных и синхронных балтам археологических культур. Так, в междуречье Эльбы и Вислы миксация пришлых индоевропейцев с местными неолитическими племенами культуры воронковидных кубков привела к появлению культуры шаровидных амфор.

Таким образом, завершение миграции северной группы древних индоевропейцев в средневропейской зоне к северу от Карпат может рас-

смагиваться как начало этногенеза славян. Оно приходится на время второй половины III тыс. до н. э. и совпадает со временем формирования и функционирования в отмеченной и соседней на востоке областях трех родственных археологических культур: культуры шаровидных амфор, северогерманской с погребениями в каменных ящиках и среднеднепровской.

Предлагаемые даты формирования славян соответствуют данным лингвистики о глубокой древности славянского этноса.

4.2. О МЕСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

В поисках местонахождения прародины славян долгое время важнейшим источником для исследователей, помимо свидетельств античных авторов, была «Повесть временных лет». Русский летописец первым нарисовал картину возникновения и расселения славян и его различных группировок на территории Восточной Европы. В своем желании ответить на вопрос, откуда пришли славяне на Русь, он предложил законченную концепцию происхождения и расселения славян, положив в основу библейский рассказ о Вавилонском столпотворении и разделении народов на 72 языка. Для него было очевидно, что истоки и первоначальная родина славян, как и многих других народов, находились далеко от Руси. Именно с этого события он начинает историю славян. Для летописца славяне такой же древний народ, как и другие упомянутые Библией народы. В его представлении славяне под именем норцев переселились из Месопотамии на Дунай в Паннонию, где теперь «угорская земля и болгарская». Здесь они пребывали длительное время, пока под давлением «волохов» не вынуждены были начать новое расселение, в результате которого часть их оказалась и в Восточной Европе. Летописец не только наметил ход славянского расселения, но и обрисовал основные этапы этногенеза славян. По летописцу, все славяне происходят из одного корня, и на начальном этапе представляли один народ с единым славянским языком.

Из своей второй, дунайской, родины славяне позже разошлись по земле и «прозвались именами своими, где кто сел на каком месте». Русская летопись положила начало концепции дунайской прародины славян, которую разделяли многие известные историки.

Делались попытки определять место славянской прародины или, во всяком случае, место их древнейшего пребывания на основании анализа первых известий о различных народах, которые содержатся в трудах античных авторов. Так, очень привлекательной оказалась идея о возможно славянском характере Геродотовых невра.

Наиболее солидные усилия в поисках славянской прародины были осуществлены лингвистами, использовавшими различные методы, включавшими анализ зооботанической лексики, топонимического материала, данных о языковых контактах и др.

Основываясь главным образом на материалах лингвистики, исследователи разработали два основных варианта нахождения прародины славян. Одни отдавали предпочтение восточной локализации прародины, другие – более западной.

В основе первой версии – более восточной (ее называли днепровской) локализации прародины славян лежал так называемый «буковый фактор». Утверждалось, что название дерева «бук» было заимствовано славянами у германцев. Из этого делался вывод, что славяне жили за пределами зоны произрастания этого дерева. Восточной границей зоны бука считали линию Кенигсберг (Калининград) – Кременчуг – Одесса.

Следовательно, и славянская прародина должна была находиться к востоку от этой линии [117, с. 32].

Этот аргумент как решающий до сих пор широко используется сторонниками восточной локализации славянской области. Так, М. И. Артамонов в одной из своих работ, посвященных расселению восточных славян, ссылается на этот тезис как аксиому, не требующую доказательств.

Между тем известно и другое. Граница распространения бука, как и вообще характер растительности, зависит от особенностей климатических периодов. А поскольку в послеледниковое время сменилось несколько климатических периодов и они сильно отличались друг от друга, то менялись соответственно и растительные зоны. Установлено, что 2500 лет назад восточная граница бука проходила в районе Эльбы, а в неолите (V–III тыс. до н. э.) она располагалась еще западнее [20, с. 55].

Следовательно, если и привлекать буковый аргумент в поисках славянской прародины, то нужно ориентироваться не на современную границу его распространения, а на ту, которая была во время формирования славянского этноса. Иными словами, нужно точно определить время возможного заимствования славянами этого названия.

Однако и сама идея о заимствовании в славянских языках термина «бук» из германского и среди специалистов принимается далеко не всеми. По мнению польского филолога Брюкнера, первым всеобщим названием бука было «grabъ», «grabзь» [117, с. 32].

Если предположить, что и у славян какое-то время это дерево было известно под таким именем, то «буковый аргумент» как индикатор западной границы славянской прародины отпадает сам собой. Можно говорить лишь о характере славяно-германских языковых взаимодей-

ствий и объяснить, почему славяне отказались от своего прежнего названия этого дерева.

Второй лингвистический аргумент в пользу восточной локализации славянской прародины лингвистически обосновывался, в частности, Ф. П. Филиным. По его мнению, в общеславянском языке отсутствовали слова, которые характерны для жителей приморских областей. В языке ранних славян не было названий морских животных, рыб и растений. Не было, как он думал, и слова, специально обозначающего море [196, с. 115–117]. Хотя его предположения о появлении в славянском термине «море» не представляются убедительными, общий вывод исследователя о месте славянской прародины достаточно категоричен: она, по его мнению, «по крайней мере, в последние столетия их истории», находилась в стороне от морей [196, с. 122]. Пояснение о времени, к которому относится его вывод, крайне существенно. Сам Ф. П. Филин вынужден был признать, что ничего позитивного на вопрос, где находилась прародина славян в первой половине I тыс. до н. э. и раньше, он предложить не может [196, с. 149]. К сожалению, некоторые исследователи, взявшие на вооружение тезис Филина о локализации славянской прародины вдали от морей, почему-то оставляют без внимания это пояснение.

Вопрос о морской терминологии, вероятно, нуждается в дальнейшей проработке. В свое время ошибочно отрицалось существование в общеславянском и терминологии, связанной с горным ландшафтом. Следует также учитывать возможность расхождения семантики слов в родственных языках, примеры чему имеются и в славянских языках [174, с. 136–140]. Древнеевропейские мигранты были преимущественно скотоводами. Приморский образ жизни, морской промысел, хотя, возможно, и имели для них какое-то значение, но, вероятнее всего, только для тех групп, которые оказались на побережье или вблизи от него. Не исключено, что у них сформировалась соответствующая терминология на базе субстратных языков, которая не получила всеобщего распространения, что вполне естественно для условий первобытного общества с его натуральным хозяйством и слабым развитием межплеменных связей. Можно также предположить, что, будучи в последующее время оттесненным от побережья, славяне могли многое утратить из древней морской терминологии, а позже воспринять ее вторично из других языков.

Противоречат выводу о восточной локализации славянской прародины и данные о языковых контактах, о чем уже частично говорилось.

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что поиски прародины славян на территории Восточной Европы в значительной степени были инициированы как «патриотическими соображениями», так и глубоко укоренившейся в сознании многих исследователей априорной идеей о позднем приходе славян в Центральную Европу в период Великого пе-

реселения народов, хотя никаких прямых исторических свидетельств на этот счет не существует. Эта идея активно муссировалась немецкой историографией. Это заблуждение не миновало и крупных славистов.

Известно, что топонимика Германии вплоть до Эльбы насыщена славянскими гидронимами. Большинство германских историков утверждали, что славяне вышли к Эльбе в процессе своего расселения с востока после того, как оттуда ушли германские племена. Традиционная немецкая школа датировала этот приход очень поздним временем, чуть ли не VIII в. н. э.

Мнение о позднем приходе с востока славян в Центральную Европу разделял и выдающийся чешский славист Л. Нидерле. Однако он несколько «старит» это событие и относит его к первым векам нашей эры и, противореча самому себе, не исключает более ранней даты. Так, признавая важность букового фактора для определения места славянской прародины, Л. Нидерле тем не менее полагал, что уже до нашей эры неразделенные славяне (периода своего единства) могли на западе достигать Вислы, и в этом явно просматривается его непоследовательность, не исключает возможности расселения их в конце II тыс. до н. э. до самой Эльбы. Все зависит, как он думал, от того, удастся ли археологам доказать славянскую принадлежность «полей погребений» лужицко-силезского типа [117, с. 32].

В поисках славянской прародины Л. Нидерле обращается к гидронимическому материалу, пытаясь выделить в Европе область со славянской гидронимической номенклатурой. При этом он справедливо замечает, что материалы эти не бесспорны и сложность в их использовании состоит, в частности, в том, что филологи по-разному интерпретируют одни и те же гидронимы. Уважение к авторитету крупных специалистов-лингвистов не позволило ему принять сторону кого-нибудь из них.

Приводимые Л. Нидерле наблюдения над гидронимикой нуждаются в серьезных коррективах с позиций современных представлений лингвистической науки. Недостатком гидронимического анализа у него следует признать отсутствие аргументированных данных о времени возникновения славянской гидронимики в Европе. Исходя из своей концепции о сравнительно позднем появлении славян в Центральной Европе, Нидерле считал славянскую топонимическую номенклатуру здесь более поздней, чем германскую, в чем он ошибался.

Очень уязвимым местом в этнологических построениях сторонников более восточной локализации славянской прародины является тезис о том, что славяне расселились между Вислой и Эльбой после ухода отсюда германских племен. Концепция об уходе целого большого народа из обширной и давно окультуренной территории в период, когда основу экономической жизни племен составляли развитые земледелие и ското-

водство, представляется не просто нелогичной, но и порочной в своей основе. Это не значит, что история не знает больших миграций. Они ей хорошо известны, а в неолите и бронзовом веках Европы и Азии они составили одну из характерных черт эпохи. Но те миграции, о которых мы уже говорили, были вызваны развитием скотоводческой формы хозяйства и связанными с ней ростом поголовья скота и сильно возросшим народонаселением. Они проявляли себя или в постепенном расширении территории скотоводческих племен, или в миграциях под давлением извне со стороны других скотоводческих племен. Такие процессы особенно значительны в степной зоне, предрасполагавшей к подвижному образу жизни, чего нельзя сказать о средней Европе с ее лесами и древней традицией производящих хозяйств, ставших господствующими уже в конце неолита. Даже приток в этот регион нового населения, прослеживаемый по археологическим данным, не приводил к полному вытеснению старого, напоминая порой этнические и культурные инъекции, сопровождавшиеся смешением нового и старого населения.

Бездоказательным и противоречащим данным археологии является утверждение об уходе из этого региона германцев в процессе их борьбы с Римом. Принятый наукой тезис Великого переселения народов больше применим к периоду расселения индоевропейских народов, имевшего место задолго до германо-славянской борьбы с Римской империей и совершенно другие причины, заложенные в самой сущности развивающегося скотоводческого хозяйства. Понятие «Великое переселение народов» может быть с известными оговорками применимо к историческим судьбам отдельных племен или их союзов в железном веке, но не большого народа в целом и нуждается в фактологическом обосновании по отношению к конкретным событиям и племенам.

Что касается смены населения в Центральной Европе в результате имевших место в железном веке отдельных миграций, а главное, кто кого здесь сменил, то уместно будет привести некоторые данные по топонимике этого региона. На востоке Германии (в Саксонии, например) 60–70 % топонимов связано со славянским языком и только 30–40 % — с германским. В микротопонимии же (названия мелких объектов: ручьев, рощ, полей, лугов, оврагов, дорог, мостов, колодцев, частей населенных пунктов и т. д.) имеется абсолютное преобладание немецких названий — соответственно 7–8 % и 93–94 %.

Поскольку микротопонимы моложе собственно топонимов, то приведенное соотношение славянских и немецких топонимов и микротопонимов свидетельствует лишь об одном, что славянские топонимы в этом регионе предшествуют немецким. Более крупные объекты удержали более ранние славянские названия. Следовательно, утверждение немецкой историографии, повторенное и Л. Нидерле, что славяне заняли земли,

лежащие к востоку от Эльбы, только после ухода оттуда немцев, опровергаются данными одной топонимики. Все представляется наоборот. Германцы пришли на земли, на которых прежде проживали славяне.

Думается, что не последнюю роль в этногенетических построениях немецких ученых сыграли пангерманские настроения, неприязнь ко всему славянскому. Еще более неприемлемой для ряда германских историков была мысль об автохтонности славян в центральноевропейском регионе. Поэтому относительно позднее освоение этой территории немцами рассматривалось ими как возвращение германского народа на свои «исконные» земли, временно захваченные славянами.

В связи с проблемой славянской прародины представляет интерес происхождение в славянском языке этнонима «немец» («немьць»). Традиционно и как установленный факт это название сопоставлялось со славянским словом «немь» (немой), которое, в свою очередь, аналогизировалось с понятием «чужестранец», который говорил на непонятном славянину языке, а точнее, не владеющего славянской речью, т. е. представлявшегося ему «немым». Эту же версию приводит в своей книге и Л. Нидерле. Не ясно, однако, почему «немыми» чужестранцами славянам представлялись только германцы и исключались из этой категории их северные, восточные и южные соседи — балты, кельты, фракийцы, иллирийцы, язык которых им был столь же чужд и непонятен, как и язык западного германского соседа.

Высказанное некоторыми исследователями мнение, что термин «немец» мог возникнуть по имени одного германского племени «неметь», обитавшего на Рейне и известного из римских источников, не получило признания только на том основании, что Рейн представлялся областью, слишком удаленной от предполагавшейся славянской прародины. Априори считалась недопустимой мысль о возможности контактирования славян с германцами столь далеко на западе.

Не касаясь этимологии этого названия одного из германских племен, не трудно заметить несомненную близость терминов «немет» и «немец». И если представляется очевидным расселение в прошлом славян на Эльбе, то не так уж и неприемлемым является предположение о возможных контактах славян с «немтами» где-то в междуречье Рейна и Эльбы. Именно этого германского племени славяне стали называть всех германцев. Если это так, то мы получаем еще один аргумент в поисках места славяно-германских контактов по крайней мере на рубеже нашей эры и для определения западной границы расселения славян в Европе. Отметим, что до XII в. до н. э. к востоку от Эльбы были распространены памятники лужицко-силезского типа, связь которых с древними германцами наукой отрицается (см.: Нидерле Л., 1956. С. 95).

Однако в северные области Европы германское проникновение во II тыс. до н. э. стало постоянным и хорошо прослеживается по археологическим данным (ясторфская культура). Возможно, имело место вторжение отдельных германских племен и в среднюю Германию. Во всяком случае, по мнению Нидерле, в начале нашей эры, когда известия о германцах дошли до Рима, «германцы уже занимали всю Германию, и этим объясняется, почему в римских и греческих источниках вся страна именуется Германией и в качестве ее обитателей называются только германцы, хотя а priori можно утверждать, что под наименованием германцев скрывались и значительные остатки более древних обитателей этих земель».

Нам представляется, что Л. Нидерле слишком преувеличивает степень знакомства греков и римлян с глубинными районами средней Европы. Но мысль о том, что под обобщающим именем германцев могли скрываться и более древние обитатели этой территории, каковыми были славяне, безусловно, заслуживает внимания. В связи с этим следует привести мнение Л. Нидерле, что понятие «Германия» возникло как понятие географическое и поэтому «неизвестно, всегда ли эпитет “германский” означал этническую принадлежность к германским племенам».

Отсюда можно также допустить, что в связи с имевшими место вторжениями на славянскую землю германских племен отдельные местности характеризовались этнической чересполосицей. Пересказывая сообщения античных авторов (Тацита, Страбона, Птолемея) о перемещениях различных германских, а также других племен, этническая принадлежность которых не ясна, в пределах средней и частично на востоке Европы, главным образом в южном направлении — к Дунаю и Черному морю (имели место передвижения и в западном направлении — 12), Л. Нидерле приходит к сомнительному выводу, вовсе не вытекающему из материала. «С полной уверенностью, — пишет он, — можно предполагать, что Восточная Германия во II и в III вв. быстро опустела и что в IV и V вв. в ней уже не было вышеупомянутых германских племен, за исключением незначительных их остатков».

Этим, по Нидерле, была открыта возможность для славянского вторжения в среднюю Европу.

Но этнического вакуума здесь не было. И проход германских племен вовсе не означал, что эта территория опустела. Местное население, не попавшее в поле зрения античных авторов, могло остаться на своих коренных землях. Кроме того, среди перечисленных «германских» племен могли быть и славяне.

Немало усилий для обоснования гипотезы восточной (днепровской) локализации прародины славян приложили археологи. Чаще всего, игнорируя выводы лингвистики, они пытались доказывать славянский

характер археологических культур этого региона, начиная от трипольской энеолитической культуры (В. В. Хвойка) до зарубинецкой, киевской, пеньковской и более северных культур: колочинской, банцеровской и даже дяковской Верхнего Поволжья.

По нашему глубокому убеждению, без согласования проблемы этнической атрибуции носителей археологических культур, особенно начального периода, с данными лингвистики разговор об этносе часто носит гадательный характер и порой вообще лишен смысла. Даже ретроспективный метод не может дать ответа на вопрос о славянстве археологических культур начального периода славянского этногенеза.

По поводу некоторых культур мы уже высказывались. О других мы еще поговорим. Напомним только этническую ситуацию в Восточной Европе, как она вырисовывается по данным лингвистики.

Уже в бронзовом веке в Восточной Европе оформились три этнические области: севернее Западной Двины продолжали обитать уже оформившиеся к этому времени древние финно-угры; к югу от них до района современного Киева шла обширная зона с расселившимися в ней балтами, о чем убедительно показано в превосходных работах В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева; южнее, включая степи, следует лингвистическая зона с древнеиранской топонимикой. В пределах этих зон славяне не могли сформироваться. Их пребывание здесь ничем не доказывается. Поэтому расположенные на этой территории археологические культуры, пока не будет доказан приход сюда какой-то из них из славянской прародины, не могут считаться славянскими.

Очевидно, что славянскую прародину нужно искать в других местах. При этом должна быть решительно исключена мысль о возможности нахождения ее восточнее рассмотренной территории, и всякие рассуждения о приходе славян в Европу из Азии или Закавказья, о чем можно было прочитать в некоторых старых работах, не имеют оснований.

Несмотря на неудачу в определении начальной территории формирования славян, мы тем не менее смогли значительно сузить поле наших поисков и, несомненно, облегчили решение основной задачи.

Нам остается рассмотреть другую группу источников, которые ведут нас в среднюю Европу, туда, где зафиксировали славян самые ранние известия о них труды античных авторов.

Теперь, после того как определен хронологический рубеж, с которого следует начинать историю праславян, мы можем наметить тот ареал, в пределах которого протекал процесс формирования славян, их прародину.

Задача установления славянской прародины есть одновременно и задача определения той археологической культуры, которую можно было бы связать с формирующимися или со сформировавшимися славянами.

Вероятнее всего, это была одна культура. В пользу такого предположения свидетельствует общее теоретическое положение о том, что первоначальная прародина этноса не должна быть слишком большой. В противном случае пространственный фактор в тех условиях не способствовал бы культурно-этнической интеграции, а, наоборот, содействовал бы разъединению.

Но прежде чем обосновать связь формирующихся славян с носителями какой-то конкретной археологической культуры, необходимо еще раз коснуться проблемы наиболее вероятного типа этногенетического процесса, приведшего к образованию славян. Это облегчит поиск и самой культуры.

Формирование славян, балтов и германцев было обусловлено активным взаимодействием пришлых индоевропейцев с разными местными неолитическими племенами в центре и на востоке Европы, каждое из которых имело свою локализацию и свой, отличный от других, тип археологической культуры. Это была миксация, приведшая к сильной этнокультурной трансформации всех смешивавшихся этнических групп.

На место, где совершался процесс «рождения» славян, указывают различные, но прежде всего лингвистические и археологические источники. Мы уже говорили об ареале, в котором расселилась группа северных индоевропейцев (древнеевропейцев). В этом ареале и следует искать область славянской прародины. Этот ареал стал также местом формирования балтов и германцев. Если из него исключить те регионы, которые стали прародиной балтов и германцев, то проблема поисков славянской прародины значительно облегчается: оставшуюся часть территории расселения северной группы индоевропейцев логично было бы соотнести со славянской прародиной. Так, если этногенез балтов протекал в Среднем Поднепровье, где сложилась одноименная культура, а прародину германцев современная наука помещает на Ютландском полуострове и смежных областях на севере Германии, а также в южной части Скандинавии, то, исключив эти регионы, вполне правомерно было бы поместить славянскую прародину на оставшейся части североиндоевропейского ареала в средней Европе.

Параллельно необходимо определить носителей местной культуры, смешение с которыми привело к возникновению славян. При этом совсем необязательно, чтобы ареалы древнеевропейского расселения и местных группировок полностью совпадали. Однако искать прародину славян следует только в той области, где были представлены оба этнокультурных компонента: местный и пришлый. Эта область, где проходило их смешение, и должна очерчивать территорию славянской прародины.

В поисках славянской прародины и их первой археологической культуры мы должны опираться на законы этногенеза и теоретические за-

ключения об этнических процессах, приведших к их появлению. При этом очень важной представляется точность в их датировании.

Рассмотренные выше разнохарактерные материалы свидетельствуют о том, что славяне, как и балты и германцы, сформировались в результате воздействия на северных индоевропейцев этнического субстрата в процессе их миксации с местным неолитическим населением. Миксация привела к глубокой трансформации обоих компонентов, из которых формировались славяне.

Лингвистические данные свидетельствуют о том, что разделение северной группы индоевропейцев началось вскоре после их расселения в Европе.

Но механизм разделения пришлых индоевропейцев и образования указанных народов объяснялся по-разному. Между тем изучение проблемы происхождения и ранней истории славян во многом зависит от того, какая лингвистическая схема образования славян будет принята.

Лингвисты предлагают несколько гипотез, которые можно свести к трем основным схемам. Одни считали, что северные индоевропейцы сразу же распались на три основные группы – германцев, славян и балтов. И, следовательно, начало формирования этих народов может быть отнесено ко времени, когда эта часть индоевропейцев расселилась в Европе и начала смешиваться с местными племенами. Поскольку расселение в Европе северной группы индоевропейцев археологи относят приблизительно к середине III тыс. до н. э., то в соответствии с такой схемой развития этногенетических процессов германцы, славяне и балты возникают в одно время (III тыс. до н. э.) и в результате сходных этнообразующих процессов. В пользу такого представления свидетельствуют многие лингвистические данные, и эта гипотеза имеет сторонников среди выдающихся языковедов.

Другие предполагали, что северная группа индоевропейцев сначала разделилась на две части – на германцев и некую лингвистическую общность, которая позже в результате вторичного деления дала балтов и славян. Эту промежуточную общность называли балто-славянской. Согласно этой схеме славяне, как и балты, являются более молодыми народами, чем германцы, и их начало уже связано с распадом балто-славянской общности. Поэтому и археологические памятники первых славян следует искать в более поздних древностях.

Основным аргументом такого представления послужили наблюдения над степенью близости между собой германских, славянских и балтских языков. Многие сходились на том, что балтские и славянские языки по некоторым лингвистическим показателям стоят ближе друг к другу, чем к германским. Это обстоятельство объяснялось происхождением славянского и балтского языков от общего «балто-славянского» корня. Такая

идея была очень популярна и даже господствовала в лингвистической и соответственно археологической науке до середины 50-х гг. XX в.

Все это уводит нас к концу неолита – началу бронзового века, и у нас нет достаточных оснований омолаживать славян при сравнении их с балтами и германцами, поскольку невозможно было бы в таком случае объяснить, почему при равных условиях смешения древних индоевропейцев с местными племенами, что просматривается во всех областях, куда проникли северные индоевропейцы, формируются балты и германцы, а славянский этногенез неизвестно по каким причинам задержался.

Именно поэтому наиболее предпочтительной, логичной и не имеющей серьезных контраргументов представляется схема, по которой распад северной группы индоевропейцев сопровождался одновременным формированием в разных местах и на разных этнических субстратах германцев, балтов и славян. Где же проходил процесс рождения славянского этноса, где была прародина славян?

Данные о языковых контактах ранних славян с другими народами позволяют прийти к таким общим заключениям о месте древней славянской прародины.

Длительность и интенсивность лингвистических контактов славян с балтами, сходство их языковых структур и параллельность в развитии с несомненностью указывают на территориальное соседство этих двух

Рис. 13. Схема языковых контактов славян с соседними народами

народов. Оно имело место в условиях индоевропейской периферии в стороне от основных культурных центров Древнего мира.

Однако славяне не могли быть ни северными, ни восточными соседями балтов, ибо, в отличие от последних, ранние славяне, как свидетельствует лингвистика, не контактировали с древними финно-угорскими племенами. Материалы сравнительного языкознания говорят о том, что славяне вступили с ними в контакт поздно. В финно-угорских языках не обнаруживается лексических заимствований из общеславянского. С другой стороны, и в славянских языках отсутствуют старофинские заимствования. Следовательно, славяне вступили в контакт с финно-уграми уже после того как произошел распад общеславянского, т. е. позже середины I тыс. н. э. Праславяне и их родина были отделены от финно-угорского ареала балтским заслоном.

Обнаружение очень древних балто-иранских языковых контактов ставит под сомнение возможность помещать праславян к югу от балтского ареала [190, с. 19–20].

Отмечаются также языковые контакты балтов с фракийцами, которые были возможны на юго-западных границах балтов [207, с. 120–121].

Если же обратиться к археологической карте второй половины III и II тыс. до н. э., то вполне определенно следует исключить из списка возможных праславян таких южных соседей древних балтов, как племена позднего этапа древнеямной культуры, катакомбной и срубной, типичных степных культур, ибо лингвистика не допускает локализации славянской прародины в степях [196].

Получается, что единственным местом маргинальных контактов праславян и древних балтов могла быть только западная сторона балтского мира, и славянскую прародину следует искать к западу от балтов.

Очень важными представляются обнаруженные белорусским лингвистом В. В. Мартыновым свидетельства древних славяно-германских языковых контактов, а также другие лингвистические наблюдения. Так, сравнение моделей древнейших состояний балтийских и славянских языков приводит к выводу о локализации праславянской этнической группы к западу от стыка западно-славянских диалектов с прусским [100].

Наличие древних славяно-германских лингвистических контактов [100] указывает на то, что праславяне соседствовали и с древними германцами, занимавшими Ютландский полуостров и юг Скандинавии.

Если окажется правильной гипотеза об аккомодирующем характере праславянского языка, то так называемое «дзеканье-цеканье» следует относить к общеславянскому периоду. А поскольку «дзеканье-цеканье» характерно для лехитской, лужицкой и белорусской групп говоров, можно считать, что эти говоры ближе других расположены к территории славянской прародины.

Южными соседями праславян, судя по лингвистическим данным, были фракийцы и иллирийцы. Свидетельства древних контактов носителей славянских и иллирийских диалектов фиксируются, в частности, в славянской и иллирийской гончарной терминологии, которая имеет явные черты сходства.

Таким образом, данные о древних языковых контактах праславян с другими народами указывают на место славянской прародины в средне-европейском ареале. Об этом же свидетельствует и анализ общеславянской географической и зооботанической лексики, отражающей среду обитания славян периода их языкового единства. Эта среда реконструируется как лесная полоса со смешанной растительностью умеренной климатической зоны, богатая озерами и болотами.

Славянское языкознание решительно исключает возможность пребывания начальных славян в степной зоне, поскольку в общеславянском языке отсутствует зооботаническая лексика, связанная со степью, типичным растительным и животным миром этой зоны.

Добавим к этому, что древним славянам периода их единства, по заключению лингвистов, была известна рыба угорь, которая водится в реках, впадающих в Балтийское море. Это существенно уточняет координаты славянской прародины, которую следует помещать к югу от Балтийского моря, в области рек, впадающих в него.

К таким же заключениям приводит и анализ гидронимического материала. Здесь следует заметить, что территория Беларуси к северу от Припяти не имеет архаичной славянской гидронимики, что позволяет говорить о более позднем заселении этой области славянами и исключить ее из праславянского ареала. Что касается Среднего Поднепровья, то здесь имеются, несомненно, древние речные названия, восходящие к праславянскому языку. Однако этот факт еще не дает оснований включать этот регион в славянскую прародину, поскольку такая гидронимическая ситуация могла сложиться в результате последующей миграции сюда ранних славян из начальной области их формирования.

Исследователи гидронимики давно заметили, что имеет место повторяемость речных названий в бассейнах Вислы, Припяти и Днепра. Причем гидронимы бассейна Днепра повторяют висланские, но в уменьшительной форме. Это дает право рассматривать их как более молодые по отношению к речным названиям бассейна Вислы и как производные от них. Таким образом, славянская топонимика бассейнов Одера и Вислы представляется более древней и более связанной с древнейшей областью обитания славян, чем топонимика Поднепровья. В свете этих данных Полесье и украинскую Волынь следует рассматривать как область, по которой проходила древнейшая миграция славян с территории их прародины в направлении с запада на восток. Таковы лингвистические факты.

Полностью соответствуют этим наблюдениям и выводам антропологические материалы. Так, по мнению академика В. П. Алексеева, современные краниологические серии восточнославянских народов по важным дифференцирующим признакам стоят ближе к средневековым западным и южным славянам, чем к восточнославянским. Отсюда исследователь делает вывод, что основной антропологический тип в составе восточнославянских народов проникает на территорию Украины, Беларуси и Русской равнины с запада и юго-запада.

4.3. ПЕРВАЯ СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Рассмотренные лингвистические и антропологические материалы определенно и убедительно указывают на область, где формировались ранние славяне и где следует искать материальные следы их обитания. С учетом же хронологических показателей о времени их появления и выбранной модели их этнообразования, представляется возможным определить первую археологическую культуру начальных славян.

Известно, что археологические материалы играют все большую роль при изучении славянского этногенеза. Немало археологов полностью уповают на этот источник, игнорируя часто другие источники. Многие концепции славянского этногенеза почти целиком базируются на археологическом материале. Археологические данные особенно широко используются сторонниками восточной (днепровской) локализации славянской прародины. В системе их аргументации долгое время особое место отводилось зарубинецкой культуре железного века. Ее памятники широко распространены на Украине и на юге Беларуси от верховьев Буга на западе до Среднего Поднепровья и низовьев Десны на востоке. Специально проблеме этнической атрибуции носителей этой культуры и места зарубинцев в славянском этногенезе мы рассмотрим позже. Пока же заметим, что культура эта слишком далеко отстоит по времени от той поры, когда появились славяне, и уже поэтому она не может рассматриваться в качестве основного археологического аргумента в решении проблемы славянской прародины. Отметим также, что у специалистов не вызывает сомнения тот факт, что в ее формировании заметное участие приняли племена, мигрировавшие из Повисленья. Поэтому зарубинецкий аргумент никак не может опровергнуть тезис о западной локализации славянской прародины.

В свете всего изложенного выше, первоначальную область славян и оставленную ими первую археологическую культуру следует искать не на востоке и не в Азии, а севернее Карпат, в междуречье Эльбы и Вислы, на пространстве между ареалами древних германцев, балтов и фракий-

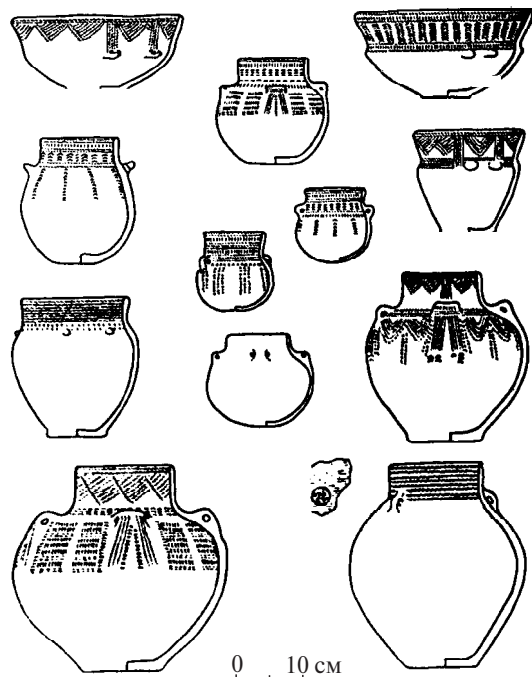

Рис. 14. Предметы культуры шаровидных амфор

цев. Эта идея, как мы показали, имеет хорошее лингвистическое обоснование, и ее принимают многие археологи. Именно здесь искал древнейшие славянские памятники польский археолог Ю. Костшевский. Первой славянской культурой он считал расположенную в этом ареале лужицкую культуру бронзового и раннего железного веков (XIV–V вв. до н. э.). Его идеи имели и имеют много сторонников (Л. Козловский, К. Яжджевский). С первыми славянами пытались связывать и еще более раннюю тшинецкую культуру первой половины II тыс. до н. э., распространенную севернее Карпат (С. Носек, А. Гардавский).

Нам представляется, что эти культуры действительно принадлежали праславянам, но ни лужицкая, ни тшинецкая не были первыми славянскими культурами, поскольку, как мы показали, историю славян следует начинать не с середины II тыс., а раньше — с III тыс. до н. э.

Первая славянская культура, по нашему убеждению, основанному на анализе совокупности приведенных фактов, должна удовлетворять следующим требованиям:

1. Ее ареал должен охватывать междуречье Эльбы и Вислы к северу от Карпат.

2. Она должна располагаться в зоне расселения северной группы индоевропейцев.

3. Время ее существования должно приходиться на середину – вторую половину III тыс. до н. э.

4. Первая славянская культура должна обнаруживать генетическую связь с культурой первых индоевропейских мигрантов в том регионе.

5. Она должна отражать процесс этнического смешения мигрантов-индоевропейцев с местным неолитическим населением Средней Европы.

Всем этим условиям в полной мере отвечает только культура шаровидных амфор (рис. 15).

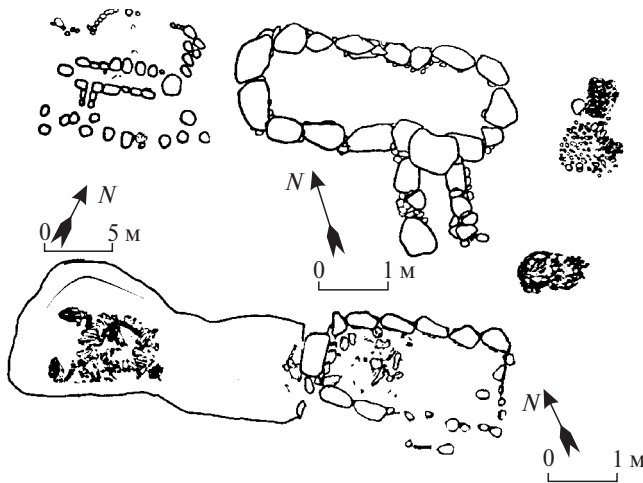

Рис. 15. Погребения культуры шаровидных амфор

В качестве самостоятельной культуры она была выделена немецким археологом А. Гетце в 1900 г. Вопрос о ее происхождении, а также этническая интерпретация ее носителей вызвали целую серию различных гипотез и предположений. Великой загадкой европейского неолита назвал ее шведский археолог И. Л. Форссанд. Ее возникновение в течение многих лет казалось археологам «в высшей степени загадочным».

Памятники культуры распространены на большом пространстве Европы, включающем почти полностью бассейны Эльбы, Одера, Вислы, украинскую Волинь, средний Неман и верховья Припяти, а также частично бассейны Днестра, Прута и Серета. Несмотря на большую территорию распространения, происходившие в ней изменения даже в довольно удаленных друг от друга районах имели идентичный характер [253]. Везде распространялись одинаковые формы керамики, представленные

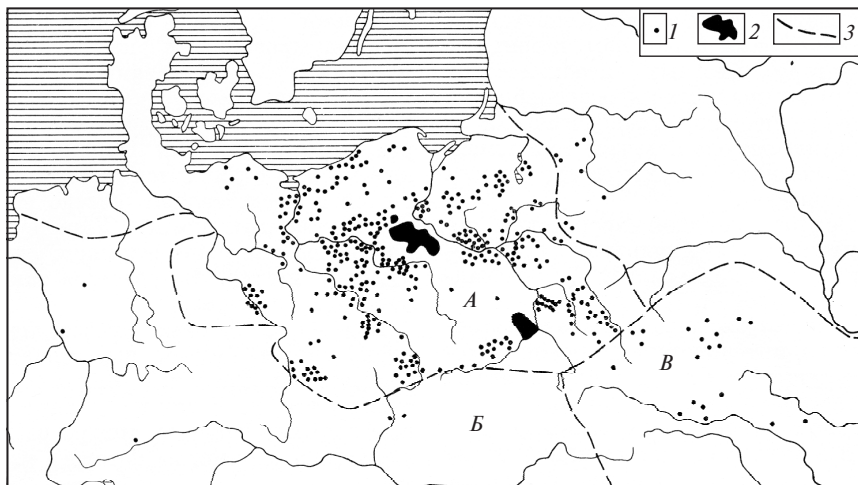

Рис. 16. Территория культуры шаровидных амфор к концу III тыс. до н. э.:
 1 – отдельные памятники; 2 – скопление памятников;
 3 – границы неолитических культур:
 А – ареал культуры воронковидных кубков; Б – дунайская культура;
 В – трипольская культура

шаровидными амфорами, имеющими по две или четыре ручки, с легким орнаментом по шейке и плечу сосуда. Имеются и неорнаментированные амфоры с четырьмя ручками. Были распространены также кубки, вазы с четырьмя ручками, конические кубки, большие сосуды с достаточно выраженными шейками. Орнаментальные мотивы отличаются простотой и представляют обычно ряды горизонтальных полос.

Украшения на сосудах нанесены штампом и типичными для посуды индоевропейцев отпечатками шнура. Встречается также нарезной орнамент.

Изделия из камня представлены одинаковыми типами пластинчатых резцов и каменных топоров, которые, несмотря на внушительные размеры территории культуры, отличаются только разновидностью кремня, из которого они изготовлялись.

В погребальных обрядах заметны вариации. Преобладает обряд захоронения в каменных ящиках, устроенных в грунтовых могилах или под курганами. Только на Эльбе был распространен обряд захоронения в ямах. Костяки чаще вытянуты, но встречаются и скорченные, посыпанные минеральной краской охрой.

Вместе с покойником в могилу клали шаровидные и плоскодонные амфоры, от одного до трех плоских топоров или долот. Почти в каждой

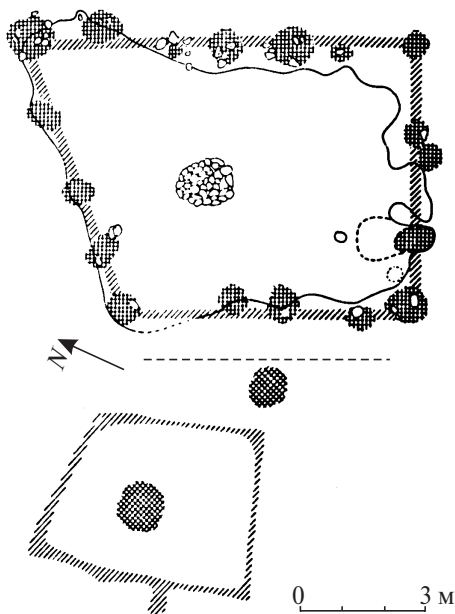

Рис. 17. Жилища культуры шаровидных амфор

могиле обнаруживаются кости домашних животных — главным образом нижние челюсти свиней. Большой интерес представляют ритуальные захоронения крупного рогатого скота, встречающиеся и на территории поселений.

Поселения известны двух типов: долговременные, состоящие из 2—3 построек сложной конструкции, и небольшие сезонные, устраивавшиеся на песчаных дюнах (рис. 17).

По данным антропологических исследований, носители культуры шаровидных амфор принадлежали к долихокранному с некоторой тенденцией к типу мезоцефалии. Они имели высокий рост, удлинённую голову и узкое лицо с узким носом, массивный подбородок. Носители культуры шаровидных амфор относились к тому же антропологическому типу, что и носители ямной культуры южных степных районов на юго-востоке Европы, а также более поздние европейские племена культур шнуровой керамики, составляя вместе с ними один антропологический массив.

Особый интерес для установления этнического характера культуры шаровидных амфор представляют те элементы, которые указывают на рождение нового этноса в ареале славянской прародины и соответству-

ют времени появления славян. Это прежде всего гибридный характер культуры шаровидных амфор, обязанный интенсивному смешению старого и нового населения. Ее субстратом стала местная неолитическая культура воронковидных кубков, известная здесь еще с середины IV тыс. до н. э. Генетическая связь с ней культуры шаровидных амфор настолько очевидна, что многие археологи рассматривали и еще теперь продолжают рассматривать последнюю в качестве прямой приемницы культуры воронковидных кубков, как результат простой эволюции одной культуры в другую.

Однако эта точка зрения не может быть принята, ибо она не объясняет происхождения тех крайне важных для этнологических заключений элементов в культуре шаровидных амфор, которых не было в предшествующей культуре и которые не могли развиваться спонтанно.

Прежде всего, в ней очень сильно выражен индоевропейский тип культуры. Это – встречающиеся курганные погребения, скорченные и посыпанные охрой костяки, шнуровой орнамент в керамике, ритуальные захоронения крупного рогатого скота. Наконец, южный антропологический тип самих носителей культуры. Только на местной основе такие черты развиваться не могли. Несомненно, эти элементы были привнесены расселением нового населения. Важно подчеркнуть, что это одно из самых ранних свидетельств миграции сюда нового населения с ярко обозначенной индоевропейской культурой.

Вместе с тем культуру шаровидных амфор нельзя рассматривать как только культуру мигрантов. Она впитала в себя и многие особенности местной неолитической культуры воронковидных кубков: бескурганые грунтовые могилы, вытянутые труположения на спине, амфоровидные сосуды с ушками, орнаменты, нанесенные штампом; значительная роль в хозяйстве свиноводства. Все это указывает на гибридный, смешанный характер культуры шаровидных амфор, на участие в ее формировании разных этнических групп.

Важно еще раз подчеркнуть, что это первое надежное свидетельство не только индоевропейской миграции в указанный регион и не только начавшейся миксации мигрантов с местным населением, но уже результат этой миксации, оформление новой культуры, принадлежавшей уже смешанному населению. А это одно из важнейших и необходимых условий возникновения нового этноса.

Хронологические рамки культуры шаровидных амфор – середина – вторая половина III тыс. до н. э. – полностью соответствуют тому историческому периоду, в котором протекало рождение славянского этноса.

Начальная территория культуры была намного меньше той, которую она занимала позже в результате последующего расширения своего ареала. Напомним, что малая начальная территория – почти обязательное

условие при появлении нового этноса. Это условие было соблюдено в этногенезе славян.

Таким образом, 1) ареал культуры шаровидных амфор, 2) время ее формирования и функционирования, 3) явные признаки смешения в ней разных культур и их носителей, среди которых были как представители местного неолитического населения, так и индоевропейские мигранты, и 4) то обстоятельство, что она выступает как первая гибридная культура этих двух этносов, — все это позволяет предположить, что именно носителей культуры шаровидных амфор следует отождествлять с первыми славянами. Местные неолитические племена культуры воронковидных кубков, очевидно, и стали тем этническим субстратом, который определил в дальнейшем культурное и языковое развитие нового этнического образования в славянском направлении.

В заключение хотелось бы сопоставить нарисованную картину начального периода славянского этногенеза с очень интересными наблюдениями известного шведского лингвиста А. Сенна. Заметим, что он относится к числу решительных противников существования балтославянского языкового единства. По его мнению, славянский, балтский и германский языки образовались из одного общего для них языка и какое-то время развивались изолированно. В соприкосновение балтский и славянский языки вошли в результате продвижения балтов в западном направлении. Правда, общий предок славянского, балтского и германского он называет поздним праславянским, а процесс разделения его датирует периодом 1000–500 гг. до н. э. Если поменять терминологию и вместо позднего праславянского назвать общий языковый предок славянского, балтского и германского североиндоевропейским и отодвинуть процесс формирования этих языков в III тыс. до н. э., то мы обнаружим поразительное совпадение археологических и лингвистических наблюдений о начале славян. В самом деле, мы уже говорили о том, что расселение в III тыс. до н. э. в европейской области севернее Карпат и в Среднем Поднепровье североиндоевропейцев привело после их смешения с носителями трех местных неолитических культур к появлению во второй половине III тыс. до н. э. трех достаточно изолированных культур: среднеднепровской, шаровидных амфор и североευропейской мегалитической. Свяжем с ними соответственно прабалтов, праславян и прагерманцев. На рубеже III и II тыс. до н. э. среднеднепровские и, возможно, какие-то периферийные родственные им племена продвинулись в северном и северо-западном направлениях и вошли на западе в соприкосновение с потомками культуры шаровидных амфор и даже наложились на них в Висло-Неманском междуречье. Частичное смешение их могло привести к появлению западных балтов, которых историческое время застаёт именно в этом регионе.

Нарисованная археологическая картина совпадает с предложенной А. Сенном лингвистической. Расхождения только в датировании этих процессов. Нам эти даты дают названные археологические культуры. Предполагаемые А. Сенном лингвистические датировки не имеют достаточно убедительных аргументов. Он, впрочем, их и не приводит. Если отвлечься от дат, то все становится на свои места. Начало германцев и балтов, как мы видели выше, тоже стоит близко к этому времени. Ясторфская культура, которая стала распространяться на юге Прибалтики, принадлежала уже сложившимся древним германцам.

Таким образом, и лингвистические, и археологические, и антропологические материалы убедительно свидетельствуют о глубокой древности славян. Нет оснований предполагать, что они формировались не по общим законам этногенеза и совсем не так, как другие родственные им этносы северных индоевропейцев. Их происхождение не было обусловлено какими-то иными причинами и обстоятельствами. Этногенез славян связан с приходом северной группы индоевропейцев в центр Европы и смешением их с одной из местных групп доиндоевропейского населения, синхронно с формированием балтов и германцев. Он начавшись в середине III тыс. до н. э. и завершился к рубежу III и II тыс. до н. э.

Рассмотрев историю возникновения германцев, балтов и славян, нельзя не заметить, что сомнения некоторых лингвистов в существовании в прошлом некоей единой группы северных индоевропейцев не были беспочвенными. Археологические материалы позволяют представить формирование северных индоевропейцев в следующем виде.

По мере продвижения из степей восточной части Европы на север древнейших племен, составивших суперстрат будущих северо-индоевропейских народов, последовательно оформлялись три их группы.

В Среднем Поднепровье в результате глубоких миксационных процессов сформировалась среднеднепровская группа с одноименной археологической культурой, этническим субстратом которой стали племена местной днепро-донецкой неолитической культуры. Этим было положено начало балтам. Несколько позже балты продвинулись в северном направлении и дополнительно освоили большую территорию Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья.

Другая часть древнейших племен, продвинувшись в среднюю Европу, смешалась с местными неолитическими племенами воронковидных кубков, в результате чего возникла культура шаровидных амфор, которую можно связать с первыми славянами.

Оставшаяся часть индоевропейцев, генетически связанная с древнейшими племенами, продолжила движение на север и заселила Ютландский полуостров и юг Скандинавии. Здесь она вступила в этническое

взаимодействие с местными, в значительной части прафинскими племенами. Результатом миксации стало появление северной курганной культуры, которую можно отождествить с первыми германцами.

Все три группы имели общий начальный индоевропейский компонент, связанный с носителями древнеямной культуры или их ближайших потомков. Во всех трех случаях при этнических смешениях с местными неолитическими племенами победу одерживали пришлые индоевропейцы.

Этот компонент следует рассматривать как общий суперстрат всех трех новых групп, определивший их родство и право быть включенными в особую группу северных индоевропейцев. Местные этнические компоненты следует рассматривать как субстраты, определившие различия между ними. Такое развитие этнообразовательных событий дает основание признать, что северные индоевропейцы никогда не составляли единой общности и с самого начала были представлены тремя родственными народами. Следовательно, будет неправильно говорить, что славяне, германцы и балты появились в результате последующего разделения некогда существовавшей единой общности. Их родство обусловлено общим для всех них суперстратом.

Глава 5

СЛАВЯНЕ ДО НАЧАЛА ШИРОКОГО РАССЕЛЕНИЯ

5.1. УТРАТА СЛАВЯНАМИ ЧАСТИ СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

В течение длительного периода славяне пребывали на своей исторической территории, хотя некоторое колебание границ области их расселения имело место. Так, некоторая подвижка ощущается на западе. Отдельные памятники культуры шаровидных амфор зарегистрированы в междуречье Эльбы и Рейна и на самом Рейне.

На востоке ее носители освоили Висло-Неманское междуречье и продвинулись за Неман. М. М. Чернявский раскопал несколько памятников культуры шаровидных амфор в Понеманье – пос. Красносельский в Волковыском р-не, д. Малые Едкавичи в Берестовицком р-не и др. С племенами этой культуры можно связать знаменитые кремнедобывающие шахты около пос. Красносельский в Гродненской области [204, с. 211–219]. Влияние культуры ощущалось далеко к востоку от ее ареала [61; 62].

Однако в последующее время имели место и обратные процессы. Перемещения соседних племен привели к постепенному и достаточно значительному сокращению славянской территории.

На рубеже III и II тыс. до н. э. началось энергичное расселение в северном направлении балтских племен, в результате которого они в несколько раз увеличили свою территорию, включив в нее область Висло-Неманского междуречья и юго-восток Прибалтики [115]. Это было первое крупное сокращение славянской территории (рис. 18).

Очень мощный поток балтов, быстро расселившись по Висло-Неманскому междуречью, вступил в активные этнические взаимодействия с местным населением (рис. 18). Вскоре здесь возникли две новые археологические культуры: Жучево (на юге Прибалтики) и Злота. Польский исследователь этих культур В. Хенсель справедливо отмечал, что

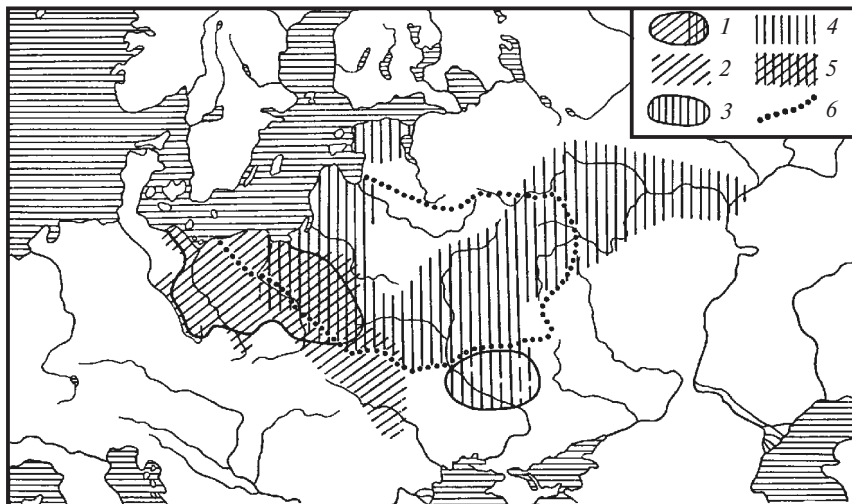

Рис. 18. Расселение славян и балтов во II тыс. до н. э.

культура Жучево представляет удивительную смесь культур шнуровой керамики с восточной группой культуры шаровидных амфор, а также предшествовавших им неолитических культур гребенчатой керамики и воронковидных кубков. При этом наиболее заметно были выражены черты, присущие культуре шнуровой керамики, принадлежавшей пришлым балтам [238, с. 79–80].

Аналогичная картина наблюдается в культуре Злота, также обнаруживающей смешение элементов культур шнуровой керамики, шаровидных амфор, воронковидных кубков и в меньшей степени культуры «керамики с прочерченным орнаментом». В орнаментации посуды в культуре Злота часто присутствуют отпечатки штампа, характерные для культуры шаровидных амфор [238, с. 80].

Надо заметить, что между культурами Жучево и Злота имеется много общих черт. Обе культуры, в свою очередь, близки культуре боевых топоров белорусского Поднепровья, что указывает на их общие истоки.

Присутствие в культурах Висло-Неманского междуречья ярко выраженных элементов, характерных для культур местных племен, может свидетельствовать об активном участии их в сложении балтских культур этого региона. Включение местного населения в этногенетический процесс привело к выделению группы западных балтов, развитию у них характерных черт. Лингвистические и антропологические данные, на наш взгляд, не противоречат этому выводу. Так, по мнению В. Мажю-

лиса, начало распада балтского языкового единства совпадает с началом расселения балтов [95, с. 2–3].

Очень важен тот факт, что историческое время застает в Висло-Неманском междуречье западнобалтийские племена ятвягов и пруссов. Мы не располагаем данными, которые бы свидетельствовали о миграции сюда балтских племен в какое-то другое, более позднее время, что могло бы привести к полной смене населения. Исследователи давно отметили наличие у западных балтов многих черт, сближающих их со славянами. Так, лингвистика утверждает, что в древнепрусских диалектах содержалось относительно больше славянских элементов, чем в литовских и латышских говорах. На наличие раннеславянских (лужицких) элементов в материальной культуре древних пруссов указывал Е. Антонец.

Х. А. Моора объяснял это тесными и длительными связями культуры западно-балтийских племен с соседними раннеславянскими культурами Среднего Повисленья [115, с. 23]. Имеется, однако, больше оснований объяснять происхождение славянских элементов в языке и культуре западных балтов включением в состав расселившихся во II тыс. до н. э. балтских племен значительной части местного славянского населения и видеть в этом проявление действия славянского субстрата. Своеобразный смешанный характер культуры и языка у населения Повисленья и Понеманья сыграл известную роль в обосновании идеи о существовании в прошлом так называемой балто-славянской общности. Кстати, В. Хенсель был одним из сторонников этой идеи и предлагал отождествлять балто-славян с носителями культур Жучево и Злота.

Мы сознательно привели эти материалы, объясняющие механизм возникновения западных балтов – соседей славян, потому что все это имеет непосредственное отношение к славянской проблематике. Действительно, если в происхождении западных балтов решающую роль сыграл славянский субстрат, то этим субстратом были именно носители культуры шаровидных амфор. Следовательно, в конце III – начале II тыс., когда рождалась западная группа балтов, славяне уже существовали и были представлены культурой шаровидных амфор, на территорию которых в области Висло-Неманского междуречья в это время проникли балтские племена.

Итак, миграция балтских племен на рубеже III–II тыс. до н. э. привела к заселению ими области между Неманом и Вислой, занятой до этого ранними славянами. В середине II тыс. началось постепенное продвижение с запада вдоль южного побережья Балтийского моря германских племен, известных позже как носители ясторфской культуры. В результате германские племена вошли в соприкосновение с балтами, отрезав тем самым славян от моря.

На оставшейся территории славяне пребывали в течение почти двух тысяч лет. Здесь, к северу от Карпат, мы наблюдаем последовательную смену ряда генетически взаимосвязанных археологических культур, практически не выходявших за пределы одного и того же ареала. Это обстоятельство само по себе может рассматриваться как аргумент в пользу того, что на указанной территории не было смены этноса. Б. А. Рыбаков широко использует этот аргумент в своей концепции начальной истории славян и в определении области славянской прародины [137, с. 182–196; 138, с. 214–285].

Дальнейшее развитие славян протекало в пределах этой, относительно небольшой области, где их зарегистрировали раннесредневековые письменные источники. Происходили закономерные изменения в хозяйстве и материальной культуре. Коснулись они и языка.

Изменения в первую очередь проявили себя в эволюции и трансформациях археологических культур. Схема дальнейшего культурного развития начального славянского региона выглядит следующим образом.

После культуры шаровидных амфор на ее месте сложились две новые культуры – предлужицкая и тшинецкая, которые в середине II тыс. получают свое продолжение снова в одной культуре – лужицкой. В середине I тыс. до н. э. в ареале лужицкой культуры возникнет пшеворская культура, приходящаяся уже на железный век. В середине I тыс. н. э. она будет сменена культурой пражского типа (V–VII вв.).

К сожалению, в поисках генетических предшественников тех или иных археологических культур археологи очень часто расходятся, как по причине скудости материалов, отражающих зарождение новых культур, и недостаточной порой изученности финальных стадий предшествующих, так и в силу того, что новые культуры часто приобретают такие формы, за которыми уловить черты преемственности не всегда удается.

5.2. ПРЕДУЖИЦКАЯ И ПШЕВОРСКАЯ КУЛЬТУРЫ

Дальнейшая судьба культуры шаровидных амфор во многом неясна. Памятники ее заключительного этапа, особенно поселения, изучены плохо и нуждаются в дальнейших исследованиях. По мере развития в новых условиях постепенно изменялись ее характерные черты, что вполне объяснимо. В археологической науке период между окончанием культуры шаровидных амфор и появлением на ее месте новых культур – предлужицкой и тшинецкой – принято соотносить с культурой боевых топоров. Это достаточно обобщенное определение не совсем точно, поскольку под этим термином, несомненно, скрывается не одна, а несколько разных индоевропейских культур, общим признаком которых

было распространение в них преимущественно каменных сверленных боевых топоров и керамики с отпечатками шнура (шнуровой орнамент). Эти общие культурные элементы присутствуют на обширной территории от Швейцарии до Верхней Волги, и уже поэтому не могли быть оставлены одним этносом. На территории Восточной Европы распространение культуры с боевыми топорами определенно связано с миграцией древних балтов, представленных среднеднепровской и фатьяновской культурами. В своем движении на восток и север, которое началось на рубеже III и II тыс. до н. э., балтские племена расселились на части славянской территории, наложившись на восточные области культуры шаровидных амфор.

Однако археологически не прослеживается приход новых племен в центральную и западную части территории, какую прежде занимали племена культуры шаровидных амфор. Между тем она заметно меняет свои характеристики. Распространяются и становятся преобладающими в погребальном обряде курганы с труположениями и скорченными костяками. С таким обрядом индоевропейцы пришли в среднюю и северную часть Европы еще раньше, в III тыс. до н. э. И если в культуре шаровидных амфор эта особенность индоевропейской культуры была приглушена, то теперь она становится доминирующей. Оценки исследователей начального периода эпохи бронзы на рассматриваемой территории неоднозначны. Одни говорят о появлении новой культуры боевых топоров, другие ограничиваются констатацией факта существования на этой территории различных пастушеских групп, в том числе свиноводов, не касаясь их отношения к носителям прежней культуры шаровидных амфор. Как бы там ни было, культурный фон сильно изменился. Создается впечатление, что на место земледельческо-скотоводческой экономики пришла экономика небольших бродячих групп пастухов. Культурная трансформация налицо, но сопровождалась ли она этнической трансформацией, или приходом нового населения — это еще предстоит выяснить. Необходимы новые масштабные полевые исследования, и прежде всего поселений. Пока лишь прослеживается влияние на культуру славян южных соседних культур, в частности унетицкой, и то только в южной части прежнего ареала культуры шаровидных амфор. Предполагается, что это было скорее культурное влияние, чем приход нового населения.

Косвенные факты свидетельствуют, однако, о том, что ни смены населения, ни трансформации этноса не произошло. «Курганная культура» бродячих пастухов к 1700 г. до н. э. сменилась в сохранившейся славянской области двумя родственными культурами: предлужицкой (в западной части) и тшинецкой (в восточной), которые, в свою очередь, к 1300 г. до н. э. легко объединились в одну лужицкую. Сам по себе этот

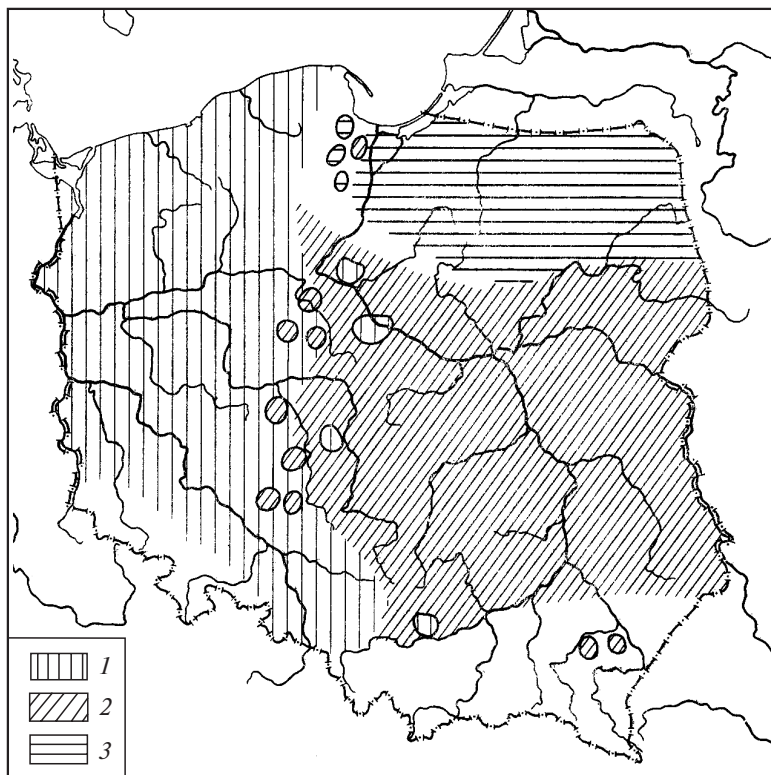

Рис. 19. Схема распространения предлужицкой (1), тшинецкой (2) и балтских (3) культур в первой половине II тыс. до н. э. (по Кухаренко)

факт может свидетельствовать о том, что обе культуры принадлежали одному славянскому этносу.

Около 1450 г. до н. э. между Эльбой и Одером – в Верхней Саксонии, Моравии, западном Поморье, Центральной и западной Польше – на основе предшествующих культурных групп с боевыми топорами и шнуровой керамикой сформировалась предлужицкая культура, которую некоторые исследователи, о чем говорит и само ее название, склонны считать начальной фазой последующей лужицкой культуры.

Она известна в основном по материалам раскопок курганов. Поселения почти не изучены, что делает наши знания о ней очень обедненными. Насыпи курганов обычно состоят из камней. Иногда курганы обнесены каменными кольцами. Курганы содержат труположения. По-

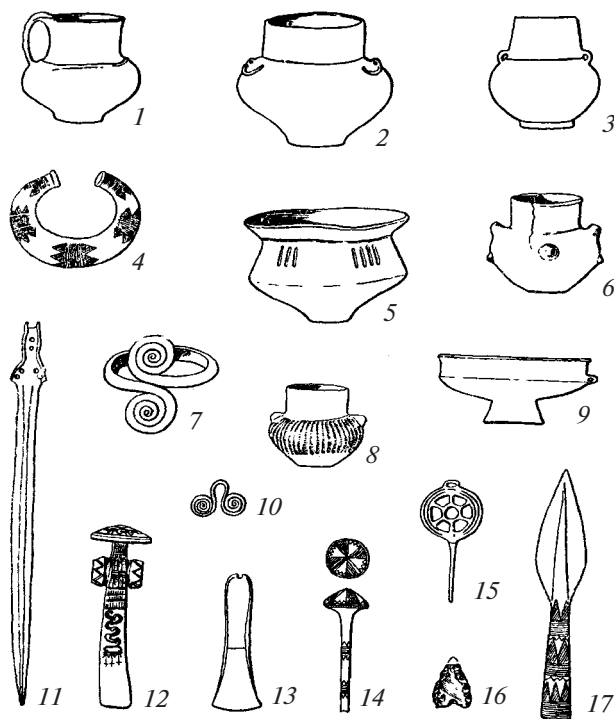

Рис. 20. Материалы предлужицкой культуры
(по Кухаренко):

1 – Пентнувек Легницкого повята; 2 – Тромба Островского повята; 3 – Ленчыца Старгородского повята; 4 – Силезия; 5 – Кртошын; 6 – Вроцлав – Грабишин; 7 – Людув Силезненского повята; 8 – Маслув Тшебницкого повята; 9 – Цепловоды Жонбковицкого повята; 10 – Летнин Пыщицкого повята; 11 – Радзим Оборницкого повята; 12 – Глиняны Воловского повята; 13 – Гродница Гостыньского повята; 14 – Воидал Иновроцлавского повята; 15 – Могильно; 16 – Высоцко Островского повята; 17 – Куявия:
4, 7, 10–15, 17 – бронза; 16 – кремль; остальное – глина

койника хоронили преимущественно в скорченном положении на боку с подогнутыми ногами, что было типично для индоевропейского обряда.

Бескурганые захоронения с труположениями встречаются в центральной и северной областях ареала культуры, где лучше сохранились традиции, восходящие к культуре шаровидных амфор. Костяки в них также скорченные.

Погребения с трупосожжениями встречаются редко, однако к концу существования культуры количество их увеличивается. Остатки кремации клали на дно длинной ямы, поверх которой иногда выкладывали каменную вымостку.

Вещи в погребениях обоих типов представлены глиняными сосудами, кремневыми наконечниками стрел, отдельными металлическими предметами — наконечниками копий, топорами с закраинами, мечами с черешком, кинжалами и различными украшениями (булавки, браслеты, диадемы).

Наиболее характерны большие выпуклобокие сосуды с цилиндрической шейкой, часто с небольшими ушками, выступами-шишечками и рельефными валиками на плечиках. Впрочем, глиняная посуда достаточно разнообразна и включает высокие горшки, кувшины, вазы и др. В типах керамических изделий и их орнаментации хорошо ощущается традиция культуры шаровидных амфор (посуда с ручками, шишковидными выступами, выпуклостями, рельефными валиками).

В первой половине II тыс. до н. э. распространились памятники нового типа, получившие название тшинецких по могильнику в Тшинеце в Польше. Культура, время бытования которой, судя по исследованиям польского археолога А. Гардавского, относится к 1700/1600—1300/1200 гг. до н. э., занимала территорию от устья Варты, притока Одера на западе, до нижнего течения Припяти на востоке. В пределах этой области А. Гардавским намечаются четыре группы тшинецких памятников, различающихся между собой типами посуды (рис. 21) и ее орнаментации, а также погребальными обрядами. Памятники припятского Полесья изучены недостаточно, и сам А. Гардавский включил их в ареал тшинецкой культуры условно.

Существовало два типа поселений тшинецкой культуры: долговременные, на которых обитало оседлое земледельческое население, и временные кочевья скотоводов. Жилищами служили землянки и небольшие наземные постройки столбовой конструкции.

В соответствии с этим и хозяйство племен реконструируется как скотоводческо-земледельческое с некоторым преобладанием скотоводческой экономики. Osteологические материалы указывают, что в составе стада ведущее место занимал крупный рогатый скот.

Погребальные памятники тшинецкой культуры представлены курганными и бескурганными могильниками, а также одиночными захоронениями. В обряде захоронения преобладает труположение. Покойника часто хоронили на боку с подогнутыми ногами («скорченные костяки»). В конце среднего периода бронзового века появляются памятники с трупосожжениями. И хотя оба типа погребальных памятников сосуществуют, тенденция перехода к новому обряду выражена достаточно отчетливо.

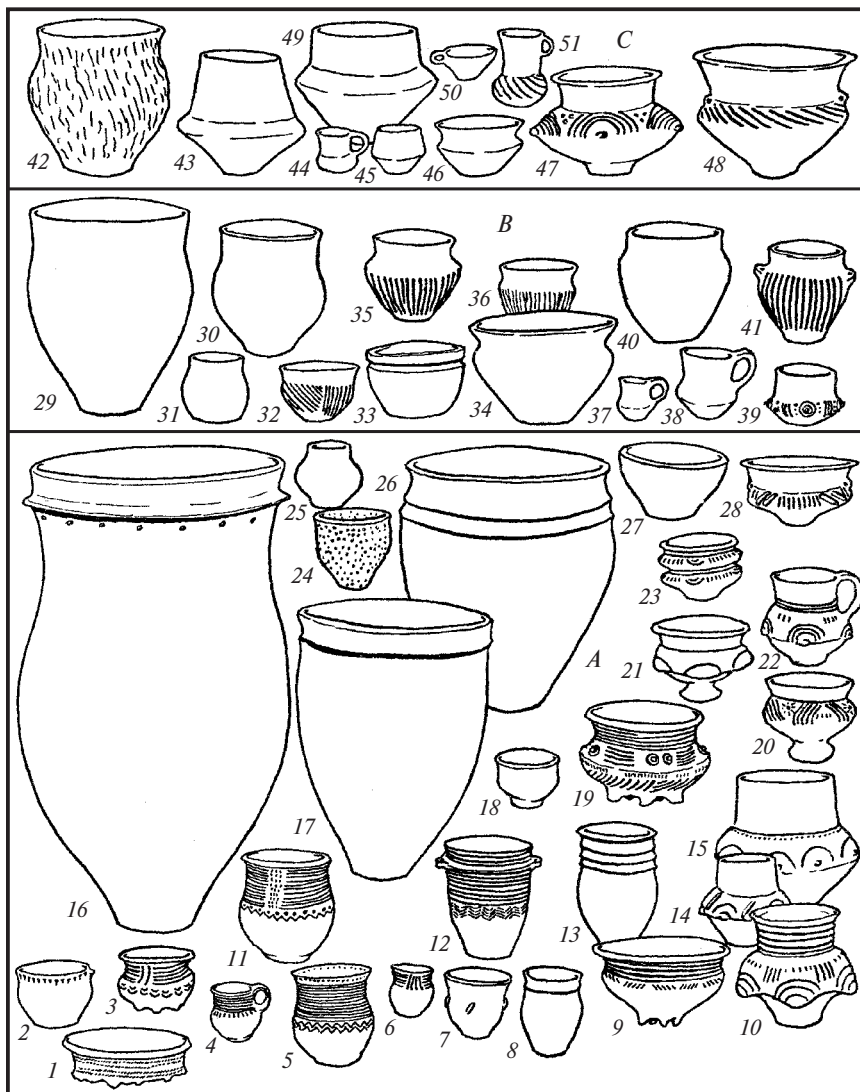

Рис. 21. Материалы тшинецкой культуры (по Гардавскому)

Заметных признаков имущественного расслоения не прослеживается. По мнению А. Гардавского, это был еще период расцвета первобытно-общинного строя.

Как и другие культуры того времени, тшинецкая культура лучше известна по керамике (см. рис. 21). Она плоскодонна, обычно профилирована, часто имеет оттянутый наружу венчик. Формы и виды посуды разнообразны. Типичны высокие тюльпановидные сосуды. Имеются сосуды с ручками или выступами на плечах, миски, чашки. На некоторых сосудах встречаются небольшие сквозные отверстия. В глине заметны различные примеси: песок, пережженный кремь, кварц. Цвет посуды черновато-коричневый, светло-коричневый и желтовато-красный. Орнаментация посуды разнообразна. Орнамент обычно располагался в верхней части сосудов. Чаще других распространен орнамент из глубоких параллельных бороздок вокруг шейки сосуда. Иногда они сочетаются с волнистыми бороздками или удлинненными ямками, треугольным штампом.

Изделия из камня представлены серпами, топорами, наконечниками стрел и др. Изделий из бронзы немного. Найдены бронзовые кинжалы с двумя отверстиями для заклепок, булавки со спиральными и полусферическими головками, фибулы со спинкой из двух спиральных щитков, браслеты со спиральными завитками на концах. Украшения, как, впрочем, и керамика, сохраняют сходство с аналогичными изделиями предшествующего периода, демонстрируя тем самым генетическую преемственность культур.

Бронза лучше представлена вкладах, часто целиком состоящих из бронзовых изделий.

По А. Гардавскому, тшинецкие племена развились на местной основе в результате постепенной интеграции родственных племен. Тшинецкую культуру исследователь связывал с «древними протославянами», отводя ей роль первой славянской культуры, в чем он ошибался. Она не была первой.

5.3. ЛУЖИЦКАЯ КУЛЬТУРА

Приблизительно к 1300 г. до н. э. на месте предлужицкой и тшинецкой культур возникла новая обширная и одна из самых ярких культур древней Европы – лужицкая культура, укладывающаяся во временной интервал между 1300 и 300 гг. до н. э. Важно отметить, что ни в период функционирования предлужицкой и тшинецкой культур, ни после не прослеживается проникновения в этот регион другого населения.

Поэтому большинство исследователей согласно с тем, что она представляет собой этап непрерывного местного развития и возникла в результате органического слияния двух культур: долужицкой и тшинецкой.

Культура обнаруживает явные признаки формирования на их генетической основе. Это один из основных показателей этнической близости

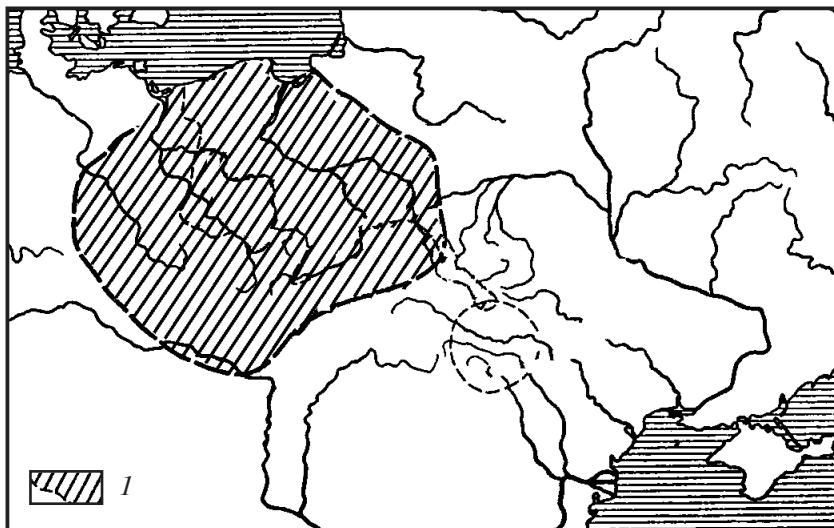

Рис. 22. Карта лужицкой культуры

населения всех трех культур. Славяне снова и надолго стали представлены одной общей культурой. Это заключение не может быть поколеблено даже наличием внутри культуры нескольких локальных областей (в разное время их насчитывают от 6 до 14), что в целом характерно для больших культур и свидетельствует об участии в ее формировании несколько отличавшихся друг от друга культурно-исторических групп.

Начальной областью формирующейся культуры, похоже, стали Лужица, Силезия и Великопольша, откуда ее основные характеристики достаточно быстро распространились на междуречье Эльбы и Верхнего Одера, Поморье и Бранденбург, Чехию, Словакию, Западную Венгрию, Нижнюю Австрию и Юго-Восточную Саксонию. Таким образом, культура распространилась на все прежние раннеславянские земли (рис. 22).

Первоначально лужицкие поселения располагались преимущественно в долинах с плодородными лессово-черноземными почвами. Потом в связи с быстрым ростом народонаселения и совершенствованием техники земледелия активно осваиваются лесистые области.

Поселки обычно устраивались на возвышенностях, вблизи рек и ручьев. В период поздней бронзы некоторые из них укреплялись валами.

Основным типом жилища был наземный прямоугольный дом столбовой конструкции, пространство между столбами закладывалось горизонтальными бревнами. Пазы между бревнами замазывались глиной. Постройки состояли из одного или двух помещений (второе служило

прихожей). Открытый очаг располагался, как правило, в центре жилища. Возле него часто обнаруживают яму для кухонных отходов. В пол некоторых построек вкапывался большой глиняный сосуд для хранения запасов.

Некоторые поселения отличались большими размерами и длительностью существования. Так, на поселении Бух около Берлина выявлено около ста четырехугольных в плане столбовых построек, существовавших в разное время [114, с. 69]. Среди них были дома, состоявшие из двух помещений: жилой комнаты с очагом и передней. В одном месте поселка восемь расположенных друг за другом домов составили улицу, в конце которой находился большой дом, по-видимому общественного назначения.

Всемирной известностью пользуется полностью раскопанное археологами лужицкое городище на Бискупинском озере в Северо-Западной Польше. В нем прекрасно сохранились деревянные сооружения, которые

Рис. 23. Вещи лужицкой культуры (по Костшевскому)

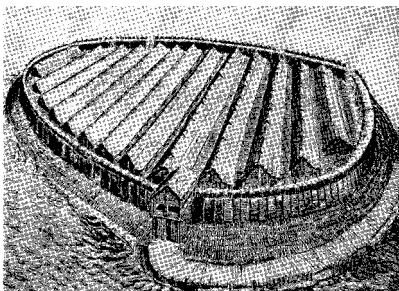

Рис. 24. Бискупинское городище.
Реконструкция

были глухими. Внутри каждого жилища имелся очаг. Иногда при домах имелись пристройки для скота. Бискупинское городище по праву сравнивают со знаменитой Помпеей.

Хозяйство лужицких племен было многоплановым. Его основу составляли земледелие и животноводство. Существование долговременных поселений указывает на то, что население вело оседлый образ жизни и не часто меняло места своего обитания. Некоторые поселения просуществовали на одном месте в течение нескольких периодов бронзового века. Об оседлости также свидетельствуют обширные могильники, насчитывающие до 2000 погребений.

Ученые полагают, что лужичане научились бороться с сорняками посредством предварительного выжигания травы и кустарников. Это позволило систематически расширять посевные площади за счет освоения под земледелие лесных пространств.

Для обработки пашен на место ручных мотыг пришел деревянный плуг, в который впрягали пару быков. Известна была и лошадь, которую также использовали в хозяйственных целях. Выращивали пшеницу, ячмень, просо, лен, позже рожь и овес. Урожай убирали бронзовыми серпами. Зерно мололи на каменных зернотерках.

Славяне разводили крупный и мелкий скот.

Бедные собственными источниками металла, население лужицкой культуры установило регулярные связи с южными соседями, от которых посредством межплеменного обмена получало металл, оружие и металлические украшения. Эквивалентом выступала продукция земледелия, лесной промысел и прибалтийский янтарь.

Наиболее распространенный погребальный обряд у лужицких племен – захоронение остатков кремации покойника в специальных сосудах (урнах), закопанных в ямах без надмогильных насыпей. Такие могильники принято называть полями погребений или полями погребальных

дают четкое представление о сложных укреплениях, планировке и застройке поселка. Длинные дома шли сплошной стеной вдоль узких улочек, замощенных деревом. Дома были разделены поперечными стенами на 10–12 изолированных помещений, каждое из которых имело свой отдельный выход через сени на улицу (рис. 24). При этом – только из домов, расположенных на одной стороне улицы. Противоположные стены, выходявшие на другую улицу,

урн. Вспомним, что обряд трупосожжения постепенно стал господствующим уже в предшествующих культурах. Лужичане продолжили традицию своих предков.

Сожжение производилось на стороне. Прах сожженного покойника тщательно очищался от углей и золы. В стенке некоторых погребальных урн иногда пробивалось отверстие, через которое, как думали, душа умершего могла выходить для общения с внешним миром. Урна с прахом прикрывалась камнем или миской. В могилу ставили другие сосуды, по-видимому с пищей для души покойника. Иногда это целые серии горшков.

В некоторых погребениях встречаются поврежденные огнем металлические украшения. Очень редко в могилу клали оружие, что скорее объясняется традицией, чем недостатком металла. Металлических изделий в лужицких памятниках встречается немало, и они очень разнообразны.

Оружие, в частности, в лужицкой культуре было представлено бронзовыми наконечниками стрел, копий и мечами с языковидным черенком, к которому прикреплялась рукоять из дерева или кости. Бронзовые топоры с закраинами имели обычную для того времени форму. Такими же были бронзовые серпы и секачи.

Как отмечалось, некоторые кладбища использовались очень длительное время, о чем свидетельствует большое количество в них захоронений и предметов, относящихся к разным периодам бронзового века. Так, могильник в Лясках (Польша) состоял из 1800 погребений. Некоторые чешско-моравские могильники содержат по 200–300 могил.

Очень разнообразна и богата лужицкая керамика. Она представлена большими амфоровидными сосудами с ушками у основания горла, высокогорлыми кувшинами, яйцевидными сосудами, грубыми горшками с двумя ушками по краю, коническими горшками, мисками, чашками и кубками (рис. 23).

Некоторые ранние амфоры и кувшины с большой ленточной ручкой украшены выпуклостями, напоминающими женскую грудь. Украшение керамики выпуклостями, напоминающими женскую грудь, восходит к очень древним культурам индоевропейцев. Они хорошо представлены на трипольских сосудах и были связаны с земледельческими культурами.

Есть основание предполагать, что на развитом этапе культуры существовали специальные мастерские по изготовлению большого количества керамических изделий.

Лужицкая керамика красно-коричневого цвета, в некоторых областях — серая или черная от прибавленного в керамическое тесто графита.

В среднем и позднем периоде керамика украшена в основном большими горизонтальными желобками.

Глиняные урны в погребениях часто отличаются особенно высоким качеством в технике изготовления и строгостью форм сосудов. Они несколько угловаты и приземисты, украшены выступами (шишки или бордавки), обрамленными дугообразными желобчатыми полосами. Впрочем, нередко урнами служили двуконические сосуды, украшенные над линией перелома желобками или штрихованными треугольниками.

Лужичане поддерживали тесные культурные и торговые связи с жителями Восточных Альп, Северной Италии и Венгрии. Оттуда они получали дорогие изделия из бронзы и железа: мечи, топорики, бронзовые удила, застежки-фибулы, бронзовые ведра и котелки.

Лужицкую культуру отличало высокое развитие металлургии. На привозном в значительной мере сырье они сумели создать большое количество типов бронзовых изделий. В раскопках, особенно в кладах, находят такие предметы из металла, как височные кольца, браслеты, перстни, ожерелья из бронзовых трубочек, различные булавки, фибулы с плоской орнаментированной спинкой и со спиральными щитками по краям. Некоторые фибулы очень больших размеров.

За долгий период существования культуры в социальном составе населения произошли существенные изменения. Наблюдается рост имущественного неравенства и выделение племенной знати. Это нашло отражение в памятниках лужицкой культуры. Так, в раскопанном около Седина большом кургане высотой 11 м и диаметром около 70 м, датированном VIII в. до н. э., была обнаружена круглая каменная камера со сводом из выступающих плит, стены которой были украшены росписью. Останки сожженного тела 40-летнего мужчины были помещены в бронзовую урне италийского происхождения, которая в свою очередь была вложена в глиняную урну. Вместе с ним в кургане в отдельных урнах похоронены остатки сожжения двух молодых женщин. Среди оставленных в могиле вещей был меч с антенной гальштатского типа и многочисленные бронзовые сосуды [74, с. 66–67].

О накоплении богатств свидетельствуют клады лужицкого времени, содержащие золото, дорогие украшения, предметы импорта.

Наряду с готовыми изделиями в них встречаются полуфабрикаты: спирально свернутая в виде восьмерки длинная проволока и гривны.

В кладе, найденном в 1913 г. в Эберсвальде (северо-восточнее Берлина), в высоком глиняном сосуде был спрятан 81 золотой предмет (общим весом 2,5 кг). Среди них: восемь полукруглых чаш, шейные гривны, браслеты, спиральные кольца, свитые золотые проволочки. Полуфабрикаты представлены кусками золота в виде гривен [74, с. 67]. До 0,5 кг золота содержали некоторые клады на северо-западе Чехии.

Племена лужицкой культуры постепенно расселились в соседних областях, так что в конце бронзового века культура простиралась от

средней Германии (Галле и Лейпциг) до запада Украины и западной части бассейна Припяти в юго-западной Беларуси. На севере она вышла к Балтийскому морю, а на юге — достигла северо-востока Чехии, северной половины Моравии и северо-западной части Словакии.

На столь обширной и разноландшафтной территории лужицкая культура не могла быть совершенно единообразной. Сохраняя единую основу, она по отдельным элементам культуры, прежде всего по различиям в керамике, к концу бронзового и в начале железного века была представлена следующими локальными группами: лужицко-саксонской, поморско-кашубской, хелмской, средневислинской, тарнобжегской, силезско-малопольской, силезско-познаньской, восточновеликопольской, горицкой, виллендорфской, чешско-силезской, моравской и словацкой. Возможно, эти варианты соответствуют племенному составу славян в лужицкое время.

Сходные явления в культурах сопредельных стран породили в науке ошибочную, как оказалась, теорию о так называемой лужицкой экспансии, которая якобы сопровождалась значительными переселениями. Все это, однако, говорит о высокой степени развития лужицкой культуры и славянского общества.

5.4. ВТОРЖЕНИЕ ПОМОРСКИХ ПЛЕМЕН

Нет сомнений, что в течение длительного пребывания славян в пределах своей прародины они не раз испытывали сильное воздействие со стороны соседних народов. Можно говорить и о значительных этнических инъекциях иноплеменников. Так, в VI в. до н. э. лужицкая культура подверглась сильному воздействию со стороны поморской, которую, наиболее вероятно, следует связывать с какой-то группой западных балтов. Влияние этой культуры особенно заметно в Повисленье, куда в первую очередь распространились поморцы со стороны Кашубской возвышенности. Некоторые ученые были склонны считать, что миграция этих племен привела к полной замене лужицкой культуры поморской.

Однако высказывались и другие мнения: победа поморцев имела место только в Повисленье. К западу от этого региона влияние поморской культуры ощущается все меньше и меньше. Говорят даже о том, что победители-поморцы в конце концов оказались побежденными лужичанами и в Повисленье.

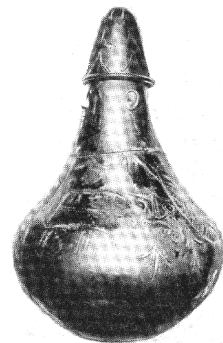

Рис. 25. Погребальная урна поморской культуры

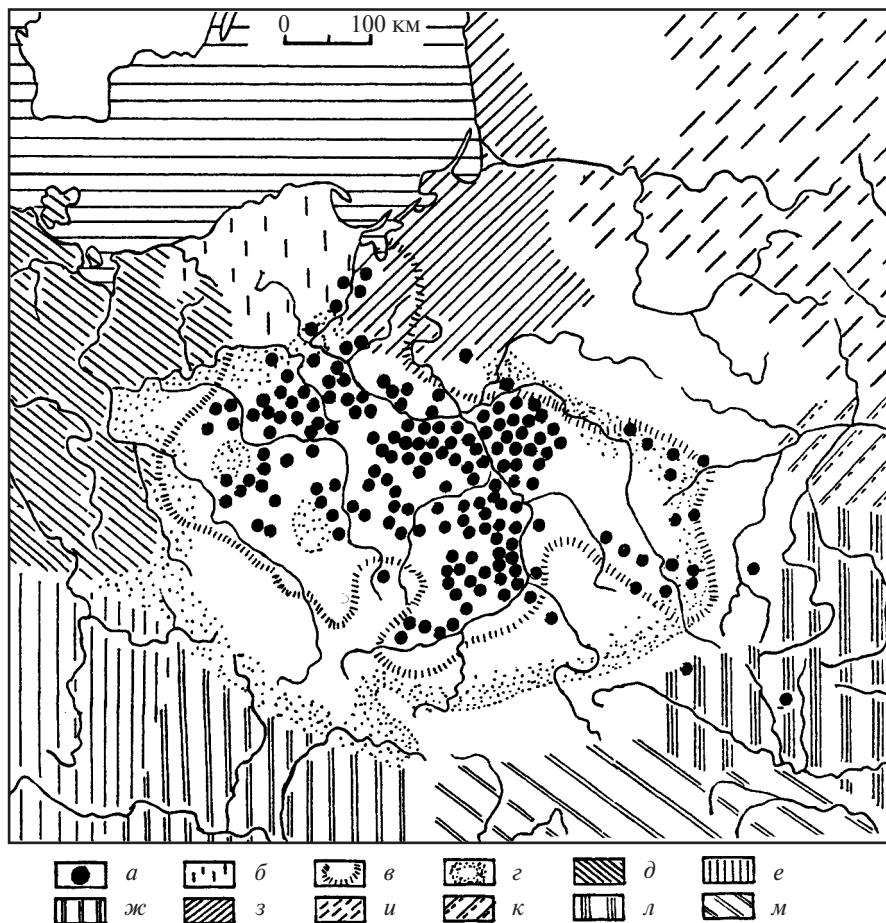

Рис. 26. Экспансия поморских племен (по Седову): *a* – могильники культуры подклешовых погребений; *б* – первоначальный регион поморской культуры; *в* – территория расселения поморских племен; *г* – ареал лужицкой культуры; *д* – ясторфская культура; *е, ж* – гальштат; *з* – западнобалтские курганы; *и* – территория восточных балтов; *к* – милоградская культура; *л* – скифская культура

Одними археологическими средствами этот спор пока решить не удалось. Результаты этнического смешения поморцев и лужичан было бы желательно проследить на языковом материале. Прямых же лингвистических свидетельств, которые можно было бы связать с этими процессами, тоже пока нет. Однако, если исходить из вывода о раннем по-

Рис. 27. Вещи поморской культуры

явлении славян, то мы должны признать, что поморцы, кем бы они ни были, не могли поглотить славянский этнос и, следовательно, поморская культура не смогла положить конец лужицкой. Если лужичане и уступили поморским племенам территорию поречья Вислы, все равно за пределами поморского влияния они или их прямые потомки сохранили и свой этнос, и свою культуру (рис. 26).

5.5. КУЛЬТУРА ПОДКЛЕШОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Сложнее развивались события в восточной части древнего лужицкого ареала, где смешение с поморцами не только имело место, но и было настолько сильным, что привело к образованию новой археологической культуры подклешовых погребений.

Своим названием она обязана особенностям своих погребальных памятников. Остатки трупосожжения помещались в горшок, который ставился в неглубокую яму и перекрывался другим большим сосудом (по-польски клешом), поставленным вверх дном. Отсюда и название самой культуры (рис. 28). Хотя культура очень тесно связана с поморской и, по существу, является результатом миграции части балтского населения на территорию висланских лужичан, есть все основания считать ее новой самостоятельной культурой.

В своей книге «Происхождение и ранняя история славян» В. В. Седов, приняв одну из лингвистических схем, по которой славянский язык сформировался на основе одного из западнобалтских диалектов, сделал попытку найти этой идее археологическое соответствие. Генезис культуры подклешовых погребений, по его мнению, может служить иллюстрацией процесса возникновения славянского этноса. В его представ-

Рис. 28. Вещи культуры подклешовых захоронений

лении славяне стали результатом миксации части западных балтов, носителей поморской культуры, с частью лужицкого населения. При этом самих лужичан он, как и некоторые другие исследователи, связывал с одной из древнеевропейских группировок, этническая принадлежность которой неизвестна. Во всяком случае, они не были ни славянами, ни балтами, ни германцами, а представляли нечто подобное гипотетической балто-славянской общности, оказавшейся промежуточной формой на пути образования славян [152]. Образовавшуюся при слиянии лужицкой и поморской культур культуру подклешовых погребений исследователь назвал первой славянской культурой.

С его выводами трудно согласиться по ряду причин. Исследователь слишком омолодил славян. Невозможно доказать, что подклешовые племена, занимавшие очень малую территорию и, конечно, малочисленные, смогли в одночасье распространиться до Эльбы и породить многочисленные славянские племена, описанные Иорданом. Ни одна из археологических культур средней части Европы не обнаруживает генетической преемственности с культурой подклешовых погребений в такой мере, что позволило бы рассматривать ее в качестве прямой наследницы культуры подклешовых погребений. Никто не смог проследить предполагаемого движения подклешовых племен на запад, а также объяснить, что же привело к такому быстрому преумножению населения подклешовых племен, которое смогло бы заполнить большое пространство между Эльбой и Вислой.

Далеко не в каждом случае смешение носителей разных культур приводило к появлению нового этноса. В данном случае, скорее всего, процесс носил характер ассимиляции, при которой победу одерживал один из этнических компонентов.

В рассматриваемом случае можно допустить победу балтийского этноса. Но не исключена также возможность того, что поморцы могли раствориться в лужицкой среде и воспринять язык лужичан. В первом случае подклешовиков можно было бы рассматривать как одну из балтских группировок. Во втором – отнести их к тому же этносу, к какому принадлежали носители лужицкой культуры. И если последние были славянами, то и «подклешовики», замешанные на балтском субстрате, могли составить одну из славянских групп.

Короче говоря, для того чтобы прийти к более определенному решению, нужна сумма других доказательств, и прежде всего лингвистических. Необходимы данные о языке самих подклешовиков или хотя бы их прямых потомков, а не их компонентов.

Прямыми лингвистическими данными по этому вопросу мы, к сожалению, не располагаем. Однако имеются, по нашему мнению, не-

которые косвенные свидетельства балтской принадлежности племен подклешовой культуры, которые мы предлагаем рассмотреть.

Если взглянуть на археологическую карту Европы, то ареал культуры погребений предстает перед нами в виде маленького пятячка, приходящегося на Среднее Повисленье.

Никто другой, как В. В. Седов, прежде чем сформулировать свою новую гипотезу о происхождении всех славян на базе носителей культуры подклешовых погребений, высказал очень остроумную идею об этнической принадлежности генетически, как он утверждал, связанных с ними носителей зарубинецкой культуры. Есть смысл вспомнить о ней, так как обе эти культуры объединяет общая проблема их этноса.

Мысль об участии поморских племен в генезисе зарубинецких разделяется многими археологами. В свое время Ю. В. Кухаренко больше других и определеннее писал о преобладающем участии поморской культуры в формировании зарубинецкой. Не отрицал поморских «реминисценций» в ней и П. Н. Третьяков. О поморском компоненте в зарубинецкой культуре говорил и В. В. Седов. Иными словами, проблема этнической принадлежности и поморцев, и подклешовиков оказалась связанной с историей зарубинецких племен. Зарубинецкая культура на долгое время стала главной темой археологов-славистов. Большинство исследователей видели в ней не только один из ранних эпизодов в истории славян, но и начало их крупного расселения. Некоторые считали ее чуть ли не самой первой славянской культурой, другие – первой культурой восточных славян. Зарубинецкой культуре придавалось значение одного из важнейших звеньев в славянском этногенезе. Поэтому место зарубинецкой культуры в славянском этногенезе нуждается в специальном и более обстоятельном рассмотрении.

5.6. МЕСТО ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЛАВЯНСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ

Проблема эта давняя. Она возникла сразу же после открытия зарубинецких памятников на территории Украины в 90-х гг. XIX в. археологом В. В. Хвойкой. Культуре и ее этнической атрибуции посвящено множество трудов, защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций. Однако даже по словам одного из крупнейших исследователей зарубинецкой культуры и горячего сторонника отнесения ее к славянам П. Н. Третьякова, высказанным им в его последней посмертной работе, точка зрения о славянской принадлежности зарубинецких племен хотя и является традиционной, но пока еще никем недоказанной [186, с. 6–8].

Известно, что один этнос может быть представлен несколькими археологическими культурами. Формирование новых культур обусловлено различными обстоятельствами: и условиями географической среды, накладывающей специфический отпечаток на различные элементы культуры (хозяйство, тип поселений и жилищ), и явлениями субстратного порядка (влияние предшествующих местных культур при миграциях), и степенью культурного влияния, распространявшегося на различные области, занятые данным этносом и пр. Балты, например, в железном веке оставили такие культуры, как культура штрихованной керамики, днепродвинскую, милоградскую, юхновскую, верхнеокскую, судавскую, центрально-прусскую. Несколько культур, существовавших в одно время, было у финно-угорских, германских и других народов. Следовательно, и у славян могло существовать несколько культур. Так, в бронзовом веке славяне были представлены, по меньшей мере, двумя археологическими культурами – предлужицкой и тшинецкой. Все зависело от условий и не в малой степени от размеров территории, занятой этносом. Большая территория способствовала множественности культур и наоборот.

Незначительность территории, на которой длительное время пребывали славяне и относительно спокойная этническая ситуация, только однажды нарушенная миграцией сюда поморских племен, – все это сдерживало процесс культурной дифференциации у славян, но не исключало ее. Поэтому не может быть оставлен без внимания вопрос о возможно славянской атрибуции таких культур, как культура подклешовых погребений и зарубинецкая. Однако в трудах большинства советских исследователей проблема расселения славян, особенно на востоке Европы, как бы замкнулась на этой культуре.

Между тем аргументы в пользу славянской принадлежности зарубинцев, которые выдвигались с самого начала обнаружения культуры и в процессе ее последующего изучения, не могут быть признаны убедительными. Главный из них, который постоянно повторяется, начиная с ее первооткрывателя В. В. Хвойки [202, с. 189], в том, что зарубинецкая культура занимает территорию, на которой позже сложилось ядро Древней Руси. Однако хронологический разрыв между зарубинецкой культурой, прекращающей существование во II в. н. э., и возникновением Древнерусского государства (IX в.) настолько велик, что проводить между ними прямую линию просто несерьезно.

Другой довод основывался на сопоставлении ареала зарубинецкой культуры с гидронимической картой. Согласно исследованиям лингвистов, в Среднем Поднепровье имеется достаточно древняя славянская гидронимическая номенклатура, происхождение которой можно было бы связать с носителями зарубинецкой культуры [183, с. 229, 230]. Од-

нако едва ли можно быть уверенным, что именно с зарубинцами, а не с какой-то другой славянской культурой связано возникновение в этом регионе этого гидронимического пласта. К тому же зарубинецкий ареал далеко выходит за рамки древнеславянской гидронимической области, и большая часть его приходится на зону с господством балтской гидронимики [150, с. 12].

Косвенный аргумент, согласно которому зарубинецкая культура могла быть славянской, потому что она сильно отличается от синхронных ей балтийских археологических культур [183, с. 219–220], тоже не может быть принят хотя бы потому, что и сами балтийские культуры различаются между собой.

Завесу над этнической природой носителей зарубинецкой культуры можно было бы приоткрыть, если бы удалось определить этнос генетически неразрывных с ними их предшественников. В значительной степени это связано с решением вопроса о происхождении зарубинецкой культуры. Говоря о связи ее со славянами, необходимо выяснить отношение ее самой или ее генетических компонентов к древнему славянскому миру.

На большей части области распространения зарубинецкой культуры ей предшествуют памятники милоградской культуры. В связи с обозначенной проблемой возникает вопрос о характере взаимоотношений между этими культурами, об истоках и исторической судьбе также и милоградской культуры.

Вопросы происхождения милоградских и зарубинецких племен, отношение милоградцев к генезису зарубинецкой культуры имеют обширную литературу и очень разную интерпретацию.

Многие, в том числе и очень авторитетные ученые, в прошлом полностью отрицали какую бы то ни было генетическую связь между ними, писали об их сосуществовании и культурных связях (О. Н. Мельниковская), об ассимиляции одной культуры другой (Ю. В. Кухаренко, П. Н. Третьяков и др.). В качестве аргумента, например, указывали, что по наиболее значительному и этнически определяющему признаку археологических культур — типу жилищ — эти культуры выглядят настолько различными, что говорить об их генетической связи между собой не представляется возможным. Приводились и другие доводы. Рассмотрим эту проблему подробнее.

Памятники обеих культур распространены на юге Беларуси и Среднем Поднепровье и во многом совпадают по своим ареалам. Они также смыкаются хронологически. Хотя милоградская культура возникает значительно раньше зарубинецкой, не только генетическое, но и хронологическое отношение друг к другу этих культур не раз рассматривалось в

научной литературе. Разные решения этих проблем не в малой степени, на наш взгляд, связаны со степенью их изученности.

Так, масштабное изучение милоградских памятников было ограничено в основном областью поречья Днепра, между устьями Березины и Припяти, что не могло не сказаться на исторических выводах.

Вероятно, что культура сформировалась на основе предшествовавших ей культур эпохи бронзы, поскольку железный век в этой зоне начинается именно с этой культуры, и нет решительно никаких признаков ухода из этих мест скотоводческих племен поздней бронзы. В своем юго-западном регионе, где сосредоточены известные пока памятники раннего этапа милоградской культуры, она непосредственно (хронологически и по типам вещей) смыкается с сосницкой культурой. Более того, отдельные прототипы милоградских круглодонных сосудов можно разглядеть в керамике среднеднепровской культуры и даже финальных стадий неолита Белорусского Поднепровья (поселение Милоград) [107, с. 20, 164], что указывает на местные корни. Отражением преемственности в развитии культур эпохи бронзы и милоградской можно также считать сходство элементов в орнаментике керамики (ямочные вдавления, оттиски палочки, жемчужный орнамент; заштрихованные треугольники на посуде бронзового века и милоградских глиняных грузиках, повторяющих форму милоградских сосудов). Все это, принимая также во внимание саму локализацию милоградских памятников в ареале балтской гидронимии, хотя и значительно ослабленной к югу от Припяти, может свидетельствовать в пользу балтской принадлежности милоградских племен [150, с. 36]. Вместе с тем по своему общему облику милоградская культура заметно отличается от синхронных ей балтийских культур штрихованной керамики, днепродвинской и юхновской. Помимо своеобразной круглодонной посуды, она характеризуется иным, чем у названных культур, типом жилища, представленного небольшой постройкой столбовой конструкции, несколько углубленной в землю и рассчитанной на одну семью. В орудиях труда и оружии ощущается сильное влияние более южных культур. Не вполне объяснимы пока различия в погребальной обрядности (курганы на западе и бескурганые грунтовые ямные погребения на востоке). Возможны также различия в типах хозяйства между отдельными областями милоградского региона. Все это дало основания и для других выводов об этносе милоградцев [107, с. 36]. Проблема осложняется и тем, что известные ранние памятники культуры сосредоточены в основном на украинской Волини и не очень хорошо изучены, в то время как днепровские, исследованные значительно полнее, не охватывают всего хронологического диапазона существования культуры и относятся к ее средней и поздней стадиям.

Представляет интерес и требует объяснения тот факт, что в ранних слоях некоторых городищ культуры штрихованной керамики на значительном расстоянии от основной области милоградской культуры найдены сосуды милоградских форм [111, с. 30]. Не исключено, что эти формы могли развиваться на основе общих как для милоградцев, так и племен культуры штрихованной керамики сосудов скотоводов эпохи бронзы, пришедших сюда из Поднепровья до того, как в этом регионе появились балты из Понемонья. В результате смешения неманских и днепровских балтов возник восточный вариант культуры штрихованной керамики, в котором как реликт какое-то время сохранялся древний поднепровский тип круглодонного горшка.

Можно также предположить, что в ареал формировавшейся милоградской культуры первоначально входило и поречье Березины, на которое позже распространились племена культуры штрихованной керамики, ассимилировавшие местную группу милоградцев [95, с. 54]. Однако этому противоречит отсутствие других милоградских признаков (своеобразных милоградских жилищ и пряслиц в виде сосудов), а также то обстоятельство, что сосуды милоградских форм присутствуют в бесспорных комплексах культуры штрихованной керамики (городище Лабенщина). Возможно также, что под давлением южных или западных соседних племен часть милоградцев сдвинулась к востоку и расселилась в восточных областях культуры штрихованной керамики. Впрочем, находки милоградских предметов на поселениях штриховиков точно так же, как и некоторых культурных элементов штриховиков в милоградском ареале, могут быть объяснены существованием широкой промежуточной зоны, в которой почти в равной степени представлены обе культуры. Это может указывать на значительные и обоюдные культурные и этнические инфильтрации, обусловленные этнической близостью носителей этих культур.

Коренные изменения наблюдаются в милоградском ареале в начале II или конце III в. до н. э., когда здесь появляются памятники зарубинецкой культуры.

Проблема исторических судеб милоградских племен, на наш взгляд, связана с вопросом о происхождении зарубинецкой культуры.

К настоящему времени исследователями называется более сотни достоверных зарубинецких поселений и могильников. Несмотря на длительную историю изучения культуры, значительные масштабы раскопок и обширную литературу, по-прежнему вопрос о происхождении культуры решается по-разному и остаются справедливыми слова П. Н. Третьякова, что существующие по проблеме мнения покоятся «не столько на основе бесспорных археологических фактов, сколько на соображениях общего характера» [186, с. 33]. Одна из причин состоит в том, что хуже

других оказались изученными ранние памятники зарубинцев (особенно поселения), а также непосредственно предшествовавшие им в этом регионе памятники финальной стадии милоградской культуры, что, впрочем, не помешало некоторым исследователям высказать категоричное суждение об отсутствии между ними генетических связей [183, с. 213; 106, с. 32; 81, с. 290].

Особое внимание исследователей зарубинецкой культуры привлекли так называемые поморские реминисценции, представленные урновыми захоронениями, узкогорлыми и бугристыми сосудами поморско-подклешовых форм в некоторых ранних зарубинецких могильниках, и ряд других западных по происхождению культурных элементов, которые нельзя объяснить простым заимствованием.

Представлялось, что наиболее ранние памятники зарубинцев сосредоточены в западной части Полесья и на Волыни. Это послужило основанием для Ю. В. Кухаренко сформулировать гипотезу о западном происхождении зарубинецкой культуры. По его мнению, она формировалась на базе культуры поморских племен, которые в процессе своего расселения с Кашубской возвышенности оказались в западном Полесье и на Волыни в ситуации, схожей с той, которая сложилась для них в Повисленье, где в результате смешения поморцев с лужицкими племенами возникла новая культура подклешовых погребений. В Полесье и на Волыни следствием этнических взаимодействий, по существу тех же племен, стала зарубинецкая культура, которая позже распространилась на более широкую территорию [81]. Однако Ю. В. Кухаренко не объяснил, почему из одних и тех же этнокультурных компонентов в Повисленье и Полесье возникли разные археологические культуры, а область предполагаемой «прародины» зарубинцев очень слабо насыщена их памятниками. Сама эта территория настолько незначительна, что невозможно представить, откуда же мог возникнуть такой мощный зарубинецкий поток, который в очень короткое время оказался способным распространиться на обширные пространства до Сейма на востоке и Тясмина на юге и полностью поглотить местные культуры. Видимо, сложение зарубинецкой культуры и ранняя история ее носителей развивались по иному сценарию.

Не подтвердилось и мнение Ю. В. Кухаренко о том, что полесские памятники зарубинцев старше среднеднепровских. Лишь самый ранний из них — могильник у д. Отвержичи мог возникнуть предположительно в конце III в. до н. э. Однако к этому же времени (судя по обломкам античной керамики) можно отнести и начало Корчеватовского могильника в Среднем Поднепровье. В обоих могильниках обнаружены урновые захоронения и сосуды поморских форм. Все это указывает на то, что поморско-подклешовые племена, участие которых в сложении за-

рубинецкой культуры очевидно, довольно быстро вышли к среднему течению Днепра, и формирование зарубинецкой культуры проходило на значительно большей территории, чем считал Ю. В. Кухаренко [103, с. 3]. Представляется сомнительным, чтобы местные племена, обитавшие на этих землях до прихода поморцев, не принимали участия в формировании зарубинецкой культуры хотя бы потому, что численность поморских племен, видимо, была не столь уж велика, так как до сих пор на территории украинской Волыни, за исключением самых западных районов, неизвестны «чистые» памятники поморцев.

Одним из доводов против признания значительной роли местных племен в генезисе зарубинцев было представление о разнохарактерности предшествующего этнокультурного фона. Действительно, в период максимального распространения зарубинецких племен их ареал наложился на милоградскую, юхновскую, днепродвинскую и часть скифской культур. Но это отнюдь не означает, что население всех этих земель должно было участвовать в образовании зарубинецкой культуры. Лишь незначительная часть скифской территории, самые северные ее провинции, попала в сферу распространения зарубинецких памятников, которые, кстати, значительно моложе полесских и среднеднепровских.

К еще более позднему времени относится появление памятников зарубинцев на территории юхновских племен (приблизительно I в. н. э.). Даже на Верхнем Поднепровье зарубинцы оказались мигрантами.

Отсюда следует, что эта обширная территория была освоена зарубинцами в процессе их последующего расселения. И ни скифы, ни юхновцы, ни носители днепродвинской культуры не могут рассматриваться потенциальными компонентами зарубинецких племен, поскольку на их земли зарубинцы распространились в качестве уже сложившейся этнокультурной единицы. Поэтому начальная территория зарубинецкой культуры, где шло ее становление, была ограничена западным Полесьем и Средним Поднепровьем. Здесь ей предшествовали поморско-подклевшские и милоградские памятники, причем западное Полесье с его поморско-подклевшскими памятниками скорее следует рассматривать не столько как ядро зарубинецкой культуры, сколько в качестве исходной территории ее поморского компонента.

Другим компонентом могли быть только милоградские племена и их культура. Хотя изучение археологических памятников Верхнего Поднепровья показывает некоторый отлив милоградских племен к северу, предполагать их полный уход из Среднего Поднепровья и Волыни или истребление их пришельцами нет никаких оснований. В общетеоретическом плане маловероятно, чтобы зарубинецкая культура могла сформироваться на основе одних только пришлых племен, и даже Ю. В. Ку-

харенко признавал наличие элементов местных культур в зарубинецкой, объясняя их, впрочем, «варваризацией» пришельцев со стороны местного населения [81, с. 299].

Уже сам факт удивительного совпадения ареалов ранних милоградских и зарубинецких памятников, их хронологическое соприкосновение и последовательность смены одних другими заставляют более внимательно отнестись к проблеме взаимоотношений этих двух культур. Археологические материалы, пусть пока и не столь ярко, как этого следовало ожидать, что может объясняться все еще недостаточной изученностью региона, свидетельствуют о несомненном участии милоградцев в формировании зарубинецкой культуры.

Милоградские реминисценции, подобно поморским, проявляют себя различным образом.

Обратимся к керамике. Зарубинецкая посуда характеризуется своими, присущими ей типами, и при общей скудости раннезарубинецкого керамического материала уловить ее прототипы нелегко. Предшествовавшие формы подверглись быстрой и значительной трансформации. Однако, хотя и редко, в зарубинецких комплексах встречаются типичные милоградские сосуды. Такой крупный сосуд, украшенный жемчужным орнаментом, найден в погребении № 93 Корчеватовского могильника. Другой, круглодонный милоградский горшок найден в одном из разрушенных погребений того же могильника [83]. Два горшка милоградского облика найдены в кенотафах могильника Отвержичи [69, с. 56].

Однако еще важнее, что отголоски милоградских форм можно уловить в самих зарубинецких сосудах (например, сосуды № 1, 2, 46, 76, 99, 101 и некоторые другие – в Корчеватовском могильнике) [142, с. 83]. С милоградской традицией может быть сопоставлено использование в качестве элементов орнаментации керамики ямочных вдавлений и «жемчужин».

Нельзя сказать, что нет ничего общего между милоградскими и зарубинецкими погребальными памятниками. Незначительное количество известных зарубинецких захоронений с грунтовым труположением, возможно, связано с древним милоградским ритуалом. Накануне возникновения зарубинецкой культуры милоградцы, надо полагать, сами перешли к трупосожжению с захоронением остатков кремации в грунтовых ямках. Сходство этого типа милоградских погребальных памятников и зарубинецких очевидно. В могилах некоторых зарубинецких захоронений обнаружены также специально положенные кусочки охры (Отвержичи, Чаплин, Пироговский могильник). Аналогии такому ритуалу отмечены в милоградских захоронениях [69, с. 37, 39].

Несомненные черты сходства наблюдаются и в жилищах, особенно в свете раскопок раннего поселения на Пилипенковой Горе в Среднем

Поднепровье [97, с. 41]. Раннее зарубинецкое жилище реконструируется как небольшое (12—16 м²) прямоугольное или квадратное, несколько углубленное в землю (0,5—0,8 м), с оштукатуренными глиной деревянными или плетневыми стенами.

В центре жилища или около одной из стен на уровне земляного пола располагался открытый очаг. Иногда его устраивали в небольшой ямке. Такие же прямоугольные, углубленные в землю жилища с открытым очагом были характерны и для милоградцев. Наземные столбовые зарубинецкие постройки также можно увязать с милоградской строительной традицией. Вблизи как милоградских, так и зарубинецких жилищ находились многочисленные хозяйственные ямки-погребки.

Отмечая элементы сходства в милоградской и зарубинецкой культурах, мы далеки от мысли преувеличивать их значение и, подобно Л. Д. Поболу, считать зарубинецкую культуру результатом простой эволюции милоградской [97].

Конечно, отмеченные выше факты свидетельствуют о значительной роли в ее становлении и поморско-подклешовых племен. Чей вклад был большим, развивалась ли зарубинецкая культура преимущественно на базе какой-то одной культуры или обе они — и милоградская, и поморско-подклешовая — на равных участвовали в ее становлении — на эти вопросы материалы пока не дают прямого ответа.

Зарубинецкая культура представляла новое явление и имела свои специфические признаки, отличающие ее от других, в том числе и генетически родственных культур. Существенные изменения в общем облике культуры по сравнению с ее предшественницами могут быть объяснены, с одной стороны, естественным культурным прогрессом зарубинецких племен, с другой — новая ее окраска может быть связана и со сменой сфер культурного влияния. Милоградская культура, как отмечалось, находилась под сильным влиянием степных и лесостепных южных культур. Оружие и орудия труда милоградцев неотличимы от скифских. Возможно, и в курганном обряде захоронений милоградцев отразилось скифское влияние. Во II в. до н. э. скифы были вытеснены сарматами, которых дела на севере интересовали значительно меньше, чем на юге. К моменту вызревания зарубинецкой культуры усилилось влияние наиболее сильного в то время средневропейского культурного очага, связанного с расцветом кельтской (латенской) культуры. На территории формирующейся зарубинецкой культуры распространяются латенские формы сосудов, лощеная керамика, фибулы, украшения. В течение всего периода существования зарубинецкой культуры влияние латенского очага было подавляющим. Новая окраска культуры оказалась настолько сильной, что затушевала ее генетические корни.

Процесс формирования зарубинецкой культуры протекал на значительной части милоградской территории, но не на всей. В стороне от него остались верхнеднепровские группы милоградцев. Следовательно, возникновение зарубинецкой культуры не означало полного исчезновения милоградской. За пределами зарубинецкой «прародины» милоградцы продолжали развивать свою культуру. В связи с этим верхнюю хронологическую границу милоградской культуры следует давать с оговоркой. Для тех ее областей, куда проникли поморско-подклешовые племена, она, по-видимому, может быть ограничена II—I вв. до н. э. В более северных частях ее, вероятно, придется отодвинуть дальше, может быть, выделить особую группу позднемилоградских памятников, со своим ареалом, хронологией и типологической характеристикой. Область позднемилоградских племен располагалась между культурами зарубинецкой, днепровдновской и штрихованной керамики. Возможно, одним из памятников этого позднейшего этапа является исследованное автором городище Кистени, на котором были найдены довольно поздние предметы (круглопроволочные бронзовые браслеты с расширяющимися концами).

Позднемилоградские племена испытали сильное воздействие со стороны племен культуры штрихованной керамики, о чем может свидетельствовать распространившийся у них обычай покрывать свои сосуды штриховкой.

В связи с экспансией сформировавшихся зарубинецких племен, начиная с I в. до н. э., многие позднемилоградские городища были оставлены населением и на них поселились зарубинецкие общины. Двухслойные городища с нижним милоградским и верхним зарубинецким слоями исследованы в Чаплине, Горошкове, Колочине, Мохове. Некоторые группы поздних милоградцев, возможно, были ассимилированы зарубинцами.

Обращаясь к проблеме этнической принадлежности зарубинецких племен, следует, прежде всего, отказаться от идеи, что зарубинецкая культура могла стать первой славянской культурой, ибо это не соответствует рассмотренным положениям о времени возникновения славян. С точки зрения археологии невозможно также воссоздать родословную славянских культур, начало которой занимала бы зарубинецкая культура. Доказать, что все последующие славянские культуры не только Восточной, но и Западной Европы ведут свое начало от нее. Следовательно, вопрос может заключаться лишь в том, не была ли зарубинецкая культура одной из славянских культур, развившихся, естественно, на основе одной или нескольких предшествовавших ей культур ранних славян.

Поскольку ее генетическими предшественниками были культуры милоградская и подклешовых погребений, ее этническая характеристика зависела от них. В своем становлении зарубинецкие племена могли

унаследовать этнос любого из своих компонентов. Поэтому мы не можем обойти вниманием вопрос об этносе милоградцев и носителей культуры подклешовых погребений.

Несмотря на то что в археологической литературе высказывались предположения о возможно славянском характере милоградской культуры и делались попытки отождествлять милоградцев с Геродотовыми неврами (О. Н. Мельниковская), рассматривать милоградцев в качестве одной из славянских групп достаточно проблематично. Основной довод О. Н. Мельниковской в пользу славянской принадлежности носителей милоградской культуры состоял в том, что культура эта, по ее мнению, первоначально формировалась на территории Украинской Подолии, где заметно выражен славянский пласт в гидронимической номенклатуре. Оттуда они переселились позже в северо-восточном направлении на юго-восток Беларуси и в Среднее Поднепровье, заняв области, где господствует балтийская гидронимика. Поскольку они пришли из другой языковой области, балтийская гидронимика их нового местожительства не может быть индикатором их этноса. Однако тезис о значительной передислокации милоградских племен не находит достаточных подтверждений. Наоборот, их культура уходит своими корнями в местную культурную среду. И хотя непосредственно предшествующее милоградцам время нуждается в специальном исследовании, общее впечатление об автохтонности милоградцев и их предков достаточно сильно. Были ли милоградцы неврами или не были — ответить на этот вопрос едва ли кому удастся. Слишком неопределенна локализация невров у самого Геродота, и его замечание, что за неврами начинается пустыня, никак не соответствует тому месту, какое занимала милоградская культура на археологической карте Восточной Европы. Иными словами, милоградцев невозможно исключить из балтийского мира. Вероятнее всего, это была одна из самых южных групп древних балтов, ареал которых полностью вписывается в область распространения балтской гидронимии. Отсюда следует, что один из компонентов зарубинецких племен был балтский.

В процессе смешения милоградцев с поморско-подклешовыми племенами язык милоградцев мог быть сохранен и передан зарубинцам. В таком случае и зарубинцев следовало бы рассматривать как одну из балтийских групп.

Однако результат взаимодействия языков милоградцев и подклешовиков мог быть и иным. К зарубинцам мог перейти язык их другого компонента — подклешовиков. И здесь возникает новая проблема: кем были племена, оставившие подклешовые захоронения? По этому вопросу среди исследователей нет единого мнения.

5.7. ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНОСЕ НОСИТЕЛЕЙ ПОМОРСКОЙ, ПОДКЛЕШОВОЙ И ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУР

Как уже отмечалось, имеются достаточные основания предполагать, что культура подклешовых захоронений образовалась в результате смешения поморцев с висланскими лужичанами [150]. По В. В. Седову, в этническом плане это могло привести к возникновению первых славян. Славянами они могли быть и в том случае, если бы часть поморских племен, которая распространилась на Средней Висле и смешалась с лужичанами, растворилась в лужицкой среде и перешла бы на славянский язык лужичан. При таких допущениях возможно было бы предположить, что и зарубинцы, приняв язык подклешовиков, составили одну из групп славян с очень сильным балтийским субстратом. Но есть еще один возможный вариант.

Поморцы, формировавшиеся в ареале балтской гидронимики, скорее всего, были одной из групп западных балтов, выделение которых, по-видимому, произошло еще в бронзовом веке. Распространившись на юг в VI–V вв. до н. э. на лужицкие земли в Повисленье и образовав здесь особую культуру подклешовых захоронений, эта часть западных балтов смогла сохранить свой этнос и, мигрировав позже в Полесье, смешаться там с другой балтской группой, носительницей милоградской культуры. Два близких между собой балтийских компонента однозначно могли дать только один результат. Носители новой культуры, зарубинцы, не могли быть никем другим, кроме балтов. Видимо, поэтому зарубинцы практически ничего не изменили в топонимике региона, в котором распространены их памятники, и не принесли с собой древнюю славянскую гидронимику, ибо, как уже отмечалось, ее нет на их территории к северу от Припяти.

В связи с этим хотелось бы напомнить о высказанной в свое время оригинальной идеи В. В. Седова, который пытался объяснить происхождение группы западнобалтийских гидронимов в достаточно компактном регионе на Верхней Оке и левобережье Верхнего Поднепровья приходом сюда группы западных балтов. До них этот регион был заселен местными балтийскими племенами. Переселение сюда группы западных балтов он связал с зарубинецкими племенами или их потомками. Продвижение через Смоленщину зарубинецких племен было отмечено еще раньше в работах П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта [39]. Так под влиянием зарубинецкой керамики, в частности ребристых мисок, вероятно, проявляется ребристая посуда и у балтов Смоленщины.

Соглашаясь с таким объяснением данного факта и, следовательно, имевшей место миграции части зарубинцев или их прямых потомков,

В. В. Седов обратил внимание на интересные особенности в гидронимике Верхневолжского региона. Составляя часть балтского гидронимического ареала, он содержит хорошо выраженный пласт западнобалтийских гидронимов, что может рассматриваться как свидетельство проникновения сюда какой-то группы западных балтов. Поскольку на основании археологических материалов удается проследить миграцию в этот район только племен, связанных с зарубинцами, то можно предположить, что западнобалтийская гидронимия была принесена ими. Именно зарубинцы, как он писал, оставили здесь гидронимию западнобалтийских типов.

В таком случае следует признать, что зарубинцы оставляли одну из западнобалтийских группировок, точнее — были носителями западнобалтийского диалекта.

Если гипотеза верна, то не трудно понять, откуда у зарубинцев западнобалтийский диалект. Ведь сами они формировались при активном участии подклешовиков, тесно связанных с поморцами. Последние же вышли из Кашубской возвышенности в низовьях Вислы, составлявшей, судя по гидронимическим данным, крайний западный ареал балтийского мира. Да и Среднее Повисленье еще недавно входило в зону расселения одной из групп западных балтов — ятвягов. При такой логике событий говорить о славянстве зарубинецких племен, как видим, не приходится. Но свой западнобалтский диалект зарубинцы могли перенять только от подклешовиков. Поэтому и носители культуры подклешовых погребений нужно связывать не со славянами, а с западными балтами.

5.8. ПШЕВОРСКАЯ КУЛЬТУРА

Поморская культура не заняла место лужицкой. Она не смогла распространиться на всю территорию лужичан. Однако, как уже говорилось, культура восточных областей лужицкой культуры подверглась сильной трансформации, что привело к появлению новой культуры подклешовых погребений. Носители той культуры, однако, постепенно сместились к востоку, и к концу III в. до н. э. они практически исчезают с исторической арены. Во всем лужицком ареале формируется новая культура, получившая название пшеворской по одному из могильников возле города Пшевор в Польше. Было вновь восстановлено культурное единство во всей славянской области. И хотя проблема становления пшеворской культуры нуждается в дальнейшем изучении, нет никаких оснований говорить о значительной миграции сюда какого-то нового в этническом отношении населения, якобы заменившего прежних обитателей этого региона (рис. 29).

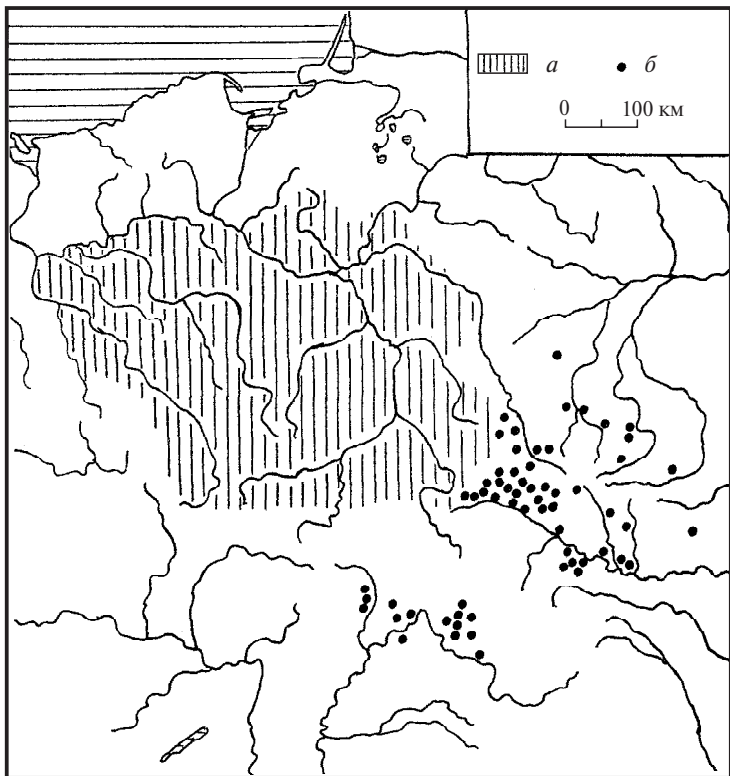

Рис. 29. Карта пшеворской культуры:
a – основной ареал пшеворской культуры; *б* – памятники этой культуры за его пределами

Между тем в научной литературе широкое хождение получила идея о полиэтничности пшеворской культуры. Ее носителями признавались как славяне, так и германцы. Такое мнение, скорее всего, возникло не столько из анализа самой культуры, сколько из предположения, что территория, на которую распространилась культура, и до этого была населена как славянскими, так и германскими племенами, жившими чересполосно. Эта эпоха рассматривалась как время значительных этнических перемещений, что получило отражение в письменных источниках. Миграции, как думают, могли привести к этнической мозаике. Сторонники полиэтничного характера пшеворской культуры исходили из предположения, что в условиях длительного и внутрирегионального соседства и активного контактирования различных этносов возможно усвоение и

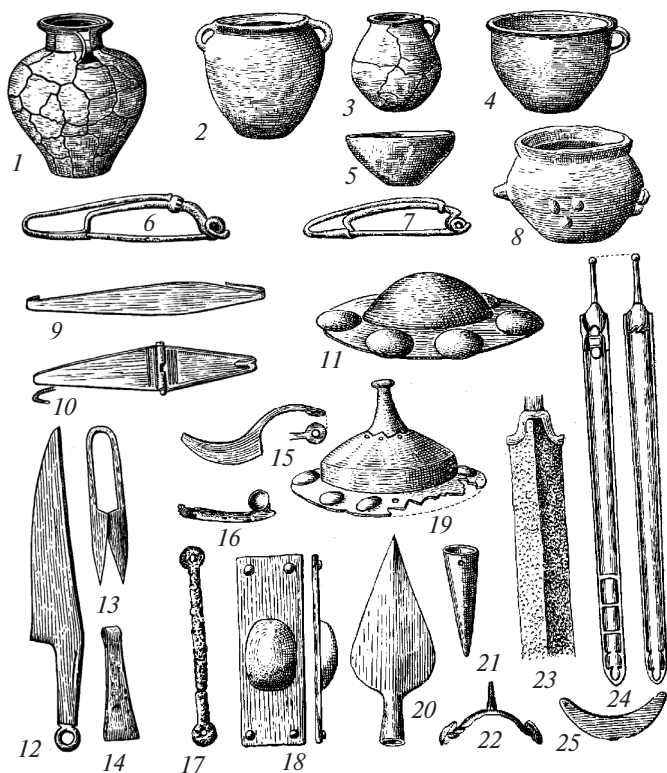

Рис. 30. Материалы пшеворской культуры (по Костшевскому)

использование разными этносами общих культурных элементов. Этногенетические процессы такого рода нуждаются в конкретных исследованиях. Нужны прежде всего надежные этнографические аналогии, которые можно было бы интерполировать в археологические материалы. Пока же остаются большие сомнения в существовании таких полиэтничных археологических культур, которые почему-то смогли полностью утратить культурные признаки, которые им были присущие раньше разным этносам, принявшим участие в их формировании.

Касааясь данного периода, мы можем допустить проникновение в славянский мир отдельных германских (и не только германских) племен. Из письменных источников известно о далеких миграциях готов и других народов. Известно также, что они не изменили общей культурной картины. Так, памятники готов довольно отчетливо сохраняли свою специфику и легко выделяются на фоне местных иноэтничных памятников.

Поразительное совпадение ареалов лужицкой и пшеворской культур, равно как и несомненные генетические черты преемственности между ними, особенно в той части их территории, которая не была осложнена поморским вторжением, позволяют заключить, что пшеворская культура — это следующий новый этап в истории славян, приходящийся на железный век, или так называемое римское время. Несмотря на сильное влияние поморской культуры на лужицкую, особенно в восточных районах, пшеворская культура распространится на весь лужицкий ареал, а не на часть его. Это говорит о том, что славянский этнос лужичан сохранился и продолжил себя в новой, пшеворской, культуре на той же самой территории.

Новый этап отмечен сильным влиянием античных культур и его случайно относят к римскому времени. Известно, что такого рода влияния и приток античного импорта могут сильно преобразовать и снивелировать культуры, оказавшиеся в сфере этого влияния, в такой степени, что утрачиваются многие местные особенности культур. Это усложняет выявление этнических критериев и создает немалые трудности в изучении этнической истории.

Исследователи пшеворской культуры предлагают разные даты ее функционирования. Наиболее обоснованными считаются даты, приводимые польским археологом К. Годловским, который определяет время культуры в пределах со II в. до н. э. и до IV в. н. э. Правда, им, как и некоторыми другими исследователями, в качестве верхней даты допускается вся первая половина I тыс. н. э.

Что касается ареалов культуры, то в работах археологов имеются некоторые расхождения, которые в какой-то мере объясняются, с одной стороны, неодинаковой степенью изученности культуры в разных местах ее ареала, с другой — трудностями вычленения ее раннего этапа из кельтской культурной среды, господствовавшей в западных регионах будущего пшеворского ареала. За ее материалами слабо заметны характерные черты, присущие пшеворской культуре. Дает о себе знать, вероятно, и прочно сложившееся у некоторых исследователей ошибочное убеждение, что славяне пришли сюда достаточно поздно с востока. Отсюда желание искать ранние памятники славян скорее на востоке, чем на западе. Касаясь ареалов культуры, их предпочитают ограничивать на западе Одером, хотя ее памятники известны также в междуречье Эльбы и Одера.

На начальном этапе пшеворская культура находилась под сильным влиянием кельтской культуры, и ее памятники в западной части нередко приписывали кельтам. Только постепенно пшеворские племена, как думают сторонники более восточной начальной локализации пшеворцев, проникают в Эльбо-Одерское междуречье и оказываются под сильным воздействием кельтского субстрата.

Пшеворская культура известна по поселениям и погребальным памятникам. Поселения имеют разные размеры: от небольших с двумя-тремя дворами до очень крупных, площадью в несколько десятков тысяч квадратных метров. Отмечается тенденция к увеличению со временем размеров поселков. Увеличивается и количество поселений. Наибольшая плотность заселения отмечается на более плодородных почвах, распространенных в южной части пшеворского расселения.

Застройка поселений была кучевая, бессистемная. Жилища представлены различными типами. Известны наземные постройки и полуземлянки. Поскольку выявить наземные постройки труднее, то лучше изученными оказались полуземлянки.

Наземные жилища в основном имели столбовую конструкцию стен. Промежутки между столбами заполнялись плетнем, обмазанным глиной. Глиняную обмазку от таких стен неоднократно находили в раскопках. Некоторые постройки имели бревенчатые стены. Заостренные концы бревен закреплялись в пазах вертикальных столбов. Постройки в плане преимущественно прямоугольные и имеют размеры от 3,2×3,2 до 5×4,5 м [157].

Раскопками выявлены также срубные постройки и комбинированные срубно-столбовые. Жилища однокамерные, но изредка встречаются и двухкамерные. Крыши двускатные.

Отапливались жилища располагавшимися в центре очагами, сложенными из глины и камней. Вход в полуземлянки устраивался около одного из углов постройки.

К жилищам примыкали хозяйственные постройки 6×12 кв. м различной конструкции. Встречаются хозяйственные ямы с обмазанными глиной стенами, в которых хранились продукты земледелия и животноводства.

Погребения пшеворской культуры бескурганые и содержат остатки трупосожжений. Могильные ямы различаются размерами, формой, глубиной, ориентацией и составом находок. Остатки кремации покойника, что производилось на стороне, хоронили в урнах или просто высыпали на дно могильной ямы. Обнаружены следы остатков кремации, оставленных на поверхности земли.

Было замечено, что если в ранних погребениях кости клали в могилу вместе с углями и золой от погребального костра, то позже фрагменты костей предварительно тщательно очищали от остатков кострища. Захоронения по обряду ингумации встречаются крайне редко. В ряде случаев удалось проследить захоронения в деревянных колодах. Ориентация ингумированных покойников различна. Были обнаружены скорченные костяки, что можно объяснить проникновением на территорию, занятую пшеворцами, какого-то населения со степных областей Восточной Европы, не имевших отношения к носителям пшеворской куль-

туры. По-разному выглядит состав вещевого материала, положенного в могилу. Все это дает повод для споров относительно этнической принадлежности погребенных и связи их с одним или разными этносами. Все это сюжеты для серьезного разговора об этническом характере пшеворской культуры, к которому мы обратимся позже.

В ранней пшеворской посуде некоторые исследователи видят кельтские традиции. В более северных областях в ранней керамике улавливается влияние германской ясторфской культуры, хотя последняя к этому времени уже прекращает свое существование. Германским проникновением на территорию пшеворских славян, возможно, следует объяснять распространение кувшинов и двуручных ваз.

Тем не менее пшеворская керамика имеет свой тип и сосуществует с керамикой, отмеченной влиянием других культур. И даже, когда в пшеворском ареале появится посуда, изготовленная на гончарном круге и которая, по-видимому, была предметом импорта. Местное земледельческое население по-прежнему будет пользоваться своей лепной посудой.

В послелатенское время наблюдается подъем в культуре земледелия. Повсюду распространяется пашенное земледелие, оснащенное высокопроизводительными пашенными плугами с железными лемехами, вытеснившими деревянное рало. Орудием уборки урожая были крупные серпы. Появились каменные жернова. Распространились крупные проушные топоры, тесла, долота, ножи прямые и с горбатой спинкой, ножицы, шилья, пластинчатые кресала, ключи и детали от замков.

Основной земледельческой культурой была рожь, составлявшая 22 % зерновых. За ней шли просо (16,5 %), ячмень (16 %), пшеница и овес. [157, с. 109–110]. Некоторые исследователи считают возможным придавать факту заметного предпочтения славянами ржи значение своего рода этнического признака славян. Предполагается, что германцы заимствовали выращивание ржи у славян. Эту культуру славяне продвинули и на восток. Известно, что и в древнерусское время именно рожь стала главной зерновой культурой древнерусского населения. Запасы зерна и другие продукты хранили в ямах со стенами, обмазанными глиной, а также в деревянных бочках.

Развитым было и домашнее животноводство. В составе домашнего стада первое место принадлежало крупному рогатому скоту. Разводили также коз и овец, а также птицу: гусей, уток и кур. Хорошо была известна собака. Кости диких животных (олень, бобр и др.) в остеологическом материале составляют всего 10 %.

Во II–III вв. мощного расцвета достигло металлургическое производство. С пшеворской культурой связаны удивительные памятники —

мощные металлургические центры, открытые и раскопанные главным образом в Южной Польше вблизи Кракова, а также Вроцлава. Раскопками открыто до 400 горнов. Обнаружены также очень совершенные шахты, в которых добывали железную руду. Полученным железом удовлетворялись не только потребности пшеворского населения, но значительная часть железа экспортировалась в римские провинции, о чем свидетельствуют находки кладов, содержащих тысячи римских монет.

Эти металлургические центры, возможно, восходят к кельтскому времени, поскольку повторяют кельтскую технологию. Интересно, что после того, как металлургический центр прекратил функционировать, резко сократилось количество железа.

Детали одежды и украшения из бронзы и железа представлены фибулами латенского и послелатенского типов с подвязанной ножкой и арбалетовидными пряжками, поясными накладками. Распространены были стеклянные бусы.

Достаточно разнообразны предметы вооружения. Пшеворцам были известны железные мечи, они короткие, однолезвийные североевропейского происхождения. Копья находят чаще других предметов вооружения. Ранние наконечники копий длинные, узкие, поздние — широкие и короткие. Найдены втуки от копий. Кинжалы с односторонним и двусторонним лезвием. Известны щиты, от которых найдены железные умбоны, шпоры. В погребениях нередко находки наконечников ножен от мечей.

Интересно, что лук в сражениях использовался редко, о чем свидетельствует небольшое количество найденных в раскопках наконечников стрел.

Предметы из глины, кроме посуды, представлены пряслицами, катушками для ткачества.

Вопрос о происхождении пшеворской культуры долго дебатировался в научной литературе. И теперь еще нет единства среди исследователей, особенно в вопросе этнической принадлежности носителей этой культуры. Большая заслуга в исторической интерпретации культуры принадлежит польскому археологу Ю. Костшевскому, доказавшему генетическую связь пшеворской культуры с предшествовавшей ей лужицкой. Исследователь привел убедительные свидетельства местной основы пшеворской культуры, что особенно наглядно проявляет себя в их погребальных памятниках.

Местными являются некоторые формы керамики и особенности домостроительства. Привлекая лингвистический материал, он проводил прямой путь от пшевора к средневековой славянской культуре. Идеи Ю. Костшевского получили поддержку у многих польских археологов.

Однако некоторые археологи пытались соотносить носителей пшеворской культуры с германскими племенами, в частности с лугиями,

упомянутыми в работах античных авторов. Думается, что не малую роль здесь сыграла навязывавшаяся германской историографией и далеко еще не оставленная идея о позднем приходе славян на территорию Средней Европы.

Сейчас стало очевидным, что приписать пшеворскую культуру германцам уже невозможно. Однако немало сторонников имеет идея о полиэтничности пшеворской культуры. Пожалуй, первым, кто пытался доказать это на археологическом материале, был польский исследователь Р. Ямка, обративший внимание на заметные различия в погребальных памятниках и вещевом материале, что происходит из них. Основываясь на этих материалах, некоторые погребения он отнес к германскому племени вандалов, другие — к славянам. Так, славянскими он считал погребения, в которых отсутствуют урны и оружие. Предполагалось, в частности, что жившие на этой территории германцы не позволяли славянам иметь оружие. Надо сказать, что сведений об этом нет ни в одном из письменных источников.

Допуская возможность пребывания на территории славян некоторых германских групп, принявших участие в Великом переселении народов, археологи оказались перед сложной задачей разделения вещевого материала, относящегося к рассматриваемой эпохе, на славянский и германский. Сложность состоит в том, что как в славянской, так и в германской среде бытовали одинаковые импортные предметы, как бы нивелировавшие этнические особенности культур. Наиболее заметные и существенные различия обнаруживают себя в погребениях — урновых и безурновых, а также в их локализации.

Так, урновые погребения содержат оружие (копья, дротики, шпоры, умбоны от щитов), а также замки и ключи. В безурновых ямных захоронениях оружие, как, впрочем, и другие перечисленные предметы, встречается крайне редко. Можно было бы предположить, что причина таких различий в составе находок лежит в разном социальном статусе погребенных. Однако В. В. Седов, по-видимому, прав, возражая против такого предположения. Он полагает, что это является отражением различий в обрядности разных племенных группировок, оставивших пшеворскую культуру.

Любопытно следующее наблюдение: в урновых захоронениях иногда встречаются кости птиц, причем такие погребения расположены преимущественно на западе пшеворского ареала, рядом с территорией, занятой германскими племенами. В безурновых ямных погребениях птичьих кости отсутствуют. Возможно, погребения с птичьими костями представляют германскую этнографическую ритуальную традицию.

Из металлических предметов в ямных безурновых захоронениях встречаются ножи, реze костяные гребни. Многие погребения вообще не содержат вещей.

Имеются заметные различия и в бытовой посуде. В урновых захоронениях сосуды округлые, с наибольшим расширением в середине высоты и равным диаметром горла и дна. Вторую группу составляют биконические горшки с наибольшим расширением в средней части и тоже с одинаковыми диаметрами горла и дна. Характерны миски с ребристым профилем, поддоном и ушками.

В безурновых захоронениях горшки высокие с наибольшим расширением в верхней трети высоты сосуда. Имеются также невысокие сосуды с почти коническим верхом и с усеченно-конической нижней частью, у которых наибольшее расширение приходится также на верхнюю треть высоты. Они очень напоминают раннесредневековые славянские сосуды.

Л. Нидерле отмечал, что безурновые погребения вполне сопоставимы со славянской обрядностью. Такого же мнения придерживается и В. В. Седов [152, с. 116].

Приведенные материалы дают основание говорить, что в пределах пшеворского ареала могли обитать разные в этническом отношении группы населения: это прежде всего славяне и германцы. Если безурновые погребения охватывают всю территорию пшеворской культуры, то урновые, которые можно соотнести с германцами, сосредоточены в основном в двух местах, причем наиболее компактное их размещение приходится на юго-западную часть пшеворского ареала. Иными словами, если на раннем этапе культуры в западных областях в ней заметно сильное влияние кельтов, то в последующее время оно сменяется влиянием германской культуры и более определенно — присутствием германского этноса. Впрочем, по мнению исследователей, далеко не все урновые захоронения принадлежали германцам. В это время, отмеченное большой подвижностью племен, многие поселения и могильники были общими. Шел процесс заметного нивелирования культур, обусловленный этнической миксацией. Во всем этом можно усмотреть соответствия с фактами, содержащимися в письменных источниках. Тацит и Плиний говорят о венедах и германцах, контактировавших между собой на отмеченном пространстве. Античные авторы называют и готов, и гепидов, расселившихся к югу от Балтийского моря, ругов, бургундов, обитавших в области среднего течения Эльбы, и лугиев, и вандалов, которые постепенно начали продвигаться на юг и т. д. Это было сложное и неспокойное время, неслучайно названное Великим переселением народов. Славяне оказались в поле этих перемещений, в целом сохраняя пока стабильность и относительную оседлость на землях своих отцов, продолжая вспахивать свои нивы и разводить скот. Их мирный традиционный земледельческо-скотоводческий быт получил адекватное отражение

в археологическом материале, почти не содержащем, в отличие от германского, оружия.

По-видимому, с этим временем связаны заметные проникновения германизмов в славянский язык, что обнаруживается лингвистикой (слова «меч», «шлем» и др.). В результате контактов с кельтами и германцами идет некоторое преобразование славянской языковой структуры.

Перемещения германцев на юг заметно сказались на экономике славянских племен. Есть основания предполагать, что именно в это время было оставлено так успешно функционировавшее в течение нескольких веков металлургическое производство на юге пшеворской территории, обеспечивавшее потребности населения в металле почти во всем пшеворском ареале. Это привело к резкому сокращению железа, что нашло отражение в археологических материалах, в которых количество железных предметов стало намного меньше. Недостаток железа побудил наладить местное и не столь совершенное производство железа из болотно-озерных руд.

На востоке, начиная от берегов Балтийского моря, по всей длине своих восточных границ славяне соприкасались с балтами.

Южной границей славянского мира оставались Карпатские горы. На заключительном этапе они пересекли Карпаты и расселились в Подунавье, где вступили в соприкосновение с некоторыми германскими племенами, оказавшимися здесь раньше.

Глава 6

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН

6.1. ПОСЛЕДНЯЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Середина и вторая половина I тыс. н. э. представляет особый интерес в изучении этногенеза славян. Именно в VI в. славяне под своим именем впервые появились в письменных источниках, чем был открыт новый исторический период в их истории. Иордан, назвавший склавинов и антов в качестве крупнейших племен среди венедов, определил и территорию их обитания в Центральной Европе севернее Карпат, между Эльбой и Днестром.

Вторым важным моментом было то, что именно в этот период формируется и распространяется на отмеченной территории новая археологическая культура, получившая название пражской, или культуры пражского типа. Эта культура, бесспорно, может быть соотнесена со склавинами Иордана.

Третий момент в том, что пражская культура имеет генетическое продолжение в средневековых культурах западных, восточных и южных исторических славян, что делает ее недостающим промежуточным звеном между культурами «исторических» и «доисторических» (дописьменных) славян и открывает новые возможности для ретроспективного изучения славянских древностей путем поисков цепочки археологических культур, которые были генетическими предшественниками культуры пражского типа. До этого момента мы определяли славянство носителей различных культур, отталкиваясь от их начальной культуры шаровидных амфор. Так мы дошли до культуры пражского типа, историческая принадлежность которой славянам уже ни у кого не вызывает сомнений. Она по праву назовется первой бесспорной славянской культурой. Теперь мы можем совершить обратный путь, продвигаясь от подлинно славянской культуры в глубь веков.

Очень важно отметить, что культура пражского типа оказалась последней общеславянской культурой, с которой связан выход славян за пределы своей прародины и начало их деления на группы западных, восточных и южных славян. Все это объясняет исключительное место, которое занимает культура в этногенезе славян, и необходимость ее тщательного исследования.

К настоящему времени называется до 600 выявленных памятников этой культуры, хотя, возможно, эта цифра и не бесспорна и включает в себя некоторые материалы, сходные по ряду признаков с пражскими. Таким образом, мы располагаем уже достаточной источниковой базой, позволяющей анализировать пражскую культуру в различных аспектах.

Несмотря на значительное число выявленных памятников, пражская культура оказалась, пожалуй, самой «молодой» в серии славянских культур по времени ее обнаружения.

Следует сказать, что культуру пражского типа еще нельзя отнести к разряду достаточно исследованных. Ее памятники стали известны относительно недавно. Только в 20-х гг. прошлого столетия ее керамику впервые выделил и описал чешский ученый И. Борковский, давший ей название керамики пражского типа. Позже он проанализировал и обобщил все известные ему материалы этого рода и отметил, что пражская керамика имеется не только на территории Чехословакии, но также в Германии и Польше. В его представлении памятники с керамикой пражского типа имеют местные корни и развились на основе культур полей погребальных урн и кельтской [219].

Однако аналогичные материалы были открыты еще раньше, в конце XIX в. С. С. Гамченко на правом берегу Украины. Правда, его рукописи изданы только в 1963 г. По месту локализации первых изученных памятников получила название и культура.

Первые сообщения о культуре не привлекли к ней большого внимания. И только в последующие годы — главным образом после Второй мировой войны — она стала объектом специального изучения. Потребовалось немало времени, чтобы накопить некоторую массу материала, позволившего составить начальное представление о культуре в целом. Было установлено, что ее памятники повсеместно предшествуют хорошо известным древностям славян раннефеодального периода.

Археологическое изучение памятников пражской культуры развернулось на территории всех славянских и смежных с ними стран: Чехии, Словакии, Восточной Германии, Польши, Венгрии, Румынии, Сербии, Болгарии, Молдавии, Украины и Беларуси.

Результатом раскопок стали многочисленные публикации материалов по отдельным памятникам культуры, а также появление обобщающих

работ, в основном регионального характера, по странам, где имеются памятники этого типа.

Множество славянских памятников третьей четверти I тыс. н. э. было выявлено и раскопано на Средней Эльбе.

Итоги многолетних исследований славянских памятников пражской культуры в Эльбо-Одерском междуречье были изложены в работах германского археолога И. Херманна [239], а также в книге «Славяне в Германии», подготовленной ко II Международному конгрессу славянской археологии.

Археологические памятники раннего Средневековья этого региона, включающие материалы пражской культуры, были опубликованы в Корпусе археологических источников.

Материалы археологических исследований отдельных памятников (например, Дессау-Мозигкау) изданы в виде отдельных монографий.

Обстоятельный анализ славянской керамики из раскопок в округе Мекленбург проделал и опубликовал в ряде работ Э. Шульдт.

Исследования пражских памятников в Польше носили региональный характер. Отметив, что долгое время польские археологи в своих работах избегали использовать само название «пражская», предпочитая обозначать памятники этой культуры просто раннесредневековыми. В последнее время, однако, значительно усилился интерес к ним и появилась серия ценных публикаций о результатах проведенных на них раскопочных работ.

Полезную систематизацию раннесредневековой керамики западнославянских областей проделал польский археолог И. Хазегава.

Славянские памятники VI–VII вв. в Болгарии были предметом изучения А. Милчева и Ж. Вожаровой, посвятивших им ряд публикаций.

Выявленные славянские древности на территории Румынии получили освещение в работах М. Корнеа.

Исследования памятников пражской культуры в восточном регионе их распространения на территории Молдавии, Украины и Беларуси проводились большой группой археологов. В послевоенные годы ими занимались В. Д. Баран, В. В. Аулих, И. С. Винокур, И. А. Рафалович, Ю. В. Кухаренко, И. П. Русанова, Б. А. Тимошук, В. С. Вергей и др. Большинству из них принадлежат не только публикации по отдельным раскопанным памятникам, но и обобщающие аналитические работы по большим регионам.

В. Д. Баран исследовал памятники пражской и предшествовавших ей культур на Волыни и Верхнем Поднестровье. И. А. Рафалович изучал междуречье Днестра и Прута, Б. О. Тимошук – Буковину. О. М. Приходнюк провел раскопки пражских и смежных памятников на территории Подолии.

Масштабные археологические работы на территории Волыни и Южной Беларуси осуществила И. П. Русанова. Ей же принадлежат сводные работы по славянским древностям VI–VII вв.

Материалы о славянских памятниках рассматриваемой эпохи были обобщены в фундаментальных трудах В. В. Седова.

Поскольку с культурой связано начало широкого расселения славян за пределами их прародины и ее памятники распространены как в пределах их начальной исторической территории, так и за ее пределами, появившимися в результате миграции славян и освоении ими новых земель, то будет правильно разделить эту культуру на два хронологических периода. Первый следует отнести к тому времени, когда славяне еще оставались в пределах своей прародины и где она формировалась на основе предшествующей культуры (или культур). Это важно для установления генезиса культуры. Второй период включает историю культуры, развивавшейся не только в своем эпицентре, но и за его пределами, когда славяне вступили в активные контакты с другими народами, сопроваждавшиеся их интенсивным культурным и этническим взаимодействием с неславянским населением и проникновением в культуру пражского типа новых, неславянских элементов. Впрочем, в последнее время исследователи ограничивают пражскую культуру хронологическими рамками VI–VII вв., хотя, кажется, появляются признаки начала ее уже в конце V в.

Период же VIII–IX вв. предлагается выделять в особую раннесредневековую культуру славян, что имеет свои основания.

6.1.1. Характерные черты пражской культуры

Пришедшая на смену пшеворской культура пражского типа V–VII вв. н. э. известна во всех славянских землях и генетически связана с историческими раннефеодальными древностями различных славянских народов. По времени и по существу ее распространение непосредственно связано с началом широкого расселения славян и выхода их за пределы своей прародины. Сформировавшись первоначально в ядре славянского мира, она затем будет разнесена славянами на обширных пространствах Юго-Восточной и Восточной Европы. Для нее особенно характерно удивительное единообразие основных культурных признаков в первой половине ее существования. И поскольку эта культура не только возникает в ареале пшеворской культуры, но и на ее основе, не может быть другого вывода, кроме того, что и пшеворская культура принадлежала ранним славянам. И хотя не все исследователи придерживаются такой логики рассуждений, а некоторые решительно оспаривают гене-

тическую преемственность между пшеворской и пражской культурами (М. Гедль, К. Годловский), других истоков культуры пражского типа никто убедительным образом не доказал.

Неудачны и недоказанны попытки найти черты преемственности между культурой пражского типа и теми культурами за пределами пшеворского ареала, куда позже она распространилась. Выделенные исследователями общие черты правильнее рассматривать как показатель включения местных племен в русло славянского этногенеза, смешения пришлых славян с местным населением. Похожая картина будет наблюдаться позже в зоне распространения культуры длинных курганов, хорошо отразившая процесс смешения славян и балтов в памятниках X в.

Трудности с доказательствами генетической связи между культурами пражского типа и пшеворской, с которыми столкнулись археологи, могут быть объяснены и еще недостаточной изученностью, с одной стороны, ранних памятников пражского типа, а с другой — позднейшего этапа существования пшеворской. Заметные различия между двумя родственными и хронологически смежными культурами уже не раз отмечались исследователями. Неслучайно поэтому, что многие археологические культуры нередко предстают перед нами как структуры, лишенные динамики и связи с предшествующими и последующими культурами. Генезис археологических культур чаще других вопросов является предметом споров среди археологов. Это может быть объяснено и недостаточной изученностью памятников, когда их характеристика носит суммарный, не расчлененный во времени образ, с признаками, которые могли быть приходящими, соответствовавшими какому-то определенному этапу в истории данной культуры, а не всему периоду ее существования. Корреляция признаков поэтому могла оказаться искусственной, неисторичной, а потому и неверной. Такой субъективно скроенной абстракции действительно трудно найти как генетического предшественника, так и продолжателя.

С другой стороны, в процессе эволюции культуры возможны настолько значительные качественные изменения ее отдельных элементов и культуры в целом, что даже родственные одноэтничные культуры, развившиеся в прошлом из одного источника, представляются совершенно разными, а недостаток материала не позволяет проследить сам процесс возникновения таких различий. Тогда обычно и возникают мысли о новых или разных этносах, об отсутствии преемственности и т. д. Конечно, эти трудности во многом носят временный характер, и по мере накопления новых данных они преодолеваются.

Как отмечалось, вопрос о предшественнице культуры пражского типа имеет в археологической науке различные решения. Одна из наиболее

аргументированных точек зрения принадлежит И. П. Русановой, которая плодотворно разрабатывает тему о славянских памятниках середины и второй половины I тыс. н. э.

К сожалению, при нынешнем уровне изученности основным материалом, раскрывающим генезис культуры пражского типа, все еще остается керамика. Правда, общепризнано, что керамика до сих пор остается наиболее надежным индикатором этнических общностей. К тому же она представляет наиболее массовый материал. Остальные источники по данной культуре нуждаются в умножении. Именно керамике основное внимание уделила и И. П. Русанова. Применяв оригинальную методику анализа типологии керамики на основании математических критериев, она выделила наиболее типичные формы посуды и показала эволюционную преемственность керамики пражского типа с пшеворской.

Выход славян за пределы своей прародины не может рассматриваться только на основании материалов, относящихся к Восточной Европе. Миграция охватила большие пространства, и она должна быть прослежена на местных материалах данного региона. Более того, изучая события, связанные со славянским расселением в Восточной Европе, нельзя игнорировать разнообразные источники, отражающие этот процесс в других областях. Только такой подход избавит нас от преувеличенного представления о значении источников какого-то одного района в ущерб другим. Такой подход будет известной гарантией и от субъективистских концепций. Так, замкнувшись на зарубинецкой культуре, рассматривая ее как чуть ли не единственную славянскую культуру рубежа нашей эры, археологи так и не смогли проследить дальнейший ход славянского расселения на запад, до Эльбы, где их застало историческое время. Думается, что это невозможно сделать, если исходить из идеи, что прародина славян и место, откуда они позже расселились, были связаны с культурой подклешовых погребений. Археологически доказать это не удалось и, думается, не удастся.

Этапы славянского расселения середины I тыс. н. э. оказались археологически оторванными и от зарубинецкой культуры, и от культуры подклешовых погребений. И не только археологи в этом виноваты, хотя груз прежних заблуждений все еще тяготеет над некоторыми из них. Отрешиться полностью от него, как свидетельствует опыт всех наук, не так-то просто. Не отработана и методика проработки чисто археологического материала. Научившись описывать культуры суммарно, археологи с большим трудом улавливают их эволюцию, генезис и переход в новое состояние. Причины этого как объективного порядка, так и субъективные. Объективная причина состоит в недостаточности материалов по многим культурам, в необходимости дальнейших полевых исследо-

ваний и накопления данных о культурах. В силу специфики археологической науки такое накопление требует немало времени. Субъективные трудности состоят в том, что многие археологи традиционно специализируются на какой-то одной культуре и значительно слабее знают проблемы предшествующих и последующих культур.

Примером может служить история изучения все той же зарубинецкой культуры. Связь ее с предшествовавшей милоградской культурой отвергалась, в частности, на основании того аргумента, что у этих культур разные типы жилищ: в милоградской распространены углубленные в грунт полуземлянки, в зарубинецкой – наземные столбовые постройки.

Но такие постройки у зарубинцев далеко не всегда были господствующим типом. Такой вид построек был характерен для развитого этапа этой культуры и то, видимо, не везде. Он был выявлен и изучен на городищах рубежа нашей эры, в основном в Верхнем Поднепровье. Ранние же зарубинецкие поселения, раскопанные в последующее время в Среднем Поднепровье (Пилипенкова гора), дали такой же, как и у милоградцев, полуземляночный тип. Имеются и другие материалы, свидетельствующие об участии милоградских племен в генезисе зарубинцев, о чем уже говорилось. И это не единственный пример такого рода.

На указанной Иорданом славянской территории мы обнаруживаем только одну археологическую культуру – культуру пражского типа. Уже одно это позволяет определять ее как славянскую. Однако славянская принадлежность носителей этой культуры прекрасно доказывается и археологическими методами, с помощью которых была установлена генетическая преемственность культуры с более поздними средневековыми славянскими древностями на всей очерченной территории.

Тем не менее задолго до открытия пражских памятников исследователи славянского этногенеза разделились на две группы: автохтонистов, утверждавших, что славяне сформировались на той территории, где их застаёт историческое время, т. е. на территории, где они пребывали во времена Иордана, и на тех, кто считал славян поздними пришельцами в этот регион. При этом указывали на разные исходные территории. Большинство историков и археологов отводили славянам более восточные земли и даже называли Азию, о чем мы уже говорили. Поэтому и при оценке пражской культуры сохранялось деление исследователей на две группы. Одни считали местом ее возникновения среднюю часть Европы севернее Карпат, другие искали ее истоки к востоку от этого ареала. Более подробно проблему возникновения пражской культуры мы рассмотрим позже. Заметим, однако, что если следовать предложенной автором концепции славянской прародины, то естественным и логическим продолжением истории славян после завершения пшеворского

периода должна стать, прежде всего, та культура, которая пришла на смену пшеворской, как ее генетическая приемница, и именно в Эльбо-Висланском междуречье.

Такой культурой стала пражская, и ее истоки следует искать в этой области, а не там, где обитали неславянские племена – носители балтских культур на востоке, фракийских на юго-востоке, и тем более не к западу или югу от указанной территории.

Поэтому, несмотря на то что памятники пражской культуры охватывают значительно больший по сравнению с пшеворским ареал, что свидетельствует о расширении славянской территории в рассматриваемое время, эпицентр пражской культуры, место ее формирования и самых ранних памятников, несомненно, находилось в той области, где исторически ей предшествовала пшеворская культура.

Выделяя наиболее характерные признаки пражской культуры, логично ориентироваться, прежде всего, на памятники, расположенные в ее начальной коренной области, где они в меньшей степени осложнены влиянием соседних культур, на территории которых носители пражской культуры проникли позже, в процессе начавшегося расселения за пределами прародины.

В своей обобщающей работе о славянских памятниках VI–VII вв. н. э. И. П. Русанова называет следующие наиболее характерные черты пражской культуры:

- небольшие открытые поселения, часто располагающиеся группами вдоль берегов рек и ручьев;
- преимущественно углубленные жилища с печами-каменками в углу;
- небольшие грунтовые могильники с захоронениями остатков трупосожжения в урнах или без них. Позже распространяются курганы с трупосожжениями; иногда окруженные канавками или прямоугольными деревянными конструкциями;
- отсутствие специфических (этноопределяющих) предметов в вещевом материале, в частности среди украшений, представленных общевропейскими типами;
- лепные глиняные сосуды с округлыми плечиками, расположенными в верхней части тулова;
- земледельческо-скотоводческий характер хозяйства с наличием домашних ремесел;
- патриархально-общинный строй, постепенно эволюционирующий в территориальную общину.

Рассмотрим отдельные составляющие культуры подробнее.

Поселения. Основным типом поселений пражской культуры было неукрепленное открытое селище, площадью обычно меньше 1 га. Поселки состояли из 20–30 жилых и хозяйственных построек. Бывает и меньше. На поселении Корчак, например, имелось 16 построек. Однако, учитывая то обстоятельство, что выявленные в раскопках постройки могли относиться к разному времени, среднее число одновременно существовавших жилищ было, вероятно, около десяти. Принимая во внимание очень малый культурный слой на поселениях, продолжительность функционирования жилищ исследователями определяется в 10–20 лет.

Как правило, на поселениях обнаруживаются хозяйственные ямы, вырытые либо возле жилища, либо в какой-то отдельной части поселка. Обнаружены ямы, в которых хранились запасы руды.

Ранние поселения часто располагались группами на разных сторонах ручья или оврага. Так, около Корчака выявлено 14 небольших поселений [134, с. 49]. На Полесье поселки нередко окружены оврагами.

Материалов, которые бы свидетельствовали о высоком развитии ремесла и обмена, пока не выявлено. Хотя в Зимно была найдена литейная форма, но она предназначена для отливки простых изделий. В целом же, как думает И. П. Русанова, ювелирное дело ограничивалось изготовлением очень простых предметов, и основная масса изделий из бронзы появляется в VIII–IX вв. в результате торговли или разбоя.

В это время наблюдаются заметные успехи в развитии хозяйства, которые привели к существенным изменениям в застройке и размерах поселений. На позднем этапе пражской культуры распространяются очень крупные поселки, застроенные параллельными рядами жилищ. Формируются усадьбы, представляющие собой совокупность жилых и хозяйственных построек с расположенными возле них погребками.

Практиковавшееся раньше подсечное земледелие уступает свое место пашенному. В VIII в. появляются пахотные землеобрабатывающие орудия, представленные находками металлических наконечников плугов и череслами для разрезания почвы, закрепляемыми перед плужным лемехом. Находки культурных растений свидетельствуют о широком ассортименте культур: пшеница, ячмень, просо. Их зерна или отпечатки выявлены на поселениях Демьяново, Корчак и др. [134, с. 50].

Увеличились размеры серпов. Широкое распространение получили каменные жернова, заменившие прежние зернотерки. Поселки стали располагаться в местах с плодородными почвами.

Показателем новой исторической эпохи стало появление поселений родовых дружинников, к которым можно отнести городища Хотомель и Зимно. Первоначально поселение Хотомель, по-видимому, возникает как городище-убежище. Однако в VIII–IX вв. оно было укреплено валом

и рвом и перестроено. Резко изменился характер находок. В слоях, относящихся в этому периоду, найдены наконечники копий стрел, железные пластины от доспеха.

В отличие от Хотомельского городища на поселении Зимно не было постоянных жилищ.

О социальном расслоении хорошо свидетельствуют материалы раскопанной в Шумске богатой усадьбы, включавшей большой жилой дом и 14 хозяйственных построек. В усадьбе обнаружены богатые хозяйственные запасы [134, с. 52].

В этом периоде появляется гончарная посуда, свидетельствующая о замене домашнего производства посуды гончарным ремеслом.

Жилища. Раскопано около 200 жилищ. В основном они прямоугольные (рис. 31), но встречаются и овальные. Впрочем, определяемая форма некоторых жилищ как овальная объясняется трудностью выявления контуров некоторых жилищ. Размеры стен от 2 до 4 м. Представляется,

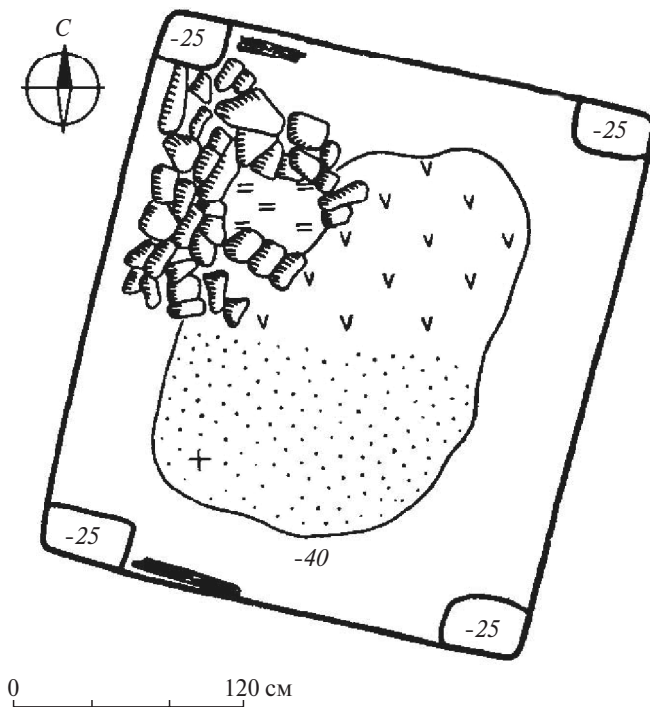

Рис. 31. План землянки пражской культуры

что размеры жилищ со временем становятся крупнее. Обычно жилища углублены в землю от 40 до 60 см. Встречаются жилища, углубленные менее чем на 20 см. В Полесье они совсем мелкие, почти наземные, а более поздние вообще становятся наземными.

В Поднестровье же, наоборот, заметна тенденция со временем делать жилища более углубленными.

Стены жилищ имеют столбовую конструкцию. Столбы врывали или по углам внутри углубленной части жилища, или реже за его пределами в 10–15 см от края углубления. В пазы опорных столбов запускались горизонтальные бревна с подтесанными концами. Иногда стены поддерживались изнутри жилища деревянными столбами (рис. 32). Наличие срубных построек, по мнению И. П. Русановой, пока не доказано.

Печи располагались в одном из углов на небольшом расстоянии (15–20 см) от стен. Чаще всего в северо-восточном или северо-западном углу. Иногда в раскопках удавалось проследить небольшие ямки, по-видимому, от предварительно сооружаемого деревянного каркаса печи. Отверстия топок небольшие: 40 см в ширину на 60 см в высоту.

Печи в основном возводились из камня, но встречаются и сооруженные из глины, возможно там, где нет камней.

В одной из стен вырывался вход в постройку со ступеньками. На некоторых относительно поздних поселениях на Вольни (Городок, Бур-

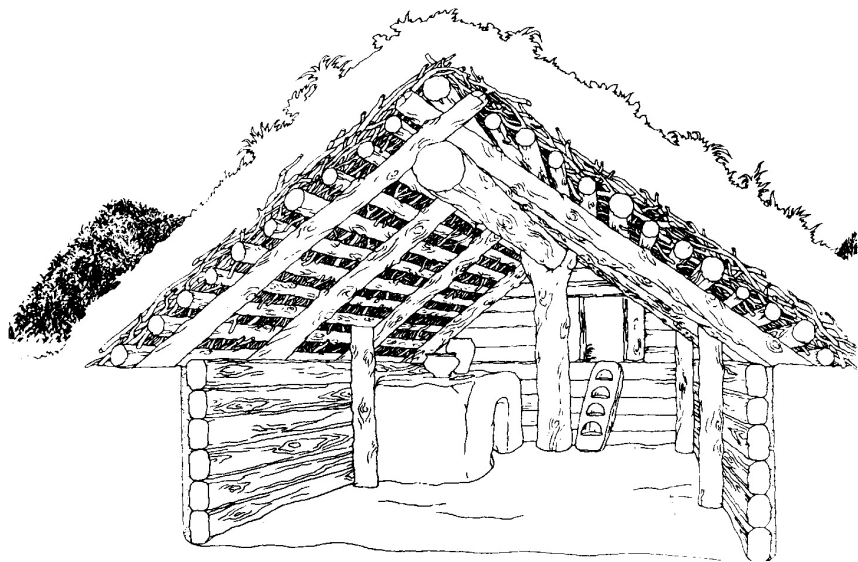

Рис. 32. Реконструкция жилища пражской культуры

ки) ступенчатый вход был выложен камнем [134, с. 47]. В некоторых случаях перед входом устраивался постепенный спуск к двери за пределами постройки.

Пол у построек был земляной, утрамбованный. Изредка он покрывался слоем глины. Очень редко обнаруживаются следы бревенчатого пола.

В земляном полу иногда удается проследить небольшие ямки, оставшиеся, возможно, от деревянных ножек стола или скамеек.

Погребения. Представлены как бескурганными, так и курганными трупосождениями. По всей видимости, первые преобладали на раннем этапе культуры. Весьма любопытно, что ранние бескурганные захоронения с урнами совершались на территории самих поселков, рядом с жилищами. Очищенные от погребального кострища кости сожженного на стороне покойника иногда помещались в горшок, иногда ссыпались в могильную яму рядом с сосудом. Погребальная урна иногда перекрывалась другим сосудом или каменной плиткой. Могильные ямки неглубокие, в плане обычно круглые, диаметром 20–80 см. Некоторые урны находятся непосредственно под дерном и часто оказываются разрушенными позднейшей пахотой.

Такие захоронения открыты в Корчаке, где два погребальных горшка были зарыты рядом с жилищем, а также в Холмске.

В отличие от бескурганных захоронений курганные могильники всегда расположены за пределами поселений, но достаточно близко от них, нередко за ручьем или оврагом.

В ранних курганах X в. с труположением прослеживается преемственность с курганами с кремаций в обычае разбрасывать обломки посуды в кургане или рядом с ним.

Керамика. Особое значение в изучении пражской культуры исследователи придают керамике. Она не только самый массовый вещевой материал и, несомненно, очень важный элемент бытовой культуры. Особое значение керамики состоит в том, что она является надежным источником для изучения чисто исторических сюжетов. Как никакой другой археологический материал она способна реагировать и отражать этнические процессы, фиксировать результаты этнических взаимодействий носителей различных археологических культур. Учитывая то обстоятельство, что пражская культура стала изучаться относительно недавно и количество остальных категорий вещей накопано все еще недостаточно, главное внимание исследователей пражской культуры обращено на керамику. Основные выводы по истории славян третьей

четверти I тыс. н. э. сделаны на основе изучения керамического материала пражской и смежных культур.

Вот почему особое значение исследователи придают типологии и хронологии пражской керамики, пропорциям сосудов, соотношению высоты и места наибольшего расширения сосуда, диаметру горла и дна.

Большая заслуга в типологической классификации пражской керамики принадлежит И. П. Русановой и М. Парчевскому. Ими был применен двухуровневый метод классификации керамики, включающий данные о пропорциях сосудов и способе оформления венчика, что позволило проследить типологическую эволюцию керамики вплоть до средневековой и выявить архаичные формы пражских сосудов.

И. П. Русанова применила новый оригинальный способ классификации керамики, используя корреляционные графики, на которых фиксировались различные параметры сосудов (рис. 33). Экземпляры с близкими пропорциями занимали совершенно определенное место, отличное от сосудов с иными пропорциями. Способ позволяет легко и объективно сопоставлять и сравнивать между собой керамический материал, происходящий из разных территорий, и выявлять синхронные древности.

Некоторые отклонения от основного типа пражского сосуда позволяют наметить не только варианты керамических типов, но и самой культуры. Появление вариантов вполне естественно по причинам больших размеров территории пражской культуры и влияний, которые она испытывала со стороны местных культур в процессе освоения славянами новых территорий. Предложенная исследователем методика позволяет сравнивать сосуды, происходящие из разных регионов: Эльбо-Висланского, Дунайского, Днепро-Бугского.

Основываясь на хронологических и типологических данных, И. П. Русанова выделила в Днепро-Бугском регионе два хронологических периода: корчакский (ранний) VI–VII вв. и Лука-Райковецкий (поздний) VIII–IX вв., генетически связанные между собой. Культурная близость

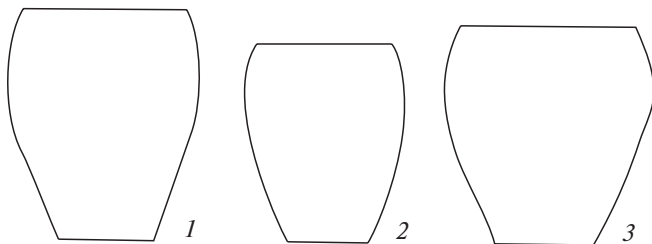

Рис. 33. Ранние формы посуды пражской культуры:
1 – Гаиворон; 2 – Рипнев; 3 – Старое Село

между материалами этих двух периодов настолько велика, что позволяет рассматривать их в качестве двух этапов одной и той же пражской культуры данного региона.

При сравнении материалов этих двух периодов видно, что памятники Лука-Райковецкого типа занимают значительно большую территорию, чем пражско-корчакские, и свидетельствуют о дальнейшем расселении пражских племен.

Следует отметить, что выявленные два периода в развитии пражской культуры в восточной части ее ареала в целом, как выясняется, соответствуют особенностям развития пражской культуры и на остальной ее территории.

М. Парчевский выделил 8 типов пражских горшков и 3 горшко-видных. Каждый из них представлен различными видами. По форме венчика исследователь намечает 6 разновидностей.

При анализе керамического материала четко выделяется наиболее ранний тип пражского сосуда, характеризующийся удлиненными пропорциями, сужающимся горлом и немного отогнутым венчиком с максимальным расширением в верхней части тулова. На эту особенность ранних пражских сосудов обратил внимание еще И. Борковский.

По мнению И. П. Русановой, практически невозможно установить даты по отдельным типам или вариантам посуды, поскольку почти каждый из них живет долго, и только при статистических подсчетах, показывающих преобладание какого-то из них во всем керамическом комплексе, можно наметить приемлемые даты. Это очень важное наблюдение исследователя заставляет быть крайне осторожным по отношению предлагаемых дат, основанных на единичных экземплярах.

Проанализировав и статистически обработав большой керамический материал и проследив за сосуществованием различных керамических типов, И. П. Русанова пришла к выводу, что развитие пражской керамики шло «от высоких стройных сосудов, имеющих прямой короткий венчик, к сосудам более низким, сильнее профилированным и снабженным удлиненным и отогнутым краем» [134, с. 196].

Важным для хронологии пражской культуры является наблюдение исследователей, что в пражском керамическом материале наиболее ранним, архаичным является горшок с короткой прямой шейкой и горизонтально срезанным венчиком.

Уже в начале VI в. пражские племена значительно расширили свою территорию и их поселения в ряде случаев оказались на том же месте, где раньше находились неславянские памятники. При раскопках археологический комплекс трудно расчленить, и нередко археологи допускают ошибку, включая в пражский керамический материал явно неславянскую

посуду. При этом не только искажается истинное представление об оригинальном пражском керамическом комплексе, но и такое смешение материала приводит к серьезным хронологическим и историческим заключениям. В значительной мере по этой причине пражский тип посуды у разных исследователей определяется по-разному. Некоторые включают в группу пражских сосуды, не относящиеся напрямую к этой культуре.

Гончарная керамика появляется только в конце I тыс., причем ранние гончарные повторяют форму позднейших лепных сосудов.

По мнению И. П. Русановой, распространение гончарного круга ведет свое начало с Подунавья.

Как бы ни были важны для классификации керамики целые сосуды, мы должны быть реалистами и исходить из того, что абсолютное большинство керамического материала, с которым работают археологи, представлено во фрагментах. На ее основе строятся классификационные эволюционные таблицы, и задача археологов-практиков, работающих с самым массовым материалом раскопок, состоит в том, чтобы на основе именно обломков сосудов, главным образом венчиков, графически воссоздать форму сосуда для последующей классификации либо ограничиться реконструкцией только его верхней части (венчика). Археологами предложены различные способы графических реконструкций, с которыми и приходится работать.

Очень интересную методику классификации сосудов предложила и применила в своей работе И. П. Русанова. По основным параметрам сосуда: ширине горла, высоте, месте максимального расширения она смогла представить форму сосудов в математическом выражении и находить им место в сравнительной таблице, на которой хорошо видны сосуды с близкими параметрами. Это позволяет легко и убедительно различать сосуды с несовпадающими параметрами.

Хронология. Вопросы хронологии пражской культуры разработаны пока еще, к сожалению, слабо. Исследователи располагают недостаточным количеством вещей, которые бы позволили установить приемлемые даты. Приходится работать в основном с керамическим материалом, возможности которого в установлении точных дат ограничены. Археологи располагают серией дат, полученных радиоуглеродным методом. Но сложность их применения часто состоит в стратиграфической нерасчлененности многих памятников. Культурный слой на пражских поселениях, как правило, небольшой. Часто он перемешан и содержит остатки других культур. Очень немного известно закрытых комплексов, содержащих датирующие вещи. Практически приходится довольствоваться суммарной датировкой.

При составлении хронологических таблиц важно, насколько надежны и репрезентативны исходные данные.

В настоящее время исследователи склоняются к тому, чтобы верхнюю дату пражской культуры ограничить VII в. н. э., а то, что рассматривалось поздним периодом культуры, датировавшиеся VIII–IX вв., вывести из пражской культуры и рассматривать эти памятники в качестве особой культуры.

Заключительный период пражской культуры относят к VII в. на основании дат бронзовых браслетов, пряжек, бляшек поясных наборов, выявленных, в частности, на городище у села Зимно, а также пальчатыми фибулами, обнаруженными на поселениях Горошево, Демьянов-1, Черновка, Рашков-3. Такая же дата была получена с помощью археомагнитного метода на поселении Рашков.

Появление укреплений на городищах Хотомель, Хильчицы и Хоромск можно датировать VII–VIII вв. С концом пражской культуры в Южной Беларуси можно связать поселение Струга-1 и Липляны-6. С пражским материалом можно связать монету 613 г., найденную в Истрии. VII в. датируется заключительный этап пражской культуры в Прикарпатье. Ко второй половине VII в. относятся позднейшие памятники пражской культуры в Словакии и клад, найденный на юге Польши. Серия радиоуглеродных дат заключительного этапа пражских памятников была получена в Германии (653 ± 100 в Берлине Купенике; 660 ± 100 в Бранденбурге; 675 ± 175 в Торнове А). Хотя эти даты имеют значительные допуски, в целом они укладываются в рамки заключительного этапа пражской культуры.

Если VII в. как верхняя дата пражской культуры, подтвержденная материалами, происходящими из ее различных регионов, практически не вызывает сомнений, то датирование начала культуры не имеет согласия среди исследователей. Как уже отмечалось, И. П. Русанова, основываясь на керамическом материале и незначительном количестве других предметов (металлических украшений, бусин), определяет возникновение культуры по материалам наиболее исследованных памятников на северо-западе Украины началом VI в.

Более ранняя дата (V в. н. э.), выходящая за рамки предлагавшегося И. П. Русановой датирования начала пражской культуры, получена исследовательницей на поселении Кодын. Известны и другие примеры.

Правда, предлагаемые более ранние даты иногда связаны с проблемой генетических предшественников пражской культуры. К сожалению, чистых ранних пражских памятников известно немного. На поселениях в большинстве случаев пражские слои наложились на культурный слой других культур и стратиграфически расчленили их практически невоз-

можно. Поэтому нельзя исключать того, что датирующие находки из таких поселений могут относиться не к пражскому слою, а к археологическому комплексу другой, более ранней культуры, которая на этом месте предшествовала пражской. На это обстоятельство справедливо указывала И. П. Русанова в своих спорах с украинскими археологами. Так, основной комплекс находок на поселении Остров, где был найден горшок, близкий по форме пражскому, принадлежит местной дославянской культуре III–IV вв. В местных культурах припятского Полесья видят генезис пражской культуры И. О. Гавритухин, и это побудило его удревнить начальный этап культуры (по его периодизации это фаза «0») до IV – начала V в.

Следует заметить, что теоретически перенести начало пражской культуры в V в. можно по следующим соображениям. Поскольку пражская культура является генетической преемницей пшеворской и развилась на ее основе, то начало ее формирования связано с окончанием пшеворской культуры. По наблюдению археологов, пшеворских памятников во второй половине V в. уже нет. Значит, вторую половину этого века мы должны отдать пражской культуре или рассматривать это время как какой-то переходный период от пшеворской к пражской. Если действительно имела место эволюция, даже сопровождавшаяся сильнейшей трансформацией пшеворской культуры, такой переходный период с присущей ему материальной культурой должен был быть. Следует надеяться, что памятники этого периода еще будут выявлены. Но, судя по всему, такая культурная трансформация произошла быстро. Как бы внезапное исчезновение пшеворской культуры может быть объяснено необычными событиями, сказавшимися на образе жизни пшеворского населения. Вполне вероятно, как думают, что такими событиями были гуннское нашествие и падение Римской империи, под сильным культурным влиянием которой развивались некоторые области Европы в так называемое римское время. Разрыв культурных связей и установленный гуннами режим привели к известной деградации и трансформации культуры славян. Следует также иметь в виду, что переход от одной культуры к другой, даже генетически родственной, почти всегда оказывается сложным в изучении. И с этим следует считаться. Необходимо время для новых открытий.

Как бы там ни было не только украинские археологи, но и И. О. Гавритухин, В. С. Вергей и даже И. П. Русанова называют ряд пунктов, где пражский материал может быть датирован V в.

В. Д. Баран начало культуры считает возможным датировать второй половиной V в. н. э. по материалам раскопок на Украине некоторых жилищ, в которых лепная пражская керамика найдена вместе с поздне-

черняховской посудой, изготовленной на гончарном круге. Предполагается, что оба типа керамики сосуществовали, и поэтому дату заключительного этапа черняховской культуры можно перенести на начало пражской культуры в этом регионе.

Подобный метод датирования небезупречен и не исключает возможности ошибочных заключений, что не однажды имело место в истории археологических исследований. Так, О. Н. Мельниковская предлагала доводить милоградскую культуру до I в. н. э., поскольку в одной из полуземлянок была найдена зарубинецкая и милоградская керамика. Памятник оказался с перемешанными материалами, что привело к ошибке приблизительно в 200 лет.

И. О. Гавритухин и В. С. Вергей, ссылаясь на материалы припятского Полесья (Петриков, Остров), идут еще дальше, предлагая датировать начало пражской культуры концом IV – началом V в. С точки зрения идеи о становлении пражской культуры на базе пшеворской, эта дата неприемлема, поскольку пшеворская культура в это время продолжала свое существование и находилась в зените своего развития. К тому же столь ранние даты получены на памятниках, на которых, кроме пражских, имеются материалы других культур и нет уверенности, что датирующие материалы в них принадлежат пражской, а не предшествующей дославянской культуре.

Попытки датировать начало пражской культуры временем более ранним, чем начало VI в., делаются по материалам пражской культуры, расположенным в ее восточном ареале, в Днепро-Днестровском междуречье, который находится за пределами славянской прародины и занятый до появления здесь пражских памятников неславянскими племенами.

В целом же проделавший большую работу по хронологизации пражской культуры И. О. Гавритухин датирует первую (раннюю) фазу пражской культуры серединой V – серединой VI в. н. э. Керамика этого времени имеет уже широкую географию и представлена в материалах различных поселений: Зимно, Хачки, Оболонь в Киеве, Корчак и Тетеревка на Житомирщине, Хотомель, Петриков-1 в Беларуси, Кодын-1 в Северной Буковине.

6.1.2. Происхождение пражской культуры

Вопрос о происхождении культуры пражского типа можно отнести к наименее изученным. По-видимому, прошло недостаточно времени, чтобы собрать необходимый для этого материал. Пока это одна из самых молодых по времени выявления и изучения археологических культур.

На отведенной Иорданом территории славян (венедов, склавинов и антов) в VI в. обнаруживаем только одну археологическую культуру –

культуру пражского типа. Уже одно это позволяет определять ее как славянскую. Однако славянская принадлежность носителей этой культуры прекрасно доказывается и археологическими методами, свидетельствующими о генетической преемственности культуры с более поздними средневековыми славянскими древностями на всей очерченной территории.

Тем не менее задолго до открытия пражских памятников исследователи славянского этногенеза разделились на две группы: автохтонистов, утверждавших, что славяне сформировались на той территории, где их застают историческое время, т. е. на территории, где они пребывали во времена Иордана, и на тех, кто считал славян поздними пришельцами. При этом указывали на разные исходные территории. Впрочем, большинство историков и археологов отводили им более восточные земли и даже называли Азию, о чем мы уже говорили. Поэтому и при оценке пражской культуры сохранялось деление исследователей на две группы. Одни считали местом ее возникновения центр Европы севернее Карпат, другие искали ее истоки к востоку от этого ареала. Более подробно проблему возникновения пражской культуры мы рассмотрим позже. Предварительно заметим, что, следуя предложенной автором концепции прародины славян, продолжение их истории в следующем после завершения пшеворского периода мы должны связывать, прежде всего, с племенами, которые пришли на смену пшеворцам в качестве их генетических преемников именно в Эльбо-Висланском междуречье, а не уводить славян из этой области и помещать их туда, где обитали неславянские племена — носители балтских культур на востоке, фракийских на юго-востоке, и тем более не к западу или югу от указанной территории. Культура, которая пришла на смену пшеворской в Эльбо-Висланском междуречье, была пражская. Поэтому, несмотря на то что памятники пражской культуры охватывают значительно больший ареал, что свидетельствует о расширении славянской территории в рассматриваемое время, эпицентр пражской культуры, место ее формирования, несомненно, находился в той области, где исторически ей предшествовала пшеворская культура. Выделяя наиболее характерные признаки пражской культуры, логично ориентироваться прежде всего на памятники, расположенные в ее начальной коренной области, где они в меньшей степени были осложнены влиянием соседних культур, на территории которых они проникли позже в процессе начавшегося расселения за пределами прародины.

Очевидно, что вопрос о происхождении пражской культуры, как и любой другой, должен решаться путем установления ее генетического предшественника и выявления в них общих культурных элементов, перешедших из одной культуры в другую.

В поисках истоков пражской культуры необходимо сразу же исключить те области, куда носители этой культуры распространились в процессе своей миграции из прародины, с тем чтобы не искать их генетических предшественников среди чуждых им народов.

Так, мы должны исключить из ареала не только славянской прародины, но и начальной территории формирования пражской культуры Балканский полуостров, начало расселения на котором славян хорошо описано в византийских источниках, а также область между Днестром и Бугом, которая в предшествующее время вплоть до VI в. оставалась неславянской. Это тем более важно сделать потому, что значительная часть исследователей, сторонников более восточной локализации славянской прародины, традиционно выводила, а некоторые и сейчас все еще продолжают выводить славян именно из этого региона и повторять идею о якобы позднем приходе славян в Центральную Европу с востока и даже из Азии, о чем пишет, например, Британская энциклопедия. Мысль о позднем приходе славян в Центральную Европу с востока настолько укоренилась в историографии, что ей необходимо уделить особое внимание.

Возражая этой идее, следует указать на то, что распространившиеся в VI в. на этой территории пражские памятники наложились на археологические культуры, связанные с неславянским этносом. Здесь, начиная от Среднего Поднепровья на юге и до западной Двины и Прибалтики на севере, а на северо-востоке до верховьев Волги, обитали балтские племена, которые пришли сюда еще в бронзовом веке и занимали это пространство в течение всего железного века. Одним из убедительнейших доказательств этому является господство здесь балтской гидронимии, о чем уже не раз говорилось выше. И в Днестро-Бугском междуречье пражским племенам предшествовали носители балтских археологических культур — киевской и колочинской.

Область к югу от Киева характеризуется наличием древней иранской и частично фракийской гидронимикой. Здесь локализуется несколько археологических культур: киевская, отмеченная переселением с севера потомков зарубинецких племен, черняховская, связь которой с фракийским миром наиболее вероятна, распространившаяся в III в. вместе с готской экспансией вельбарская культура. Все это неславянские культуры, и искать в них истоки пражской славянской культуры совершенно бессмысленно.

Необходимую осторожность следует соблюдать и при интерпретации археологических источников. Так, нельзя решать вопросы хронологии пражской культуры, территории ее распространения и тем более о происхождении культуры на основании одиночных находок сосудов с близкими пражским формами. Среди разнообразного керамического мате-

риала разных культур всегда можно обнаружить очень сходные единичные экземпляры посуды. И глубоко права была И. П. Русанова, когда, возражая В. Д. Барану, который обосновывал свою идею об истоках пражской культуры в междуречье Днепра и Южного Буга перечнем единичных находок в этом регионе горшков с близкими пражским параметрами, заметила, что сосуды таких форм встречаются на всем пространстве черняховской культуры, хотя пражские памятники покрывают только часть черняховского ареала [134, с. 205]. То же можно сказать и по поводу находки близкого к пражским сосуда на поселении Остров, что послужило Гавритухину одним из доказательств признать припятское Полесье самой древней областью пражской культуры и датировать начало этой культуры чуть ли не IV в.

Поиск генетических предшественников пражской культуры должен быть ограничен областью между Эльбой и Вислой, которая была прародиной славян и где именно в это время впервые фиксируют славян письменные источники. Напомним место у Иордана о локализации славян. Венеды у него жили на севере от Карпат, «у левого их склона, спускающегося к северу, начиная с места рождения реки Вистулы (Висла), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов». И далее: «Склавены живут от города Новиентуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, на север — до Вислы; вместо городов у них болота и леса» [66, с. 71–72]. Далее следует описание территории, которую занимали анты, о чем мы поговорим позже. В комментариях к этому сообщению Иордана Е. Ч. Скржинская западной границей склавленов считает среднее течение Дуная, р. Сава и оз. Балатон [66, с. 213–218].

Условно мы могли бы исключить из начального ареала пражской культуры области, примыкающие с юга к Балтийскому морю, занятые в свое время германскими племенами с ясторфской культурой, отрезавшими ранних славян от моря.

В пределах очерченной территории к северу от Карпат, между Эльбой и Заале на западе и Вислой на востоке, непосредственным хронологическим и территориальным предшественником культуры пражского типа была пшеворская культура и никакая другая. Простая логика требует искать в ней и генетического предшественника пражской культуры.

Следует напомнить, что исторический период, предшествовавший формированию пражской культуры, вошел в науку как время Великого переселения народов.

Действительно, не только пшеворское время, но и до него история этого региона отмечена сложными этнокультурными процессами, связанными со значительными перемещениями населения. В пшеворское время на территорию славян проникли значительные массы германцев,

о чем сообщили древние письменные источники (Иордан, Прокопий Кесарийский). Пшеворскую культуру многие германские исследователи называли германской или полиэтничной, к чему пришло значительное число археологов. Обе точки зрения нельзя признать справедливыми. Они вошли в научную литературу по причине долгого незнания о, несомненно, славянских памятниках на этой территории в VI–VII вв., представленных пражской культурой, выявленной относительно недавно и степень изученности которой все еще находится на начальной стадии. Теперь очевидно, что в области локализации пражских памятников, покрывающих весь обширный регион от Эльбы до Вислы, появляются поселения и могильники, оставленные германскими племенами. Но они не тождественны основной массе пражских памятников и отличаются от них. Объединять их со славянскими в единую пражскую культуру и называть последнюю полиэтничной будет неверно. Задача состоит в том, чтобы разделить разноэтничные культуры, выявить в них по отличительным признакам славянские и германские материалы и памятники, а не сводить их под гриф одной «полиэтничной» культуры.

Трудности в решении проблемы происхождения пражской культуры определяются тем, что она пока изучена хуже, чем ее предшественница. Так, по подсчетам польского исследователя В. Шиманского, в Мазовии, например, даже количество выявленных пшеворских памятников относится к числу пражских как 100 : 15. Сравнение пшеворских и пражских материалов оставляет впечатление заметной деградации славянской культуры. Возможно, решающую роль в этом сыграло, как мы уже говорили, гуннское нашествие и падение Римской империи. Известно, что культурное влияние Рима на периферийные области и соседей проявило себя в широком проникновении на эти территории римского импорта, наложившего особый отпечаток на европейские культуры. Неслучайно в археологии тот период назван римским.

Несмотря на то, что некоторые археологи отвергают генетическую связь между пшеворской и пражской культурами (например, польский археолог К. Годловский), имеется много доказательств наличия такой преемственности. Впрочем, и К. Годловский, отрицавший славянский этнос пшеворской культуры, соглашался с тем, что в поздних пшеворских памятниках имеются сосуды, близкие к пражским [231, с. 256–275].

В решении проблемы происхождения пражской культуры мы должны доказать ее генетическую преемственность с какой-то предшествовавшей культурой или культурами. Доказательства должны быть выявлены по всем трем основным элементам культуры: керамике, жилищам и погребениям.

Тщательный сравнительный анализ пшеворской и пражской культур обнаруживает их тесную генетическую связь. Большую работу в этом плане провели в своих исследованиях И. П. Русанова и В. В. Седов. Суммируем их основные наблюдения.

Наиболее важным и лучше других изученным элементом пражской культуры является керамический материал. В нем находят отражение и влияние иных синхронных культур и действие культурных субстратов.

Чешские исследователи, выделившие эту культуру, были убеждены в том, что пражская керамика развилась на основе пшеворской, какую они считали также славянской.

Керамический материал пражской культуры разнообразен и заметно отличается по регионам. Эти различия могут возникнуть в результате поглощения славянами неславянских культур, которые предшествовали им до того, как славяне начали свою миграцию.

Естественно, что при таких обстоятельствах в пражский керамический материал проникали и закреплялись в нем формы сосудов, не свойственные начальному славянскому комплексу. Поэтому в поисках славянских культур, которые предшествовали пражской и продолжением которых она стала, нельзя оперировать всеми формами пражской посуды и тем более нетипичными.

Обращаясь к вопросу о происхождении пражской культуры, И. П. Русанова, несомненно, один из крупнейших специалистов по этой культуре, выделяет, безусловно, пражский тип сосудов и устанавливает его дату. Сравнивая между собой археологические материалы синхронных культур, она определяет область с типичными пражскими сосудами и на этом основании намечает начальную историческую область славян второй половины I тыс. н. э. Именно в этой области она ищет генетических предшественников пражской культуры. Известно, что носителям пражской культуры в Эльбо-Висланском регионе непосредственно предшествовали создатели пшеворской культуры. Оставалось еще раз на более значительном материале проверить, насколько согласуется керамический материал пшеворской и пражской культур. С пшеворскими сравнивались прежде всего наиболее ранние типы пражской посуды, не осложненные последующими влияниями. Таким наиболее древним оригинальным пражским сосудом, как уже отмечалось, был высокий горшок с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение у такого горшка приходится на верхнюю треть его высоты.

Проделавшие большую аналитическую работу по классификации пражской и пшеворской посуды на всем ареале этих культур, И. П. Русанова и В. В. Седов независимо друг от друга пришли к выводу, что

типичные, наиболее ранние высокие узкогорлые пражские горшки восходят к пшеворским типам керамики [134].

Большую группу пшеворских горшков составляют лепные неорнаментированные приземистые сосуды, имеющие близкие аналогии в пражском керамическом материале. Разница между ними в том, что пшеворские горшки имеют более толстые стенки и более тяжелые, чем пражские [134, с. 210]. На многих пшеворских поселениях находят обломки посуды, очень близкой по форме и оформлению венчика пражским.

Несомненные черты генетической преемственности между пражскими и пшеворскими памятниками просматриваются в поселениях и жилищах. Правда, в отличие от керамики, жилища и погребения представлены хуже. В наличном материале, возможно, имеют место неточности субъективного характера в описаниях остатков некоторых построек из-за сложности их выявления и различий в методиках при проведении раскопок.

Уже в пшеворской культуре начинается переход от укрепленных городищ к открытым, неукрепленным селищам. Пражские поселения, как правило, открытые, неукрепленные. По сравнению с пшеворскими они стали меньше по размерам, но это не является признаком разноэтничности этих культур. Практически во всех синхронных культурах наблюдается такой же переход к неукрепленным поселкам.

Трудно объяснить причины произошедших изменений в размерах пражских поселков по сравнению с пшеворскими. У пшеворцев они достигали нескольких гектаров. Поселения пражской культуры обычно не превышали 1 га. То же можно сказать и по поводу могильников. Есть мнение, что в период начавшегося Великого переселения народов имел место уход из родных мест значительной части населения.

Зато хорошо сохранилась преемственность в типах построек. Один из крупнейших специалистов по этногенезу славян польский археолог Костшевский прямо писал, что славянские жилища столбовой конструкции ведут свое происхождение из пшевора. Он убедительно обосновал это на примере славянских памятников, распространенных между Вислой и Одером.

То же можно сказать и по поводу пшеворских и пражских полуземлянок.

В пшеворской культуре углубленных жилищ, как и в пражской культуре, было больше, чем столбовых. Несомненное сходство между пшеворскими и пражскими жилищами наблюдается в их планах и расположении очагов.

Преемственность между пшеворской и пражской культурами обнаруживается и в материалах погребальных памятников. Среди достаточ-

но разнообразных по обряду погребальных памятников пшеворской культуры встречаются одиночные урны в неглубоких ямках, засыпанных землей с углем. Такие погребения характерны и для пражской культуры. Отметим еще одну деталь, которая присутствует в пшеворских и пражских захоронениях: погребальные урны часто бывают накрыты миской или камнем.

Таким образом, пражская культура является прямым генетическим преемником пшеворской культуры. Влияние других, смежных культур было опосредствованным, а там, где пражские племена в процессе начавшегося расселения оказались в новых местах, неславянские культуры сыграли роль субстратов, способствовавших возникновению локальных вариантов пражской культуры, а позже — разделению славян на три ветви: западных, восточных и южных.

Нет сомнений в том, что необходимо дальнейшее преумножение материалов пражской культуры. Не все регионы ее локализации изучены в равной степени, и это может привести к ошибочным заключениям. Так, еще недостаточно изучен западный регион культуры между Эльбой и Одером. Очень важно выявить как можно больше ранних памятников культуры, которые можно было бы сопоставить с позднейшими памятниками предшествовавшей ей пшеворской культуры. Недостаток материала может привести к ошибочным заключениям. Так, едва ли можно согласиться с мнением И. П. Русановой, что начальная область формирования пражской культуры находилась в южной и средней Польше [134, с. 201–203]. То обстоятельство, что здесь выявлено относительно больше ранних материалов пражской культуры, чем в других местах, может быть объяснено неодинаковой степенью изученности различных регионов пражской культуры. Если согласиться с выводом ряда исследователей, что пражская культура формировалась на основе пшеворской, то логичнее определять начальную область формирования пражской культуры на всем том пространстве, где ей предшествуют пшеворские памятники.

6.2. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ МИГРАЦИИ СЛАВЯН

Трудно объяснить тот факт, что появление пражской культуры совпадает с началом великой миграции славян. Их выход за пределы своей прародины получил отражение в письменных, археологических, лингвистических и антропологических источниках. Миграция охватила большие пространства и была направлена в разные стороны. Выясняется, что она осуществлялась поэтапно. У Иордана мы видим, что уже в VI в. в область обитания славян были включены земли между Вислой и Днепром. О дви-

жении славян на Балканский полуостров Иордан ничего не говорит. В то время, когда он писал свой труд, славяне еще не перешли Дунай, отделявший их от балканской провинции Римской империи. Это произойдет несколько позже и будет описано другими авторами. Движению на юг, очевидно, предшествовало заселение ими соседних земель на северо-западе и севере. Скорее всего, это произошло после расселения их в Днепр-Днестровском междуречье и после Иордана.

6.2.1. Причины расселения

Что же послужило причиной выселения очень значительной массы славянства из своей исторической прародины? Найти исчерпывающий ответ на этот вопрос пока не представляется возможным. Можно высказать лишь некоторые предположения. Причин, видимо, было несколько. Уже сам факт, что славяне за относительно короткое время смогли расселиться на больших пространствах Юго-Восточной и Восточной Европы и не только расселиться, но и утвердиться на новой территории среди местного населения, а в последующее время в процессе этнического взаимодействия с ним достичь преобладания, позволяет заключить, что славяне должны были обладать значительной этнической массой. Вероятно, уже в пределах прародины у них сложилась высокая плотность населения, точнее, демографическая переуплотненность, что могло и стать одной из решающих причин миграции. Именно о больших массах славян, скопившихся во второй половине I тыс. н. э. на северных берегах Дуная, на границах Римской империи, сообщают византийские источники.

Но эта причина тесно связана и с другой. Славяне, как и германцы, достигли к этому времени того уровня общественного развития, который принято называть строем военной демократии. Это заключительный этап в истории первобытно-общинной формации, характеризующийся не только успехами в развитии хозяйства, подготовившими переход к классовому обществу, но и поголовным вооружением мужского населения. Грабежи, сопровождавшие военные походы, стали одним из наиболее легких и эффективных способов накопления богатств. Военные кампании часто предпринимались с целью ограбления соседнего народа. Во главе со своими вождями родовые дружинники совершали регулярные грабительские походы. Искусительной приманкой для таких походов были богатые римские провинции. Для задержавшихся в своем социально-экономическом развитии славян и германцев Рим представлялся сказочной страной и манил их своими несметными, как им казалось, богатствами. Переживавшая же агонию империя уже не могла обеспечить надежную защиту своих обширных владений.

Это обстоятельство тоже может рассматриваться как одна из причин начала славянского расселения. Несколько раньше подобное было с готами, а позже история станет свидетелем сходных событий, но теперь уже связанных с норманнами.

Однако если мы и можем говорить о привлекательности для славян балканских провинций Рима, определившей славянскую миграцию в южном направлении, то этот тезис, похоже, не может быть распространен в таком же смысле на миграцию славян в восточном направлении. Видимо, здесь их прельщали новые земли, удобные для сельскохозяйственного труда, достигшего к этому времени у славян достаточно высокого уровня, оснащенного такими пахотными орудиями, как рало и плуг с железными рабочими частями.

Была еще одна причина, вызвавшая миграцию какой-то части славян, на которую прямо указывает «Повесть временных лет». Это — давление со стороны других народов. Летопись называет здесь только «волохов» (римлян). Думается, однако, что с волохами что-то напутано. К началу широкого движения славян натиск со стороны Рима и его провинций уже не представлял большой опасности. К этому времени инициатива перешла к славянам и германцам. В летописи, возможно, получили отражения события более отдаленных времен периода военного могущества Рима, нуждавшегося в рабах и добывавшего их у северных соседей.

Может быть, «волохами» были кельты, экспансию которых на рубеже нашей эры ощущали на себе многие народы Центральной Европы, в том числе и славяне.

Ко времени же начала своего широкого расселения в середине I тыс. н. э. славяне могли испытать давление с запада, со стороны германских племен. Неслучайно продвижение славян в западном направлении в это время почти не ощущается.

С другой стороны, письменные источники середины I тыс. (Иордан) называют ряд германских племен на территории между Эльбой и Вислой. Прокопий Кесарийский прямо пишет, что «земли галлов и венедов в большей своей части были заняты германцами» [112, с. 243]. Проникновение германцев в этот регион отмечалось и раньше.

Некоторые исследователи в качестве одной из причин начала Великого переселения народов называют значительное ухудшение климата, похолодание и чрезмерное переувлажнение почв, что привело к сокращению посевных площадей, побудившее некоторые племена (в частности, германцев Скандинавии) искать новые земли [9].

Таким образом, причин славянской миграции было несколько. Воздействие их, по-видимому, не было равноценным. Некоторые из них, возможно, носили локальный характер. Но учитывать следует все.

6.2.2. Движение славян на восток

Продвижение славян в восточном направлении прошло быстро и уже в начале VI в. они освоили области Среднего Поднепровья. Может быть, потому, что этот регион находился за пределами Римской империи, он не попал в поле зрения римских историков и политиков. О нем мы узнали относительно недавно уже по результатам археологических исследований. Недавно потому, что открытие и изучение самой археологической культуры, которая была связана с этими событиями, сделаны практически в последние пять-шесть десятилетий. Почти одновременно с Борковским в 20–30-е гг. XX в. памятники, содержащие керамику пражского типа, были открыты С. С. Гамченко и И. Ф. Левицким на территории Украины и Д. Коваленей в Беларуси. Однако их место среди славянских древностей было осознано позже. Только в 1963 г. украинские памятники были введены в научный оборот В. П. Петровым.

Начиная с 50-х гг. XX в. памятники пражского типа на территории Украины и Беларуси стали предметом специального изучения Ю. В. Кухаренко, опубликовавшего серию работ по этой проблеме. Специально этой культурой стала заниматься И. П. Русанова, которая не только раскопала ряд интереснейших пражских памятников на территории Украины и Беларуси, получивших название древностей типа «Корчак», или Прага-Корчак, но и обобщила весь материал в солидных монографиях. Блестящие обобщающие работы по культуре в целом, включая отдельно ее памятники в Днепро-Днестровском междуречье, опубликовал В. В. Седов. В Беларуси памятники пражской культуры много лет изучались В. С. Вергей.

Сейчас уже очевидно, что на территории Украины и в южной Беларуси (правобережье Припяти) они представляют собой наиболее ранние достоверно славянские древности, которые стали ядром последующего и более широкого расселения славян в Восточной Европе.

Выяснилось также, что практически повсеместно памятники пражского типа к VIII в. эволюционировали в новую культуру, получившую здесь название Луки-Райковецкой.

Однако было бы неправильно и в высшей степени несправедливо утверждать, что письменные источники вообще ничего не говорят о славянской миграции в восточном направлении. О продвижении славян на восток рассказывает «Повесть временных лет». Расселение восточнославянских племен на территории Восточной Европы летописец связывал с общим движением славян на восток из своей прародины — Паннонии, где, по его словам, «ныне есть Угорска земля». Советская историография склонна была рассматривать этот летописный рассказ как легендарный, не отражающий истинного положения вещей. Долгое время в ней господствовало представление об автохтонности славян в

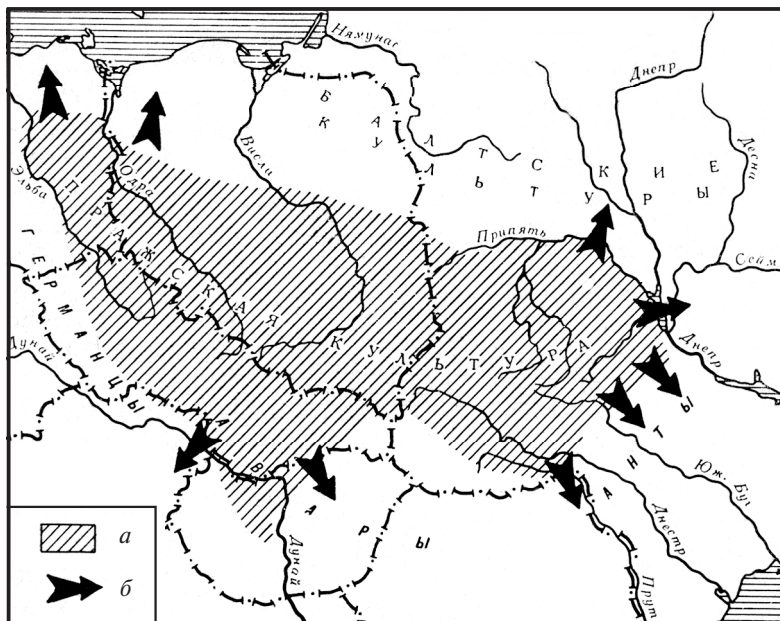

Рис. 34. Распространение культуры пражского типа во второй половине I тыс. (по Русановой):

a – территория культуры пражского типа; *б* – расширение территории пшеворской культуры

Восточной Европе и идеи о переселениях отвергались. Такая ситуация в исторической науке закрыла путь к истинному научному изучению одного из знаменательнейших событий в истории славян, имевших далеко идущие последствия.

Почти одновременно славяне начали осваивать земли юга Беларуси и севера Украины. В VI–VII вв. на этой территории постепенно выкристаллизовывается особый вариант культуры пражского типа, получивший название «Корчак» по одному из исследованных поселений возле Житомира. Свои черты особенного, придавшие культуре вид варианта, она, по-видимому, приобрела в результате постепенного усвоения славянами некоторых черт, присущих местной культуре. Поэтому можно с уверенностью говорить, что славяне не истребили и не вытеснили местное население, а вступили с ним в культурные и этнические контакты. По мере усиления этих контактов, взаимодействия старого и нового населения формировалось не только культурное своеобразие, проявляющее себя в археологических материалах, но и, как нам кажется, происходили существенные изменения в этносе этой группы славян, в том числе

и в их языке. Есть основания предполагать, что именно здесь наметились тенденции, а может, в какой-то степени и созрели те черты, которые потом станут характерными для восточных славян. Поэтому с культурой Корчак можно связывать начало формирования восточного славянства. Решающий аргумент состоит не только в самом факте появления особого варианта славянской археологической культуры, а и в том, что, учитывая опыт формирования предыдущих да и последующих этносов, теоретически мы должны предположить постепенную утрату славянами прежнего этнического единства. Это было наиболее вероятное последствие выхода славян за пределы своей прародины и расселения на больших пространствах в среде неславянского и разного по этническому составу населения в условиях активного взаимодействия с ним. В действие вступили этногенетические законы, приводящие к дифференциации этноса, к разделению славян на отдельные группы, которые позже станут известны под именем западных, восточных и южных славян. Здесь проявили себя такие дифференцирующие факторы, как территориальный (во много раз увеличившаяся территория обитания славян), а также субстратный (воздействие местных этносов).

Насколько сильным может быть действие субстрата, можно судить по южным славянам, занимающим значительную часть Балканского полуострова. Здесь им предшествовали различные группы фракийского и иллирийского населения. Именно им и обязаны южные славяне своими ярко выраженными южными антропологическими чертами. По этому признаку южные славяне заметно отличаются от своих более северных сородичей, например поляков и белорусов. Причина таких изменений не могла лежать в географическом (климатическом) факторе. Она прежде всего в смешении славян с более южным неславянским населением этого региона. Это сказалось и в языке, и в бытовой культуре. Один любопытный факт, очень бросающийся в глаза: болгары — единственные из славян при отрицании кивают головой, а при утверждении качают ею в стороны. Видимо, такое было присуще какому-то дославянскому этносу Балканского полуострова. В процессе этнических взаимодействий оно перешло к славянам (будущим болгарам) и стало одним из проявлений действия субстрата.

6.2.3. Об исходной территории расселения славян в Висло-Днепровском междуречье

Интересным и, к сожалению, еще не закрытым остается вопрос об исходной территории славянской миграции на восток в Висло-Днепровское междуречье. Это событие практически не получило освещения в письменных источниках. И в значительной части неверно интерпретируется историками. Как мы уже говорили, сами причины миграции

славян мы можем представить только в виде различных гипотез. Хотелось бы знать, что побудило славян освоить новую и достаточно обширную области на востоке, выяснить, откуда и из какой части прародины или, быть может, из нескольких разных ее областей устремился славянский поток в восточном направлении.

Идея о том, что выход славян за пределы прародины вызван перенаселенностью славянской территории, не очень воспринимается. Она была бы понятна, если бы миграцию начали пшеворские племена, действительно достигшие больших успехов в своем хозяйственном и культурном развитии. Но миграцию начали не они, а пришедшие им на смену пражские племена, культура которых значительно уступала пшеворской и оставляет впечатление сильного упадка. Достаточно вспомнить и сравнить между собой пшеворские поселения размерами в десятки гектаров и пришедшие им на смену малые поселки с несколькими постройками и ничтожным культурным слоем, бедным находками. На таком фоне трудно предполагать перенаселенность славянской территории и нехватку земли.

Гораздо понятнее предположение о том, что причиной миграции могло быть внешнее давление, о котором, впрочем, прямо говорит и летопись. «Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них, — читаем мы в «Повести временных лет», — и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле».

В пшеворское время славяне испытали ужасы гуннского нашествия, что, по-видимому, и привело к разрушению пшеворской культуры и ее деградации. Известно, что гуннское нашествие повсеместно отличалось особой жестокостью и сопровождалось всеобщим разорением. Ощутили ли на себе местные славяне гуннское иго и не принудили ли славян эти события оставить свои родные места и переселиться на новые земли? Прямые сведения на этот счет в источниках отсутствуют.

Не исключая возможности такого развития событий и некоторого оттока славянского населения, следует заметить, что имеются некоторые косвенные данные, говорящие о том, что между гуннами и какой-то частью славян установились контакты. Об этом, в частности, свидетельствуют факты некоторых языковых заимствований гуннами у славян. Допускается возможность вовлечения славян в военные походы гуннов. Заключительный этап славяно-гуннских отношений как бы теряется в потемках истории.

Хотя письменные источники ничего не говорят об оставлении славянами своих земель в связи с приходом гуннов, логично предположить, что во всяком случае часть славян отошла либо в славянские области, которые не контролировались гуннами, либо за пределы славянской территории.

Но у нас нет даже археологических свидетельств миграции славян в это время в Висло-Днепровское междуречье. Славянские памятники не появились здесь ни во второй половине IV, ни в первой половине V в.

Второе вторжение в славянскую землю произошло в середине VI в., когда там появились полчища авар. Пройдя через восточноевропейские степи и разгромив обитавшие в них племена, авары дошли до Средней Европы и обосновались в Паннонии. Нет сомнений, что Паннония в какое-то время была населена славянами, поскольку даже само название ее крупнейшего водного объекта оз. Балатон имеет славянское происхождение (от слова «блато» — болото, озеро). Оттуда они совершали походы на Византию и в земли ираноязычных антов.

Пока трудно сказать, в какой степени появление здесь авар изменило этническую ситуацию. Одно представляется несомненным, что именно этот славянский регион испытал на себе воздействие аварского нашествия в такой степени, что о нем помнили еще во времена начала русского летописания.

Историческая память сохранила воспоминания о жестокости авар. «Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина». И есть поговорка на Руси и до сего дня: «Сгинули как обры».

Можно предполагать, что часть славян, спасаясь от авар или не выдержав насилия с их стороны, мигрировала. Очень соблазнительно было бы связать расселение славян в Висланско-Днепровском междуречье именно с этими событиями. Такая идея была особенно привлекательной и казалась понятной и возможной, когда появление славянских памятников между Днестром и Вислой археологи датировали VI в. Возможно, в Чехии так оно и было. Пока достоверно ранние пражские памятники датируются там, как, впрочем, и в северной Германии, VI в. Но, как теперь выясняется, на территории Восточной Европы они распространяются уже во второй половине или, если быть осторожным, в конце V в., т. е. до аварского нашествия.

Остается предположить, что причиной славянской миграции на восток могло стать давление со стороны соседних германских племен, активность которых в I тыс. н. э. хорошо известна. Еще в бронзовом веке часть германских племен расселилась на южном побережье Балтийского моря (ясторфская культура), вытеснив оттуда славян. В пшеворское время они образовали в славянских землях свои сильные компактные области. Именно с активностью германских племен связано начало Ве-

ликого переселения народов. Принимая во внимание тот факт, что к X—XI вв. славянское население междуречья Эльбы и Одера было практически замещено германским, можно предположить, что этот регион мог быть одним из источников славянской миграции.

Чем бы ни была вызвана славянская миграция, основным источником великого славянского расселения, вероятно, стали южные области славянского мира. На это прямо указывает летопись, помещавшая всех славян до их расселения в Подунавье.

О южных истоках основного потока славянской миграции могут свидетельствовать и дунайские реминисценции, которые мы находим и в русской летописи, и восточнославянский фольклор, и рассказ летописца о второй, дунайской, прародине славян («где ныне угорская земля и болгарская»). Известно, что именно эти сюжеты послужили основой гипотезы о дунайской прародине славян, сторонниками которой были многие выдающиеся историки (В. О. Ключевский, А. А. Шахматов и др.). В восточнославянской гидронимике получили широкое распространение гидронимы типа «Дунай» и производные от него. Их немало и в Беларуси. Здесь это обычно небольшие ручейки и временные водоемы, образовавшиеся после дождя.

Возможно, именно славянская группа, известная под именем дунайских дулебов, которая одной из первых стала жертвой аварского нашествия, спасаясь от авар, отошла к востоку в область Среднего Поднепровья, Волини и припятского Полесья. Вполне допустимо, что этноним «дулебы» утвердился на какое-то время и на новых местах. Косвенно об этом могут свидетельствовать распространившиеся топонимы в форме «дулебы», которые встречаются даже в Беларуси. Сравнивая между собой свидетельства различных источников, можно предположить, что заселение славянами Восточной Европы прошло не сразу, а в результате нескольких миграционных волн. По-видимому, археологам предстоит расчленить хронологически материал и соотнести его с соответствующими этапами славянского расселения.

Славяне, расселившиеся в Восточной Европе, стали быстро набирать силы и уже в VII в. добились больших успехов в своем хозяйственном и социальном развитии. Это проявилось в эволюции пражской культуры, постепенно трансформировавшейся в особый — корчакский ее вариант. В VIII в. он оформился в качестве новой самостоятельной Луки-Райковецкой культуры. Именно в этот период в полянской земле возникнет первое восточнославянское государство Кия. Коренные изменения произойдут в этническом развитии этой части славян, приведшие к появлению особой восточной группы славян.

6.2.4. Еще раз об антах

Известное свидетельство Иордана о том, что многочисленные племена венедов заселяли обширные пространства Европы и что крупнейшие из них назывались склавинами и антами, а также локализация им последних в междуречье Днестра и Днепра стали основными аргументами считать антов одной из групп ранних славян. Сомнения в славянской принадлежности антов снимались и по той причине, что до недавнего времени среди историков почти безраздельно господствовало убеждение, что территория между Днестром, Бугом и Днепром была исконной исторической областью славян, если, как думали некоторые исследователи, не их прародина. К этому следует добавить, что археологические памятники славян середины – второй половины I тыс. н. э. были выявлены и подвергнуты исследованиям относительно недавно. Поэтому все исторические свидетельства, в которых фигурируют анты, в значительной степени априорно связывались со славянами.

Из предыдущего, однако, следует, что в свете археологических материалов славяне как носители культуры пражского типа распространились в Днепро-Днестровском междуречье только во второй половине V–VI вв. До этого отмеченная территория была занята другими народами: частично балтами, частично фракийцами и готами, частично ираноязычными племенами. Именно эту группу славян под именем антов Иордан соотнес с венедами, большей и могущественной частью которых они были. Археологические материалы убедительно свидетельствуют, что Иордан был прав только в том, что эти анты были частью венедов, т. е. славян, но он, похоже, был слабо осведомлен о предшествовавшей этнической истории степных областей Восточной Европы и ошибочно назвал эту группу славян антами.

Дело в том, что в источниках можно найти упоминания об антах, которые проживали в Восточной Европе задолго до появления здесь славян.

Самое раннее упоминание этого имени мы находим на одной надписи в форме *Antas*, обнаруженной в 1843 г. в Керчи – древнегреческом Пантикапее. Надпись датируется 275–279 гг. А. Л. Погодин первый высказал предположение, что это название представляет собой этноним народа анты, который населял степные пространства Восточной Европы.

В свете ставших теперь известными археологических материалов, ни о каких славянских племенах в III в. в тех местах не может быть и речи. Едва ли не с III тыс. до н. э. в южных степях Восточной Европы безраздельно господствовали кочевые или полукочевые народы, последовательно сменявшие друг друга племена ямной культуры (III тыс. до н. э.), катакомбные (1-я пол. II тыс. до н. э.), срубные (2-я пол. II тыс. до н. э.),

скифы (I тыс. до н. э.), сарматы и аланы (или сармато-аланы), разгромленные гуннами в IV в. н. э. Все перечисленные племена, за исключением гуннов, принадлежали к ираноязычной группе народов. Именно к периоду обитания в этой зоне алан относится и упомянутое выше первое известие об этнониме «анты».

Показания древних письменных источников о локализации антов достаточно противоречивы. Известно, что, кроме Иордана, о них упоминают Прокопий Кесарийский и Маврикий «Стратег». Так, Прокопий в одном месте утверждает, что славяне и анты «имеют свои жилища по ту сторону Дуная (очевидно, северную. — Э. З.), недалеко от его берега». В другом он пишет, что далее на север от них (?) занимают место «бесчисленные племена антов». Быть может, Прокопий оговорился и вместо «на север от них» следовало читать «на восток от них»? Тогда станет понятна данная им дополнительно локализация антов в области к востоку от Днепра до Азовского моря и Дона, о чем можно прочесть у Прокопия.

Уточнить место обитания антов помогает очень интересное историческое предание, сохранившееся в адыгейском фольклоре, которое привел в своей книге «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев» Ш. Ногмов. Оно во многом перекликается с рассказом Иордана о войне готов с антами, в частности о походе в 376 г. готского короля Винитара на антского вождя Божа. По преданию, в области р. Баскан жил князь с таким же именем, у которого было восемь сыновей и дочь. На своей родине он почитался как герой. Напав на его землю, «готский царь» убил его вместе с его сыновьями. В памяти народа сохранилась траурная песнь дочери Баксана, которую она исполнила при погребении выкупленных у готов тел своего отца и братьев. В ней называются «антский народ» и «антский воин». Предполагается, что в честь героя предания р. Алсуд была переименована в р. Баскан (ныне приток Терека). Полагают, что в имени Баксана присутствует антропонимическая словообразовательная частица «ан» («ант»). Есть мнение, что первая часть самого имени Баксана напоминает переданное Иорданом имя антского правителя Божа. Маловероятно, что этот рассказ был заимствован предками адыгейцев у славян, как думал Б. А. Рыбаков. Адыгейское народное творчество достаточно самобытно, и никаких контактов со славянским миром в то время ни у адыгейцев, ни у родственных им соседних народов не было. Основываясь на этом факте, можно сделать вывод, что в IV в., когда произошли описанные события, анты жили в предгорьях Кавказа, на берегах Терека. Это как бы подтверждает ту локализацию антов, которую мы находим и у Прокопия.

Видимо, это и были те анты, которые, по его словам, занимали степные пространства восточнее Днепра у Дона и Азовского моря. Славян в IV в. здесь не было и быть не могло. Об этом свидетельствует и археология.

О специфическом степном полукочевом образе жизни этих антов прямо писал и Прокопий: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства».

Такую же картину жизненного уклада антов рисует и Маврикий «Стратег», у которого анты «ведут жизнь бродячую».

Как примирить эти указания на «бродячую жизнь» славян и антов с данными археологического изучения раннеславянских памятников этого времени, убедительно свидетельствующих об оседлости славян, занятых земледельческим трудом и оставивших не кочевья, а долговременные поселения?

Напомним также, что с точки зрения лингвистики ранние славяне, как это уже отмечалось, не были жителями степей, и в их лексике отсутствует зооботаническая терминология, которая бы отражала степную ландшафтную, растительную и климатическую зоны. Следовательно, степные анты не были славянами, и первичными носителями этнонима «анты» были неславянские племена. И правы были те исследователи, которые предлагали этнически дифференцировать носителей этого имени.

О том, что степные анты не были славянами, свидетельствует сама этимология этого имени.

Хотя в исторической и лингвистической литературе предлагались различные объяснения этимологии термина «анты», вплоть до попыток сблизить его с этнонимом «вятичи», современная лингвистика предлагает два основных толкования термина. Одни исследователи видят в нем тюркские корни. Так, в тюркских языках слово «ант» означало «союзник», «принесший клятву верности». В таком значении оно встречается в монгольских и алтайских языках.

Идею о связи появления этнонима «анты» в результате покорения части славян аварами в VI в. поддерживал Ф. П. Филин. В его представлении, антами называлась та часть славян, которая в VI в. была покорена аварами и вступила с ними в отношения побратимства (от тюрк. ant. «клятва»; монг. anda «побратим»). Эту точку зрения принимал и В. В. Мавродин. «Не стало аваров, — писал он, — не стало и их союзников славян, носивших это тюркское название». С этим можно было бы согласиться, если бы сам термин не появился намного раньше до появления в восточноевропейских степях аваров.

За два столетия до авар в степи Восточной Европы пришли гунны, также говорившие на языке тюркской группы. Поэтому можно было бы предположить, что это имя могло утвердиться за частью славян в связи с гуннским нашествием еще в IV в. Некоторые источники позволяют говорить о том, что славяне вступали в союз с гуннами. Но, поскольку славян в IV в. в южных степях Восточной Европы не было, их союз с

гуннами мог иметь место только в Паннонии или близкой к ней области, где славяне соприкоснулись с гуннами. Но такое предположение представляется маловероятным даже при наличии некоторых славяно-гуннских контактов.

Если принять версию о тюркском характере термина «ант», то более вероятным было бы предположение, что антами стала называться часть алано-сарматских племен в тот период, когда те соприкоснулись с гуннами, а от них уже позже так стали называть и ту часть славян, которая расселилась в VI в. между Днестром и Днепром. Такой версии не противоречит приведенное выше место из адыгейского сказания, но и оно оставляет вопросы. Ведь, согласно керчинской надписи, имя ант было известно задолго до прихода гуннов.

Более убедительной представляется идея об ираноязычной основе этнонима «анты», которая лучше согласуется с исторической ситуацией и другими косвенными наблюдениями.

Предположение об иранском происхождении этнонима «анты» было высказано еще в конце XIX в. и позже нашло поддержку со стороны видных лингвистов и историков, среди которых отметим М. Фасмера. В. В. Седов вполне категорично принимает эту идею, отмечая, что «иранское объяснение термина «анты» (др. инд. *anteas* «конец», «край»; *antyas* «находящийся на краю», осет. *att'jua*. «задний», «позади») представляется единственно вероятным и по лингвистическим, и по историческим соображениям». По его мнению, таким именем могли называть ираноязычные сарматы ту группу славян, которая расселилась на окраине иранского мира.

Думается, что исследователь ошибается, подобно тем, которые увязывали появление имени антов с тюркоязычными аварами. Ведь по В. В. Седову получается, что носителями имени антов были только славяне, расселившиеся по соседству с ираноязычными племенами в VI в., тогда как это имя известно уже в III в., когда славян здесь еще не было. Значит, не славяне были первоначальными носителями этого имени, а другой народ или какая-то его часть. Поэтому с уверенностью можно говорить, что все исторические сведения об антах до появления славян в VI в. на севере Украины и юге Беларуси связаны не со славянами, а с антами-кочевниками южных степей. Кто же был начальным носителем этого имени?

Есть все основания утверждать, что первоначально, да и во времена Иордана, этим именем назывались ираноязычные народы южных степных областей Восточной Европы. История сохранила названия некоторых из них: скифы, сарматы, аланы. Несомненно, все они представляли большие союзы множества отдельных родственных племен. Исторические источники не раз подтверждали, что объединявшиеся в союзы пле-

мена обычно принимали в качестве общего имя наиболее крупного племени, ставшего во главе племенного союза. Поэтому названия таких союзов могли меняться в зависимости от того, кто становился во главе него. В рассматриваемое время середины – второй половины I тыс. н. э. степные пространства занимали два ираноязычных народа – аланы и анты. Однако первоначально, во II–IV вв., скорее всего, это был один сармато-аланский племенной союз под эгидой аланов, в который входили и анты, обитавшие на южных окраинах его территории, в предгорьях Кавказа. Именно в этом регионе отмечают антов самые ранние известия о них. Их крайнее положение в сармато-аланском мире, возможно, объясняет и их имя.

В IV в. аланский союз был разгромлен гуннами. В это же время в южную часть аланской области, населенную антами, совершили походы готы, разгромленные вскоре в свою очередь гуннами. В VI в. остатки аланских племен испытали на себе нашествие полчищ авар.

После ухода авар на запад остатки сармато-аланских племен постепенно оправились от этих событий и, обладая мощным культурным потенциалом, смогли возродить племенной союз, но теперь уже под началом антов, менее других пострадавших от разрушительных нашествий тюркоязычных гуннов и авар. Под новым именем антов этот народ вскоре заявил о себе. Анты проявили большую политическую активность, вышли к низовьям Дуная и вступили в борьбу с империей. Под этим именем они становятся известны византийцам, которые знают о них лучше, чем о славянах. Этим, вероятно, объясняется путаница с именами славян, восточную группу которых, расселившуюся в это время между Днестром и Днепром, древние историки окрестили антами.

Перенос имен с одного народа на другой не раз имел место в истории и объясняется обычно плохим знанием этнической истории авторами, в труды которых вкралась такая ошибка. Сама история распорядилась так, что за каким-то народом закрепилось чуждое ему имя. Показателен пример обозначения в литовском языке белорусов именем германского народа готов в форме «гуд», *gudias*. По-видимому, предки литовцев называли так не только собственно готов, но и их ближайших соседей еще в те времена, когда готы утвердились в нижнем Повисленье и начали свое продвижение в южном направлении.

Проблема в том, чтобы разделить упомянутые в письменных источниках события на те, которые связаны с антами-иранцами, и на те, в которых фигурируют анты-славяне. Именно поэтому, как мы уже отмечали, все, что происходило с антами до VI в. н. э., к славянам не имело никакого отношения. Труднее этнически дифференцировать сообщения об антах VI и начала VII в. Нам представляется, что не славя-

не, а именно ираноязычные анты, в 533 г. перейдя Истр (Дунай. — Э. 3.), вторглись с большим войском в пределы Римской империи. И не славяне, как думал В. В. Седов, а ираноязычные анты принесли на Балканский полуостров прослеживаемые лингвистами иранизмы.

Против этих ираноязычных антов выступали императоры Юстиниан и Юстин, одержавшие над ними ряд побед.

Мы не исключаем и того, что именно активность иранских антов в Подунавье побудила сидевшего в Паннонии аварского хакана направить в 602 г. против них в Молдавию войско под началом Антиоха. Источники не сообщают о результатах военной кампании, но после этих событий анты перестали упоминаться в письменных источниках. Исчезновение упоминаний об антах исследователи объясняли по-разному. Л. Нидерле, например, объяснял это тем, что с начала VII в. Дунай перестал быть границей Римской империи, и греческих историков уже не интересовало, что происходило за ним. Во всяком случае он решительно исключает возможность полного их уничтожения, что предполагалось некоторыми историками. Возможно, степные анты были оттеснены на восток и вскоре оказались под властью хазар.

Исчезновение из письменных источников имени антов, по нашему мнению, может служить косвенным подтверждением того, что они не были славянами. Народ славянский не исчез и не сменил своего имени. Очень скоро славяне заявят о себе как мощная сила, выступившая на историческую арену под своим собственным именем.

Что же касается славян, которые оставили свои родные земли и начали осваивать новую территорию между Бугом и Днепром, то они были еще недостаточно окрепшими для ведения активных военных действий против Византии. Более того, судя по локализации их археологических памятников, они были отделены от балканских владений Византии степными пространствами, в которых, по всей видимости, господствовали ираноязычные анты.

Награбленные во время походов на византийские владения дорогие вещи хорошо известны покладам и отдельным находкам в землях ираноязычных антов восточнее Днепра. Но они практически не встречаются в пражско-корчакских славянских памятниках Днепро-Бугского междуречья.

Когда несколько позже славяне начнут свое движение на Балканский полуостров, они будут называться своим коренным именем славяне, а не анты, которым, думается, сами славяне себя никогда и не называли. Древнейшие славянские письменные источники не знают этнонима «анты». Не знают его ни древнерусская летопись, ни поэтические произведения, обращавшиеся к событиям далекого прошлого, в том числе ко «временам Траяна».

6.2.5. Северо-западная группа славян

Некоторым культурным своеобразием в рассматриваемое время отличается северо-западный (северный) регион славянской области (междуречье нижней Эльбы и нижнего течения Одера), который условно связывается с венедами Иордана и потому иногда называемый венедским. Исследователи выделяют здесь три группы памятников, отличающихся в основном преобладанием своеобразных типов керамики, несоответствующих с группой классической пражской керамики так называемой первой группы.

Распространенная в мекленбургском регионе керамика получила название керамики суковского типа (рис. 35). Для нее характерны два вида лепных горшков и мискообразные.

Керамика суковского типа представлена двумя вариантами сосудов: широкими приземистыми горшками с наибольшим расширением в верхней части и небольшим по диаметру дном (первый тип) и почти биконические горшки со сглаженным переходом от верхней части к нижней (второй тип). Полагают, что это самая ранняя славянская керамика в этом регионе, появившаяся в VII в. и просуществовавшая здесь до IX в. На основе суковской в Мекленбурге, возможно, развилась гончарная керамика фельдебергского типа VIII–IX вв., представленная невысокими широкогорлыми, горшкообразными сосудами с выпуклыми боками и суженным дном. Горшки орнаментированы многорядной волной

Рис. 35. Керамика суково-фельдебергского типа (по Седову)

или горизонтальными линиями. Имеются сосуды с наlepным валиком ниже шейки и орнаментами в виде штампов.

Впрочем, раскопками И. Херманна на селище Дамен, сохранившем культурный слой VI в., получены материалы, свидетельствующие о существовании памятников суковского и фельдебергского типов. Исследователь высказал мнение, что фельдебергские материалы здесь даже предшествуют суковским. На многих поселениях Мекленбурга встречается как суковская, так и фельдебергская керамика.

Славянские поселения нижнего Эльбо-Одерского междуречья представлены как селищами (их большинство), так и городищами. Интересно, что жилища, в отличие от характерных для пражской культуры полужемлянок, здесь наземные срубы.

В. В. Седов, проанализировавший керамический материал, считает невероятным предположение Э. Шульдта о развитии суковской и фельдебергской керамики из пражской, поскольку все три группы керамики не только значительно отличаются друг от друга, но – главное – существуют практически в одно время.

Предполагается, что оба типа керамики Эльбо-Одерского междуречья обязаны славянскому расселению в этом регионе. Однако вопрос о том, откуда пришли сюда славяне, остается предметом дискуссии. Однако, что касается истоков фельдебергской группы керамики, то интересную мысль высказал И. Херманн, приведший заслуживающие внимания доводы о генетической близости ее к керамике Силезии римского времени и Великого переселения народов. С его доводами согласен и В. В. Седов. Это уводит носителей фельдебергской культуры к племенам пшеворской культуры Силезского региона, что лишний раз доказывает славянский характер пшеворской культуры.

Пшеворские прототипы можно найти и для некоторых сосудов суковской группы. Следовательно, и эта часть нижнего Эльбо-Одерского междуречья восходит своими корнями к славянам пшевора.

Надо полагать, что общие пшеворские прототипы определили некоторое сходство пражской и суковской керамики. Однако насколько существенны были различия между носителями этих культур и отражает ли керамический материал различия между самими славянскими группировками, исследователи сказать затрудняются.

Напомним, что южное побережье Балтийского моря еще в бронзовом веке было заселено германскими племенами ясторфской культуры, вытеснившими оттуда славян. Теперь славяне снова возвращаются на эти земли. Что стало с немецким населением, не совсем ясно. Похоже, что какое-то время славянские поселения сосуществуют рядом с германскими.

Некоторым культурным своеобразием отличается регион, примыкающий с юга к суковским памятникам. Оно проявляется как в керамиче-

ческом материале, так и в домостроительстве. На селищах и городищах, наряду с наземными деревянными постройками с очагами из камней в углу, имеют распространение полуземлянки (поселение Бютцер).

На севере Польши памятники VI–VII вв. по исследованному поселению Дзедзицы (60–80 км южнее Щецина) получили название дзедзицких. В течение нескольких лет поселение раскапывалось Пожезиньским. Исследовано около 4 га. Поселение было застроено наземными срубными домами с удлинённо-овальными ямами в полу, в которых обычно устраивался очаг из камней в один-два яруса.

Горшки лепные неорнаментированные, по форме напоминают суковские. Характерен приземистый сосуд с широким горлом. Встречаются близкие к пражским высокие сосуды с расширением в верхней части, а также баночной формы и яйцевидные.

В VII – первой половине VIII в. дзедзицкая керамика постепенно эволюционирует в голанскую, представленную различными формами: баночными, яйцевидными, биконическими и мископодобными горшками. Изредка посуда орнаментирована линейными и вертикальными штрихами. Возможно, в VIII в. в рассматриваемом регионе появляются сосуды, подправленные на гончарном круге.

Поселения застраивались преимущественно наземными срубами, в редких случаях несколько углубленными в грунт. Очаги устраивались на небольших глиняных площадках. Погребения пока не выявлены. Несмотря на то что раскопано несколько десятков поселений, вещевой материал достаточно беден и представлен в основном керамикой. Очень мало датированных предметов.

Предполагается, что как дзедзицкая, так и голанская группы славян могли развиваться из пшеворских племен. В VII–VIII вв. в польское Поморье проникает население с фельдебергской керамикой.

В области Нижней Лужицы выделена особая славянская культура VI–VII вв., получившая название торновской по почти полностью раскопанному в 1961–1963 гг. И. Херманном укрепленному поселению Торнов. Керамику, подробную типологическую и хронологическую классификацию которой проделал исследователь, характеризуют биконические горшкообразные сосуды с изломом стенки, приходящимся на середину высоты сосуда в ранней керамике и на верхнюю часть в более поздней. На стенках некоторых горшков имеются рельефные пояса, украшенные штриховым узором.

Жилища торновской культуры представляли собой наземные дома столбовой конструкции. Могильники VI–VII вв. пока не обнаружены.

Интересную мысль о принадлежности торновской культуры конкретному славянскому племени лужичан высказал и обосновал немецкий

археолог И. Херманн, осуществивший раскопки ряда памятников этой культуры, среди которых особое место занимают поселения в Торнове и его окрестностях — Борхельте и Лютьедберге.

Однако В. В. Седов считает, что со средневековыми лужичанами правильнее будет соотносить более поздние материалы этой культуры IX—X вв., поскольку до этого времени торновская керамика была распространена не только в Лужицкой области, но и в более восточных районах Одерского бассейна.

По заключению И. Херманна, керамика торновского типа развилась в VI—VII вв. на основе биконических сосудов более раннего времени, распространенных в Силезии и Лужице, прототипами которой могли стать некоторые формы биконических сосудов пшеворской культуры, украшенные, как и торновские, пластическими поясами. Исследователи не сомневаются в славянской принадлежности торновской культуры.

6.2.6. Движение славян на юг

Миграция славян на юго-восток нашла освещение в византийских письменных источниках. В них говорится о громадных массах славян, оказавшихся на Дунае, на северных границах Византийской империи. В исторических трудах движение славян к югу, как и параллельное движение к югу германских племен, стало синонимом эпохи Великого переселения народов.

Германцы и славяне составили два больших миграционных потока — германский на западе, славянский на востоке. Германцы вторглись в центральную часть Римской империи и дошли до самого Рима. Северо-восточные области империи стали ареной славянского расселения. Именно эта славянская миграция была зарегистрирована византийскими письменными источниками. Но, как свидетельствуют археологические данные, заселение ими Балканского полуострова составило только один из славянских миграционных потоков.

Итак, к VII в. н. э. славянская культура пражского типа вышла за пределы своей начальной локализации и заняла обширные пространства средней и Восточной Европы — от Эльбы на западе до Среднего Днепра на востоке и от нижнего Повисленья на севере до Дуная на юге.

Повсюду культура была представлена сходными поселениями, застроенными характерными полуземляночными жилищами, и могильниками с захоронениями умерших по обряду кремации, сопровождаемыми глиняной посудой особых форм.

В результате многолетних исследований удалось установить ареалы культуры, ее хронологию, основные характеристики, касающиеся типов поселений, жилищ, погребений, основных вещевых комплексов. Одна-

ко времени для исчерпывающего изучения культуры оказалось еще недостаточно. Многие проблемы были только поставлены и еще ожидают своего решения. К сожалению, темпы исследований пражских памятников, особенно полевых, на территории Восточной Европы в последние годы резко сократились в связи с общими экономическими трудностями, с которыми столкнулись страны этого региона в процессе экономической и политической трансформаций.

Период третьей четверти I тыс. н. э. отмечен распространением различных керамических комплексов, которые можно связать с отдельными славянскими группировками. Вероятно, это отражает многоплеменной состав ранних славян, о чем писал Иордан. Материалы свидетельствуют и о довольно заметных передвижениях этих группировок.

Важно отметить, что все рассмотренные варианты славянских культур обнаруживают глубокие местные корни, что является убедительным свидетельством автохтонности славян в Средней Европе и не дает никаких оснований искать их прародину за пределами той территории, где их фиксируют древнейшие письменные источники. Жаль только, что многие важные исторические вопросы этого времени пока приходится решать преимущественно на керамическом материале.

Возникновение в культуре славян локальных вариантов на этом этапе еще нельзя связывать с разделением славян на три ветви: западную, восточную и южную. Такое разделение произойдет несколько позже в результате мощных миксационных процессов славян и дославянского населения тех новых областей, которые войдут в зону славянского расселения.

Глава 7 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

7.1. ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРНОМ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЛАВЯН В КОНЦЕ I ТЫС. Н. Э.

Как отмечалось в предыдущей главе, уже в VI в. славянская культура пражского типа вышла за пределы своей начальной локализации и заняла обширные пространства Средней и Восточной Европы – от Эльбы на западе до Среднего Днепра на востоке и от нижнего Повисленья на севере до Дуная на юге. Повсюду культура была представлена сходными поселениями, застроенными характерными полужемляночными жилищами, и могильниками с захоронениями умерших по обряду кремации, сопровождаемыми особой формы глиняной посудой.

Однако к VIII в. культура претерпевает значительные изменения, позволившие исследователям обозначить новый этап в культурном развитии славян, который, сохраняя несомненную преемственность, привел к появлению на территории славян нескольких сходных региональных культур.

Они получили различные наименования: в Буго-Днепровском междуречье славянские памятники отнесли к Лука-Райковецкой культуре, в Польше их называют памятниками допясцовского периода и т. д. Наиболее приемлемой датой нового периода являются VIII–IX вв.

С VIII в. н. э. отмечен коренной перелом в развитии хозяйства. В это время у славян появляются первые пахотные орудия с железными рабочими частями: железные наральники и чересла. Более совершенными становятся серпы и другие сельскохозяйственные орудия. Подавляющее их большинство изготавливается из железа и становится более производительным. Каменные жернова для помола вытеснили примитивные зернотерки.

На территории Белорусского Полесья выявлено около 20 памятников и местонахождений конца I тыс. н. э. К сожалению, исследованы они пока слабо. Некоторое исключение представляет археологический комплекс около д. Хотомель в Столинском районе: городище, селище и могильник, изученные Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой.

Селище площадью около 1 га было густо застроено полуземляночными жилищами, расположенными рядами вдоль внешнего вала городища в 1–5 м друг от друга. На одном небольшом участке было полностью раскопано 12 жилищ. Значительная их часть имела хорошо выраженный прямоугольный план. Пол жилищ находится на глубине 1–2 м от современной поверхности. Стены состояли из двойного ряда столбов, от которых сохранились ямки в материке. В углу обычно устраивалась глинобитная печь, свод которой лепился на деревянном каркасе. Размеры жилищ были в среднем 6×4 м. К некоторым жилищам примыкали хозяйственные пристройки столбовой конструкции.

Найденные при раскопках селища вещи представляют предметы хозяйственного назначения: 2 железных сошника вместе с плужным резцом-череслом, 2 обломка серпов, железное долото, 11 ножей, 4 остроги для ловли рыбы, дужка от ведра, каменный точильный брусок, 4 глиняных и 2 каменных пряслица.

Состав животных, определенный по костным остаткам, сравнительно разнообразен: свинья – 36,5 %, крупный рогатый скот – 24,6 %, лошадь – 11,5 %. Далее идут лось, кабан, мелкий рогатый скот, медведь, птица, зубр. Домашние животные явно преобладают над дикими, составляя около 77 %.

Культурный слой селища не различается ни стратиграфически, ни по составу находок. Везде лепная керамика встречается вместе с гончарной. Орнаменты представлены косой насечкой или пальцевыми вдавлениями по краю или основанию венчика волнистыми бороздками. В редких случаях сосуды украшены ямочками и наколами.

Хотя посуда, изготовленная на гончарном круге, насчитывает всего 30 % от всей керамики, можно говорить о появлении гончарного ремесла, вытеснившего вскоре домашнее производство посуды.

Среди посуды, сделанной на гончарном круге, выделяются семь видов. Характерным для славянской посуды для IX–X вв. становится горшок с утолщенным и оттянутым вниз венчиком в форме карнизика.

О серьезных социальных переменах в обществе свидетельствует выделение родовой дружины и появление укрепленных поселений, ставших местом ее пребывания. Это хорошо видно по материалам раскопок Хотомельского городища.

Непрерывность обитания населения в Хотомеле позволяет наблюдать процесс перехода от патриархально-родового строя к классовому. Воз-

никшее еще в VI в. в качестве небольшого укрепленного поселения родового коллектива, за время жизни которого отложился нижний культурный слой, представленный керамикой типа Корчак с весьма ограниченным ассортиментом находок, городище в VIII в. превращается в сильно укрепленный поселок, населенный состоятельными дружинниками. Оно заново было обнесено мощными деревянными укреплениями.

К сожалению, остатки построек на городище очень невыразительны. Исследователь памятника Ю. В. Кухаренко склонен связывать с ними ямы от сгоревших столбов. Возможные постройки столбовой конструкции он относит ко второму верхнему слою. В различных местах городища были обнаружены остатки временных очагов. Все это дает основание предполагать, что само городище не было местом постоянного обитания [82].

Вещевые находки сосредоточены почти исключительно по краю городища. Из предметов хозяйственного обихода были найдены железное долото, несколько ножей, глиняная литейная форма, пряслица.

Бросается, однако, в глаза серия находок, резко отличающих городище от одновременного ему селища. Это, прежде всего, предметы, связанные с военным бытом, — 3 наконечника копий, 14 наконечников стрел, 3 железных пластинки от защитного панциря, скоба-обойма от портупей, 3 удила. Украшений мало. Можно отметить обломок серебряного браслета и серебряное семилучевое височное кольцо.

Все свидетельствует о превращении городища в своеобразный поселок дружинников, резко отличавшихся по своему имущественному положению и образу жизни от земледельческого населения селища. От такого дружинного поселка, по словам Б. А. Рыбакова, оставался один шаг до феодального замка.

7.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Еще академик А. А. Шахматов, исходя из лингвистических наблюдений, рассматривал украинскую Волынь как прародину восточных славян. Он обратил внимание на то, что реки днепровского бассейна с именем Дисна являются левыми притоками других рек, в то время как само слово «дисна» означает «правый». Славяне, по его мнению, могли назвать левый приток «правым» («Дисной») в том случае, если бы они, расселяясь, двигались против течения Днепра, т. е. с юга на север. Основываясь на этом, он пришел к выводу, что прародина восточных славян лежала на Волыни и занимала небольшую территорию.

Теперь, располагая новыми и различными источниками — археологическими, лингвистическими и антропологическими, историю формирования восточнославянской ветви можно представить в следующем виде.

Расселившиеся в южной Беларуси и северной Украине, славяне занимали эту территорию достаточно долго; выход их за ее пределы и освоение более северных земель за Припятью начался едва ли раньше X в., о чем речь будет идти в следующих главах. За этот период в их жизни произошли чрезвычайно важные этнические, социальные и исторические перемены.

Уже накануне расселения славяне находились на стадии распада родоплеменного строя. Поскольку племена переселялись не целиком, в полном составе, а смешанными группами, состоявшими из частей различных племен, они не могли сохранить начальную племенную структуру и перенести ее на новые места. В ходе расселения славяне все более перемешивались, утрачивая кровнородственные связи; оседая на новых местах чересполосно, они объединялись в новые территориальные общности с новыми этнонимами: поляне, древляне, воляняне, бужане, северяне и другие, образованные часто по месту обитания, на что обратил внимание еще летописец («Прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте»).

Распад завершился на новых местах, куда мигрировали славяне и где продолжилось их смешение как между собой, так и с местным неславянским населением.

До прихода славян в этом регионе обитали племена, оставившие памятники банцеровско-колочинского типа.

Вероятнее всего, это были балты, о чем, впрочем, может свидетельствовать и имеющаяся здесь балтская гидронимика. Можно утверждать, что славяне постепенно ассимилировали их. В археологических комплексах культуры Корчак встречаются предметы, относящиеся или связанные по происхождению с предшествующей культурой балтов. Существует мнение, что балтское население здесь было сравнительно редким, и, когда в VIII–IX вв. на основе культуры Корчак (рис. 36) разовьется новая славянская культура типа Лука-Райковецкой, в ней уже не будут прослеживаться балтские культурные элементы [134, с. 38–39]. Следовательно, к VIII в. ассимиляция балтов здесь завершилась.

Включив в себя какую-то часть местного населения, славяне испытали на себе действие балтского субстрата, может и незначительного, но сказавшегося на культурной и этнической природе этой части славян. Это обстоятельство, вероятно, положило начало выделению их как особой (восточной) группы славян.

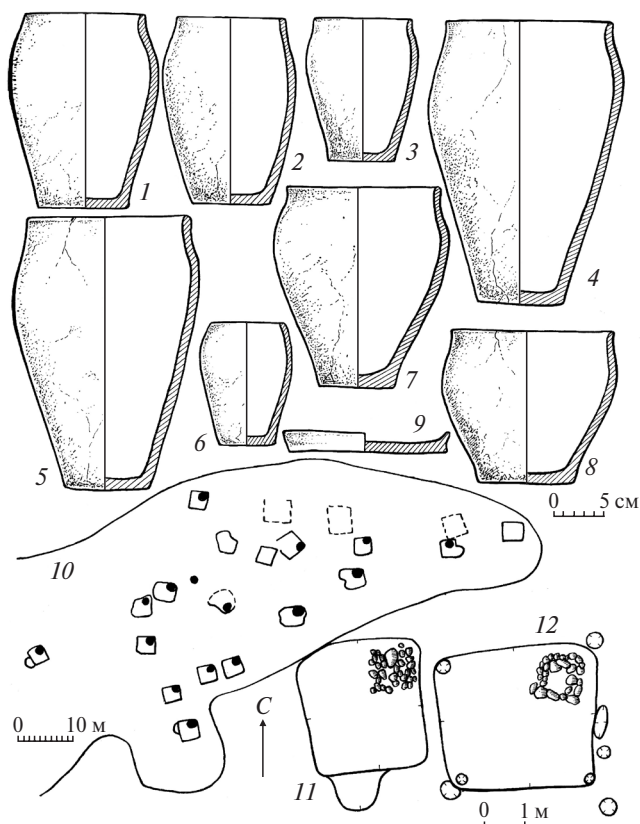

Рис. 36. Материалы культуры «Прага-Корчак»

В результате интеграционных процессов возникали новые общности, основанные на новых принципах. Следует согласиться с мнением ряда исследователей, что сам факт массового появления у славян новых этнонимов может служить доказательством того, что их носители представляли собой «новообразования, сложившиеся в результате миграций из осколков прежних племен или путем смешивания группировок разной племенной принадлежности» [40, с. 17; 25, с. 160–177].

Смешение продолжалось и в последующее время, когда у восточных славян сложились территориально-политические группировки. Письменные и археологические источники свидетельствуют о проникновении полян на восточное побережье Днепра, которое заселяли северяне, а последних – на территорию полян. То же наблюдается на пограничье древлян и дреговичей, дреговичей и волян.

Продолжавшиеся интеграционные процессы способствовали образованию единого восточнославянского этноса. Под влиянием местных субстратов в славянскую культуру проникают новые элементы, наложившие на нее некоторый отпечаток локальности. Есть неоспоримые свидетельства того, что в ранее едином общеславянском языке этой группы славян формируются черты, присущие восточнославянскому языку. Именно к этому времени лингвисты относят формирование восточнославянского языка.

На это, в частности, указывает то, что славянская гидронимическая номенклатура к северу и к югу от Припяти существенно различается: если к югу от Припяти, на правом берегу Украины, в ареале культуры типа «Корчак» распространены архаические общеславянские речные названия, то к северу от нее таких раннеславянских гидронимов нет. Там они имеют форму, присущую восточнославянскому языку. Следовательно, когда славяне начали расселяться севернее Припяти, они уже говорили на восточнославянском языке и давали рекам на осваиваемой ими территории новые названия, соответствующие нормам восточнославянского языка. Следовательно, это уже были не ранние, а восточные славяне. Значит, образование языка восточных славян приходится как раз на время пребывания их южнее Припяти, т. е. на VI—X вв. До этого славяне говорили на одном языке, отличном, по летописцу, от «иных языков». Возникает особая восточная ветвь славян.

Уже к началу своего расселения славянские племена, как мы отмечали, находились на заключительной стадии первобытно-общинного строя, который принято называть строем военной демократии. В процессе расселения и освоения новых территорий, в условиях сложных отношений с местным населением, все более усиливалась родовая знать, родовая дружина, что ускорило социальное и имущественное расслоения общества. Возникшие среди группы общин поселки дружинников типа Хотомельского городища господствовали над окрестным сельским населением. Складывались внутренние и внешние предпосылки для появления у славян первых государственных образований.

У западных славян, успешно боровшихся против аваров, в VII в. возникло государство Само. То же мы наблюдаем и у восточных славян в Среднем Поднепровье. К сожалению, в письменных источниках событие этого рода передано в легендарной форме, поскольку попало в них несколько веков спустя. Рассказ о первом восточнославянском государстве содержится в Начальном летописном своде, составленном в середине XI в., и известен в двух вариантах. Один из них, возможно, должен был объяснить происхождение названия Киева и передал легенду о Кие, который будто был перевозчиком, «имел перевоз» на Днестре напротив

города. Но этой легенде не верил и сам летописец, справедливо заметивший, что «если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царь-граду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, — не знаем только к какому царю, но только знаем, что великие почести воздал ему, как говорят, тот царь».

Далее летопись рассказывает, что на обратном пути Кий облюбовал себе место на Дунае и срубил город, от которого сохранилось городище с названием Киевец. Однако, встретив сопротивление со стороны местного населения, Кий вынужден был вернуться в Киев, где вскоре умер. Важно отметить, что после смерти Кия городом и полянами, в земле которых он находился, правили его братья Щек и Хорив, а после их смерти — их потомки. Кия и двух его братьев летописец называет главами рода в земле полян. Рассказ свидетельствует, таким образом, о существовании у полянской группы славян наследственной власти. Этот рассказ можно было бы воспринимать как обычную легенду, подобную рассказу о возникновении Рима, если бы он не был почти буквально повторен в одной из армянских хроник VIII в. В рассказе армянского автора Зеноба Глака говорится, как в некоей области «Палуни» три брата Куар, Мелтей и Хореан построили на горах три города и назвали их своими именами. И дело не только в сходстве сюжета с русской летописной легендой об основании трех поселений братьями Кием, Щеком и Хоривом. Обращает на себя внимание сходство имен двух братьев, а в названии области «Палуни» просматривается имя полян или их земли. В. В. Мавродин, как и Б. А. Рыбаков, полагал, что этот рассказ заимствован армянским автором из русских источников. В. В. Мавродин склонен относить описанные события к VI–VII вв.

Трудно сказать, кто у кого заимствовал этот рассказ, но ценность армянского варианта в том, что он позволяет хотя бы ориентировочно датировать описанные события временем не позже VIII в. Это была первая известная нам местная славянская династия у одной из группировок — полян, возникшая задолго до «призвания варягов».

Рассказав об этом, летописец заметил, что такие же княжения были и у древлян, дреговичей, «у славян в Новгороде» и «на реке Полоте, где полочане». Это замечание, представляющее отклонение от основной истории, связанной с полянами, следует рассматривать как более позднюю вставку, поскольку о существовании как Новгорода, так и Полоцка летопись до этого ничего раньше не говорила. И «жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты», — заключает летописец. Значит, не только в Киеве, но и еще в нескольких областях в это же время имелись княжения. Но все ли они были славянскими и почему в перечне тех, кто жил в мире с полянами, названы

не граничившие с ними вятичи и не упомянуты такие крупные группы, как кривичи (или полочане) и новгородские славяне, у которых, как он заметил раньше, также были свои княжения?

Все это наводит на мысль о более поздних редакциях летописи и о дополнениях, которые делались в нее в последующие времена, лишившие ее в отдельных местах начальной естественной логики. Как свидетельствуют археологические материалы, восточные славяне в это время еще не вышли далеко за пределы своей начальной прародины. Во всяком случае, к северу от Припяти их тогда еще не было, т. е. тогда еще не было славян-дреговичей, славян-кривичей, славян-вятичей и новгородских славян.

Впрочем, как видно из описания последующих событий, отношения между различными восточнославянскими группировками не были столь безоблачными, как в этом пытался нас заверить летописец. После смерти Кия, Щека и Хорива «поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми», — читаем мы далее.

Что же произошло? Думается, что раздоры начались после того, как поляне попытались распространить свою власть на некоторые соседние области, по меньшей мере, на древлян. Указание летописи на борьбу полян с уличами и древлянами, возможно, как раз и представляет собой воспоминание о борьбе Киева за объединение вокруг него некоторых славянских и, возможно, неславянских племен.

На начальных этапах государственности такое в истории встречается нередко: после смерти правителя союз племен распадается или начинается борьба за преобладание между отдельными родами или племенами.

На этом этапе славяне не смогли создать государства, которое бы объединило если и не все, то хотя бы некоторую часть восточнославянских группировок. Но такие попытки предпринимались. Раздробленность и взаимная вражда, вероятно, стали причиной того, что часть восточнославянских группировок оказалась в подчинении хазар и платила им дань вплоть до конца IX в. Когда же это произошло?

Летописец дважды касается этой темы и оба раза дает такую последовательность развития событий: «По смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива. — Э. З.) поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: “Платите нам дань”». В передаче летописца сами поляне позже, когда в Киеве в 862 г. появились два варяга, Аскольд и Дир, так рассказали об этом: «Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгнули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Из обоих сообщений следует, что под власть хазар часть славян попала после смерти Кия и его братьев. Установить же точную дату прав-

ления у полян Кия, как мы уже говорили, не представляется возможным. Прямых указаний на эту дату в источниках не имеется. Во всяком случае, происходило это не позднее VIII в., о чем мы говорили выше. Однако известен еще один очень любопытный документ — сообщение армянского писателя Моисея Каланкатуйского об осаде хазарами в VII в. города Тбилиси. Из документа можно заключить, что в составе хазарского войска, осаждавшего город, были славяне. К сожалению, мы не можем сказать, в каком качестве они там присутствовали: как союзники или как сателлиты, и из какой группы славян — из среднеднепровских или из занимавших более южные области Восточной Европы?

Подводя итог сказанному, следует заключить, что вторая половина I тыс. н. э. была отмечена важнейшими событиями. На юг Беларуси и север Украины пришли славянские племена, положившие начало широкому расселению славян в Восточной Европе.

Есть основания говорить, что именно на этой территории под эгидой полян формируется и первое государственное образование восточных славян с династией Кия. В этом регионе были заложены основы восточнославянской речи. Может быть, уже тогда началось формирование у восточных славян особого этнического самосознания и появление общего для них названия «русь».

7.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ «СЛАВЯНЕ» И «РУСЬ»

7.3.1. Происхождение этнонима «славяне»

В отличие от многих других народов, даже таких мощных и близких к славянам в большой семье индоевропейских народов, как германцы и балты, славяне уже с глубокой древности имеют общее самоназвание и называли себя или свой язык: в русском и белорусском языках это «славянин», «славяне»; в украинском — «слав'янин»; в древнерусском — «славяне»; в старославянском — «словене», «словеньскъ»; в болгарском — «словенин»; в словенском — «slovenski» (словенский); в чешском — «slovanski» (славянский), «slovane» (славяне); в словацком — «slovak» (словак), «slovenka» (словачка); в польском — «slowianie» (славяне); в кашубском — «slovinski»; в полабском — «Sluovenske». В реконструированном праславянском языке это дается как *sloveninъ, *slovene, а в латинском — «Sclaveni».

Приведенные названия свидетельствуют о том, что славяне долгое время представляли собой единый народ с единым языком и единым этническим самосознанием, позволявшим им, несмотря на все преврат-

ности исторических судеб, ощущать свое родство, видеть свои единые корни и отличать себя от других народов.

Единого мнения об этимологии названия «славяне» ни в лингвистической, ни в исторической науках не существует. Сжатая сводка различных мнений по этому вопросу приведена в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера с добавлениями и комментариями О. Н. Трубачева.

Как думает О. Н. Трубачев, этноним не мог возникнуть на основе слова «слава». Объяснения такого рода не выходят за рамки народной этимологии. «Словене», — полагает исследователь, — не может быть образовано и от «слово», так как названия славян встречается только в производных от названий мест. Впрочем, исследователь приводит мнение Якобсона как раз об этимологической связи этнонима со «слово». При этом Якобсон ссылается на примеры из древнерусского — «клич» — «кличчане» («охотники, поднимающие дичь криком»), а также на оппозицию «словене — немци».

Не мог этноним «славяне» образоваться и от употребительных собственных имен на -slavъ. Невероятны, как думает О. Н. Трубачев и эксперименты со словами «слобода», slow (медленный, ленивый), из готского slawan (молчать, быть немым). Кстати, это мало чем отличается от формы образования слова «немец», которое тоже аналогизируют со словом «немой» — и в этом можно усмотреть противоречия у лингвистов. Получается, что в одних случаях они допускают такую возможность (для «немец»), в других — отрицают (для славян). Впрочем, если признать какое-то участие готов в появлении славянского этнонима, то пришлось бы сделать вывод, что этот термин или вообще не мог возникнуть до появления на исторической арене готов, или допустить, что так называли славян и некоторые другие германские племена, хотя этого пока никто не обнаружил. Более того, у самих германцев по отношению к славянам существовал другой этноним — венды, веныды.

Исключается также возможность образования этнонима из новогреческого «склавос», что означало «раб».

Похоже, что сам Трубачев склоняется к идее о связи этнонима с близким по форме названием реки. Ссылаясь на польского исследователя Отрембского, он приводит пример образования названия деревни Slavenai на реке Slave, что тождественно славянскому «slovene». Бернштейн допускал возникновение этнонима из индоевропейского slauos «народ». Эта идея представляется достаточно интересной, если иметь в виду архаичность славянского языка, который мог сохранить и понятие «народ» сначала не в качестве самоназвания, но со временем превратившегося в этноним славян.

К такой идеи склоняются и авторы статьи о славянах в историко-этнографическом справочнике «Народы мира» (1988) А. С. Мильников и К. В. Чернов. «Можно полагать, — пишут они, — что он (этноним. — Э. З.) восходит к общеиндоевропейскому корню, смысловым содержанием которого является понятие «человек», «люди», «говорящие». Они отмечают, что в таком значении этноним зарегистрирован в ряде славянских языков. Например, в древнеполабском языке слова «славак», «цлавак» означали человек. Впрочем, и слово «человек» может быть поставлено в один ряд с этим же этнонимом («человек»). Интересный факт: у других индоевропейских народов эта связь с корневым словом уже утрачена. Не может ли это быть еще одним из свидетельств о глубокой древности и архаичности славянского языка и его непосредственной связи с праиндоевропейским (общеиндоевропейским)?

Как бы там ни было, этноним «славяне» сохранился у всех славянских народов — и у западных, и у восточных, и у южных славян. Такое могло быть только в том случае, если этим именем славяне называли себя до расселения. Это было самоназвание неразделившихся славян периода существования общеславянского языка. Думается, что славяне никогда не называли себя ни антами, ни венедами. Эти имена им дали другие народы, иногда перенеся на славян этнонимы народов, на территорию которых позже расселились славяне. Сказалось, вероятно, и плохое знание авторами упоминаний о древних славянах этногеографии средней и Восточной Европы.

7.3.2. О названии «Русь»

Происхождение названия «Русь» — проблема сложная и дискуссионная. Ею занимались многие выдающиеся исследователи, ей посвящена обширная историческая и лингвистическая литература. Источники, на основании которых решается эта проблема, к сожалению, достаточно скудны и противоречивы, и хотя все они хорошо известны, вопрос нельзя считать закрытым. Дискуссии продолжаются.

Первым, кто поставил этот вопрос и попытался дать на него ответ, был автор «Повести временных лет». Его вывод принят многими историками. В его труде содержится интереснейший материал, который составляет и теперь источниковую основу исследований по данной научной проблеме.

Проведя разыскания в греческих источниках, летописец, как ему казалось, установил точную дату начала употребления термина «Русская земля» для обозначения территории или страны в Восточной Европе, заселенной славянским народом. Как заключает летописец, впервые определенная область восточных славян стала так называться с на-

чала царствования византийского императора Михаила с 15 индикта 6360 (852) г. Ссылаясь на византийское (греческое) летописание, он сообщает, что именно при этом царе «Русь» ходила походом на Царьград.

Летописец, поставивший перед собой благородную цель – ответить на вопрос: «откуда есть пошла Русская земля», совершенно естественно считал своим долгом объяснить и происхождение названия страны, и народа, населявшего ее.

И в первом случае, и в приведенном им на первых страницах «Повести» перечне народов «русь» названа в числе потомков Иафета, т. е. народом. Однако этим термином в летописи и других источниках называлась также страна, в которой проживал этот народ.

Вместе с тем не только автор «Повести временных лет», но и ее последующие редакторы оказались в достаточно сложном положении перед проблемой различных наименований славянского населения страны и ее отдельных групп, которые еще были в ходу в их времена. Им было совершенно ясно, что восточнославянский народ един и язык у него один, о чем они не уставали повторять. Но вместе с тем одна из славянских групп Поднепровья называлась также полянами, русью и общим именем славяне. Не зная или забыв истоки этих различных наименований, но испытывая крайний интерес к этимологии названий – не только этнонимов, но и топонимов – составитель «Повести», в меру своих возможностей, пытался дать им свое объяснение. Эти вопросы сложны и для профессионалов-лингвистов, поэтому, не имея необходимой для этого лингвистической подготовки, он пытался решать их с позиций народной этимологии. Так что его объяснения представляют больше историографический интерес, демонстрируют широту исторического мышления и разнообразие интересов автора. Летопись, как и любой другой исторический источник, требует осторожного и критического подхода. Она никак не может претендовать на роль мистического откровения, в котором изложены непререкаемые истины, особенно когда это касается очень сложных и специфических лингвистических проблем, на которые может ответить только наука. Но лингвистической науки тогда еще не было.

И в настоящее время нет общепринятого объяснения этимологии термина «Русь». В исторической науке получила признание идея объяснять происхождение некоторых этнонимов от названий рек. Такой идеей воспользовался и академик Б. А. Рыбаков, высказавший гипотезу о происхождении названия «русь», «росс» по имени р. Рось, протекающей через землю полян и впадающей в Днепр южнее Киева [136, с. 99, 95].

Интересно отметить, что и летописец считал возможным выводить некоторые этнонимы от названий рек. Так, имя полочан он связывал с

названием ручья Полота, который впадает в Западную Двину, а название западнославянского народа моравлян — с р. Морава. Подобным образом он объяснит и прозвище радимичей «пищанцами» по имени р. Пищаны. И тем не менее он не воспользовался этим стереотипом и не связал имя «русь» с названием р. Рось, о которой он знал и четыре раза упомянул в своем труде. Совершенно очевидно, что его позиция была предопределена концепцией о призвании на Русь варягов.

Из чтения «Повести временных лет» создается впечатление, что название «русь» у славян относительно позднее и принесли его варяги. Только исследователи этого источника заметили, что по летописи прошла рука редактора и не один раз. Рассказывая о разделении земли после потопа между сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом, летопись упоминает русь в числе народов, которые оказались во владениях Иафета и его потомков, распространявшихся на северные и западные страны. В них, в частности, «сидят русь, чудь и всякие народы: емь, угра, литва, землигола, корсь, летгола, либь». Затем для некоторых народов приводятся более точные координаты: «Ляхи же и пруссы сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят же по тому морю и к западу — до земли английской и волошской». И далее: «Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галлы, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым».

Обратим внимание на то, что в этом перечне народов русь названа рядом с чудью, норманнами, англами — народами достаточно северных областей Европы. Поэтому утверждение, с которым мы встретимся позже, о том, что Рюрик и его братья происходят от варягов из племени «русь», вроде бы не должно вызывать вопросов.

В другом месте летописец прямо сообщает, что русью стали называться поляне, и это свое новое название они заимствовали у варягов. «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались, потому что сидели в поле, а язык был им общий — славянский».

Но почему из 14–15 летописных восточнославянских групп только поляне, по словам летописца, получили новое имя — «русь»? Связан ли этноним «русь» с одним из варяжских племен или он имеет также какое-то другое значение и происхождение? Все это стало предметом долгих научных споров. Так кем же были русы?

Помимо указания летописца, прямо связавшего этот термин с варягами, отмечается, что финны и сейчас называют шведов «routsi», этот

этноним, безусловно, близок названию «русь». Но почему же в цитированном выше перечне народов русская летопись отдельно называет варягов, норманнов, шведов и русь, и как понимать выражение «варяги из племени русь», если варяги и русь названы в качестве отдельных самостоятельных народов?

Нельзя не обратить внимания на следующее место в рассказе летописца «о призвании варягов на Русь»: «И избрашася 3 братья с роды своими и пояша по себе всю русь». Академик Б. Д. Греков справедливо заметил, что «было бы нелепо думать, что легендарный Рюрик забрал с собою весь народ». Здесь явно имеется в виду не народ, а какая-то его часть, а именно — воины, дружина. Такой же смысл имеет этот термин в рассказе Константина Багрянородного об организации киевскими князьями сбора дани: «Зимний и суровый образ жизни этих самих Руссов таков. Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдые, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов (возможно, древлян), Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных Славян, платящих дань Руссам».

Интересно, что по тексту цитированного источника древляне, кривичи, дреговичи, северяне составляли часть славян. Заметим, что поляне в отрывке не упомянуты. Ясно, что центром Руссов был Киев, который находился в земле полян. Совершенно очевидно и различие славян вообще и руссов в данном источнике и известное противопоставление их друг другу. Руссы жили в земле полян и господствовали над остальными славянскими землями, собирая с них дань. Возникает вопрос: а не были ли те руссы полянами? Однако выражение «со всеми Руссами» едва ли могло означать, что князь отправлялся в полюдые со всеми полянами. Следовательно, термин «руссы» не мог означать весь народ, всех полян. Скорее, это — особая каста, воины, ближайшее окружение князей. Несомненно, речь идет о какой-то привилегированной, близкой к князю социальной группе, вероятнее всего, — дружине.

Нефилологу трудно решить, насколько это соответствует или не соответствует лингвистическим законам, но представляется очень интересным объяснение этимологии термина «русь» В. А. Бримом. По его мнению, термин «русь» происходит из скандинавских «drot» или «drottsmenn», что означает соответственно «дружина» и «дружинники». Прежде чем попасть в русский язык, скандинавское название, по мысли исследователя, претерпело некоторые изменения в финском, утратив первую согласную и последний слог. Несмотря на ироническое отношение к такой трактовке Б. Д. Грекова, эта мысль представляется интересной, а главное — подтверждает социальное значение этого понятия.

Следует заметить, что не только в русских и византийских, но и в арабских источниках начальное значение термина «русь» было не столь-

ко этническое, сколько социальное и отчетливо присутствует противопоставление «руси» славянам. Как социальная верхушка, противостоящая славянам, выступают русы в сообщении Ибн-Росте, использовавшего анонимный арабский источник конца IX в., согласно которому «пашень Русь не имеет и питается лишь тем, что добывают в земле славян». Они «живут в довольстве», в городах, окружают своих каганов. Они собираются в дружины по 100–200 человек. К ним приходят служить славяне, «чтобы этой службой приобрести для себя безопасность».

Отмечая сходство приведенных в разных источниках фактов, мы не можем, однако, оставить их без комментариев, поскольку некоторые из них либо противоречивы, либо не соответствуют ситуации, вытекающей из анализа других источников.

Так, некоторые сообщения арабских авторов при сопоставлении их с археологическими данными обнаруживают их слабую информированность относительно этнической ситуации в регионе, который они связывают со славянами. Например, указания на то, что русы грабят славян, можно принять только при условии, что славяне уже занимали всю территорию Киевской Руси. Однако, как мы показали выше, заселение славянами северной половины страны произошло только к концу X в., и до этого времени «грабить» славян «русы» не могли, потому что славян там не было.

По той же причине славяне не могли быть объектом грабежей со стороны «русов-варягов» времен Рюрика и Олега, хоть на то и указывает Константин Багрянородный.

Что касается славян Среднего Поднепровья, то здесь после захвата Киева Олегом могли иметь место только регулярные сборы дани. Маловероятно, чтобы основанием для рассказа о «грабежах и насилиях русов» мог послужить известный эпизод о сборе дани Игорем в земле древлян, помещенный в русской летописи. И даже этот эпизод нельзя называть «разбоем русов»: была описана обычная для того времени практика пополнения княжеской казны. Следовательно, так называемые русы никак не могли грабить славян, и будет неправильно на основании этого источника говорить о существовании этнических различий между славянами и русами. В лучшем случае можно предполагать, что под русами источник подразумевает княжескую дружину. Впрочем, о славянском этносе русов свидетельствует и прямое указание самого арабского источника на то, что русы и славяне говорили на одном языке. В составе княжеского войска, несомненно, были и варяги, но, как свидетельствуют археологические данные по «дружинным курганам», они составляли совсем малую часть дружины (менее 10 %).

Если же предположить, что описанная в арабском источнике ситуация имела место до возникновения Киевской Руси и набегам подверга-

лись славянские земли, расположенные южнее Припяти, то и такое предположение маловероятно. Славяне, согласно летописи, в это время были в зависимости от хазар и платили им дань. Такой разбой непременно привел бы к военному столкновению варягов с сильным Хазарским каганатом, что затруднило бы торговые связи норманнов со странами Востока, поскольку их рейды проходили через Хазарию.

Исследователи проблемы этнической атрибуции русов давно обратили внимание на то, что имена русских послов в договорах Руси с Византией, как и названия днепровских порогов, приводимые Константином Багрянородным, звучат по-скандинавски. Эти наблюдения стали основными аргументами норманнистов. Лингвистический анализ приведенных в договорах Руси с Византией 911 и 944 гг. имен русских послов вызвал большую и длительную дискуссию. В прошлом большинство исследователей склонны были считать их скандинавскими. Хотя еще М. В. Ломоносов заметил, что они «не имеют на скандинавском языке никакого знаменования». Вместе с тем их нельзя назвать и славянскими. Подавляющая их масса не находит в славянском языке ни параллелей, ни объяснений. Правда, ученые справедливо отмечают, что славянский именослов тогда только начинал складываться, а княжеские именатитулы типа Владимир, Святослав вообще нельзя было присваивать лицам не княжеского происхождения, даже знатным дружинникам. В новейшей литературе указывается, что и имен германского происхождения в этих документах ничтожно мало.

Справедливо отмечается также, что имена не всегда совпадают с языком их носителей. И все же проходить мимо этого источника не позволительно.

Не единодушны ученые и в интерпретации названий днепровских порогов. Некоторые полагают, что в середине X в. различались собственно русский и славянский языки. Другие доказывали, что названия порогов не относятся ни к славянским, ни к германским языкам, а связаны с ираноязычными сарматами.

Таким образом, если в начальном периоде русской истории «русь» действительно может быть отождествлена с привилегированной социальной верхушкой общества молодого государства, то утверждения о том, что все русы или даже большинство их имели скандинавское происхождение, должно быть решительно отклонено. Как уже отмечалось, в составе русского войска уже в IX–X вв. абсолютно преобладали славяне, о чем свидетельствует археологическое изучение дружинных курганов. На славянский язык русов прямо указывают и арабские, и византийские источники того времени.

Очень интересным в этом плане является свидетельство епископа Кремоны (с 963 г.) Лиутпранда, дважды побывавшего в Византии. В при-

водимом им перечне ее соседей читаем: «...имеет (Византия.— Э. З.) с севера венгров, печенегов, хазар, русиев, которых иначе мы называем норманнами, а также болгар, очень близко от себя; с востока — Багдад; с юго-востока — жители Египта и Вавилонии...» Как видим, в отрывке дается этническое окружение Восточноримской империи и перечисляются не страны, а народы. Судя по тому, в какой последовательности перечислены народы, «русии» обитали по соседству с хазарами, т. е. в южной части Восточной Европы, какую и занимала Киевская Русь, заселенная славянами, а не скандинавами. И добавление автора, что «русиев» еще называют также норманнами, отнюдь не означает, что «русии» были скандинавами. Этнический состав населения южных районов Восточной Европы нам хорошо известен как по древнерусским письменным, так и по археологическим источникам: с VI в. там прочно утвердились славяне. И, если «русиев» иначе называют норманнами, они не перестали от этого быть славянами.

К сожалению, не только древние авторы путали славян с норманнами, но и историки порой допускали такую же ошибку. Например, в ежегодных посланиях константинопольского патриарха Фотия 860 и 866 гг. говорится о нашествии на Византию «исключительно воинственного и жестокого» народа, то ли «рисов», то ли «скифов», который завоевал соседние страны. По сообщению же Иоанна Диакона, жившего на рубеже X—XI вв., в 860 г. Константинополь подвергся нападению со стороны норманнов. Однако некоторые историки, касаясь этих событий и ссылаясь на сообщение Иоанна Диакона, связывают это нападение с русами, хотя Иоанн Диакон прямо называет их норманнами, и думается, что он ничего не перепутал. Напомним, что сам факт нападения имел место до «призвания варягов на Русь» и, следовательно, до образования Древнерусского государства с центром в Киеве.

Иоанн Диакон не перепутал имен нападавших. Ими действительно могли быть норманны, закрепившиеся перед этим в Средиземноморье. Известно, что они создали сильную базу на Сицилии, оттуда, вероятно, и предприняли свой поход на Константинополь. Именно они располагали превосходными кораблями и слыли отважными мореплавателями и воинами, наводившими страх на жителей прибрежных областей тогдашней Европы.

Присутствие варягов среди «руси» едва ли может вызывать сомнения, но делать отсюда вывод, что именно варяги были начальными носителями этого названия и потом передали его стране и всему ее восточнославянскому населению, преждевременно.

Имеются очень интересные и достаточно убедительные свидетельства, что термин «русь» и производные от него имеют глубокие и давние

корни в исконно славянском мире. А. Г. Кузьмин в своей книге «Падение Перуна» суммировал и привел ряд интересных наблюдений, указывающих на существование славянской области или даже нескольких районов с названиями «русь» или близкими к нему.

В чешских поздних хрониках есть указание на то, что Генрих IV, «возводя в королевское достоинство Вратислава II (ок. 862 г.), подчинил ему трех маркграфов: силезского, лужицкого и русского. При этом напоминает, что Руссия и прежде входила в состав Моравского королевства. Полония и Руссия входили в состав Великой Моравии и при короле Святополке (ум. 894 г.).

В западнославянских источниках «русские» нередко выступают в роли просветителей. В поздних хрониках сообщается о том, что какой-то русский боярин крестил первого чешского князя Борживоя. Историк Эней Сильвий, ставший позже папой Пием II (сер. XV в.), писал, что моравский князь подчинил Священной Римской империи «хунгаров» и «руссанов». Если в хунгарах легко просматриваются венгры, то «руссанами», очевидно, назван какой-то славянский народ.

Близкое по этимологии название сохранялось в Подунавье и Южной Германии и в позднем Средневековье. Так, Фома Сплитский, рассказывая о событиях IV в., упоминает Рутению на границе с Паннонией. Дунайскую Рутению некоторые исследователи считают возможным отождествлять с государством ругов — Ругиландом, упоминаемом в источниках V—VIII вв. Очень возможно, что именно эта территория названа в Раффельштеттинском уставе начала X в. под именем Ругия. В этой связи заметим, что в западноевропейских официальных документах того времени Ругией называли и Киевскую Русь. Упоминаемая в источниках начала XII в. Рутенская марка, как думают, соседствовала с Венгрией или входила в ее состав. Во всяком случае, название «Русь» в Средние века встречается в источниках в разных частях Европы. Хотелось бы особо подчеркнуть, что отмеченные в этих местах топонимы типа «русь» или производные от него никак не могут быть соотнесены с норманнами, поскольку норманнов там никогда не было. Этот этноним здесь местный.

Приведем еще некоторые данные. Во французском романе «Ипомедон» в перечне стран названы рядом Руссия и Алемания (т. е. Германия). В романе «Октавиан» (между 1229 и 1244 гг.) последовательно называются Алемания, Руссия, Венгрия.

О Дунайской Руси в XII в. хорошо знали не только на западе, но и на востоке. Арабский географ Аль Идриси (ок. 1154 г.) указывал на две области «руссов»: одна примыкала к Черноморью, другая располагалась по соседству с Венгрией и Македонией. Видимо, выходец из этой последней области имел в виду первый сербский архиепископ Савва, ког-

да, остановившись в 1227 г. в Иерусалиме в «русском монастыре», почитал его монахов своими сородичами.

В сообщении о гибели в 1131 г. сына венгерского короля Стефана — Имре указано, что он имел титул «герцога Руссии». Несколько позже дочь «герцога Рутении» Агмунда Анастасия стала женой венгерского короля Андрея (1046—1061 гг.). Она покровительствовала православным в Венгрии. После смерти Андрея Агмунда с сыном Шаломаном бежала в Тюрингию. Если учесть, что вдовы обыкновенно возвращались на родину, то можно предположить, что она была дочерью герцога Рутении.

1242 г. датируется послание из Вены аббата венгерского Бенедиктинского монастыря Святой Марии, находившегося «в Руссии», к духовенству Великобритании, в котором он сообщал о разорении «русских областей» татарами. Руссия здесь прямо включена в состав Венгрии и, похоже, располагалась поблизости от Вены.

Наличие славянской топонимики и остатков древних славянских поселений на территории Прикарпатья и Закарпатья, в Румынии и Венгрии стало известно давно и не могло не привлечь к себе внимания исследователей. Пока не была выявлена пражская культура середины I тыс. н. э., в исторической литературе господствовало убеждение, что славяне являются поздними пришельцами в этом регионе, и пришли сюда только после ухода из этих мест германских племен в период Великого переселения народов. Не избежал такой ошибки и крупнейший славист Л. Нидерле. В своем капитальном труде «Славянские древности», в том числе и несколько сокращенном русском издании, появление славянских памятников в Прикарпатье он объясняет тем, что в XI—XII вв. туда отступили под натиском печенегов, половцев и торков восточнославянские «племена» — тиверцы и уличи, жившие до этого в Побужье и Поднестровье. Говоря об отходе их на запад и север, Л. Нидерле присоединяется к гипотезе некоторых русских ученых. Надо заметить, точных указаний в источниках на место обитания тиверцев нет. Только по трактату Константина Багрянородного можно заключить, что они жили поблизости от улочей. Географ Баварский (сер. IX в.) характеризует улочей как сильное «племя», имевшее много городов и положившее начало заселению Трансильвании, Румынии и Северной Венгрии. Сам же Л. Нидерле решительно выступает против представлений, что этот регион был колыбелью восточных славян. По его мнению, «русские славяне» проникли сюда только после ухода отсюда фракийцев, германцев и «южных славян» [117, с. 158].

Впрочем, по Нидерле, передвижение сюда восточных славян могло начаться еще раньше, в VI в., когда началось аварское нашествие с востока. После этого, по его мнению, образовалась Закарпатская Русь и

Семиградье. Более позднее проникновение сюда славян, как думал Нидерле, доказывается тем, что в этой области сохранился носовой звук, который в древнерусском языке исчез раньше, еще в X в.

Однако этот факт может свидетельствовать об обратном. Пришедшие в X в. в Паннонию венгры застали здесь славян и расселились между ними. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в топонимике Венгрии присутствуют многие славянские или производные от них названия, в которых явно прослеживается носовой звук, исчезнувший в древнерусском языке еще в X в.: Лонг – Лужане, Лонка – Луг, Мункач – Мукачев, Галамбос – Голубице, Домб – Дубова [117, с. 159]. Следовательно, не в XI и не в XII в. пришли сюда славяне, ибо тогда этого звука в языке восточных славян уже не было, а или раньше, т. е. до X в., либо вовсе ниоткуда не приходили, а были исконными обитателями этих мест до прихода угро-финского населения. Надо заметить, что Нидерле в своих исследованиях о древних славянах исходил из убеждения, что прародина славян находилась в Припятском Полесье и Среднем Поднепровье, и в центральную Европу, как это постоянно утверждали германские археологи и лингвисты, славяне пришли поздно, после того, как в период Великого переселения народов эти земли были покинуты германцами. Но этого не было. Область к северу от Карпат, между Эльбой и Вислой, и была исторической прародиной славян. И отмеченный лингвистический факт относительно древнего носового звука еще раз подтверждает эту истину. Остается признать, что карпатская Русь, издавна и до Средневековья сохранявшая древнюю славянскую топонимику, могла быть тем местом, где возник, долго функционировал и позже, в VI–VII вв., был перенесен в Среднее Поднепровье этноним «русь». Это один из сильнейших доводов против идеи о приносе данного этнонима варягами, потому что варягов в этом регионе никогда не было.

Приведенные факты позволяют иначе взглянуть на проблему происхождения названия «Русь». Есть достаточно оснований предполагать, что этот термин возник очень давно в Подунавье и функционировал там длительное время. Именно оттуда летопись выводит славян, расселившихся в Восточной Европе. Поэтому возможно предположить, что накануне миграции там сложился большой союз славянских племен, получивший общее имя «Русь» по названию одного из наиболее сильных славянских племен. С этим общим именем славяне могли прийти в южную Беларусь и украинскую Волинь.

В таком контексте можно найти объяснение и именам «русов» в известных договорах с Византией. По А. Г. Кузьмину, большинство имен находит аналогии у племен времен Великого переселения народов. «Некоторые могут объясняться лишь топонимикой и этнонимикой поду-

найских областей, — отмечает исследователь. — У иллирийцев было распространено имя Дир. До сих пор оно сохраняется и у кельтов со значением твердый, крепкий и сильный. Иллирийскими являются имена с корнем *бор/бур* (Буревой, Борис, Борич, Борислав) — от понятий “муж”, “человек”. К племенным названиям района Иллирии, возможно, восходят имена Карн, Акун, Тилен. Названия рек и местностей повторяются в именах Истр, Дунай, Стир, Гомол (гора и город в Македонии). К венето-иллирийским именам могут быть также отнесены не вполне ясные по значению Егри, Уто, Кол, Гуды, упомянутые в договорах Игоря».

Вместе с тем среди имен послов и купцов Игоря есть много таких, какие распространены в Прибалтике, в частности, чуждских (эстонских).

А. Г. Кузьмин не исключает прямой связи Поднепровья с верхним Подунавьем, откуда могли прийти и имена, «характерные для племен, захваченных великим переселением».

Конечно, в перечне имен русских послов есть и такие, которые отражают неоднородность этнического состава «руси», тех, кто подписал договоры с Византией. Это естественно и может служить лишь доказательством полиэтничности войска русских князей. А это уже особая тема.

Следовательно, вполне можно предположить, что имя Русь славяне принесли с собой в южную Беларусь и украинскую Волынь, которые стали колыбелью восточных славян. Память об этом названии жила среди восточнославянского населения, и этот этноним распространился на всем обширном пространстве Восточной Европы. Поэтому не поляне стали со временем называться «русью», а часть «руси» стала называться полянами, подобно тому как другие получили дополнительные имена древлян, дреговичей, северян и т. д. Так можно представлять себе происхождение термина «русь», которым назовется и восточнославянское государство с центром в Киеве, и народ, населявший его.

При этом у части «руси» еще могли сохраняться и племенные названия, существовавшие до объединения восточных славян в племенной союз «Русь» (например, «дулебы»).

В освоении новых земель громадная роль принадлежала дружине. Неславянское население тех областей, куда проникали отряды русских князей, познакомилось со славянами через них. Изначально Русь была представлена особым, привилегированным слоем русского общества. И потому название «русь» должно было ассоциироваться именно с этим слоем, выделявшим себя среди местного населения. Следовательно, есть все основания предполагать, что именно дружинники были представителями славянской Руси за пределами молодого государства и носителями наименования «русь». Этот термин приобрел не только этническое, но и социальное звучание. Именно в этом смысле, как отмечалось, при-

существует название «русь» в сочинениях Константина Багрянородного и арабских авторов.

Термин «русь» долго сохранялся за социальной верхушкой восточных славян и после расселения в новых областях славянских переселенцев-общинников.

Византия тоже познакомилась сначала не с русским пахарем, а со знатым, хорошо вооруженным, богато одетым воином или купцом.

Впрочем, русский воин часто совмещал в своем лице одновременно и купца. Только так может быть понята социальная природа этого термина, которая выявляется в источниках, относящихся к раннему историческому периоду Руси.

Однако этот термин с самого начала обозначал и страну. Мы хотели бы обратить внимание на некоторые фрагменты из сочинения Константина Багрянородного. Автор называет две части Руси: «внутреннюю Русь» и «внешнюю Русь». Содержание документа оставляет немало вопросов, потому, вероятно, что византийский император многого не знал и допустил некоторые неточности. Так, из текста следует, что «внешнюю Русь» населяли «данники их (киевских князей.— Э. З.) Славяне, называемые Кривитеинами и Лензанинами, и прочие Славяне». Среди прочих он также называет дреговичей, вервианов (древлян?). Интересно, что к «внешней Руси» в цитируемой работе отнесен Новгород, в котором будто бы сидел сын киевского князя Игоря Святослав. В русских летописях этот факт не отмечен. А. Н. Насонов полагает, что под внешней Русью Константин Багрянородный понимал только Новгород. Думается, что он ошибался, «внутреннюю Русь» составляет область Киева.

Видимо, неслучайно источник проводит различие между Русью с центром в Киеве и внешней Русью. Можно предположить, что окончательной победы славянского этноса за пределами собственно Руси к тому времени еще не было. Эти земли могли сохранять некоторую автономию, иметь своих «князей», будучи обязанными только выплачивать дань, как это хорошо описано в летописи в истории с древлянами. Похоже, что Константин Багрянородный зафиксировал реальную историческую ситуацию, особое положение центра Руси — как колыбели восточного славянства и русской государственности — и некое своеобразие северных областей, составлявших «внешнюю Русь».

Академик М. Н. Тихомиров считал, что и варяги стали называться «русью» после того, как поселились в Киеве. Известное место из летописи, связанное с утверждением в Киеве Олега («се буди мати градом руским; беша у него (Олега.— Э. З.) варязи, и словени, и прочи, прозвашея Русью»), он объясняет так: «Осевшие в нем (Киеве.— Э. З.) варяги и словени прозываются Русью потому, что они стали жить в Киеве». Из

области полян название Русь распространилось на «все древнерусское государство, поскольку именно полянский город Киев стал столицей этого государства». Подобное имело место и у других славянских народов: чехов и поляков. С таким толкованием согласен и академик Б. Д. Греков. Мнение крупнейших исследователей Древней Руси, признанных знатоков относящихся к ней источников, для нас конечно же важно.

Подводя итог сказанному, заметим, что у сторонников гипотезы варяжского происхождения названия «русь», несомненно, сильные позиции: об этом прямо свидетельствует летопись. Очень серьезны лингвистические аргументы, в частности, сходное с этим термином название шведов в финском языке. Сильно ощущение противопоставления понятий «русь» и «славяне» в арабских источниках. Вот почему идея о норманнском происхождении названия «русь» имеет много сторонников. Ее разделяли многие выдающиеся исследователи. Противники варяжской гипотезы нередко выдающиеся исследователи. Противники варяжской гипотезы нередко исходили из патриотических соображений. Что делаешь, историки – живые люди. Много не нравится из того, что происходило в прошлом, и хотелось бы, чтобы его не было. Трудно остаться простым регистратором событий.

И все же нельзя игнорировать и приведенные выше данные о наличии ряда фактов, связанных с термином «русь», в древнейшей славянской области, где варягов никогда не было. Их нужно объяснить, потому что они не укладываются в рамки традиционной норманнской концепции.

В свете этих данных можно представить и другой сценарий событий, объясняющий появление названия «Русь». Термин «русь» утвердился как топоним в южной части начального славянского ареала, возможно, в Верхнем Подунавье в Паннонии или около нее. Не исключено, что он использовался и в качестве этнонима какой-то части проживавших в той области славян, не отменяя и первичных племенных названий. В процессе начавшейся миграции славян за пределы своей прародины это название было принесено на территорию Среднего Поднепровья и закрепилось за этим регионом. Перенос географических названий в связи с переселениями был широко распространен и хорошо известен в топонимике. В пользу такого предположения говорит то, что именно эта часть называлась внутренней Русью, т. е. начальной и главной частью страны.

Поскольку этот термин имел более широкое значение и область функционирования, чем этноним «поляне», он был принят киевскими князьями в качестве официального названия государства. Это название по понятным причинам было более приемлемым, чем название по имени только одной группировки (поляне), и легче могло быть принято другими восточнославянскими территориально-политическими структурами («княжениями»), даже если они были присоединены силой. По-

степенно это название было перенесено и на население страны, приобретая характер этнонима. Но сначала, как уже говорилось, оно закрепилось за представителями имущего сословия, дружинниками. И это можно понять. Этноним «поляне» был слишком «этнографичен» и не очень подходил для дружинников, среди которых были представители различных восточнославянских групп, а также (особенно на начальном этапе существования Киевской Руси) немало пришедших с Олегом варягов. Этноним «русь» был более нейтрален.

Под этим именем Русь стала известна другим народам, столкнувшись с русскими дружинниками, носившими это наименование.

Каким бы ни было происхождение термина «русь», он прочно закрепился за территорией восточных славян в пределах их прародины в Среднем Поднепровье, украинской Волыни и южной Беларуси и за населявшим эти земли народом, стал коренным названием восточных славян и их государства, а с выходом восточных славян за пределы своей прародины, расселением и освоением ими всей обширной территории Руси X в. и последующих веков распространился и на всю эту территорию и все ее население.

Это имя пережило Киевскую Русь, надолго закрепилось за восточнославянскими народами, вышедшими из нее и создавшими новые восточнославянские этносы — белорусов, украинцев и русских. Название Русь долго продолжало обозначать восточнославянские земли и в составе Великого княжества Литовского, и Речи Посполитой. Этот этноним сохранился в самоназвании современных русских и белорусов. Он сохранился и в названиях наших государств.

Глава 8

СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

К середине I тыс. н. э. в культурах балтских племен происходят не до конца понятные трансформации: исчезают существовавшие более тысячи лет археологические культуры железного века и на их месте почти одновременно возникают новые. При этом генетическая связь между новыми и предшествующими им культурами рядом исследователей ставится под сомнение. Предметом научных споров стал вопрос о судьбе носителей старых культур: не были ли они вытеснены новыми племенами или были истреблены? Отмечалось, что почти все городища культуры штрихованной керамики погибли, как казалось, в пламене пожаров. Не означало ли это смену этносов, и кем в таком случае были новые племена?

Все эти события приходится на период окончательного разложения первобытно-общинных отношений и складывания феодальных, завершившийся образованием Древнерусского государства. История вступала в новую эпоху — эпоху Средневековья.

Сложность периода состояла не только в ломке и исчезновении старых общественно-экономических и культурных явлений. В научном отношении он с трудом поддавался реконструкции. Археологические памятники этого периода на территории Беларуси до недавнего времени были мало известны и почти не исследовались. О некоторых археологических культурах вообще ничего не знали. Долгое время период второй половины I тыс. н. э. оставался белым пятном в истории нашей страны. Не получил должного отражения этот переходный исторический период с его сложными процессами и в письменных источниках. Упоминания византийских и арабских авторов о славянах и их ближайших соседях этого времени чрезвычайно скудны, поверхностны и противоречивы.

Новая эпоха отмечена важными переменами в хозяйственной и общественной жизни племен, заселявших территорию Беларуси. При-

митивная подсечная система земледелия постепенно уступала свое место пашенной. С помощью плуга, оснащенного железным лемехом, и сохи население переходит к вспашке старых окультуренных земель по двухпольной и трехпольной системе. Совершенствование техники обработки железа и быстрое распространение новой системы хозяйства вело к сглаживанию контрастов между лесостепным Югом и лесным Севером. Новые хозяйственные возможности имели своим последствием распад замкнутых родовых коллективов, существование которых обуславливалось старой примитивной техникой подсечного земледелия.

Хозяйственной основной единицей постепенно становится небольшая индивидуальная семья.

Городища, являвшиеся основным типом поселения предшествующей поры, утрачивают свое значение. Характерными становятся открытые селища, оставившие небольшой культурный слой.

Постепенное изживание родовой замкнутости привело к созданию высшей формы родоплеменного общества в виде прочно организованных союзов племен. Рассматриваемый период вошел в историю под именем Великого переселения народов и отмечен борьбой варварских племен против Римской империи, завершившийся падением Рима. Войны сопровождались значительными перемещениями народов, перекроившими этническую карту Европы. В этой борьбе приняли участие и славянские племена, вышедшие за пределы своей прародины и значительно расширившие территорию обитания. Началось заселение славянами белорусских земель.

Несмотря на то что теперь мы уже располагаем достаточно большим списком памятников второй половины I тыс., имеющихся на территории Беларуси, масштабные археологические исследования коснулись только некоторых из них. В интерпретации их до сих пор сказываются заблуждения старой историографии, когда недостаток конкретного материала заменялся искусственными конструкциями. До сих пор ощущается инерция связывать все памятники второй половины I тыс. со славянским этносом [11].

В современной историко-археологической литературе по-разному определяется их этническая принадлежность. Лишь славянская принадлежность памятников пражско-корчакского типа, распространившихся в южной Беларуси и на украинской Волыни в VI–VII вв., не вызывает споров. Однако представляется несомненным, что все памятники этого периода имеют отношение к большой проблеме расселения и утверждения славян на территории Беларуси и к тем сложным этническим процессам, которые имели здесь место после расселения славян в течение

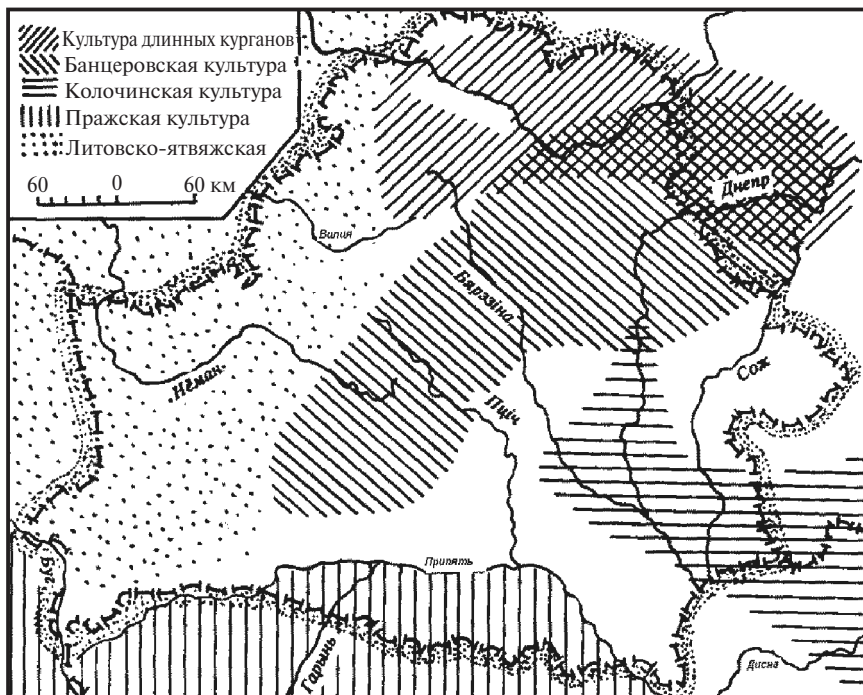

Рис. 37. Археологические культуры второй половины I тыс. н. э. на территории Беларуси

длительного последующего времени. В зависимости от того, считать ли памятники второй половины I тыс. славянскими или неславянскими (балтскими), будет решаться вопрос о времени появления здесь славян.

Этнокультурное развитие между областью севернее Припяти и областью к югу от нее настолько заметно, что понуждает рассматривать их отдельно.

Еще недавно считалось возможным объединять различные группы памятников третьей четверти I тыс. н. э., расположенные севернее Припяти, в одну археологическую культуру [134, с. 80; 51, с. 69–70]. Однако такая попытка не получила убедительного научного подтверждения. Большинство исследователей считают необходимым выделить здесь, по меньшей мере, три археологические культуры: колочинскую, банцеровско-тушемлинскую и культуру длинных курганов. Первые две имеют много общего в керамическом материале, но различаются по типам построек, что является главным основанием для их разделения на самостоятельные культуры (рис. 37).

8.1. ПЛЕМЕНА БАНЦЕРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К северу от Припяти в Днепро-Неманском междуречье и смоленском течении Днепра в третьей четверти I тыс. н. э. были распространены памятники, получившие у белорусских археологов название банцеровских (по имени городища Банцеровщина под Минском) (рис. 38). Позже появилось другое название культуры — тушемлинская — по имени раскопанного на Смоленщине городища Тушемля.

Эту культуру называют также банцеровско-тушемлинской или тушемлинско-банцеровской.

Первые материалы этой культуры стали известны с 20–30-х гг. XX в., когда белорусские археологи провели первые крупные по тем временам раскопки поселения. На городище Банцеровщина было выявлено два культурных горизонта. Нижний был связан с культурой штрихованной керамики раннего железного века, верхний же дал неизвестный до этого тип керамики, которую называли керамикой верхнего слоя банцеровского городища или просто банцеровской. Позже к культуре типа верхнего слоя банцеровского городища стали относить и другие памятники с аналогичной керамикой. Однако обстоятельное изучение подобных памятников началось только во второй половине прошлого столетия. А. Г. Митрофановым раскапывались поселения близ д. Дедиловичи в бассейне Березины, Городище Некасецк в бассейне Вилии, Боровно под Лепелем и др.

Банцеровская культура представлена поселениями и погребениями. Поселения — преимущественно неукрепленные селища. При них иногда имеются городища, которые служили в основном убежищами на случай опасности. Многие из них функционировали еще в раннем железном веке и были вторично использованы носителями банцеровской культуры.

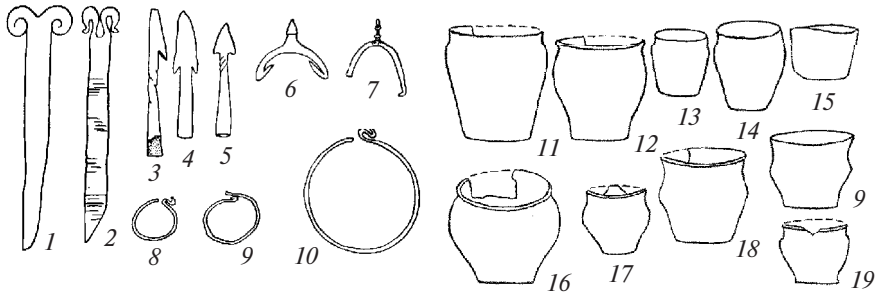

Рис. 38. Материалы банцеровской культуры:
1–2 — ножи; 3 — гарпун; 4–5 — наконечники стрел; 6–7 — шпоры;
8–10 — кольца; 11–19 — сосуды

Поселки располагались по берегам рек или озер, нередко на склонах песчаных холмов или пологих берегов. Большинство обследованных селищ имело площадь 1–2 га, однако некоторые достигали 7–8 га. Культурный слой селищ невелик и часто разрушен запашкой.

Жилища наземные, прямоугольные в плане, площадью 15–20 кв. м. Основу стен составляли угловые столбы. Встречаются и срубные постройки. Внутри в овальном углублении пола, реже на глиняной или каменной площадке устраивались очаги.

Наиболее крупные раскопки в Беларуси провел А. Г. Митрофанов на селищах близ д. Городище в Мядельском р-не и д. Дедиловичи в Борисовском р-не. На селище Городище раскопано больше двух десятков наземных жилищ столбовой и срубной конструкции [109].

Поселок около д. Дедиловичи был устроен на склонах большого холма, известного у местного населения под именем Замковой горы. На холме сохранилось до 300 небольших впадин, которые, как, оказалось, были связаны с древними жилищами, частично врезанными в склоны холма. Жилища располагались рядами на небольшом расстоянии друг от друга. Возле некоторых имелись небольшие погребки. Раскопано 47 построек. В 35 из них имелись печи-каменки, что в целом нехарактерно для этой культуры [109].

Погребения банцеровской культуры представлены грунтовыми могильниками с трупосожжениями. Могильники располагались на возвышенных местах поблизости от поселений. Иногда даже на окраине поселка.

Кремация умерших совершалась на стороне. Останки сожжения (немного кальцинированных костей, зола и угольки) хоронились в неглубоких округлых ямах. Иногда их складывали в глиняную урну. Встречаются урны, перекрытые повернутыми вверх дном сосудами.

Захоронения, как правило, лишены инвентаря. Лишь в отдельных случаях встречены небольшие куски бронзовых сплавов, бронзовые спиральки, трубочка и обломок браслета.

Керамика культуры вся лепная и заметно отличается по форме от керамики раннего железного века этого региона. Самыми распространенными были сосуды тюльпановидной, биконической и усеченно-конической форм. Внешняя поверхность горшков нередко шероховатая от выступающих зерен дресвы. Орнамент отсутствует.

У горшков расширено тулово, верхняя часть обычно сужена, диаметр дна у всех сосудов меньше диаметра горла. По пропорциям выделяются три вида горшков: 1) сравнительно высокие сосуды с умеренно широким горлом и дном, 2) высокие сосуды с широким горлом и узким дном, 3) невысокие сосуды с несколько суженным горлом и сравнительно широким дном.

Встречаются горшки больших размеров — до 40–45 см в диаметре, предназначенные для хранения продуктов.

Небольшую группу составляют мискообразные горшки и миски. Их поверхность иногда лощеная и подлощенная (приблизительно 6 %). Лощеная керамика чаще встречается в Поднепровье. В северо-западной части ареала банцеровско-тушемлинской культуры такая посуда почти неизвестна.

Изделия из глины представлены также рыболовными грузилами, пряслицами и бусами. Наиболее распространены биконические пряслица с отверстием большого диаметра.

На всех поселениях обнаруживаются следы железообработки, хотя готовые изделия попадают в небольшом количестве. Находят топоры, ножи, серпы и серповидные ножи, косы, шилья, топоры, косы, рыболовные крючки. Предметы вооружения представлены наконечниками копий и стрел. Известны находки удилища и шпора [7].

Встречаются следы местного бронзолитейного производства, но изделий из цветного металла немного. На Банцеровском городище найден бронзовый браслет с расширенными концами, орнаментированный продольным и поперечными поясками с точками и заштрихованными треугольниками. Находят также лунницы, пронизки и др. Предметами импорта являются украшения из стекла и янтаря.

Большинство исследователей справедливо считают, что банцеровская культура возникла на местной основе [110; 153]. Это убедительно доказано П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом на примере смоленских памятников. Там эта культура имеет своего генетического предшественника в днепродвинской культуре раннего железного века. Отмечается, что из днепродвинской развивается профилированная керамика. Аналогичные днепродвинские находки (посоховидные булавки, серпы, пряслица, грузики дьякова типа) встречаются в ранних селищах. Имеется сходство в типах построек (наземные дома столбовой конструкции с овальными очагами), сходны святилища. Факт преемственности обосновывается также тем, что банцеровская культура занимает значительную часть территории расселения днепродвинских племен. Полностью совпадают северо-западная и северо-восточная границы этих культур.

Однако если одним из источников банцеровско-тушемлинской культуры называется днепродвинская, то следует объяснить, почему значительная часть памятников банцеровской культуры находится за пределами днепродвинского ареала. Ведь большая часть ее памятников распространяется на юге вплоть до северных притоков Припяти, включая в себя всю восточную часть культуры штрихованной керамики. Либо

банцеровско-тушемлинская культура, возникнув в зоне днепродвинской и на ее основе, позже распространилась в юго-западном направлении, либо ее происхождение нуждается в другом объяснении. На Смоленщине, например, тушемлинские памятники обнаруживают близкие аналогии в керамике ранних длинных курганов. Очевидно, здесь уже на раннем этапе имели место интенсивные контакты этих разных в культурном отношении групп. Следует также объяснить, какую роль в ее генезисе сыграла и культура штрихованной керамики. Дело в том, что есть серьезные основания говорить об эволюции культуры штрихованной керамики в банцеровскую. Это было прослежено А. Г. Митрофановым на материалах раскопок городищ Лобенщина, Старо-Руденское, Васильковское и др.

Этнос носителей банцеровской культуры большинство исследователей совершенно справедливо определяют как балтский. Об этом свидетельствуют, прежде всего, бесспорные генетические связи между банцеровско-тушемлинскими памятниками и предшествовавшими им, безусловно, балтскими древностями раннего железного века. При этом отсутствует генетическая преемственность между банцеровской и славянской культурами древнерусского времени.

Исследования В. Б. Перхавко показали, что весь вещевой материал из памятников типа Тушемля-Банцеровщина отличен от славянского, но характерен для балтских культур раннего железного века. Он близок также соответствующим материалам средневековой Литвы и Латвии.

Несмотря на это, некоторые исследователи полагают, что уже с V в. на этой территории фиксируются и славянские культурные элементы. Указывают, например, что распространившиеся в банцеровской культуре печи-каменки в углу землянок и построек, в которых отсутствует опорный столб в центре, характерны именно для славян. Отмечают также сходство со славянскими некоторыми вещевыми находок. Правда, оценка этих явлений у одних ограничивается констатацией культурных влияний или признанием некоторой инфильтрации славян в балтскую среду. Другие же прямо называют банцеровскую культуру славянской и даже прабелорусской, будто бы положившей начало формированию белорусского этноса.

Однако сама интерпретация некоторых материалов банцеровско-тушемлинской культуры вызывает сомнение. Так, Замковая гора у д. Деделовичи отстоит довольно далеко от славянского ареала. Что касается жилищ, то топография поселка, раскинувшегося на склонах горы, вынуждала при сооружении построек выравнивать пол и врезаться в сторону возвышения. Поэтому жилища Замковой горы нельзя называть полуземлянками или тем более землянками. Так считал и сам исследо-

ватель этого памятника А. Г. Митрофанов. К тому же большая часть построек имела срубную конструкцию стен, что для славян не характерно.

Что же касается печей-каменок, то, по-видимому, еще предстоит уточнить, действительно ли они присущи только славянам.

Важно то, что славянской керамики на Замковой горе нет. И хотя А. Г. Митрофанов как-то обмолвился, что без славян здесь не обошлось, вещевой славянский материал, в том числе самый элементарный бытовой, на поселении не выявлен.

Указывая на «инфильтрацию» славян, В. В. Седов предпочитает говорить о подселении их к балтскому населению банцеровских поселков. Отсутствие в этой культуре славянских керамических материалов он объясняет довольно оригинально. По его мнению, сюда просачивалось только мужское славянское население, которое потом вступало в брачные союзы с местными женщинами. Этим он объяснял происхождение некоторых находок, возможно, связанных со славянами: жернова (Замковая гора, Тушемля), высокие биконические пряслица с небольшим отверстием, железные шпоры с коническим шипом, втульчатые двушипные наконечники стрел, а также ножи с валетообразными навершиями рукояти. Но находки некоторых вещей легко могут быть объяснены связями с древними культурными центрами нижнего Подунавья. Ведь в верхнеднепровских памятниках встречаются и предметы крымского происхождения, и вряд ли кто решится на этом основании утверждать об инфильтрации в состав племен этого региона населения из Крыма.

Основной комплекс банцеровской культуры по своему характеру местный, балтский. Особенно красноречиво об этом свидетельствует керамика, которую археологи традиционно рассматривают как наиболее надежный критерий для установления этнических общностей. Попытки объяснить отсутствие славянской керамики в банцеровских комплексах инфильтрацией в балтскую среду только славян-мужчин неубедительны. В конце концов, сам В. В. Седов вынужден был признать, что для утверждения о начале славянизации днепровских балтов в VI–VII вв. «каких-либо фактических данных нет».

Традиционно банцеровскую культуру датируют третьей четвертью I тыс. н. э. Конкретно называют VI–VIII вв. Однако верхняя дата нуждается в уточнении. И если это пока не удастся сделать на основании находок, то вряд ли кто будет возражать против того, что культура доживает, по крайней мере, до расселения на ее территории славян. Наиболее же надежной датой широкого расселения славян севернее Припяти следует считать вторую половину IX–X вв. Видимо, до этого времени следует доводить и банцеровскую культуру.

8.2. ПЛЕМЕНА КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники колочинской культуры занимают область гомельско-могилевского поречья Днепра, северо-восточного Подисенья, верховьев Сулы и Псла. Известна она по поселениям и погребениям.

Культура названа по имени городища близ поселка Колочин в Речицком районе Гомельской области, которое было полностью раскопано в 1955–1960 гг. Э. А. Сымоновичем (рис. 39).

Население жило в основном на селищах. Но, как и в банцеровской культуре, нередко возле селищ располагались городища-убежища.

В Могилевской области памятники этого типа раскапывались Л. Д. Поболем близ деревень Щатково, Тайманово, Нижняя Тошица. За

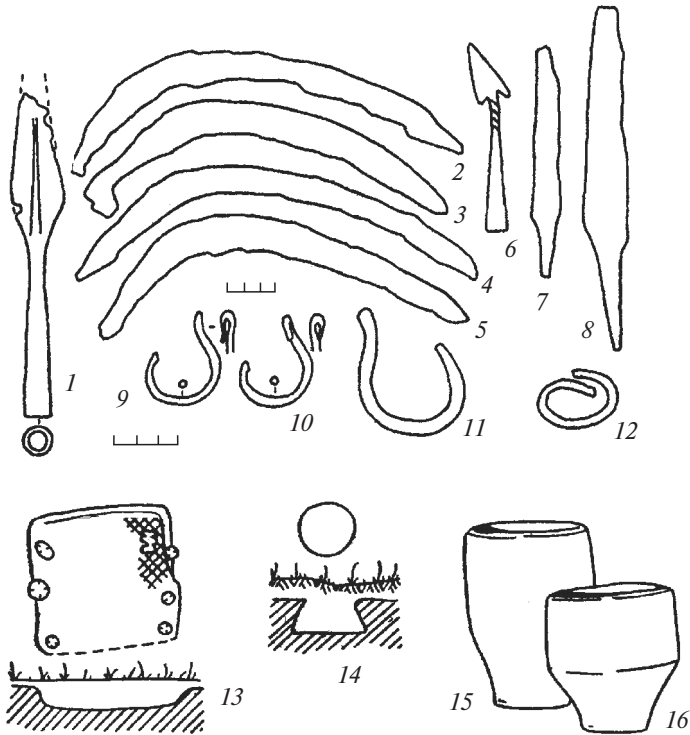

Рис. 39. Материалы колочинской культуры:
1 – наконечник копья; 2–5 – серпы; 6 – наконечник стрелы; 7–8 –
ножи; 9–12 – кольца; 13 – план и профиль жилища; 14 – разрез
погребения; 15–16 – сосуды

пределами Беларуси колочинские поселения исследовались П. Н. Третьяковым и другими в Смольянах, Колодезном Бугре, Заярье.

В Смольянах, судя по скученности построек, на селище проживала одна патриархальная община, которая вела неразделенное хозяйство. В других случаях, возможно, селились общины, состоявшие из разных семей, не связанных между собой родством (территориальная, соседская община).

Изучены также могильники колочинской культуры. В Беларуси в начале XX в. они исследовались Е. Р. Романовым, в 20-х гг. — И. А. Сербовым, позже — Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболеем.

Обряд захоронений представлен трупосожжением на стороне с последующим погребением остатков кремации в круглых или овальных ямах диаметром от 0,3 до 1 м и глубиной от 0,1 до 0,65 м. Пережженные кости хоронились или просто в ямках, или в сосудах. В отдельных случаях сосуд перекрывался другим. Процент урновых погребений колеблется от 12 до 50 (иногда до 80).

Большая часть могильников содержала от 1 до 3 десятков погребений. Встречаются, однако, и крупные могильники (до 250 погребений).

Погребальный инвентарь беден и в основном представлен керамикой. В колочинской культуре выделяются четыре типа сосудов: тюльпановидные, цилиндроконические, ребристые и банковидные или конусовидные, почти не профилированные. Встречаются также миски, сковородки и глиняные диски.

Изделия из металла представлены различными орудиями труда (в Тайманове найден фрагмент железного сошника, в Колочине — серпы, обломок косы), деталями одежды, украшениями.

Как видим, по ряду основных признаков колочинская культура очень близка к банцеровской. Именно поэтому некоторые исследователи объединяют их в одну. Разница заключается в типах жилищ. Познакомимся подробнее с самым значительным памятником этой культуры — Колочинским городищем. Поселение возникло на городище, сооруженном еще в зарубинецкое время. Крутой берег реки, обрывистый овраг и ложбина с трех сторон естественно укрепили мыс, ставший площадкой городища. Два высоких искусственных вала были насыпаны с napольной стороны. По краю площадки также шел вал, на котором были поставлены деревянные укрепления, сохранившиеся в виде бревен, положенных вдоль насыпи вала, а также ям от столбов.

Городище имело два входа — главный и запасной, оба из предосторожности устроены над крутыми обрывами берега. Возле входа обнаружены очаги, у которых, по-видимому, согревалась стража, а на месте навесов мостков крепостной стены — множество сосудов, предназначенных для

хранения пищи и питья на случай осады. В некоторых из них сохранились остатки обгоревшего проса и чечевицы. По краям городища располагались хозяйственные ямы-кладовки, не связанные с постройками.

Отчетливых следов жилищ описываемого времени на городище не выявлено. Зато рядом с ним на раскинувшемся у его стен селище было найдено несколько построек, дающих представление о типе жилищ этого времени. Это были полуземлянки почти квадратной формы, с песчаным полом, с печью в углу напротив входа. Вещевой материал, несмотря на значительность исследованной площади, оказался бедным и однообразным. Подавляющее большинство находок было сосредоточено по краям площадки городища.

Керамика вся сделана от руки. Тесто содержит примесь дресвы. Обжиг неравномерный. Посуда середины I тыс. н. э. представлена двумя типами. Наиболее многочисленную группу составляют почти непрофилированные горшки баночной формы удлинённых пропорций, без орнамента. Максимальная ширина тулова обычно приходится на среднюю часть сосуда. Дно узкое, почти цилиндрическое. На поверхности часто заметны следы заглаживания. Горшки различаются между собой размерами и степенью отгиба венчика.

Другая группа керамики имеет удлинённо-биконическую форму. Посуда иногда украшалась налепным горизонтальным валиком, покрытым косыми насечками. По тесту и цвету такие горшки ничем не отличаются от сосудов первого типа.

Сравнительно немногочисленные изделия из железа представлены ножами, шильями, пробойниками, земледельческими орудиями, рыболовными крючками, оружием. Представляет интерес клад из четырех серпов, по-видимому, спешно зарытых, а также фрагмент косы-горбуши.

Наконечник копья с удлинённой тонкой втулкой и ребристым пером имеет аналогии с копьями середины I тыс. н. э. Несколько более поздним временем датируется наконечник арбалетной стрелы с перекрученной втулкой. Судя по всему, население Колочинского городища вело крайне замкнутый образ жизни, занимаясь в основном земледелием и рыболовством.

Неспокойное время середины I тыс. наложило свой отпечаток на жизнь городища. По меньшей мере дважды оно подвергалось нападению. Дважды горели его укрепления. Окончательный разгром городища произошёл, вероятно, в конце VII—VIII вв. Эту дату подтверждают наконечник стрелы, найденный на площадке городища, и серпы, зарытие которых, очевидно, следует связывать с событиями, приведшими к разгрому поселения.

Пришельцы принесли иную культуру. Их керамика, найденная в постройке на селище, относилась к кругу роменско-боршевской культуры. Это плечистые горшки, украшенные по венчику и плечикам «гусеничным» орнаментом или треугольниками, и сковородки. По мнению исследователя описываемого памятника, преемственности между культурой середины I тыс. н. э. и роменско-боршевской на материалах из Колочина не прослеживается, что позволяет говорить о смене населения.

Рядом с городищем располагалось селище, занимавшее территорию около 1 га. Население в основном проживало на нем. Здесь выявлено характерное для этой культуры жилище полуземляночного типа, углубленное на 0,35 м в землю и имевшее размеры 3,85×3,8 м. Стены — столбовой конструкции. В центре жилища располагался столб, поддерживавший перекрытие. Наличие в большинстве колочинских построек центрального столба позволяет реконструировать их крышу как четырехскатную. Очаги располагались в центре, но были чуть сдвинуты к южной половине.

Определение этноса носителей колочинской культуры связано с установлением ее генетических корней и отношения к достоверно славянским памятникам. Большинство исследователей выводит колочинскую культуру из местных предшествующих культур. В некоторых элементах этой культуры (в частности, в керамике) отмечается преемственность с послезарубинецкими памятниками. Относительно же этноса ее носителей мнения расходятся. Так, П. Н. Третьяков относит колочинскую культуру к славянам на том основании, что, по его мнению, она имеет генетическую связь со славянскими памятниками VIII—X вв. Правобережной Украины.

Однако, по мнению других исследователей, четкой генетической связи между ними нет, и поэтому будет правильнее отнести эту культуру к дославянским древностям. На это указывает также ее несомненное родство с банцеровской культурой.

В определении хронологии культуры, по-видимому, как и по банцеровской, нужны уточнения. Э. А. Сымонович определяет верхнюю дату колочинской культуры временем разрушения славянами Колочинского городища. Как он думал, это произошло в VIII в., когда на месте колочинского селища появился славянский поселок.

Между тем расселение славян к северу от Припяти датируется не VIII, а, по меньшей мере, концом IX или, что более вероятно, X в. К тому же следует иметь в виду, что археологические культуры не исчезают сразу же после появления нового населения, и, если местное население не было предварительно вытеснено, необходимо некоторое (иногда достаточно длительное) время для смешения или ассимиляции старого населения

новым. Поэтому, думается, что колочинская культура, как и банцеровская, прекратили свое существование приблизительно в одно время, т. е. не ранее конца IX или в X в. Этой дате не противоречит и славянская керамика, найденная на Колочинском селище, ибо она датируется VIII–X вв., и принимать только ее раннюю дату будет неоправданно.

8.3. ПЛЕМЕНА КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Культура длинных курганов занимает значительную территорию: среднее течение Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье р. Великой около Псковского озера. Ее памятники имеются в Восточной Латвии и даже в Эстонии.

Название культуры связано с видом погребальных сооружений – невысоких валообразных насыпей, внутри которых или под ними помещались остатки кремации с довольно бедным вещевым инвентарем.

Изучение длинных курганов в Полоцко-Смоленском регионе проводилось в конце 20-х гг. XX в. белорусскими археологами А. Н. Лявданским и С. А. Дубинским. В конце 30-х гг. несколько удлиненных курганов около деревень Поречье и Черневичи были раскопаны Е. и В. Голубовичами. В 50-х гг. длинные курганы исследовались А. Г. Митрофановым около д. Гуры на р. Сервечь. Позже он исследовал курганы под Полоцком. Несколько длинных курганов раскопал Г. В. Штыхов. На Смоленщине большие исследования памятников культуры длинных курганов проводил Е. А. Шмидт. Могильники с длинными курганами располагаются чаще всего вдоль рек или озер.

Могильные насыпи бывают длинные и удлиненные. Реже встречаются круглые (сферические). Удлиненные курганы представляют собой невысокие в среднем до 1,5 м насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Под ними обычно на горизонте обнаруживаются трупосождения, совершенные на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высыпанные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом. Длинные курганы имеют вид вала, протяженностью до 80–100 м. Ширина их бывает 20 м и больше, высота 2 м.

Курганы длиной свыше 40 м известны в основном в Псковской земле. На Западной Двине и Смоленском Поднепровье они сравнительно небольшие.

Удлиненные и длинные курганы бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапециевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки (рис. 40).

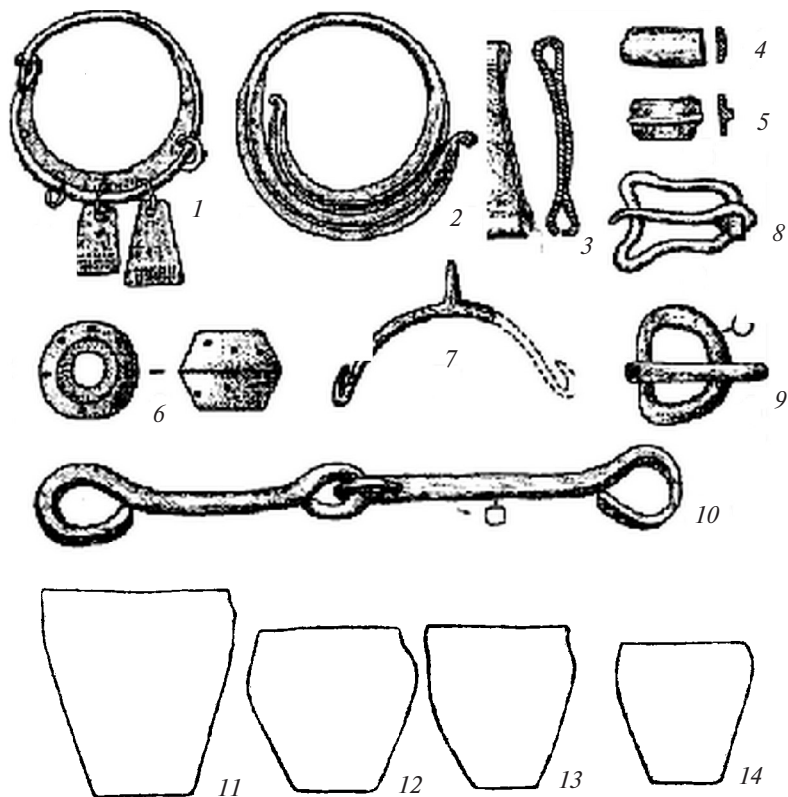

Рис. 40. Материалы культуры длинных курганов:

1-2 – височные кольца; 3 – звено от цепочки; 4-5 – бляшки; 6 – пряслица; 7 – шпора; 8-9 – пряжки; 10 – удило; 11-14 – сосуды

Число погребений в кургане колеблется от 2 до 16, при этом оно не зависит от длины кургана. Обычно сожжение умерших совершалось на стороне. Захоронение остатков кремации производилось по-разному. В одних случаях собранные с погребального костра кальцинированные кости без инвентаря или с поврежденными огнем вещами хоронились в основании кургана (иногда на невысокой подсыпке на ритуальных кострищах). В других – в курганной насыпи на специально выровненной площадке, покрытой тонким слоем красной глины. В третьих – в верхней части курганной насыпи.

Сожженные кости помещались кучкой в ямке размером от 0,3 до 0,8 м диаметром и от 0,18 до 0,5 м глубиной. Приблизительно половина

курганов содержит горшки (урны). В таких курганах остатки сожжения могли быть помещены в урне или в ямке, прикрытой урной. Встречаются и курганы, в которых урна с остатками сожжения перекрыта другим сосудом, поставленным вверх дном, как это было, например, в колочинских бескурганых захоронениях. Отмечены случаи захоронения в берестяных урнах или прикрытые берестой.

Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений, когда после очередных захоронений длина кургана увеличивалась. Однако позже В. В. Седовым было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи.

Долгое время наиболее приемлемой датой курганов считалось время с VII по IX в. Полагали, что древнейшие длинные курганы на территории Беларуси датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V–VIII вв. Там же между деревьями Машули и Шалтени раскопан длинный курган, датированный В-образными пряжками VI–VIII вв.

Несмотря на то что раскопки длинных курганов имеют уже длительную историю, вещевого материал из них не столь обилён.

Культура длинных курганов представлена не только одними погребениями, но и поселениями, которые изучены хуже. Сравнительно крупные раскопки были проведены на поселениях, оказавшихся позже в пределах некоторых древних городов (Полоцк, Лукомль, Псков).

Основным типом поселений были селища. Они имеют, как правило, небольшой культурный слой, что свидетельствует о недолговременности их функционирования. Жилые и хозяйственные постройки на них были наземными. Возле некоторых селищ имелись городища-убежища. Обычно использовались более древние городища, возникшие еще в раннем железном веке.

Вещевой материал известен преимущественно по раскопкам курганов. Он представлен керамикой, плитками от стеклянных бус, металлическими пряжками, бронзовыми застежками, браслетами и перстнями, трапециевидными привесками и височными кольцами, а также бляшками и другими металлическими принадлежностями поясного набора.

Орудия труда и предметы вооружения встречаются редко. В основном это ножи, серпы, удила, железные шпоры, наконечники копий и стрел.

Глиняные пряслица имеют битрапециевидную форму и отверстие большого диаметра.

Характерной находкой для смоленско-полоцкого региона являются височные украшения. Они подразделяются на три типа. Чаще других встречаются провололочные кольца с заходящими пластинчатыми конца-

ми. Имелись также пластинчатые височные кольца с расширенной нижней частью, на которую с помощью небольших проволочных колечек подвешивались трапециевидные привески, хорошо известные в балтских древностях раннего железного века. Распространены также небольшие (диаметром около 4 см) височные кольца из тонкой медной проволоки, один конец которых загнут внутрь кольца в спираль.

Довольно частой находкой в длинных курганах смоленско-полоцкой группы являются спиральки и ложноспиральные трубочки.

Керамика длинных курганов представлена лепными плоскодонными горшками со стенками, суженными ко дну. Они имеют округлые плечики и слегка отогнутый венчик. Реже встречаются сосуды баночной формы. Большая часть сосудов не орнаментирована.

В научной литературе по-разному интерпретируется этническая принадлежность носителей культуры длинных курганов. Их называли то славянами, то финнами, то литовцами.

Почти общепринятым было представление о славянском характере культуры. Эту идею разрабатывали такие выдающиеся археологи, как Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, В. В. Седов. В пользу этой идеи приводился целый ряд, казалось, убедительных аргументов. Исследователи отмечали некоторые черты сходства погребального обряда в длинных курганах и в пришедших им на смену в IX–X вв., несомненно, славянских, небольших сферических курганах с одиночными трупосождениями. Для тех и других были характерны ритуальные кострища, сохранявшиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Это обстоятельство, а также хронологическая сопряженность и территориальное совпадение области длинных курганов с ареалом, куда летописец помещает одну из восточнославянских группировок кривичей, дало основание связывать длинные и удлинённые курганы со славянским племенным союзом кривичей.

Наиболее развернутую аргументацию в пользу славянской принадлежности племен культуры длинных курганов и отождествления их с летописными кривичами приводил в своих работах В. В. Седов.

По мнению этого исследователя, кривичи развились на иной славянской основе, нежели другие восточнославянские группировки. К середине I тыс. н. э. наметилась территориальная обособленность кривичей от остальных восточнославянских групп, что в конечном итоге и определило несхожесть культуры длинных курганов с культурами (или культурой) других восточнославянских группировок. Исследователь сформулировал гипотезу о возникновении кривичей на базе венедской славянской группировки. Выйдя оттуда, они расселились на Псковщине, в Верхнем Поднепровье и Подвинье и смешались с местными бал-

тами. При этом ему представлялось, что древнейшие длинные курганы расположены в псковском регионе. Дальнейшую историю кривичей как носителей культуры длинных курганов В. В. Седов связывал с колонизацией ими смоленского Поднепровья и полоцкого Подвинья, куда они, как ему казалось, проникают приблизительно в VII в. н. э. При этом смешение с местными балтами началось на позднем этапе существования длинных курганов, о чем свидетельствует, как представлялось исследователю, отсутствие в ранних курганах балтских вещей.

Однако в области прибалтийских славян длинных курганов нет, как нет и явных свидетельств переселения оттуда каких-либо групп, которых можно было бы связать с длинными курганами. Приводимое В. В. Седовым наблюдение А. Г. Митрофанова, что на многих понеманских городищах обнаруживаются следы пожарищ, которые В. В. Седов связывает с разорением этих поселений продвигавшимися через Понеманье племенами культуры длинных курганов, тоже нельзя признать убедительным. Ведь в таком случае невозможно объяснить, почему прошедшие через Понеманье «кривичи» не оставили здесь длинных курганов. Их здесь тоже нет. Таким образом, поиски исходной территории формирования кривичских племен как носителей культуры длинных курганов за пределами их позднейшего расселения не увенчались успехом.

Поддержанный большими научными авторитетами и обеспеченный солидной литературой традиционный взгляд на культуру длинных курганов и ее место в истории славян, по нашему глубокому убеждению, должен быть пересмотрен. Еще в XIX в. высказывались иные точки зрения по поводу этнической принадлежности носителей культуры длинных курганов. Но тогда материалов для их научного обоснования было недостаточно. Поэтому к ним следовало относиться как к возможным альтернативам господствовавшему представлению. Теперь мы располагаем фактами, которые позволяют, с одной стороны, подвергнуть критике существующие концепции, с другой — предложить и обосновать иное решение. На некоторые уязвимые места существующих концепций мы уже указывали. Заметим также, что мнение В. В. Седова о проникновении в область Верхнего Поднепровья и Подвинья, как ему представлялось, какой-то отделившейся славянской группировки с длинными курганами раньше, чем славяне, распространились в более южных от них областях Беларуси, не только не подтверждается лингвистическими данными, но, напротив, опровергается ими.

Славянские гидронимы севера и центра Беларуси более молодые по своему образованию, чем гидронимы к югу от Припяти, что говорит о более позднем заселении славянами северных районов.

Гидронимика свидетельствует, что заселение славянами севера Беларуси и Смоленщины имело место уже после того, как отделившаяся

от своей прародины группа славян постепенно эволюционировала в восточных славян. Иными словами, это были не ранние славяне с общеславянским языком, а представители новой ветви славян — восточные славяне, что предполагает немалый временной период, который потребовался для языковых преобразований. За своими плечами они имели немалый период отдельного существования, в течение которого у них успели сформироваться новые, присущие уже восточным славянам лингвистические структуры, получившие отражение в речной номенклатуре Верхнего Поднепровья.

Славяне никак не могли появиться на севере Беларуси раньше, чем они появились в VI в. южнее Припяти с общеславянской культурой пражского типа.

Нельзя не обратить внимания и на почти полное совпадение ареалов длинных курганов и предшествовавших им памятников днепродвинской культуры, балтская принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений. Вспомним также, что в течение всего периода своего существования культура длинных курганов была отделена от славянской культуры южной Беларуси широкой полосой балтских культур — банцеровской и колочинской.

В свете новых раскопок культура длинных курганов оказалась более древней, чем предполагалось, и сформировалась тогда, когда славяне еще не проникли в занимаемый ею регион. Так, раскопанный около д. Янковичи в Россонском районе длинный курган, содержащий три кремнированных захоронения, датируется V—VI вв. н. э. Именно к этому времени относятся найденные в нем бронзовые бляшки-скорлупки. К этому же времени относятся и материалы из длинного кургана около д. Дорохи Городокского района Витебской области. Следовательно, культура длинных курганов начала формироваться задолго до того, как на этой территории появились славяне. Хронологически она продолжает существовавшую здесь днепродвинскую культуру раннего железного века и имеет глубокие местные генетические корни. Этот сюжет нуждается в дальнейшей научной разработке, но связь длинных курганов с культурами балтского круга очевидна.

Абсолютная несхожесть материалов из ранних длинных курганов с синхронными славянскими материалами никак не позволяет отождествлять культуру длинных курганов со славянами. С другой стороны, материалы свидетельствуют о глубоких местных корнях этой культуры, развившейся на местной балтской основе. Так, мы уже упоминали о некоторых типичных балтских предметах в длинных курганах. Отметим также находки украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью, которые считаются типичными для балтских древностей.

Раскопки Е. А. Шмидта могильника около д. Акатово на Смоленщине показали генетическую связь длинных курганов VII в. с более ранними грунтовыми погребениями с культурой типа Тушемля-Банцеровщина.

Наконец, сильным аргументом в пользу предположения о генетической связи культуры длинных курганов с ее местными культурными предшественниками является совпадение ареалов культуры с областью распространения памятников днепродвинской культуры раннего железного века, которая предшествовала здесь длинным курганам. Надо заметить, что в днепродвинской культуре очень сильно ощущается финно-угорский субстрат (наличие в течение длительного времени текстильной керамики), который проявил себя и в культуре длинных курганов (распространение шумящих привесок), что послужило основанием для некоторых исследователей отнести культуру длинных курганов к финно-угорскому этносу.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что 1) длинные курганы появляются уже к VI в., задолго до прихода на эту территорию славян; что 2) ранние из них генетически восходят к местным балтским верхнеднепровским культурам; что 3) возникновение их может быть объяснено местным этнокультурным материалом, без ссылок на славянское влияние.

Как и ее более южные соседи с банцеровской и колочинской культурами, носители культуры длинных курганов были балтами и дожили до прихода сюда славян. В X в. в длинных курганах появляются типичные славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей длинных курганов со славянами.

В X в. на смену длинным курганам пришли круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всего остального славянского мира Восточной Европы. Этим веком можно условно датировать окончание функционирования культуры, хотя реально процесс смешения балтов со славянами в отдельных местах мог затянуться и на более длительный период. Такова была этническая ситуация на территории Беларуси к северу от Припяти накануне образования Киевской Руси.

8.4. ОБ ИМЕНАХ СЕВЕРНЫХ СОСЕДЕЙ СЛАВЯН

Есть убедительные основания говорить о том, что русская летопись сохранила, пусть и в трансформированном виде, имена своих северных соседей и позволила предложить их реконструкцию. В XI в., когда составлялся летописный свод, этих племен уже не было. Но воспоминание о них сохранилось в названиях жителей некоторых областей Западной Руси. Так, практически до XII в. жителей полоцкой и смоленской земель

летопись нередко называла кривичами. Легко заметить, что славянам в этом регионе предшествовали носители культуры длинных курганов. Население белорусского Посожья называли радимичами. Им предшествовали здесь носители колочинской культуры. Область между Припятью и Западной Двиной русская летопись отводила дреговичам. Им предшествовали здесь носители банцеровской культуры. Такое территориальное совпадение летописных этнонимов и археологических культур предшествовавшего Руси периода не могло быть случайным. И хотя названия «кривичи», «радимичи» и «дреговичи» выглядят вполне славянскими, их корневая основа не связана со славянским языком. Понять историю их возникновения позволяют лингвистика и археология.

Лингвисты предложили убедительные объяснения происхождению этих этнонимов.

Более убедительным и правдоподобным представляется предположение лингвистов, что очень схожими именами с этнонимами «кривичи», «дреговичи», «радимичи» называли себя до прихода сюда славян некоторые местные племена и что их названия в несколько измененной форме перешли позже на поселившихся здесь славян. Так, по мнению Г. А. Хабургаева, этноним «дреговичи» представляет собой славянизированную форму имени, которое могла иметь одна из групп древнего балтского населения. Так, в литовском языке и сейчас много слов с корнем, который имеется в этнониме «дреговичи» (*dregnas* — влажный, *dregme* — сырость). Имя «радимичи» тоже можно вывести из балтского языка. Ближе к нему литовское слово «*radimas*» (нахождение), «*radimiete*» (местонахождение).

Подобным образом название «кривичи» Б. А. Рыбаков связывал с именем литовского верховного жреца Кривее — Кривейте. По Хабургаеву, оно связано с особенностями местности — холмистой или «кривой». Это принимает и М. Ф. Пилипенко. Вероятнее всего, однако, этноним «кривичи» тоже развился из названия местного балтского племени, которое могло носить имя «крив» — «кривас», преобразованное затем славянами в «кривичи» добавлением славянского патронимического суффикса *-ичи*.

Заметим, что сам летописец рассматривал славянские этнонимы «кривичи», «дреговичи», «радимичи» как вторичные, появившиеся после расселения славян в Восточной Европе. Раньше все славяне называли себя одним общим именем — славяне.

Показательна в этом плане история с новгородскими словенами и полочанами. Упоминание их в числе древнейших восточнославянских группировок представляет собой результат поздней редакции текста летописи. В реконструированной Начальной летописи в перечне славян-

ских «племен» имена полочане и новгородские словени отсутствуют. Эти названия не этнические, а чисто географические, территориальные и связаны с названиями городов Новгорода и Полоцка.

Все это позволяет заключить, что местные балтские племена, обитавшие между Двиной и Припятью и оставившие банцеровскую культуру, называли себя, или свою землю, или и то и другое именем, которое можно реконструировать как «дрейгвас». Пришедшие сюда и расселившиеся между ними славяне называли местных жителей и их потомков более привычным для них славянизированным именем дреговичи, прибавив к балтскому именному корню славянское патронимическое окончание *-ичи*. Этим именем позже стали называть все население данной области, в том числе и славян, постепенно славянизовавших местное население. Подобным образом славяне, расселившиеся в верховьях Западной Двины и Днепра, где до них жили балтские племена с культурой длинных курганов и называвшие себя кривами или кривас (*krievās*), ста-

Рис. 41. Совмещение ареалов культур второй половины I тыс. н. э. и летописных восточнославянских групп

ли называть их и их потомков кривичами. Позже это название постепенно закрепилось и за славянами этой области. В Посожье, где до прихода славян обитали балты, оставившие колочинскую культуру и называвшие себя «радимас», славяне стали называть представителей местного населения и их потомков более привычным славянизированным именем радимичи. Это традиционное название народа и местности перешло постепенно и на самих славян, расселившихся на этой территории (рис. 41).

Полное совпадение локализации летописных имен с этнографическими областями балтов, обитавших здесь до появления славян, а также лингвистическое толкование этнонимов дают все основания называть носителей культуры длинных курганов кривасами, банцеровской культуры — доегвасами и колочинской культуры — радимасами или очень близкими к ним этнонимами.

8.5. ПОЯВЛЕНИЕ ВАРЯГОВ

Новый период отмечен появлением в Восточной Европе отрядов викингов, получивших в русских источниках имя «варяги». Первоначально этим именем, как думают, называли скандинавских купцов. Позже на Руси оно было распространено на всех выходцев из Скандинавии. В своем этногеографическом обзоре русская летопись называет в составе населения Скандинавии шведов, норманнов, гитов, готландов (жителей острова Готланд). В западноевропейских источниках скандинавы известны и под именем викингов. Однако на Руси за ними прочно утвердилось только имя «варяги». Никакой другой этноним для обозначения русских скандинавов летопись никогда и нигде не использует.

В «Повести временных лет» варяги представлены первоначально в роли рэкетиров, обложивших поборами некоторые народы Восточной Европы. По мнению ряда исследователей, это не означало постоянной зависимости этих народов от варягов. По аналогии с другими странами, где разбойничали норманнские отряды, это был, скорее, выкуп или разовый платеж варягам при их набегах. Как натуральные рэкетеры норманны изображены и в их собственных сказаниях-сагах, в которых рассказывается, как, наезжая на хозяйские дворы, они требуют от хозяев платежей, угрожая в случае отказа сжечь их постройки и посеvy.

В отличие от Западной Европы, появление варягов на территории Восточной Европы не носило характера широкой миграции с семьями и имуществом, а было похоже на эпизодические, но разорительные военные набеги. Об этом свидетельствует отсутствие типичных варяжских поселений на территории Восточной Европы. Целью варяжских рейдов

был сбор податей с местного населения и реализация награбленного на рынках. Прекрасно вооруженные варяжские воины были одновременно и торговцами. В их захоронениях нередко наряду с дорогим оружием, изготовленным лучшими оружейниками северогерманских городов, находят и небольшие складные весы для взвешивания золотых и серебряных монет, вырученных на восточных рынках.

Варяги были превосходными мореплавателями, а их суда представляли не только чудо судостроения, но и настоящие произведения искусства. На них они бороздили не только моря и реки Европы, Средней и Передней Азии, но и смогли достичь берегов Северной Америки. Памятники норманнов разбросаны по всему побережью Балтийского и Северного морей и открыты даже в Канаде. В Восточной Европе они освоили все основные речные пути. С именем варягов связан описанный в русской летописи знаменитый путь «из варяг в греки» по Днепру до Черного моря». По Волге можно было доплыть до Волжской Болгарии и, двигаясь далее по реке на юг, попасть в восточные страны. По Двине шел путь «в землю Варягов».

На территории Беларуси вдоль основных речных магистралей найдено множество кладов с восточными монетами. Большинство зарытых кладов принадлежало варягам. Их путешествия были связаны с немалым риском. Клады зарываются в землю, как правило, в случае опасности, и многие их владельцы так и не вернулись к своим сокровищам.

Пришедшие в Восточную Европу варяжские отряды столкнулись здесь с несколькими крупными племенными группировками. Летопись называет чудь, весь, водь, мурому, славян, кривичей и др. Все они занимали области севернее Припяти. Это дает основание предполагать, что варяги взаимодействовали только с ними. Сюда можно добавить земли, занятые банцеровскими племенами, о чем свидетельствуют находки скандинавских предметов. Напомним, однако, что названные летописью среди прочих народов Северо-Восточной Европы «славяне» не были этническими славянами, поскольку славяне до X в. сюда еще не пришли. Это могли быть финно-угорские племена, обитавшие в районе оз. Ильмень и известные по археологическим материалам как носители культуры новгородских сопок V–IX вв.

Не были тогда славянами и «кривичи», упомянутые летописью в связи с первыми варягами на территории Восточной Европы. Славянские племена – поляне, древляне, воляныне, северяне, уличи и тиверцы – все жили тогда южнее Припяти, и некоторые из них (поляне, северяне) платили дань хазарам. Об их контактах с варягами летопись ничего не говорит. Вероятно, в IX в. этих контактов еще просто не было.

В «Повести временных лет» под 859 г. помещено следующее сообщение: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со

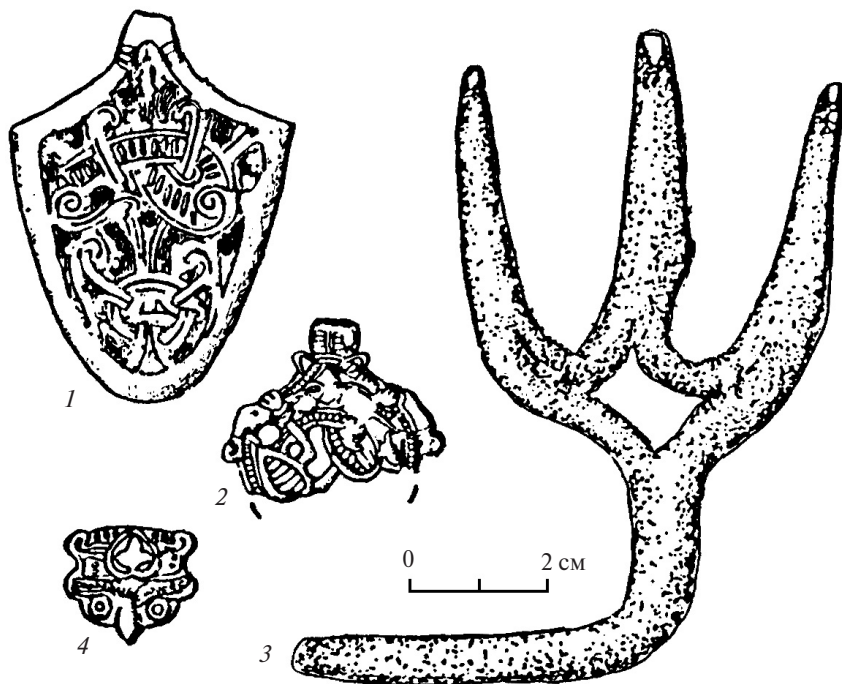

Рис. 42. Скандинавские предметы, найденные на территории Беларуси:
 1 – Франополь; 2 – Моисеевичи; 3 – Городище; 4 – Лемешевичи

всех кривичей, а хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке от дыма». В 862 г. чудь, «славяне», меря и «все кривичи» отказались платить варягам дань и изгнали их «за море». Однако воспользоваться в должной мере суверенитетом они не смогли, перессорились между собой. И «не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой». Тогда-то и было решено послать делегацию «за море», к одному из варяжских конунгов Рюрику. «Сказали чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший — Рюрик — в Новгороде, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий — Трувор — в Изборске».

Когда летописец спустя 150 лет после описанных событий составлял свой Свод, эта территория уже была заселена славянами. А какой была этническая ситуация в северных областях Восточной Европы в IX в.

было начисто забыто. Историческая память не зафиксировала хронологию этапов заселения славянами территории севернее Припяти.

До появления археологических источников в интерпретации рассказа «о призвании варягов» историки исходили из почти незыблемой убежденности, что славяне тогда занимали почти все пространство будущего древнерусского государства. Не возникало никаких сомнений в том, что славяне вместе с названными неславянскими народами сначала изгнали варягов, а затем, в 862 г., призвали к себе Рюрика и что приглашали его прежде всего славяне. Исходили из убеждения, что до Рюрика славяне представляли собой совокупность самостоятельных племенных союзов. Ученые буквально шли за текстом летописи. Но такое представление оказалось глубоким заблуждением, в основе которого лежало незнание реальной этнической ситуации, сложившейся в Восточной Европе к моменту описанных событий.

Сейчас, в результате археологических исследований, стало очевидным, что в это время не было еще славян севернее Припяти. После своего расселения из прародины они, как свидетельствуют данные археологии, до X в. локализовались на севере Украины и юге Беларуси и известны нам по культуре типа «Прага-Корчак», позже эволюционировавшей в Лука-Райковецкую.

На той территории, куда летописец помещает кривичей, т. е. на Западной Двине и в смоленском Поднепровье, продолжали обитать племена культуры длинных курганов, чья балтская принадлежность наиболее вероятна.

Не было тогда еще славян в районе оз. Ильмень и р. Волхов, куда помещает новгородских словен летописец. Там в это время обитали финно-угорские племена, оставившие культуру курганов-сопок. Летопись рассказывает, что поселившийся в Новгороде Рюрик после смерти своих братьев «стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро». Между тем многолетние археологические раскопки в том же Новгороде и Полоцке показали, что самые ранние славянские слои там относятся только к X в., а в Полоцке — даже ко второй половине X в. Как показали раскопки, в Полоцке древнерусскому городу предшествовало небольшое городище на р. Полоте, возникшее задолго до описываемых событий, еще в железном веке, как поселение балтской родовой общины.

Среди тех, кто приглашал Рюрика, не было ни полян, ни древлян, ни вольнян, ни северян, т. е. никого из славян, что жили южнее широты Припяти. Названы лишь народы, обитавшие далеко от славян на севере: чудь, меря, весь, а позже названы также воль и мурома. Упомянутые среди приглашавших варягов «кривичи» и «словяне» (новгородские

словене) тоже не могли относиться к славянскому этносу, ибо заселение славянами территории севернее Припяти, где летопись помещает и кривичей (Западная Двина и верховья Днепра), и словен (район оз. Ильмень), тогда еще даже не началось. Значит, остается предположить, что призывали Рюрика, если таковое вообще имело место, не славяне. Да и утвердился-то Рюрик со своими братьями сначала далеко на севере Восточной Европы.

Рассказ вызывает немало других вопросов. Например, почему Рюрик стал раздавать своим «мужам» города, расположенные только на севере страны, и ничего не построил в собственно славянских землях южнее Припяти? Более того, судя по последующим летописным сюжетам, он не только не управлял славянскими землями, но, похоже, даже и плохо знал о них, о чем свидетельствует рассказ об Аскольде и Дире.

При чтении этого отрывка также создается совершенно определенное ощущение, что поляне не управлялись варягом Рюриком; более того, выясняется, что Олег не был знаком ни с Аскольдом, ни с Диром, бывшими приближенными Рюрика. Отсутствие элементарной логики в рассказах летописи — одно из свидетельств их легендарного характера или небрежности составителей и редакторов.

Если эти события и имели место, то они обросли легендами в такой степени, что их можно принимать только условно, как очень искаженное освещение факта утверждения в земле полян варяжских предводителей, сначала Аскольда и Дира, потом — Олега.

Следует заметить, что не только поляне, но и другие восточнославянские группировки не признавали власти варягов, и Олегу пришлось подчинить их силой.

События, связанные с «призванием варягов», следует представлять себе в таком виде. Этническая и политическая ситуация накануне образования государства Киевская Русь с варяжской династией Рюриковичей характеризовалась разделением Восточной Европы на две зоны. Норманнские конунги, занятые восточной торговлей с Азией, обложили данью ряд местных неславянских народов: балтов и финно-угорские чудь, весь, воль, мерю, мурому. Все эти народы занимали области севернее Припяти (носители культуры длинных курганов, которых летописец называет кривичами, и смоленская голядь, а также, по-видимому, носители банцеровской культуры, которых летописец позже будет называть дреговичами). Другая часть неславянских племен Верхнего Поволжья и Поднепровского Левобережья (дославянские предшественники вятичей и радимичей), а также славянские группы северян и полян входили в зону влияния Хазарского каганата и платили дань его правителям. Граница между этими зонами проходила где-то по Днепру и Припяти.

Не выдержав варяжских поборов, перечисленные летописью северные племена сначала изгнали варягов, а затем, если верить летописи, вновь пригласили одного из них — Рюрика. Славян среди приглашенных не было. Изложенное в летописи начало Руси в значительной мере носит полуполюгендарный характер, поскольку летописцы не были современниками тех далеких событий. Их повествования были основаны на преданиях и записаны значительно позже самих событий. И хотя историческая память сохранила воспоминания о некоторых из них, восходящих чуть ли не к VI в., эти записи требуют очень осторожного подхода. В этих повествованиях нельзя исключать значительных отклонений от хода реальных событий в результате трансформаций первоначальных записей, которые они претерпели в последующее время. Можно, однако, утверждать, что до захвата Киева варяжским князем Олегом в 882 г. славянские земли не входили в состав территорий, над которыми установили свою власть варяжские отряды.

Глава 9

ЗАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ К СЕВЕРУ ОТ ПРИПЯТИ

Представление о том, что славяне были автохтонным населением Восточной Европы, по меньшей мере в пределах Киевской Руси, уже стало достоянием истории. Теперь очевидно, что славяне пришли в Восточную Европу за четыре столетия до возникновения Киевской Руси и освоили ее территорию не сразу. Сначала они заселили область между Днестром и Днепром. Здесь ранние славяне постепенно претерпели важные этнические перемены и сформировались в особую ветвь восточных славян. Та территория, включая юг Беларуси, стала прародиной восточных славян. Нам остается рассмотреть вопрос о следующем этапе расселения славян, с которым связан один из значительнейших периодов в истории восточных славян — эпоха Киевской Руси.

Изучив историю восточных славян периода, предшествовавшего возникновению Древнерусского государства, логично предположить, что территория, из которой начнется миграция славян в северном направлении, находилась там, где сложился восточнославянский очаг. Однако в истории изучения проблемы славянского расселения не все так однозначно. Исследователи предлагают разные решения. Правда, теперь можно выделить две научные позиции, заслуживающие того, чтобы быть рассмотренными. Одна исходит из того, что имелся один очаг славянского расселения в средней и северной частях Восточной Европы. Другие допускали существование, по меньшей мере, двух исходных территорий. Вспомним, что и летописец выводил восточных славян из двух мест: из Подунавья, откуда славяне пришли в область Среднего Поднепровья, и «из ляхов», что следует понимать как из-за Вислы или Буга, откуда он выводил вятичей и радимичей. Эту вторую позицию, не считая историков, прямо следовавших за летописью, когда других источников или еще не было, или они еще были недостаточны для решения подобных вопросов, занимал выдающийся археолог В. В. Седов. Он до

конца оставался сторонником славянской принадлежности носителей культуры длинных курганов и с ними связывал заселение славянами значительной части Восточной Европы, включая север Беларуси, Смоленщину и Псковщину.

Несмотря на то что в разное время этническая принадлежность носителей культуры длинных курганов определялась по-разному, больше всего аргументов выдвигается в пользу славянской атрибуции этих племен. Напомним важнейшие из них:

1) хронологически культура не только смыкается, но даже какое-то время функционирует в древнерусское время и на последней стадии существования длинных курганов (X в.) в них находят типичные древнерусские сосуды;

2) территориально культура совпадает с той областью, куда летописец помещал кривичей.

В. В. Седов, разделявший эти наиболее традиционные представления, посвятил немало работ, в которых пытался обосновать идею о миграции предков носителей длинных культур из одной из западнославянских областей в южной Прибалтике, предполагая существование у ранних славян нескольких разных археологических культур. Разные истоки славян, расселившихся на территории Восточной Европы, объясняют, по его мнению, наличие заметных культурных различий, которые наблюдаются у восточных славян в древнерусское время. И если восточнославянские группировки Южнорусских областей (древляне, волыняне и др.) формировались на основе пражско-корчакских племен, то некоторые группировки более северных областей (например, кривичи и ильменские словене) сложились на базе вenedской славянской группировки, смешавшейся после расселения с балтами Верхнего Поднепровья и Подвинья и финно-уграми в Поильменье [150, с. 108–120].

По В. В. Седову, вenedская славянская группировка, пройдя через территорию Верхнего Понеманья, сначала расселилась на Псковщине, а затем, спустя некоторое время, постепенно распространилась на территорию Северной Беларуси [147, с. 53–54].

Однако, как мы уже говорили, в Прибалтике нет длинных курганов. Не обнаруживается и существенных областных различий в раннеславянских памятниках Эльбо-Висланского междуречья. Нет также убедительных свидетельств прохода вenedских славян через территорию Понеманья. Наконец, представляется несомненным наличие глубоких местных корней культуры длинных курганов в Подвинье и Верхнем Поднепровье. Носители культуры длинных курганов не были славянами.

Другой позиции об истоках славянской миграции в более северные области Восточной Европы придерживался И. И. Ляпушкин. В его представлении, заселение славянами этих областей шло с юга, со Среднего

Поднепровья. К сожалению, исследователь не успел развить свою идею и обосновать ее конкретными материалами. Ему не хватало фактического материала. Такой материал был получен и обработан преимущественно в течение последних двух десятилетий и опубликован в указанных работах В. Н. Петрова, Ю. В. Кухаренко, И. П. Русановой. Теперь мы располагаем убедительными данными, позволяющими определить исходную территорию великой миграции восточных славян, понять ее причины, определить время и представить ход расселения и его последствия.

Очень ценные и неоспоримые материалы по проблеме исходной области славянского расселения в центре и на севере Беларуси получены белорусскими антропологами.

Последние комплексные антропологические исследования современного населения севера Беларуси позволили прийти к выводу, что миграция славян на эту территорию и заселение ими Поозерья и Подвинья шли через восточное Полесье, т. е. с юга.

Новое широкое расселение славян и освоение ими обширных пространств к северу от Припяти стало возможно в связи с историческими переменами в судьбах восточных славян, которые произошли в конце IX в.

9.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Новый этап в истории восточных славян наступил в конце IX в. Самым знаменательным событием стало возникновение государства Киевская Русь.

В 979 г. умер Олег. «Повесть временных лет» говорит, что у него был малолетний сын Игорь, которого перед смертью Рюрик передал на руки своему родичу Олегу. Олег стал княжить или по праву старшего в роду, что в те времена соответствовало принятому порядку наследования, или как регент при малолетнем наследнике, а потом, возможно, и как все сильный узурпатор. Во всяком случае, при своей жизни он не уступил власть Игорю, прокняжив 34 года, из них 31 — в Киеве.

Спустя три года, в 882 г., собрав, как свидетельствует русская летопись, большое войско из варягов, чуди, мери, веси, «кривичей» и «славян», направился вниз по Днепру и, взяв по пути Смоленск и Любеч, подплыл к Киеву.

О том, как развивались события далее, лучше судить по рассказу самого летописца, который мы приводим полностью. «И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что де “Мы купцы, идем к гре-

кам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, а когда вынесли Игоря, добавил: “Вот он — сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет матерью городам русским”»).

Рассказ о вокняжении Олега в Киеве столь же интересен, как и фантастичен, и во многом напоминает расхожую легенду или былинку. Скорее всего, и в основу летописного рассказа была положена опоэтизированная былина — довольно распространенная в те времена форма исторического повествования. Мы уже говорили о том, что необъяснимо, почему Олег ничего не знает о Киеве и сидевших там Аскольде и Дире, которые раньше представлялись летописцами как знатные мужи Рюрика. Не совсем ясно, почему Олег по пути в Киев с большим войском, в составе которого были кривичи, захватил Смоленск, посадил в нем своего наместника и наложил дань на кривичей, хотя в той же летописи Смоленск назван главным городом кривичей, а те, в свою очередь, подчинялись варяжскому князю. Еще более удивляет то, что Олег наложил дань и на свою главную вотчину — Новгород, о чем говорится дальше. Создается впечатление, что или летописец не смог разобраться в событиях, или правители некоторых областей решили выйти из подчинения варяжскому князю.

Как бы там ни было, утвердившись в земле полян, Олег быстро подчиняет себе ряд земель, как славянских, так и неславянских. Летопись последовательно перечисляет походы Олега в земли древлян (883 г.), северян (884 г.), радимичей (885 г.). Он подчиняет их и облагает данью. Причем выясняется, что до этого северяне и радимичи платили дань хазарам. Олег требует от них, чтобы они не делали этого, а платили ему, объявив: «Я враг их (хазар. — Э. З.) и вам им платить незачем».

Интересно отметить, что северяне (а также вятичи) платили дань хазарам, сообщает и хазарский источник IX в.

«И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал», — заключает русский летописец.

Как видим, здесь перечислены только часть восточных славян — полян и их ближайшие соседи. Следовательно, на этом этапе, если верить летописи и надеяться, что здесь дается не выборочный перечень подчиненных Олегу земель, он утвердил свою власть пока только над частью восточнославянских группировок. И это, наверное, похоже на правду. Может показаться странным, что здесь не названы ни кривичи, ни ильменские славяне, с которыми он вроде бы начинал свой поход на Киев.

Однако контроль над северной частью государства был установлен раньше, еще при Рюрике, и в данном случае летописца больше интересовал вопрос объединения под властью Олега славянских областей. Усилия по расширению и упрочению власти над обширной территорией, заселенной разноязычными группировками, продолжались, и не без успеха. Об этом можно судить на основании летописной записи под 907 г., которая рассказывает о походе Олега на Царьград. В поход он взял с собой «множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев».

Использованный в списке участников похода этноним «славяне» не мог означать славян вообще, это не был общеславянский этноним. Если бы это было так, то не было бы необходимости, наряду с ним, называть полян, древлян и других славян. Достаточно было ограничиться одним именем «славяне». Следовательно, под именем «славяне» здесь обозначена одна из конкретных группировок. Для летописца, не знавшего этнической истории славян, этим этнонимом именовалась новгородская группировка славян. Но такое будет позже, когда сюда придут и расселятся славяне. Во времена же описанных событий славян в этом регионе еще не было, и об этом убедительно говорят археологические материалы. Под именем «славян» здесь следует понимать носителей культуры новгородских сопок, которые относились к финно-уграм. Подобным образом, под определением кривичей и радимичей следует подразумевать представителей местного балтского населения, соответственно носителей культуры длинных курганов и колочинской. К балтам следует причислить и «вятичей» на Оке. Нескольким неожиданным представляется упоминание дулебов. Это старый этноним, который позже был заменен на бужан или волянян. Обращает на себя внимание строгий порядок, в котором перечисляются участники похода. Создается впечатление, что автор держит перед собой карту и называет народы в том порядке, в каком они расположены на карте. Сначала он называет группы, занимавшие северные области державы (варяги, славяне, чудь, кривичи, меря), затем — более южные группы (древляне, радимичи, поляне, северяне, вятичи) и, наконец, — занимавшие еще более южные области (хорваты, дулебы, тиверцы). Заметим, что «славяне» названы вместе с варягами, которые, по словам летописца, были первыми «насельниками» Новгорода. Это как бы косвенно подтверждает наше предположение, что «славянами» здесь названы племена, жившие в районе оз. Ильмень и р. Волхов (носители культуры курганов-сопок).

Древнерусское государство с самого начала было полиэтничным. Разноязычное войско Олега условно состояло из 13 отрядов: один был варяжский, шесть — славянских (поляне, древляне, северяне, дулебы, хорваты, тиверцы), три — балтских («кривичи», «радимичи», «вятичи»)

и три – финно-угорских (чудь, меря, «ильменьские славяне»). В перечне не названы уличи, дреговичи, воль, весь. Столь обширный список участников похода 907 г. позволяет заключить, что в войске Олега варяги уже не могли составлять большинства. На первый план, несомненно, вышел славянский элемент. В земле славян находилась столица государства, и князь должен был опираться на местное славянское население. Материалы раскопок дружинных курганов X в. убедительно свидетельствуют о том, что в составе княжеского войска свыше 90 % составляли восточные славяне.

Утвердившись в Киеве, Олег крепко держал власть и над северной частью страны, привлекая местную неславянскую знать к военным походам. Это обстоятельство позволяло вовлечь родовую знать в сферу общих экономических и политических интересов, поскольку военные походы, как правило, сопровождались либо откровенными грабежами, либо выкупом, либо тем и другим. Часть военных трофеев перепадала всем участникам таких походов. Такая форма обогащения была невозможна для маломощных племенных группировок, отсюда – прямая заинтересованность формирующегося класса феодалов (племенная знать, родовая дружина) в существовании большого и сильного государства.

Совместные военные походы, лагерная жизнь сближали разноэтничную знать, заставляли находить и использовать общий язык межэтнического общения. Таким общим языком становился восточнославянский (древнерусский) язык. Это облегчало распространение славянского языка среди неславянских племен в составе Древнерусского государства, прежде всего среди знати, способствовало ее славянизации. В скором будущем это будет содействовать постепенному расселению и закреплению славян на всей остальной территории государства.

Если верить летописи, византийский поход 907 г. оказался удачным, и Олег получил дань, в том числе и отдельно на ряд городов, из которых названы Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч, «ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу».

Кажется несколько странным, что среди них отсутствуют такие города, как Новгород и Смоленск. Ведь представительство отдельных земель Руси в войске было намного шире. Станным и нелогичным видится также и то, что в числе городов, в которых сидят подвластные Олегу князья, назван Киев – столица государства и резиденция самого Олега. Это или небрежность автора, который неточно передал содержание документа, или – позднейшая вставка в текст летописи.

Киевские князья столкнулись со сложной проблемой сохранения своей власти на обширной территории, населенной различными этносами. Регулярный сбор дани, который князья осуществляли по старой традиции наездов, необходимо было сделать более эффективным и на-

дежным. Требовалось, насколько это было возможно в тех условиях, обеспечить повсеместное и регулярное государственное присутствие. Для осуществления такой цели киевские князья стали основывать на территории всей страны погосты, первоначально предназначенные для сбора дани. О строительстве таких пунктов княгиней Ольгой сообщает русская летопись. В условиях неспокойного окружения, по-видимому, потребовалось обеспечить их безопасность. Погосты стали превращаться в укрепленные «грады» — зародыши будущих городов. Теперь эти «грады» были не только местами сбора дани, но и выполняли военно-административную функцию. Однако их нужно было заселить надежными и верными киевскому князю людьми. Ославянившиеся князья, окруженные славянской дружиной и ориентированные на славянскую часть населения страны, стали заселять «грады» славянами («рускими»). Этим, по-видимому, и объясняется феномен, подмеченный арабом Гардизи, записавшим, что на Руси жители городов и сельской местности говорят на разных языках. Очевидно, речь идет о городах, расположенных в неславянской части страны. Надо полагать, что политические интересы положили начало расселению восточных славян за пределы начальной славянской этнографической области государства.

В исторической науке образование некоторых государств связывают с вторжением в страну завоевателей. «Теорию завоеваний» привлекают и к объяснению истории возникновения Киевской Руси. Но связанные с завоеванием примеры возникновения государств обычно отмечены большими миграциями нового населения, которые значительно меняли этническую структуру страны. Русь не знала массовой норманнской миграции, и смены населения в связи с появлением их на Руси не было. Занявший киевский стол Олег не мог изменить этническую структуру обширной страны. Он только заменил в ряде областей строптивых правителей. Варяжская дружина и ее предводители, стремившиеся к обеспечению надежных торговых операций с богатой Византией, объективно помогли части славян освободиться от власти хазар, и сложившаяся политическая ситуация определила, если верить летописи, утверждение на киевском столе у полян сначала Аскольда и Дира, а затем — Олега. Но свои княжения, пусть и зависимые от хазарского кагана, были и у других славянских групп, иначе у Олега и его преемников не было бы повода совершать против них походы и устанавливать над ними свою власть. Возникновение государства — это естественный и закономерный исторический процесс, подготовленный предшествующим экономическим и социальным развитием общества. Следовательно, когда речь идет об утверждении в Киеве Олега, то имеется в виду не столько факт возникновения русской государственности вообще (она была уже и во времена Кия), сколько объединение разрозненных славянских княжений

Рис. 43. Русь к концу X в.

и включение их в общее политическое пространство, куда входили и другие народы Восточной Европы. Очень скоро в рамках обширного и уникального полиэтничного государственного образования ведущую

роль приобретет славянский этнос, и Киевская Русь превратится в крупнейшую в Европе славянскую державу (рис. 43).

В конечном итоге утверждение Олега на киевском престоле мало чем отличалось от обычного для той и последующей поры приглашения на трон представителя другой страны. Сущность страны от этого не менялась. Этнический и социальный состав Руси от того, что во главе страны стал варяг, не изменился.

Русь возникла как объединение различных племенных союзов, как славянских, так и неславянских, подчиненных одному общему князю. Такой союз мог быть жизнестойким, если пребывание в нем предоставляло племенной знати определенные выгоды и удобства. Такой положительной стороной объединения стало, в частности, прекращение междоусобиц, о которых писала летопись и которые стали причиной приглашения князя со стороны.

Вторым привлекательным моментом была, несомненно, возросшая возможность для местных князей и племенной знати участвовать в грабительских походах и получать от этого свою долю награбленных богатств.

Третий стимул для пребывания племенных групп в составе большого и сильного объединения это – возможность участия местной знати в международной торговле, опыт которой уже имелся у скандинавов.

С ростом имущественного неравенства и возникающих на этой почве социальных противоречий знать была заинтересована в защите своих привилегий от остальной части соплеменников. Такой защитой могла стать княжеская власть, располагавшая военной силой.

У молодого государственного объединения появились внешние и внутренние функции. В первые годы существования Киевской Руси верховные князья пытались продолжать привычную для того времени практику военных походов, унаследованную от эпохи военной демократии. Олегом и Игорем было организовано два похода на Константинополь. Но время было уже другое, да и противник был не тот. Более эффективным и надежным источником обогащения стала широко организованная торговля.

Экономические причины оказались главными при создании и укреплении государства. Сначала были установлены торговые связи со странами Востока. Потом появился интерес к торговле на юге через днепровский путь.

Этот торговый путь в Византию трудно было контролировать из Новгорода, где находилась резиденция князя. Новые цели и открывающиеся перспективы побудили Олега двинуться на юг и закрепиться там.

Захват Киева был важным этапом в осуществлении планов Олега. Киев для этого был наиболее удобным местом. Он был известным историческим центром одной из славянских групп. По своему географическому месторасположению Киев мог стать наиболее удобным, своего рода перевалочным пунктом для широко организованных торговых операций.

Организация торговли с богатой Византией на государственном уровне, функционирование знаменитого торгового Пути из Варяг в Греки стало выдающимся событием в истории Руси, наложившим отпечаток на различные стороны ее жизни.

Об этом периоде рассказывает интереснейший документ – сочинение византийского императора Константина Багрянородного (911–969 гг.), известный под названием «Об управлении государством». Константин Багрянородный был современником первых киевских князей и повествует о событиях первой половины X в. Документ настолько важен, что лучше привести некоторые фрагменты из него целиком. «Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдые, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов (вероятно, древляне. – Э. З.), Другувитов (дреговичи. – Э. З.), Кривичей, Севериев (северяне. – Э. З.) и остальных Славян, платящих дань Руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодеревки, как сказано выше, снаряжаются и отправляются в Романию (Византию. – Э. З.)» [203, с. 127].

В трактате подробно рассказывается, как собранный товар транспортировался в Константинополь. Именно в Киев по разветвленной днепровской речной системе, охватывавшей огромную территорию, прибывали нагруженные товаром суда. Киев расположен относительно близко к степям, в которых господствовали кочевники, постоянно опустошавшие своими грабительскими набегами южнорусские земли. Отсюда легче и оперативнее можно было организовать оборону южных границ государства и охрану торговой флотилии, направлявшейся в Константинополь через враждебные степи. Недалеко было и до хазар – политических и торговых конкурентов киевских князей.

Организованная на государственном уровне торговля с ее поражающими масштабами объединяла и связывала различные области Руси экономическим интересом. Великим последствием всех этих операций и процессов было сближение племенной знати всех областей Руси. Участвуя в длительных операциях, пребывая вместе, они вынуждены были естественным образом общаться на одном (русском) языке. Сближались областные культуры, все более наполняясь культурой славян. Формировался особый элитный класс имущих, связанный общими интересами, переходивший на единый славянский язык, сначала как на язык межэтнического общения, который естественным образом постепенно внедрялся в повседневную разговорную практику. Константин Багрянородный рассказывает о многомесечном пребывании киевских князей в северных областях не столько для сбора дани, сколько для технической подготовки к последующему долговому плаванию к византийским рынкам.

Длительное пребывание князей со своей дружиной, основную часть которой уже составляли русские, по-видимому, сопровождалось основанием особых поселений, где все они (князья, дружина, обслуга и пр.) размещались. Все это, несомненно, приводило к оседанию части русских в новых местах, что происходило по всей стране. Они обзаводились семьями. Их партнерами и союзниками становилась местная, все более славянизовавшаяся знать, воспринимавшая русскую культуру. Эти славянские очаги заложили прочную основу славянской колонизации края. Потом в новые, более спокойные места потянулось и славянское земледельческое население, особенно из южных районов, страдавших от постоянных грабительских набегов печенегов. Новые поселенцы отличались более высокой земледельческой культурой, обладали более совершенными сельскохозяйственными орудиями и были знакомы с развитой системой земледелия. Это был хороший пример для местного населения, получившего возможность прикоснуться к более высокой культуре.

При подобного рода культурных контактах создаются благоприятные условия для утверждения нового этноса и его доминирующей роли в процессе этнических смешений. Этот фактор в большой степени способствовал славянизации местного населения. Славянизация носила естественный характер и ее следует определять как естественную (ненасильственную) ассимиляцию.

9.2. О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ СРЕДНЕЙ И СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ

Начало широкого расселения восточных славян севернее Припяти археологически прослеживается по появлению сферических курганов, оставленных здесь славянским населением.

Они очень заметно отличаются от бескурганных грунтовых захоронений, присущих балтским племенам банцеровской и колочинской культур, длинных курганов полоцкого и смоленского Поднепровья и курганов-сопок более северных районов Приильменья. Это массовый и очень надежный материал.

Сферические курганы с остатками трупосожжений исследованы в Беларуси более чем в пятидесяти крупных могильниках. Керамика в них лепная и гончарная. В ряде случаев вместе с лепной керамикой находили арабские дирхемы первой половины X в. К сожалению, курганы с трупосожжениями очень бедны находками, что усложняет их точное датирование.

По заключению всех исследователей, проанализировавших результаты раскопок курганов в Беларуси, самые ранние из них представлены

трупосожжениями и датируются, как правило, X в., т. е. периодом, предшествовавшим крещению Руси. В XI и XII вв. они уже содержат трупоположения. Однако есть все основания датировать курганы с трупосожжениями на территории севернее Припяти не просто X, а концом X в.

Общепризнано, что принятие христианства повлекло за собой смену погребальной обрядности, практиковавшейся у славян до крещения. Это проявилось прежде всего в прекращении прежнего языческого обычая сжигать тело покойника и хоронить остатки кремации под курганами. Поэтому смену на первом этапе курганов, содержащих остатки трупосожжения (кремации), курганами с трупоположениями мы рассматриваем как показатель смены веры. Другого объяснения этому нет. Известно, что погребальный обычай принадлежит к числу устойчивых и консервативных элементов традиционной культуры. Поэтому даже несмотря на то что обычай хоронить в курганах еще продолжался длительное время, главная перемена свершилась.

Но вот что интересно: славянских курганов с трупосожжениями на территории Беларуси мало, и очень скоро они уступают свое место курганам с трупоположением. Например, в белорусском Побужье из 126 курганов, раскопанных Т. Н. Коробушкиной и частично И. П. Русановой, курганов с трупосожжением оказалось 14. При этом все они датируются X в.

Приблизительно то же происходило и в других местах. Так, в Посожье, где масштабы изучения курганов намного превосходили исследования такого рода в западных областях и поэтому мы располагаем более репрезентативной статистикой, было раскопано и проанализировано 897 курганов. Из них только 46 содержали трупосожжения.

Подобная картина в целом наблюдается и в северных районах Беларуси, в частности в полоцкой земле. Там, несмотря на достаточно сложную этническую ситуацию, когда еще не завершился процесс славянизации края, уже в X в., по наблюдению В. В. Седова, появляются первые курганы с трупоположениями. Выявленные кое-где переходные типы погребений, в которых присутствуют двойные захоронения — и трупоположения, и остатки кремации — единичны.

Ничтожно малое количество курганов с трупосожжениями при сравнении с количеством курганов с трупоположением может быть объяснено только тем, что славяне начали осваивать эту территорию незадолго до крещения Руси, и за время от появления их здесь и до времени крещения Руси в 988 г. курганы с трупосожжением здесь просто не успели накопиться в большом количестве. А это означает, что славянское расселение к северу от Припяти можно отнести к концу или, по крайней мере, ко второй половине X в.

Сейчас уже совершенно очевидно, что распространение христианства на территории Беларуси практически совпадает с началом широкого расселения здесь славян.

Дата начала славянского расселения на территории к северу от Припяти, полученная на основании изучения курганов, полностью соответствует и наиболее ранним славянским поселениям в этой части Беларуси. Так, именно X в. датируются самые ранние славянские слои в древнейшем на территории Беларуси городе Полоцке, несмотря на то что русская летопись впервые упомянула о нем под 862 г., назвав Полоцк в числе первых городов на территории Восточной Европы. К X в. относится не только массовый вещевой материал, полученный при раскопках в полоцком Верхнем Замке, но и византийская монета (второй половины X в.), найденная там же в самом раннем стратиграфическом слое у основания вала. Этим же временем датируются самые ранние славянские слои в Новгороде.

IX–X вв. датирует А. Л. Монгайт первые славянские сферические курганы с трупосожжениями в Волго-Окском бассейне. Впрочем, эти курганы по составу находок идентичны самым ранним славянским курганам в Беларуси, и X в. будет для них наиболее приемлемой датой.

Широкое расселение восточных славян на пространствах Восточной Европы имело место только после появления у них государства.

Если обратиться к сельским поселениям, то наиболее раннее свидетельство появления славян севернее Припяти дали раскопки городища и селища около д. Колочин в Гомельской области, проведенные Э. А. Симоновичем. По его наблюдениям, исследованное им городище колочинской культуры было разрушено и сожжено славянами, основавшими свой поселок рядом с городищем. Оставленная ими культура имеет очень близкое сходство с известной на юге Руси роменско-боршевской культурой. Для нее характерны округло-плечистые горшки, украшенные «гусеничным» орнаментом. Именно такая керамика была найдена на славянском селище около городища. Традиционно роменско-боршевская культура датируется VIII–X вв. Следовательно, наиболее ранней возможной датой появления славянского поселения в Колочине может быть VIII в. Именно такую дату и принимает Э. А. Симонович для определения времени гибели городища и появления в этом регионе славян. Однако, по нашему мнению, найденные материалы не исключают и более позднюю дату, а именно IX и даже начало X в. Правда, в X в. у восточных славян появляется керамика, изготовленная на гончарном круге. В Колочине же она еще выполнена техникой ручной лепки. Впрочем, лепная керамика нередко встречается и в материалах X в. Хотя исследователи допускают возможность проникновения отдельных славянских групп в область к северу от Припяти и в более раннее время, материалов, кото-

рые бы свидетельствовали о массовом расселении здесь славян ранее IX в., пока нет.

В ряду ранних археологических памятников на территории средней и северной части Беларуси, которые можно соотнести с восточными славянами, следует назвать селище Жижлянка, находящееся на правом берегу Свислочи недалеко от Осиповичей. Раскопки на нем также выявили керамику с «гусеничным» орнаментом. Однако наиболее надежную дату селищу дают стеклянные бусы, относящиеся к X в.

На ранних славянских селищах, как и в курганах, лепной керамики немного. В основном распространена гончарная посуда с венчиком, моделированным «под карнизик», которая датируется X— началом XI в.

Крупные раскопки, давшие такую керамику, были проведены автором на ранних селищах под Минском около д. Городище (на р. Менка) (рис. 44) и у д. Новосады, недалеко от Дзержинска.

На селище около д. Городище выявлены глубокие ямы, вероятно, для хранения продуктов, в которых были найдены целые плечистые гончарные сосуды X в. Все это очень напоминает боршевские материалы и, по-видимому, свидетельствует, как и в Колочине, о миграции сюда населения из южных областей Руси.

Десятым веком датируются и первые достоверно славянские предметы, попавшие в длинные курганы на заключительном этапе их существования. Они рассматриваются как свидетельство начавшихся этнических контактов местного балтского населения с расселившимися в этих местах славянами. Такая же картина наблюдается в соседних регионах, на Псковщине и Смоленщине.

Таким образом, можно считать установленным, что начало широкого расселения восточных славян севернее Припяти приходится в основном на X в.

Рис. 44. Славянские сосуды X – начала XI в. из поселения Городище Минского района

Более позднее заселение территории средней и северной части Беларуси в сравнении с областью, расположенной южнее Припяти, доказываем также лингвистическими данными. На это указывает прежде всего гидронимика, которая в области севернее Припяти представлена более поздними, чем на юге, славянскими речными названиями.

Косвенным свидетельством относительно позднего заселения славянами этих территорий может служить и то обстоятельство, что начало широкого славянского заимствования из балтских и финно-угорских языков (обозначение отдельных предметов, терминология социально-экономического и религиозного характера) датируется лингвистами рубежом I и II тыс. н. э.

Освоение восточными славянами новых земель за пределами их начальной локализации поистине уникально. Есть все основания утверждать, что оно прошло достаточно быстро, в течение одного столетия. Практически уже в X в. мы видим славян на всем пространстве Руси, вплоть до самых северных и восточных пределов страны.

9.3. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СЛАВЯН В ПЕРИОД НОВОЙ МИГРАЦИИ

В научной литературе перечисленные летописью славянские группы на территории будущей Руси определяются по-разному: как племенные объединения, группировки, союзы племен, племенные княжения, преднародности или протонародности. Сам летописец, однако, не раз повторял, что различные обозначения славян появились позже, уже после и в результате их расселения, а до этого все они назывались просто славянами.

Заметим, что сам летописец нигде не называет их племенами, а говорит о них как о народах «славянского рода», хотя термин «племя» он знал, придавая ему значение «прямых потомков», «родичей» (например, «племя Хама»). Только однажды употребил он этот термин, назвав племенем обров (аваров).

Поскольку эти летописные группы упомянуты непосредственно перед изложением рассказа о призвании варягов и возникновении Руси, их принято было считать не первичными племенами, а уже союзами племен, состоящими из первичных племен. Б. А. Рыбаков, опираясь на косвенные свидетельства, полученные главным образом при раскопках курганов Посожья («радимичей»), даже высказал предположение, что каждый восточнославянский племенной союз состоял приблизительно из 10 первичных племен. И такая оценка давалась всем восточнославянским группам, независимо от того, располагались ли они в Южной Руси

или в Северной (севернее Припяти), потому что априорно предполагалось, что все они появились на территории Восточной Европы в одно время и из одного источника (исключая, может быть, радимичей и вятичей, которых летописец отдельно выводил «от рода ляхов»).

Исследователь дает общую суммарную характеристику славянских племен, не учитывая различий между славянскими группами первого этапа их расселения в Восточной Европе и более позднего, о чем он, впрочем, не знал. Нам представляется, что такие оценки в лучшем случае могут быть применимы (и то с оговорками) только к тем славянским группам, которые пришли на юг Беларуси и север Украины в результате первой миграции славян в VI–VII вв. Славяне, перешедшие Припять в X в., представляли собой совсем другое этническое явление.

П. Н. Третьяков рассматривал летописные «племена» как «древнее и этнически своеобразное объединение восточного славянства — прочный союз исторически и этнически родственных племен».

Наряду с этим он допускал и существование у восточных славян простых территориальных объединений, названия которых можно найти и в летописи. Так, полочане, по его мнению, не были этническим объединением. Подобно некоторым другим, они представляли одно из новых территориальных объединений, возникших, однако, не в результате расселения славян, а вследствие распада у них первобытно-общинного строя.

Таких территориальных этнонимов в летописи встречается немало (пищанцы, суляне, куряне, новгородцы и др.).

Основанием для утверждения о существовании заметных этнографических различий между перечисленными летописцем восточнославянскими группами, определяемыми исследователями как племена, послужило то место в летописи, которое мы считаем необходимым привести полностью. «Все они имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровьями и деверьями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай; не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах. И браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали

на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Совершенно очевидно, что летописец сам не мог наблюдать описанных им обычаев различных групп славян, поскольку речь идет о времени до возникновения Киевской Руси, т. е. о том, что было задолго до того, как писалась «Повесть». Все это дошло до него, несомненно, в форме легенд. Но сами легенды явно рассказывают не о славянских обычаях и нравах, особенно в той части, которая касается более северных групп славян. Описанный погребальный обряд не соответствует тому, что выявлено и хорошо изучено археологами. Не было такого обычая выставлять на дорогах на столбах горшки с остатками кремации умерших. У всех восточных славян до принятия христианства, когда они были язычниками, существовал единый ритуал, о котором мы писали: захоронение остатков трупосожжения под курганом.

Что же касается других обычаев: бесовских плясок и песнопений, умыкания девиц и пр., то подтвердить или опровергнуть их напрямую невозможно. Можно лишь предположить, что такое могло сохраниться в какой-то части Руси, но, скорее всего, это относилось к дославянскому населению, было зафиксировано в исторической памяти славян, расселившихся в разнокультурных областях Руси и наблюдавших эти обычаи местных племен. Или же они как рудимент прошлого дославянского состояния сохранялись в какой-то степени, но не в откровенном виде, у славянизированных народов. Поэтому сказать однозначно, что все названные летописцем восточнославянские группировки отличались друг от друга этнографическими чертами, не представляется реальным. Мы не исключаем, что некоторые этнографические отличия могли наблюдаться между славянским населением южных, западных и северных областей Руси, как результат проявления различных этнических субстратов вследствие смешения славян с неславянскими народами. Но это было позже и, конечно, не в том виде, что описано летописцем.

В качестве доказательств существования среди восточных славян особых этнографических групп до возникновения Руси и даже в составе возникшего государства приводились лингвистические и археологические аргументы.

Так, А. А. Шахматов осторожно обосновывал свой тезис о природе некоторых этнографических, как ему и другим казалось, особенностей отдельных летописных групп, которые можно проследить по своеобразию и частичному совпадению ареалов диалектов средневекового славянства с территорией племен «Начальной летописи». Предполагалось существование известной зависимости между этими двумя явлениями,

что, по его мнению, может указывать на этническую специфичность отдельных летописных славян [206].

Автору неизвестны лингвистические материалы, которые позволили бы получить представление о языке различных восточнославянских группировок того времени. Ретроспективные наблюдения на этот счет нуждаются в объяснении и, несомненно, допускают варианты таких объяснений. Известно, что своеобразные черты в языке тех или иных этнических групп могут иметь различное происхождение, в том числе и быть связанными с явлениями субстратного порядка, развившимися уже после расселения славян на новых землях.

Вывод о связи летописных этнонимов с так называемыми славянскими племенными союзами, являвшимися одновременно и этническими единицами, делался не без помощи археологии. Доказывалось, что и на территории северной части Руси имеются древние археологические памятники, которые можно соотнести с восточнославянскими племенами. Так, с памятниками кривичей, как уже отмечалось, связывали длинные курганы, что давало основание начинать историю славян в этом регионе чуть ли не с IV в. [179]. При этом одним из решающих доводов было территориальное совпадение области, куда летописец поместил кривичей, и ареалов культуры длинных курганов. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что далеко не все соглашались с этим. В самом деле, и территория культуры, и период ее функционирования, который раньше определялся VIII–X вв., казалось, давали основания для таких заключений. Последующие исследования, однако, убедительно показали истоки этой культуры в местных памятниках раннего железного века (днепродвинская культура), уточнили ее датировку, что побудило пересмотреть и этническую атрибуцию носителей длинных курганов.

Большим достижением археологической науки считается предложенная методика установления ареалов летописных групп славян на основании картографирования некоторых находок, признанных как этнически определяющие.

Особенно широкое распространение получила идея о том, что некоторые типы женских украшений были присущи только конкретным восточнославянским племенам. В качестве важнейшего и бесспорного этноопределяющего предмета были выбраны височные кольца — женское украшение головы. Впервые на возможность установления ареалов расселения восточнославянских племен по височным кольцам указал русский археолог А. А. Спицин [163, с. 305–306]. Было замечено, что некоторые типы височных колец находят в курганах именно в тех местах, куда летописец помещает определенную группу восточных славян. Так, височные кольца в виде бронзового кольца с несколькими ромбовидными расширениями на нем («щитками») распространены в новгород-

ской земле. Проволочные браслетообразные височные кольца были распространены в Верхнем Поднепровье и Подвинье, куда летопись помещает кривичей. Семилучевое височное кольцо распространено в Посожье, где, согласно летописи, жили радимичи. Еще два типа височных колец — семилопастное и спиралевидное — были связаны соответственно с вятичами и северянами.

Посредством картографирования таких находок устанавливали территории, которые занимали отдельные племена. Эти карты получили широкое распространение в научной и учебной литературе.

Однако казавшаяся столь логичной практика установления ареалов восточнославянских племен по различным типам височных колец, рассматривавшихся в качестве чуть ли не важнейшего этнически определяющего их признака, вызывает, мягко говоря, большие сомнения. Во-первых, число таких типов колец почти в три раза меньше, чем количество летописных восточнославянских «племен». Во-вторых, такие специфические височные кольца почему-то распространены только в северной половине Руси (за исключением спиралевидного кольца), куда славяне проникли позже в ходе их второй миграции, начавшейся в X в. В-третьих, и это особенно существенно, обычай носить указанные височные кольца наибольшее распространение получил у восточных славян в XI—XII вв. [85, с. 7], т. е. в период феодальной раздробленности Руси, когда племен как таковых уже не могло быть. И трудно объяснить, почему раньше, до возникновения Руси, когда у восточных славян в период их пребывания южнее Припяти еще могли существовать племенные единицы, ни таких колец, ни их прототипов не было? Более правомерно рассматривать эти кольца наряду с другими украшениями сельских женщин в качестве продукции деревенских ремесленников-ювелиров. Известно, что их продукция имела ограниченный радиус сбыта и удовлетворяла потребности в пределах небольших областей, отдельных земель Руси, поскольку централизованного изготовления массовых деревенских украшений в стране тогда не было.

Височные кольца, по нашему мнению, не отражают восточнославянского племенного членения, а составленные по ним карты расселения восточнославянских «племен», по-видимому, следует признать искусственными.

Что же представляли собой славяне, заселявшие новые обширные пространства от Припяти до Ладожского и Онежского озер? Двигались ли они заметно расчлененными компактными группами, каждая из которых отличалась особыми чертами в культуре, языке и этнической идентификации? Если да, то сохранили ли они эти «племенные» особенности, свои прежние имена в новых местах обитания, помня о сво-

их родовых связях с полянами, древлянами, северянами и другими сородичами той области, откуда они вышли? Расселились ли они компактными группами или сели чересполосно по отношению друг к другу и в иной последовательности, или же вообще не создали никаких компактных и специфических этнографических группировок, а разошлись отдельными семьями или общинами по всему пространству Древней Руси и сели среди местного неславянского населения?

Как видим, новое расселение славян началось поздно и проходило в иной ситуации и при иной качественной характеристике самого восточнославянского этноса, уже оставившего далеко позади древнее племенное состояние.

Интересно отметить, что даже при отсутствии отражающих этот процесс археологических материалов, которые стали известны относительно недавно, рядом исследователей были высказаны идеи, очень близкие нашему представлению об этих событиях. Так, мысль о позднем расселении славян в Восточной Европе, вслед за летописцем, отстаивали В. О. Ключевский, А. А. Шахматов и др. С. М. Середонин, например, считал, что северные районы восточнославянских земель были заселены накануне образования Древнерусского государства. Кривичей и новгородских словен он рассматривал как территориальные союзы, объединявшие славянских переселенцев из разных областей и поэтому не составлявшие этнических общностей («приходившие сюда восточные славяне давно вышли из племенного строя») [159, с. 141].

Археологический материал из средней и северной части Беларуси, связанный с этим вторым этапом славянского расселения, не обнаруживает заметных областных различий. Анализ погребального обряда и предметов материальной культуры из курганов и поселений оставляет впечатление монолитности и единообразия культуры славян этого периода, указывает на ее бесспорную генетическую связь с культурой более южного региона – поречья Припяти и украинской Волини. Эта область стала основным источником дальнейшего расселения славян в более северные части Киевской Руси. Очень важным представляется то обстоятельство, что практически отсутствует повторяемость этнонимов в первоначальной восточнославянской области южнее Припяти и на территории севернее этой реки. Летопись не называет здесь ни полян, ни древлян, ни северян, ни уличей, ни тиверцев. Единичные географические этнонимы, напоминающие о племенах Южной Руси, которые встречаются, например, в Минской области (дулебы), едва ли можно считать доказательством прихода сюда племени с таким именем. На территории севернее Припяти летопись называет совершенно другие име-

на, никак не связанные этимологически с перечисленными этнонимами. Это — кривичи, полочане, дреговичи, радимичи, а за пределами Беларуси — вятичи, новгородцы (или просто славяне). Переноса названий с юга на север нет, что позволяет говорить о том, что расселявшиеся в северных областях славяне уже не пользовались теми древними «племенными» именами, которые когда-то были распространены в южной части Руси, откуда они вышли.

Обращает также на себя внимание форма названий славянских групп, обитавших южнее Припяти, и тех, которых мы видим севернее этой реки. На юге — это поля-*не*, древля-*не*, бужа-*не*, воляня-*не*, северя-*не*, на севере же — крив-*ичи*, радим-*ичи*, дрегов-*ичи*. Конструкция образования имен — явно разная, и это нельзя объяснить простой случайностью. Очевидно, причина заложена в одновременности названий, южные возникли раньше, чем северные, и это также может рассматриваться как еще одно доказательство не только более позднего заселения северных территорий славянами, но и как показатель заметных изменений в языке славян. В первом случае форма этнонима соответствует общеславянскому строю речи (обратим внимание, что к этому типу относятся и общеславянский этноним — славя-*не*), во втором случае прослушивается новый этап в развитии славянского языка.

Значит, у нас нет никаких доказательств, которые бы свидетельствовали о том, что славяне расселялись на новых землях племенами, сохраняя прежние имена и племенную структуру. Единственно, что можно сказать, — они осознавали себя славянами. Об этом неоднократно напоминал летописец, включивший в перечень славянских народов, наряду с теми, кто населял южные области, также кривичей, полочан, дреговичей, радимичей, вятичей и новгородцев. Кстати, за последними он сохранил и название славян («словен»), не найдя им особого этнонима, которого, вероятно, и не было.

Новая этногеография славянских групп, представленная в областях, расположенных севернее Припяти, не дает никаких признаков того, что переселение и славянская колонизация осуществлялась какими-то организованными этнографическими группами с компактной локализацией их на новых местах. Можно говорить только об общем, широком движении восточнославянских масс, хотя, возможно, и отдельными группировками — семьями, группами родственных семей или семей-соседей. Они могли быть выходцами из разных регионов их общей восточнославянской прародины. При таком характере расселения сохранить какие-то групповые особенности в пределах достаточно широкой области было невозможно.

Все это заставляет поставить вопрос о сущности тех летописных групп или правильнее сказать – носителей летописных имен, которые населяли средние и северные области Руси (кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, новгородские словене). Все говорит о том, что они не были племенами. При чтении летописи складывается устойчивое представление, что, будучи одним народом, с одним общим языком и именем, славяне после расселения в новых местах получили новые дополнительные имена, нередко в зависимости от характера местности.

В области севернее Припяти они пришли тогда, когда уже возникла Киевская Русь, и они не были племенами, поскольку таких племен в области, откуда они вышли, не было. Расселившись среди местного неславянского населения, они не могли превратиться в племена, поскольку племенной строй уже ушел в прошлое. С возникновением государства формируется новый тип этнической общности – народность.

Глава 10

ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ РУСИ

Эпоха Древней Руси ознаменовалась появлением этнической общности нового типа — древнерусской народности.

В любой науке чем глубже исследуется проблема, тем больше возникает вопросов по отдельным ее сюжетам, по-разному видятся пути их решения. Имеются некоторые расхождения у исследователей в вопросах о времени и условиях формирования древнерусской народности, относительной роли в ее формировании этнических субстратов как при ее сложении, так и в последующее время. И это — нормальное явление в любой науке. Ненормально то, что с распадом СССР вокруг этой проблемы возник нездоровый ажиотаж, вплоть до голословного отрицания существования в прошлом древнерусской народности [1]. Подобные настроения были инициированы не столько появлением новых научных фактов, сколько порождением новой ситуации послесоветского периода — развести как можно дальше три народа: русских, украинцев и белорусов.

Конечно, проблема не из простых, тем более что ею занимаются представители разных наук: историки, археологи, лингвисты, антропологи и этнографы. Специально этой проблеме посвятили свои труды выдающиеся и общепризнанные в мировой науке исследователи Древней Руси и этногенеза славян Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, П. Н. Третьяков, Д. С. Лихачев, В. В. Седов, Ю. В. Бромлей и др.

Как бы по-разному к этому не относились, но существование древнерусской народности — исторический факт, проявление изначальной этногенетической закономерности.

Современная наука рассматривает народность как особый тип исторической и этнической общности, который занимает историческую нишу между племенем и нацией. Переход от первобытности к государственности повсюду сопровождался трансформацией предшествующих этни-

ческих образований и появлением народностей. Народность, таким образом, — это не только этническая, но и социально-историческая структура, общность людей, характерная для нового и более высокого по сравнению с первобытным (родоплеменным) состояния общества. По своим признакам и сущности древнерусская народность в полной мере соответствует всем тем признакам, которые характеризуют подобный тип исторической общности.

Вместе с тем древнерусская народность не была уникальным историческим явлением, и ее формирование не было отмечено и предопределено некими исключительными обстоятельствами. Не только у восточных, но у всех славян сложились народности, которые повсюду соответствовали способу производства и общественным отношениям феодализма. Подобным образом формировались и некоторые другие народности (например, англосаксонская и германская).

Все письменные источники характеризуют политическую систему Руси, в том числе и ее западных областей, как феодально-государственную с единой княжеской династией Рюриковичей, воплощавшей идею единства страны. Государственность строилась по древнему принципу иерархической соподчиненности всех членов правящей династии. Поэтому ни о каком племенном строе в это время говорить уже не приходится. Исчезают местные племенные вожди (князьки), и Русь представляет собой не союз отдельных племен, а раннефеодальную монархию. Политическая система определяла и характер этнического состояния. Поэтому, даже в чисто теоретическом плане, следует предполагать сложение у восточных славян народности после того, как у них сложились классовое общество и государство. Племена ушли в прошлое, и их место заняла народность.

Народность, населявшую территорию Древней Руси, принято называть древнерусской. Это — сугубо кабинетное название, ибо сами жители Руси называли себя просто русскими. Термин «древнерусская народность» был предложен учеными, чтобы отличать русских Древней Руси от современных этнических русских, поскольку это уже разные этносы. Современные русские, как и белорусы и украинцы, развились на основе древнерусской народности позже и не совпадают с ней.

10.1. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Как и всякое историческое явление, древнерусская народность имеет свою историю. Она формировалась постепенно, и ее появление было обусловлено рядом исторических обстоятельств, было закономерным результатом определенных исторических процессов. Естественно, что

историческая наука (и не только историческая) пытается не только дать ответы на основные вопросы, связанные с характеристикой отдельных составляющих древнерусской народности, но и исследовать, и объяснить механизм ее формирования, определить хронологические рамки, в которых протекал процесс ее становления.

Проблема формирования древнерусской народности далеко не простая, и ученые решали ее по-разному. Различны были теоретические подходы, медленно накапливался исходный источниковый материал, который включает не только классические исторические (письменные), но и археологические, лингвистические, антропологические и этнографические данные. Проблема решается на базе комплексного использования различных источников и потому зависит от успехов, достигнутых в изучении различных аспектов проблемы каждой из этих наук. Задача исследователя состоит в том, чтобы тщательно проанализировать и сопоставить между собой конкретные факты, особенно вновь появляющиеся, и проверить, насколько они соответствуют или не соответствуют существующим историческим концепциям, и, если обнаружится несоответствие, попытаться найти новые решения.

Представляется необходимым пересмотреть существующие мнения о времени и самом процессе формирования древнерусской народности.

В советской историографии долгое время господствовала концепция автохтонности славян. В ее основе лежало убеждение, что прародиной не только восточных, но и ранних славян (праславян), по крайней мере их части, была Восточная Европа. При этом казалось, что с самого начала они занимали в ней обширные пространства, чуть ли ни от Белого до Черного моря. Долгое время с этногенезом славян связывали такие древние культуры раннего железного века, как дьяковская, милоградская, зарубинецкая, черняховская. Некоторые исследователи (В. Р. Тарасенко) причисляли к ним и культуру штрихованной керамики.

В угоду такой концепции гипертрофированного, по выражению П. Н. Третьякова, автохтонизма игнорировался даже летописный рассказ о приходе славян в Восточную Европу из более западных регионов. В полном соответствии с принятой социологической схемой этногенез восточных славян представлялся приблизительно в таком виде. Сначала существовали отдельные небольшие (первичные) племена восточных славян. Затем они укрупнились в союзы племен, каковыми, как думали, были летописные поляне, древляне, северяне, дреговичи, радимичи, кривичи и другие, которые некоторыми исследователями рассматривались как «преднародности», а в политическом смысле – как княжения или предгосударства. Эти союзы затем были объединены в государство «Киевская Русь», внутри которого продолжился с еще большим ускорением процесс нивелирования племенных особенностей и утверждение

единых начал, присущих народности. Народность, таким образом, вызревала и цементировалась в условиях Древнерусского государства и основной тенденцией в этногенезе были объединительные процессы.

При этом, учитывая, что для нивелирования племенных особенностей и утверждения единых черт необходимо известное время, завершение процесса становления древнерусской народности относили к середине XI в. Допускалось существование племен в составе древнерусской народности, причем не только летописных восточнославянских, но и неславянских. Этот тезис нам представляется спорным. Можно говорить о племенах в составе государства, допустимо (и то с оговорками) говорить о сохранении в течение какого-то времени племенных архаизмов в условиях еще незавершившегося становления народности. Однако в уже образовавшейся народности как этнической общности нового типа с присущими ей признаками (единство языка, территории, культуры и этнического самосознания) и принципиально отличной от племени такого быть не может. Народность не может состоять из племен, одно из двух: либо речь идет о народности, либо — о совокупности племен.

Попытки совместить несовместимое во многом могут быть объяснимы ошибочным представлением о времени и механизме образования народности, когда выводы делались на основе неверного исходного представления об автохтонности восточных славян и исконной заселенности ими всей территории Древней Руси.

Научную проблему при таком — ошибочном — подходе видели только в том, чтобы уточнить границы расселения отдельных восточнославянских племен, используя новые возможности и материалы, предоставляемые археологическими источниками. Мысль о том, что прародина славян могла находиться за пределами Восточной Европы, по существу, исключалась. Такая традиционная схема долгое время теоретически обосновывалась и опиралась на «новое учение о языке» академика Марра, считавшегося единственно марксистским в объяснении языковых и этногенетических процессов, и всякие отступления от него решительно пресекались.

Предполагалось, что, поскольку славяне живут здесь с древнейших времен, формирование древнерусской народности стало естественным результатом дальнейшего развития этих славянских групп без каких бы то ни было миграций и участия в этом процессе других этносов. Миграции и их роль в этногенезе вообще, по «новому учению о языке», считались выдумкой буржуазной историографии и расистов.

Впрочем, решение проблемы затрудняли не только теоретические заблуждения. Сильное давление оказывали политические соображения и «ура-патриотизм».

Однако, пожалуй, главной помехой был недостаток источников. Не были еще открыты некоторые важнейшие археологические культуры, раскрывающие этногенез славян. Имевшиеся материалы не позволяли получить правильного ответа на вопрос о времени и механизме появления древнерусской народности.

Предполагалось, что становление древнерусской народности проходило в рамках одного славянского этноса и только на одной этнической основе — славянской. При этом выпадал очень существенный момент — роль и степень участия в славянском этногенезе неславянских народов. Влияние других этносов на этот процесс считалось минимальным, воздействия этнических субстратов как будто и не было, а если и было, то разве только на границах славянского мира.

Предлагавшаяся концепция не могла объяснить, как и почему в условиях расселения восточнославянского этноса на большой территории, когда еще не сложились условия для экономической интеграции и регулярных внутриэтнических контактов, проходила нивелировка местных этнокультурных особенностей и утверждение общих черт в языке, культуре и самосознании населения Руси.

При несомненно большой роли государственности в интеграционных процессах представляется сомнительным, что политическая подчиненность правителей отдельных земель киевскому князю могла стать ведущим фактором в этнообразующих процессах. Все это не объясняет, почему уже в недрах Руси начинается развитие и усиление локальных особенностей в основном показателе этноса — языке, так что по окончании древнерусского периода единый древнерусский язык разделился на три родственных, но все же отличных друг от друга языка. Почему до этого времени преобладали процессы интеграции, а потом стали преобладать процессы дифференциации. Неужели для этого достаточно было лишь политической раздробленности? Необходимо искать более убедительное объяснение этим явлениям. Есть все основания говорить, что этнические процессы в Древней Руси носили иной характер.

Концепция явно не соответствовала одному из основополагающих положений теории этногенеза, согласно которому формирование нового этноса проходило на небольшой территории. Большая территория расселения этноса в те времена вела, наоборот, к его разделению, а не консолидации.

В самом деле, возможно ли формирование единой древнерусской народности на такой громадной территории — от Черного до Белого моря? Причем на территории, которая до прихода славян была заселена различными этносами. Даже допуская роль факторов, содействующих интеграционным процессам, как-то: некоторое усиление экономических

связей между отдельными регионами Руси, наличие единого государства и государственной идеологии и общая религия, едва ли можно игнорировать действие таких мощных факторов, ведущих к дифференциации, как обширные размеры занимаемой территории и этнические субстраты. Очевидно, формирование древнерусской народности шло по иному сценарию.

Короче говоря, традиционная концепция образования древнерусской народности оставляет много вопросов, на которые нет убедительных ответов. Может быть, это и является основной причиной имеющихся сомнений в самом существовании в прошлом единой древнерусской народности.

Совершенно очевидно, что необходимо иное объяснение механизма образования древнерусской народности на основе теперь уже достаточного количества имеющихся материалов и с учетом теоретических работ в области этногенеза.

Начнем с того, что славяне не были автохтонным населением на территории Восточной Европы. Они пришли сюда относительно недавно, и, расселившись, не истребили, и не вытеснили местного населения. В течение нескольких веков здесь имел место симбиоз, сопровождавшийся постепенным смешением славян с различными неславянскими народами.

Более того, славяне не сразу освоили территорию Киевской Руси. Государство возникло и долгое время оставалось полиэтнической страной. С самого начала оно включало в себя три большие этнические области: южнее Припяти жили славяне, между Припятью и Западной Двиной – балты, севернее Западной Двины обитали финно-угорские народы. Имеется достаточно много фактов, позволяющих утверждать, что начало формирования древнерусской народности относится к тому историческому периоду, когда славяне занимали территорию юга Беларуси и севера Украины. Историю образования древнерусской народности нужно представлять себе иначе.

10.2. НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Что же в таком случае заложило основы культурно-исторического и этнического единства восточных славян, возникновение у них народности, и определило на длительный период ее устойчивость по отношению к разным деструктивным силам?

Имеющиеся источники позволяют с уверенностью утверждать, что сложение древнерусской народности началось не в X–XI вв., а значительно раньше, и не на всей территории Руси, а в той ее области, куда

часть ранних славян переселилась в V–VI вв. н. э. со своей прародины. Речь идет об области южной Беларуси и украинской Волыни [54].

Теперь, располагая новыми и различными источниками — археологическими, лингвистическими и антропологическими, историю формирования древнерусской народности можно представить в следующем виде.

Начав свое великое расселение за пределами прародины, часть ранних славян в V–VI вв. н. э. заняла область юга Беларуси и севера Украины, в которой она пребывала на протяжении почти пяти столетий.

Этого времени было вполне достаточно, чтобы здесь сложилась особая славянская общность с единым языком и единой культурой.

Постепенно переселившиеся сюда славяне выработали своеобразный вариант некогда общей для всех славян культуры пражского типа — «корчак». До их прихода в этом регионе обитали племена, оставившие памятники банцеровско-колочинского типа.

Всего вероятнее, это были балты, о чем, впрочем, может свидетельствовать и имеющаяся здесь балтская гидронимика. Можно утверждать, что славяне постепенно ассимилировали их. В археологических комплексах культуры Корчак встречаются предметы, относящиеся или связанные по происхождению с предшествующей культурой балтов. Существует мнение, что балтское население здесь было сравнительно редким, и, когда в VIII–IX вв. на основе культуры Корчак разовьется новая славянская культура типа Луки-Райковецкой, в ней уже не будут прослеживаться балтские культурные элементы [134, с. 38–39]. Следовательно, к VIII в. ассимиляция балтов здесь завершилась.

Включив в себя какую-то часть местного населения, славяне, безусловно, испытали воздействие балтского субстрата, может и незначительного, но сказавшегося на культурной и этнической природе этой части славян. Это обстоятельство, вероятно, и положило начало выделению их как особой (восточной) группы славян.

Есть основания считать, что именно здесь заложены и основы восточнославянского языка. Только на этой территории Восточной Европы сохранилась раннеславянская (общеславянская) гидронимика. К северу от Припяти ее нет, и там она уже принадлежит восточнославянскому лингвистическому типу [192, с. 270, 273]. Отсюда можно сделать вывод, что когда позже славяне начали широко расселяться по просторам Восточной Европы, их уже нельзя отождествлять с общеславянским этносом. Это уже была выделившаяся из раннеславянского мира особая группа восточных славян со специфической культурой и своим (восточнославянским) типом речи. Исследователи отмечают, что большая часть раннесредневековых региональных народностей возникла в результате этнической миксации.

Имеются также все основания говорить не просто о возникновении здесь восточных славян, но и о сложении нового, более развитого типа этнической общности — древнерусской народности. Мы уже рассматривали особенности исторического развития этого региона и видели, что славяне здесь не только подошли к государственности, но, вполне возможно, создали ее до начала их дальнейшего расселения на север. Все это можно рассматривать как сложение (возникновение и закрепление) новых признаков, присущих народности. При этом восточнославянский этнос, на наш взгляд, отличался тогда наибольшей цельностью, единым языком и культурой. Можно предполагать, что у славян этой области уже появилось и общее самоназвание — «русь». Особо следует подчеркнуть, что после возникновения Киевской Руси с центром в Киеве славяне почти сто лет продолжали пребывать компактной группой исключительно на этой территории, и в новых условиях государственности проходила энергичная консолидация славянского этноса: уходила в прошлое племенная обособленность, нивелировались различия, исчезала племенная структура. Это все то, что выводит этнос на новую ступень, формирует новый тип общности — народность.

Эта область стала не только прародиной восточных славян, но и очагом последующего восточнославянского расселения. Идея, что славяне пришли на территорию Восточной Европы из разных мест и с разными культурами, не получила подтверждения.

Археологические и антропологические материалы свидетельствуют о заселении Восточной Европы севернее Припяти с юга.

Так, антропологические исследования, проведенные белорусскими учеными, показали, что в процессе освоения новых территорий восточные славяне продвигались не с севера на юг, как думал В. В. Седов, а, наоборот, с юга на север, со стороны Белорусского Полесья. При этом северо-восточные области Беларуси были заселены выходцами из восточного Полесья.

Славяне пробыли на юге Беларуси и севере Украины едва ли не до конца X в., т. е. почти пять веков. Этого было вполне достаточно для коренных этнических и социальных преобразований, для формирования особой ветви восточных славян. До начала дальнейшего расселения к северу от Припяти восточные славяне пребывали в составе возникшего государства — Киевской Руси, что привело к глубоким качественным преобразованиям восточнославянского этноса. Он вышел из родоплеменного состояния: у славян произошли изменения в языке, духовной и материальной культуре, сформировалось общее этническое самосознание (идентификация), все то, что характеризует новый тип исторической общности — народность.

Это было время бурного развития Руси, время борьбы с южными кочевниками и походов на Византию, когда о Руси стало известно и грекам, и арабам. Это было время невиданной по масштабам организации сбора дани с обширных территорий, что поразило византийского императора Константина Багрянородного. Это было время организованной на государственном уровне международной торговли Руси с Византией и странами Востока. Это было время мудрой Ольги и бесконечных походов и блестящих побед ее сына Святослава Игоревича, разгромившего Хазарский халифат, которому славяне долгое время платили дань. Это было былинное, героическое время в истории восточных славян, оставившее о себе память и в летописях, и в народных былинах.

Большая масса славян была вовлечена в активную политическую жизнь. Они составили основу княжеского войска. За сто лет государственности родилось пять поколений русских. Каково бы ни было происхождение названия Русь, оно прочно утвердилось за восточными славянами, стало не только названием их страны, но и этнонимом восточных славян. Русь стала «слышима всеми концы земля».

Бурная эпоха организовала и сцементировала восточнославянский этнос, придала ему новые качества. Несомненно, имел место демографический взрыв, приумноживший славянское население. Время сделало славян активной силой. Все эти связанные между собой процессы быстро превратили восточных славян в мобильную, активную, развивавшуюся и набиравшую силу древнерусскую народность, постепенно выходящую за рамки своей этнической территории и подготовленную к новой эпохе Великого переселения. В таком новом качестве они и начали свое новое широкое расселение на пространствах Восточной Европы, что и определило единство древнерусской народности, сохранявшееся в течение длительного времени, вплоть до окончания древнерусского периода.

10.3. ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Дальнейшее широкое расселение восточных славян, как свидетельствуют данные археологии, приходится в основном на X в.

Прошло оно быстро, и уже в X в. мы видим славянские памятники около Ильменя и на Волге. Это расселение восточных славян по своим последствиям напоминает более раннее расселение праславян со своей прародины. Все это сходные процессы, позволяющие видеть закономерности, характерные для этнических миграций, и их последствия.

То обстоятельство, что восточные славяне вышли из компактного региона как сложившаяся народность, обусловило, на наш взгляд, их этнокультурное единство и на последующие несколько веков, когда ими были колонизованы новые области Восточной Европы, контролировавшиеся киевскими князьями.

Восточные славяне расселились на территории, которую раньше занимали другие народы. На территории Беларуси им предшествовали балты, в Волго-Окском бассейне — финно-угры, на юге Восточной Европы, вероятно, — остатки ирано-язычных и других народов. Славяне со своим языком и культурой оказались среди различных этносов, жили бок о бок с ними, вступали в культурные и этнические контакты с коренным населением и стали смешиваться с ним. Эти процессы, отнюдь, не способствовали консолидации славянского этноса, а скорее наоборот. По мере включения в свой состав неславянских народов славяне стали испытывать на себе мощное воздействие этнических субстратов.

Есть разные объяснения тому, как и почему славяне смогли одержать победу в этнических взаимодействиях с местным неславянским населением. Заметим, что эти взаимодействия имели место на территории их общего государства, и ассимиляция тогда носила естественный характер. Ее так и называют «естественной ассимиляцией». Однако даже при такой форме ассимиляции хотелось бы выяснить, как она протекала, какова была численность славянского и неславянского этнических компонентов, что приобрел славянский этнос, включивший в свой состав местные народы, каково было воздействие этнических субстратов на дальнейшее развитие древнерусской народности и ее культуры. Изучение этих проблем сопряжено с большими трудностями, потому что этнические процессы слабо и очень специфично отражаются в источниках. Изменения в этносе — как в результате саморазвития, так и в процессе взаимодействия с другими этносами — происходят крайне медленно. Для современников они незаметны, и тщетны надежды найти описания их в письменных источниках. Изменения, обязанные таким процессам, проявляются спустя много времени. Следует также напомнить, что мы имеем дело с периодом, от которого сохранилось слишком мало письменных материалов.

Древнерусская народность сохранила себя как этнос и после расселения, что нуждается в специальном анализе и объяснении.

В связи с этим мы хотели бы еще раз обратить внимание на то, что к моменту освоения новых территорий севернее Припяти славяне уже вышли из родоплеменного строя, оформились в более высокий тип этнической общности — народность и уже никак не могли превратиться на новых землях снова в племена — кривичей, дреговичей, радимичей,

вятичей и новгородских словен. Племенной строй ушел в прошлое и возврат к нему был бы историческим нонсенсом.

При анализе источников создается впечатление, что быстрым было не только новое расселение славян, но и ассимиляция ими неславянских народов — местного балтского и финно-угорского населения.

Несмотря на то что расселение славян севернее Припяти произошло незадолго до начала русского летописания, составитель первого летописного свода об этом уже не помнил. Сохранились только какие-то слухи о приходе с территории Польши Радима и Вятки со своими родами. В летописи нет прямых свидетельств о сосуществовании славян во вновь занятых областях ни с балтами, ни с финно-уграми. Имеются сведения лишь о балтских и финно-угорских народах, которые были соседями славян. В представлении летописца все население Руси было славянским. Несмотря на некоторые его сомнения в определении этнической природы кривичей, летописец, в конце концов, включил их в список славянских народов. И вообще ни о каких этнических смешениях письменные источники ничего не говорят.

Это тем более странно, что, по мнению лингвистов, ассимиляция славянами местного населения в отдельных районах продолжалась чуть ли не до XII в.

Остается впечатление (и это, вероятно, было так на самом деле), что к середине XI в., когда был составлен Начальный свод, славянизация местного населения практически была завершена.

И все же, читая летопись, нельзя не обратить внимание на некоторые материалы, свидетельствующие о том, что в области севернее Припяти славяне были недавними пришельцами и что до них здесь обитали другие народы.

Мы уже высказывались по поводу возможности заимствования славянами некоторых местных этнонимов («кривичи», «дреговичи», «радимичи»). Летопись донесла до нас эти названия, когда сами местные этносы уже утратили свой язык и перешли на славянский, почему и попали в перечень славянских групп. Это может свидетельствовать об их достаточно быстрой славянизации.

Косвенным отражением факта проживания славян рядом с неславянскими группами, вероятно, можно считать описания летописцем некоторых местных обычаев, что дало ему повод противопоставить «мудрых» полян тем, кто живет «зверинским образом». Очевидно, славяне наблюдали нравы местного населения и обычаи, отличные от их собственных, и рассказы о них в утрированной форме доходили до летописцев. Позже, когда местные племена растворились в славянском эт-

носе, их обычаи были приписаны некоторым славянским областным группам. Эти места в летописи всегда привлекали внимание исследователей своей противоречивостью. С одной стороны, летопись говорит о единстве всех восточных славян, а с другой – противопоставляет полян дреговичам, древлянам и другим славянам.

И уж совсем «нерусскими» выглядят радимичи в описании похода на них в 984 г. Волчьего Хвоста, воеводы киевского князя. По рассказу легко заметить, что для летописца радимичи не «русь». Он прямо замечает, что «русь» дразнит радимичей: «пищанцы Волчьего Хвоста бегают». Значит, радимичи тогда еще не стали или не считались «русью» (русскими). Описанный эпизод позволяет высказать предположение, что славянизация местного населения в Посожье к тому времени еще не завершилась. Однако к моменту составления Начального свода (середина XI в.) летописец уже ничего не знает о каких бы то ни было неславянских народах на западе Руси. Значит, славянизация прошла быстро.

Таким образом, в летописи можно обнаружить некоторый материал о древних контактах восточных славян с коренным населением и совместном проживании их на одной территории, хотя этот материал и подвергся некоторой трансформации.

Если обратиться к археологическим материалам, то можно прийти к заключению, что почти все поселения и могильники X – начала XI в. на территории Беларуси принадлежат древнерусской культуре. Поразительно, но факт, что мы не знаем здесь памятников ни банцеровской, ни колочинской культур, которые принадлежали местному дославянскому населению. Они исчезают внезапно и не обнаруживают влияния на древнерусскую культуру. Можно подумать, что местное население внезапно покинуло свои родные земли. Правда, мы еще очень плохо знаем памятники этих культур, относящиеся к заключительному этапу их существования. Возможно, они еще будут обнаружены, и тогда влияние их на эволюцию славянской культуры, в которой они, по-видимому, очень быстро растворились, станет более заметным. Может быть, быстрой ассимиляции в огромной степени способствовало принятие местным неславянским населением христианства одновременно со славянами. Как бы там ни было, заселенные прежде балтами области юга и центра Беларуси скоро становятся славянскими по своей культуре, что следует объяснять быстрой славянизацией местного населения.

Довольно быстро и почти на всем пространстве исчезает дославянская культура длинных курганов в северо-восточных областях Беларуси, Псковщины и Смоленщины, как, впрочем, и курганы-сопки в северных

областях Руси. В X в., на заключительной фазе своего существования, культура длинных курганов демонстрирует заметную трансформацию: в ней распространяются сферические одиночные курганы, в погребальном инвентаре которых появляется славянская посуда.

Такие перемены не могли произойти без влияния славянского этноса, и уже в конце X в. классические длинные курганы исчезают. Значит, и здесь ассимиляция балтов прошла быстро.

Не только балтские, но и славянские памятники обнаруживают признаки смешения балтов и славян. Так, археологическим свидетельством их миксации предлагается считать наличие в славянских курганах XI–XII вв. зольной прослойки, на которую клали покойника. Основанием для такого заключения является то, что эта деталь распространена в погребальном обряде на той территории, где когда-то обитали балтские племена. В более южных областях Руси, где балтов не было, зольная подсыпка под погребенным отсутствует. Полагают, что этот элемент погребального обряда перешел к славянам от балтов. Некоторые исследователи решительно выступали против преувеличенного представления о влиянии балтов на этнические процессы у славян.

Следует, однако, заметить, что нам не известны предшествовавшие славянским памятники с ритуальными кострищами.

Высказывается предположение, что с балтами можно связывать курганные захоронения XI–XII вв., в которых покойника клали головой на восток. Таких курганов, в отличие от славянских захоронений с западной ориентацией тела покойника, очень мало, хотя они находятся на одних и тех же могильниках.

Следовательно, если судить по археологическим материалам, местное население быстро приняло славянскую культуру. В XI в. мы не знаем неславянских памятников. Славянская культура везде предстает перед нами как единая и монолитная. Влияние местных культур ощущается разве только в типах деревянных построек. И балты, и финно-угры, жившие в лесной зоне, хорошо освоили технику деревянного строительства и выработали приспособленные к географическим условиям типы жилых и хозяйственных построек, которые были в значительной степени заимствованы славянами.

Более детально характер культурных и этнических взаимодействий дославянского и славянского населения нуждается в дальнейшем изучении. Пока еще мало известно об археологических памятниках балтов (да и славян), относящихся к начальному периоду расселения славян и их совместного проживания на общей территории.

Надо полагать, что сельское население, в отличие от городского, еще долгое время продолжало оставаться в значительной мере балтским. Од-

нако археологи не располагают статистическим материалом, который бы отражал количественное соотношение славянских и балтских сельских поселений той поры. Это важная задача будущих исследований, и она не из легких. Без таких цифр преждевременно делать широкие обобщения, в какой пропорции смешались на территории Беларуси севернее Припяти славяне и балты. Во всяком случае, если судить по одним только археологическим материалам, то создается впечатление, что балтских памятников уже в X в. на территории Западной Руси, за исключением длинных курганов, не существует.

Более того, если согласиться с предложением некоторых археологов датировать конец названных балтских культур VIII в., то остается признать, что между исчезновением неизвестно почему колочинских и банцеровских племен и появлением на их территории славян имеется значительный временной промежуток, чего, по-видимому, не было.

Местные племена не могли исчезнуть или отойти к северу просто так. Значит, скорее всего, верхняя дата этих культур из-за недостатка датирующих материалов установлена неверно. Едва ли следует сомневаться, что местные племена дожили до прихода сюда славян, а исчезновение их культур может свидетельствовать только об их быстрой славянизации.

Взаимодействие славян с местным населением, сопровождавшееся их смешением, которое на территории Беларуси привело к ассимиляции балтов славянами, получило отражение и в лингвистическом материале, хотя и в меньшей степени, чем в других. Дело в том, что при языковых скрещиваниях победу, как правило, одерживает один язык. В нашем случае победил славянский язык. Но некоторое влияние побежденного языка на славянский ученые допускают. Несомненно, славяне заимствовали у балтов какую-то часть лексики, в частности связанной с деревообработкой и строительной техникой. Но, скорее всего, языковые заимствования могут проявиться в фонетике. Есть мнение, что к славянам Западной Руси от балтов перешло «аканье» и «дзеканье», что стало одной из характерных особенностей белорусского языка. Однако среди лингвистов есть и другие мнения по этому поводу. Так, ареал «аканья» выходит далеко за пределы Западной Руси, оно характерно и для южного говора русских, а центром формирования «аканья» считается Верхнее Подонье. Что же касается «дзеканья», то некоторые лингвисты считают его характерным для языка всех ранних славян. Поэтому связывать его с балтами нет оснований. Нам сложно сказать, кто больше прав в этих лингвистических спорах, но иметь в виду мнения различных лингвистов по этому вопросу следует.

Важно отметить, что славяне, придя на эти земли, приняли и сохранили балтскую гидронимическую номенклатуру, что возможно только при условии совместного проживания славян и балтов на общей территории. Следовательно, славяне не изгнали балтов, а расселились среди них.

Вместе с тем есть материалы, которые позволяют предположить, что часть местного населения с приходом славян отступила на север. Такие основания дают наблюдения над диалектами современных балтских народов. Так, современные балтские языки характеризуются значительной диалектной дифференциацией при относительно малой территории, которую занимают носители этих языков. По мнению лингвистов, это может указывать на то, что балты, которые, судя по гидронимике, занимали в древности территорию в шесть раз большую, чем теперь, и имели множество диалектов, могли быть частично вытеснены из некоторых областей (возможно, в связи со славянским расселением) и отойти к северу. Следовательно, лингвистикой допускается некоторый отток коренного населения, хотя едва ли можно сказать, когда и какая часть балтов ушла, а какая осталась на месте.

Факт смешения славян с балтами находит также подтверждение в материалах антропологии. Отмечается, что антропологический тип славян, живших севернее Припяти, судя по черепам из курганов, отличается от типа, распространенного к югу от этой реки. Северный тип более широколицый, южный – более узколицый и узконосый. В. В. Седов предлагал объяснять эту особенность славянского населения, занимавшего территорию севернее Припяти, влиянием балтского этнического субстрата.

С этим можно было бы согласиться, если бы удалось доказать, что эти антропологические различия возникли только после славянизации балтского этноса на этой территории. Ведь еще раньше праславяне, расселившиеся на юге Беларуси и севере Украины, славянизировали предшествовавшее им балтское население. Почему же там славяне не изменили своего антропологического типа?

Можно надеяться, что в будущем, благодаря успехам биологической и антропологической наук, появится возможность более точно устанавливать степень участия различных этнических компонентов в формировании антропологических особенностей как у конкретных индивидумов, так и у этнических групп или целых народов.

В конечном счете славяне одержали историческую победу в сложных этнических взаимодействиях с местным населением и очень скоро Русь стала славянской, заселенной древнерусской народностью.

10.4. ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ И ЕЕ ПРИЗНАКИ

Как и любая другая историческая категория, народность имеет свои признаки. Важнейшие из них: язык, культура, этническое самосознание (идентификация), территория. Посмотрим, что же представляло собой население Древней Руси с точки зрения этих составляющих.

10.4.1. Язык

Основные выводы лингвистов по поводу языка Древней Руси можно свести к следующим положениям.

Все дошедшие до нас от той эпохи разнообразные письменные источники — летописи, литературные произведения, грамоты, частные письма и отдельные надписи — свидетельствуют об общем языке восточных славян. Общеизвестным в языковедении является научное положение, что на этой общей языковой основе древнерусского языка развились впоследствии языки современных восточнославянских народов — русский, украинский и белорусский. Отдельные факты, которые не укладываются в эту схему, единичны и не могут опровергнуть идею в целом о существовании древнерусского языка. Только небольшая часть собственно русских, белорусских и украинских слов и явлений восходит к более древней общеславянской языковой системе. Но это может быть объяснено и тем, что древнерусский язык к тому времени еще не переработал всю лексику общеславянского языка, которая могла сохраняться в отдельных местах территориально обширной Руси и на основе которой позже развились соответствующие новации в нынешних восточнославянских языках.

По мнению специалистов, древнерусский язык был одним из самых развитых языков того времени. Он насчитывал десятки тысяч слов. Ученными исследована грамматика древнерусского языка, составлены многочисленные словари, в том числе этимологические.

Большой фонд письменных источников XI–XIII вв. убедительно свидетельствует о существовании несомненной языковой общности населения разных областей Древней Руси. И даже в период феодальной раздробленности языковая ситуация оставалась такой же, хотя раздробленность могла содействовать появлению и развитию в языке областных особенностей.

Русь занимала обширную территорию, и было бы наивно полагать, что древнерусский язык не имел диалектов и был свободен от местных особенностей. Доказательством существования в нем диалектов исследователи считают, например, наличие в древнерусском языке множества

синонимов («пути» — «дороги», «печаль» — «кручина», «векша» — «веве-рица» и др.).

Лингвисты полагают, что в письменных материалах существует ряд языковых фактов, которые восходят к особенностям речи Галицко-Волынской, Владимиро-Суздальской, Новгородской, Полоцкой, Смоленской и других земель Руси. Они свидетельствуют о зарождении тех языковых особенностей, которые получают свое развитие в белорусском, русском и украинском языках.

Однако местные особенности, некоторые незначительные различия, ни в коем случае не могут свидетельствовать об автономном параллельном развитии трех восточнославянских языков уже в X–XIII вв. Это только диалекты. Диалектные особенности в языке достаточно заметны в XIII в. По материалам письменных источников выделяют новгородский, псковский, смоленско-полоцкий и галицко-волынский диалекты.

Следует заметить, что все это делается на очень ограниченном количестве источниковых данных. Особенно это касается смоленско-полоцкого региона.

Диалектные признаки выражаются в фонетике, замене одних звуков другими. Так, для новгородского диалекта, который, в отличие от других, реконструируется на достаточно значительном письменном материале, включающем летописи, грамоты, в том числе на бересте, произведения церковной книжности, Русскую Правду по спискам XIII и XV вв., характерно цоканье и чоканье, т. е. смешение и неразличение звуков *ц* и *ч*. Эта особенность новгородской речи замечается уже в памятниках XI в. (Новгородские минеи 1095–1097 гг.). Многие исследователи рассматривают это как проявление действия субстрата и связывают его с влиянием языка финно-угорского населения, ассимилированного славянами.

К особенностям новгородского диалекта относят также второе полногласие, употребление *жг* вместо *жд*, а также пропуск звука в перед мягким *л* («на Ярославли дворе»).

Наличие псковского диалекта фиксируется только по письменным памятникам не ранее начала XIV в. Отмечаются следующие особенности: 1) цоканье и чоканье; 2) смешение звуков *с* и *ш*, *з* и *ж*; 3) употребление сочетаний *кл*, *гл* на месте общеславянских сочетаний **tl*, **dl*, тогда как в древнерусском языке они были заменены звуком *л*; 4) употребление *жг* вместо *жд*; 5) пропуск звука *в* перед мягким *л*. По первому и пятому признаку псковский и новгородский диалекты сближаются между собой и в целом, вероятно, восходят к одному источнику.

Смоленско-полоцкий диалект пока выделяют только на основании одного-единственного письменного документа — Договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом (1229 г.), ко-

торому, как думают, предшествовал более ранний аналогичный договор, заключенный с немцами полоцкими князьями.

Характерные признаки смоленско-полоцкого диалекта видятся в следующем:

- 1) цоканье и чоканье;
- 2) произношение звука *в* как *у* в начале слов перед согласными;
- 3) возможное неразличение звуков *h* и *e*.

Для галицко-волинского диалекта характерен так называемый «новый *h*», прослеживаемый в памятниках письменности второй половины уже XII в. Это выражается в написании *h* вместо *e*. Полагают, что это может быть связано с исчезновением редуцированных в следующем слове [143, с. 248–249]. Этот новый *h*, как и исконный *ь*, в литературном украинском языке стал произноситься как *i*. Второй особенностью диалекта было удлинение звука *о*, что тоже связывается с падением редуцированных.

В некоторых документах, происходящих с этой территории, встречаются также:

- 1) замена *л* звуком *в*;
- 2) смещение *ы* и *и*;
- 3) *оу* вместо *в*;
- 4) *жч* вместо *жд*.

Значит, диалектные особенности появляются довольно рано и по мере включения в славянский этнос местных неславянских народов. В Новгороде новые элементы заметны уже в XI в. Думается, что и в других областях происходило то же самое и лишь недостаток источников не позволяет это подтвердить.

Несомненно, в отдельных говорах были и лексические различия, но, по мнению специалистов, они не получили достаточно заметного отражения в письменных источниках того времени. Использовать же для этого более поздние документы достаточно проблематично, ибо по ним трудно судить о времени появления этих лексических различий и территории их распространения. Однако при всех обстоятельствах лексические различия в эпоху Древней Руси не выходили за рамки диалектов. Язык оставался одним и общим для славянского населения Руси.

Различия в языке имели также и социальные корни. Язык образованного княжеского окружения отличался от языка простого горожанина. Язык горожанина, в свою очередь, отличался от языка сельского жителя. В этом плане представляет интерес рассказ Киево-Печерского патерика (XII в.) о монахе Спиридоне, который, по словам автора, был «невежа словом, но не разумом, не от града прииде в чернечество, но от некоего села». Выходит, уже тогда было заметным различие в речи городского и сельского населения Руси.

Несмотря на скудость дошедшего до нас лингвистического материала из западных земель Руси, он все-таки есть и должен быть рассмотрен.

Принято считать, что образцы живого разговорного языка содержатся в прямой речи, в диалогах, которые сохранились в письменных текстах и, в частности, в летописях. Прямая речь в меньшей степени подвержена редактированию и может быть вообще лишена тех грамматических или стилистических архаизмов, диктуемых церковно-славянскими языковыми нормами, которые присущи письменным произведениям. Поэтому представление о языке, на котором говорило население западных земель Руси, кроме отдельных надписей на предметах (пряслицах, обломках посуды, «Борисовых» и «Рогволодовом» камнях, берестяных грамотах или более пространных текстах), могут дать те фрагменты из летописных списков, которые содержат прямую речь. Таких образцов, происходящих из Западной Руси, до нас дошло, к сожалению, немного, поскольку оригинальные летописи того времени (полоцкие, туровские) не сохранились. Но, как это доказано рядом исследователей, некоторые интересные отрывки из них вошли в другие летописи (например, Лаврентьевский и Ипатьевский летописные своды). Следует, однако, учитывать, что при последующем редактировании первоначальный текст мог быть несколько изменен.

Едва ли не самый ранний материал этого рода содержится в словах полоцкой княжны Рогнеды, когда на вопрос своего отца Рогволода, не согласна ли она выйти замуж за Владимира, та ответила дерзким отказом: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу». Интересно отметить, что слово «хочю» произнесено без «цоканья», что было характерно для более северных по отношению к Киеву областей Руси. В известной новгородской «любовной грамоте от Никиты к Улье» оно написано в форме «хощю». Нет в нем и характерного для белорусского языка «аканья» (в белорусском произношении это звучало бы «хачу»).

Следующий образец прямой речи мы находим в словах Всеслава Брячиславича, когда 14 сентября 1068 г., в день Воздвижения, он был освобожден из «поруба» восставшим киевским людом и всенародно провозглашен киевским князем. Всеслав сказал: «О крест честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего».

Под 1128 г. в Лаврентьевскую летопись была записана легенда, в которой более подробно изложены события, связанные с женитьбой Владимира на Рогнеде и о ее попытке отомстить ему за измену, за смерть своего отца и братьев. Вероятно, легенда возникла в полоцкой земле и была перенесена в общерусский свод с сохранением речевых особенностей полоцкого говора, особенно при воспроизведении прямой речи. Мотивы своей попытки убить Владимира Рогнеда объяснила ему так:

«Сжалиласи бях, зане отца моего уби и землю его полони, мене деля; и се ныне не любиши мене ис младенцем симь».

Позже она наставляет своего сына Изяслава, как тот должен поступить, когда Владимир придет, чтобы решить ее судьбу: «Яко видеть ти отец, рцы, выступя: «Отче! еда един мнишися ходя?»

После того как Владимир рассказал боярам о случившемся и как заступился за мать их сын Изяслав, бояре посоветовали Владимиру: «Уже не убий ея, детяти деля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыном своим».

Прямую речь содержат описания событий в Полоцке в 1151 и 1158 гг., помещенные в Ипатьевской летописи. Эти события переданы настолько подробно, что ощущается присутствие очевидца и непосредственного участника этих событий или лица, получившего данные из первых рук. Возможно, что они были вписаны в общерусский свод из местных полоцких летописей. В отрывке рассказывается, как посаженный полоцким боярством в 1151 г. на полоцкий престол минский князь Ростислав Глебович стал почему-то нежелателен местным верхам и против него был организован заговор. Предполагалось сместить его во время «братчины», созванной при полоцкой Богородицкой церкви. При этом летописец, явно осуждая этот заговор, вспоминает, как полочане присягали Ростиславу, когда приглашали его из Минска в Полоцк. Это передано в форме прямой речи: «Яко ты нам князь еси и дай ны Бог с тобою пожити, извета никакого же до тебе доложить и до хрестного целования». Теперь же втайне от князя они посылают гонцов к свергнутому ими же ранее Рогволоду Борисовичу со следующим обращением: «Княже нашъ, съгрешили есмь к Богу и к тебе, оже въстахом на тя без вины, и жизнь твою всю разграбихом и твоя дружины, а самого, емше, выдахом тя Глебовичем на великую муку; да аще ны не помянеши всего того, иже створихом своим безумием, и хрест к нам целуеши, то мы людие твое, а ты еси нашъ князь; а Ростислава ти, емше, вдамы в руче, а еже хочеши то створиши ему».

Однако, не сумев осуществить свой заговор во время братчины, поскольку предупрежденный о намерениях бояр князь прибыл на братчину в доспехах, они на следующий день снова шлют к нему гонцов со словами: «Княже, поеди к нам, суть ны с тобою речи; поеди же к нам в город». Князь отвечает послам: «Аз вчера есм у вас был; а чему есте не молвили ко мне, а что вы было речи?»

Тем не менее он решил снова поехать к заговорщикам, но по пути в город встретил его один из дружинников и предупредил: «Не езд, княже, вече ти в городе, а дружину ти избиваютъ, а тебе хотять яти».

Совершенно очевидно, что в этих отрывках представлена не современная белорусская и не русская или украинская речь, а язык Руси, на

котором говорило все восточнославянское население того времени. Легко заметить, что многое прямо без всяких изменений осталось в современном русском и белорусском языках, другое уже трансформировалось или просто вышло из употребления (местоимения *тя, ти, ны, яти*; союзы *аще, иже*; употребление союза «а» вместо «и» и т. д.). С другой стороны, отдельные словоформы (тобе, чему, створихом) сохранились в белорусском. Кое-что позже было заменено другими словами или претерпело изменения.

Вместе с тем встречаются выражения, которые, вероятно, отражают некоторые местные особенности говора, закрепившиеся в белорусском языке. Например, «есть ны с тобою речи» («есть у нас с тобою дела»). Слово «речи» в значении «дела» станет обычным в белорусском языке. Оно встречается в местных грамотах XIV–XV вв. Однако следует заметить, что слово «речь» в значении «вещь» имеется также в болгарском, словенском и польском языках. Поскольку ни болгарский, ни словенский языки не имели непосредственных контактов с белорусским (или западнорусским), можно говорить об общеславявских корнях этого слова в данном значении. Впрочем, есть предположение, что в восточнославянских языках в значении «дело» оно может отражать польское влияние. Во всяком случае, если даже здесь отражена особенность местного говора, это не меняет общей картины и может служить лишь показателем наличия в древнерусском языке некоторых областных особенностей, не выходявших, однако, за рамки диалектных, что обычно для языков, распространенных на очень больших территориях.

Впрочем, это выражение может быть переведено и буквально, как «у нас есть к тебе разговор». И это, наверное, ближе к истине.

Пространный текст на знаменитом кресте Лазаря Богши тоже может быть отнесен к числу западнорусских образцов речи. Хотя крест был изготовлен киевским ювелиром, текст надписи на нем, очевидно, был составлен самой настоятельницей полоцкого женского монастыря Евфросинией. Приведем этот текст полностью: «В лѣто 6669 (1161) прокладаетъ Офросинья чьстьный крестъ въ монастыри своемь въ церкви святаго Спаса. Чьстьное дръво бесцѣнно есть, а кованье его — злото и серебро, и камѣнье, и жьнчюгъ — въ 100 гривнѣ, а... 40 гривнѣ. Да не изнесеться из монастыря никогдаже, яко ни продати, ни отдати. Аще се кто прѣслоушаетъ, изнесѣтъ и от монастыря, да не буди емоу помощьникъ чьстьный крестъ ни въ сѣ вѣкъ, ни в боуд(оу)щии, и да боудеть проклятъ Святою Животворяющею Троицею и святыми отци 300 и 50 семью съборъ святыхъ отецъ, и боуди емоу часть сѣ Июдою, иже прѣда Хряста. Кто же дръзнетъ сѣтворити (сѣ) — властелинѣ, или князь, или пискоупъ, или игоумьня или инъ который любо человек, а боуди емоу клятва си. Офросинья же, раба Христова, сътяжавъши крестъ».

Надписи на «Борисовых камнях» выполнены в стандартной манере. На одном, который находился в 5 км западнее Полоцка, написано: «Господи, помози рабу своему Борису». На другом, находившимся западнее г. Дисны, «Господи, помози рабу своему Борису».

Более пространна надпись на Роговолодовом камне: «В лето 6679 (1171) м[еся]ца мае в 7 день доспен (исполнен) крест сии; господи помози рабу своему Василию, в крещении именем Роговолду, сыну Борисову».

В заключение обратимся к берестяной грамоте, найденной в Витебске. По начертанию букв Б. А. Рыбаков датировал грамоту рубежом XIII и XIV вв. Приведем полный опубликованный текст.

«От Степана къ Нежилови. Оже еси продалъ порты, а купи ми жита за VI гривень. Али цего еси не продалъ, а послѣ ми лицемъ. Али еси продалъ, а добро сътворя, укупи ми жита».

Авторами публикации, на наш взгляд, дано неверное разделение некоторых слов. Как известно, в древнерусских текстах между словами отсутствовали интервалы и текст писался слитно. Например, в публикации слово «али» дается раздельно «а ли». Между тем это скорее всего местное произношение противостоятельного союза «але», что означало «но», «но если». Такое значение оно имеет и в современном белорусском языке. Можно предположить также, что в словах «цего» и «лицемъ» написана несколько удлиненная буква «ч», а не «ц».

Грамота отразила языковые особенности, характерные для северо-западных областей Руси, цокающее произношение («цего» вместо «чего»). Поэтому она принадлежит жителю этой области, т. е. является местной и свидетельствует об особенностях местного говора. Вместе с тем язык грамоты никак не может быть отнесен к белорусскому языку. В ней явно выражен окающий, а не присущий белорусскому акающий говор («от», а не «ад», «добро», а не «дабро», «створити», а не «стварыці». «продаль», а не «прадаў»). В имени «Степан» после *с* поставлено *т*, а не *ц*, точно так же глагол «створити» оканчивается на *-ти*, а не *-ці*, что было бы типично для белорусского произношения. Обращает также на себя внимание мягкое произношение звука *р* в словах «гривень», «сътворя» и «створити». Твердое *р* — одна из важнейших фонетических особенностей в белорусском языке. В витебской грамоте этого нет.

Мы специально столь подробно остановились на фонетических особенностях витебской берестяной грамоты, поскольку хронологически она выходит за принятые рамки древнерусской эпохи и открывает новый период (XIV–XVI вв.), который традиционно связывают со временем начала формирования белорусского, русского и украинского этносов и их языков. Несмотря на местное происхождение грамоты, она написана на общем древнерусском, а не на белорусском языке, так же как и не на

русском или украинском, которых тогда тоже еще не было. Отдельные фонетические нюансы, встречающиеся в витебской берестяной грамоте, указывают только на существование тогда диалектов, которые прослеживаются специалистами и по другим текстам того времени.

Можно, однако, допускать существование некоторых диалектов и в пределах Западной Руси, которые могли быть принесены еще славянским расселением или оформились как результат взаимодействия языка славян с языками местного неславянского населения. Так, на некоторых найденных на территории Беларуси пряслицах XII – середины XIII в. имеются надписи. На одном из них, найденном в Пинске, написано: «настасин праслѣнь». На другом – из Витебска – «бабино пряслень». Обращает на себя внимание произношение звука *p* в слове *п^ряслице*. Владелец одного пряслица произносил звук *p* твердо, а владелец другого – мягко. Значит, уже тогда могли иметь место некоторые фонетические различия в языке Западной Руси, возможно, имелись диалектные области. В одних *p* произносилась твердо, в других – мягко.

Напомним, что шиферные пряслица – уникальный предмет. Они развозились коробейниками по всей Руси, и их находки повсеместны и представлены в материалах археологических раскопок в массовом количестве. Не может быть никаких сомнений, что надписи на них сделаны на месте самими владельцами и отражают особенности их местного говора.

Твердое *p* фиксируется также и в некоторых словах «Договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом» (1229 г.). Позже, как уже отмечалось, твердое *p* станет одной из особенностей белорусского языка.

Когда в конце 50–60-х гг. XX в. возник спор о подлинности «Слова о полку Игореве», сотрудниками Института древнерусского языка и литературы АН СССР под руководством академика Д. С. Лихачева был составлен четырехтомный словарь «Слова», в котором каждому слову и выражению этого произведения были приведены соответствия из других, бесспорно древнерусских, текстов. Тем самым был убедительно подтвержден факт принадлежности этого великого творения к литературным памятникам Древней Руси.

Подобным образом достаточно сверить приведенные выше языковые материалы, относящиеся к западной Руси, со словарями древнерусского языка X–XIII вв., чтобы еще раз убедиться в том, что население всей Руси в это время говорило на одном, общем для всех, языке.

Приведем мнение одного из крупнейших знатоков древнерусских письменных источников академика М. Н. Тихомирова. Памятники древнерусского языка, писал исследователь, фиксируя наличие в нем, как и

в любом другом языке, диалектов, не дают, однако, никаких оснований говорить, что в Киеве, Полоцке и Новгороде говорили на разных языках, хотя бы и восходящих к единому корню.

Единство языка ясно осознавалось самими современниками. Летописцы, не раз обращаясь к этой теме, повторяли, что «язык на Руси один — славянский», и даже при перечислении разных восточнославянских территориальных группировок летописец отмечал единство их языка. Единый язык — важнейший показатель единой народности.

10.4.2. Традиционная культура

Важным признаком народности является своеобразие традиционной культуры. Давно замечено, что в ней присутствуют такие элементы, которые присущи конкретному этносу. Это — народная одежда, излюбленные украшения, керамика и др. С этой точки зрения древнерусская культура отмечена несомненным единством. Перед нами совершенно единый массив культуры. Неслучайно археологи и обозначают ее как древнерусскую. Практически невозможно отличить большую часть предметов материальной культуры, изготовленных, например, в Киеве, от аналогичных предметов из Новгорода или Минска. Почти нет даже хронологических различий в бытовании тех или иных типов вещей. Неслучайно в археологической науке прочно утвердилась методика датирования находок по аналогиям. Эта методика была много раз проверена и подтверждена. Сейчас практически нет таких исследований, посвященных памятникам Древней Руси, где бы они не находились, в которых не использовались бы ссылки на новгородские аналогии, имеющие общепризнанную хронологическую основу. Конечно, в некоторых элементах материальной культуры имеют место заметные отличия, которые можно объяснить особенностями местной географической среды или влиянием этнокультурных субстратов. Русь занимала большое пространство — от теплых южных морей до холодного севера. И это, разумеется, сказывалось на материальной культуре, зависимой от географического фактора. Например, типы жилых и хозяйственных построек и применяемый строительный материал могут значительно отличаться в различных климатических и растительных зонах (в степях и лесах). Но это не меняет общего убеждения в удивительном единстве древнерусской культуры. Единый тип духовной и материальной культуры при всем ее разнообразии — характерная черта древнерусского этноса.

10.4.3. Этническое самосознание

Среди признаков народности особое место отводится этническому самосознанию. Именно возникновением, распространением и утверждением единого этнического самосознания завершается процесс фор-

мирования любой этнической общности. Самосознание проявляет себя в осознании своей принадлежности к конкретному этносу, отличному от других, в самоназвании, представлении о своей родине, ее географической локализации. Славянское население всей Руси осознавало себя как единый народ, проживающий на одном пространстве, в пределах своей страны, которую он называл Русской землей.

Народы отличают себя от других этническим названием, и каждый этнос имеет свое самоназвание. Каким же было самоназвание славянского населения Древней Руси и ее западных земель? Не касаясь областных названий (кривичи, вятичи, дреговичи, радимичи и др.), значительная часть которых перешла к славянам или от дославянских этносов [201, с. 196–197], или была связана с их локализацией (волыняне, бужане, поляне), отметим, что в источниках встречается несколько названий населения Руси, но все они близки между собой и восходят к одному корню. Наиболее распространенными общими названиями были «русские люди», «русские сыны», просто «русь». Реже употреблялось общее название «славяне». В «Слове о полку Игореве» назван этноним «русич». Слово «русич» в нем выступает в качестве этнонима, а слово «русский» — относительного прилагательного («русская земля», «русские полки», «русские жены», «русские сыны»). В договорах Руси с Византией и в Русской Правде приводится этноним «русин». Все эти названия относятся не к какой-то областной восточнославянской группировке, а ко всему населению Руси.

Общее этническое самосознание закрепилось на Руси рано и очень быстро. Уже самые первые письменные источники убедительно говорят об этом. Как показатель общерусского этнического самосознания можно рассматривать фразу в «Договоре Руси с Греками» (944 г.), что договор заключен от «всех людий Руския земля».

Названия «русский», «Русская земля» употреблялись и в отношении западных земель Руси и ее населения. Вспомним то место в «Слове о полку Игореве», где говорится о битве под Минском в 1067 г., когда скрестили оружие полоцкие и южнорусские полки. «Немизе кровавы брезе не бологомъ бяхуть посеяни. Посеяни костью рускихъ сыновъ». Как видим, здесь не говорится ни о полянах, ни о северянах, ни о кривичах. Все, павшие на поле брани, и те, кто пришел с Ярославичами, и те, кто был в полку полоцкого князя Всеслава, — все они — «русские сыны», представители одного народа.

В этой связи представляет интерес и рассказ Н. В. Татищева о событиях 1129 г., когда после отказа полоцких князей принять участие в совместном походе на половцев киевский князь послал своих воевод в полоцкие города, чтобы они рассказали их жителям о недостойном поведении их князей, предупредив, однако, воевод, чтобы «русской крови

они не проливали». Разве это не свидетельство того, что жители Полоцкого княжества считались такими же русскими, как и остальное население Руси?

Интересно, что и иностранцы рассматривали население Руси как один народ. В Ливонской хронике начала XIII в. полоцкий князь назван «королем русов». То же название «русы» повторяется в послании римского папы Александра князю Миндовгу (1255 г.).

Следует заметить, что этнонимы «русин», «русич», не говоря уже о названии «русский», долго функционировали на территории Беларуси и в последующее время. Белорусский первопечатник Ф. Скорина (XVI в.) в полученном им дипломе Падуанского университета назван «русином из Полоцка». Язык своих книг Скорина называл «русским». В составе Великого княжества Литовского, а позже — Речи Посполитой белорусские и украинские земли, язык местного славянского населения, его православная вера в официальных документах назывались «русскими». Это наименование было закреплено и в названии государства — «Великое княжество Литовское, Жемойтское и Руское». Название «русский» — это общее, коренное самоназвание восточных славян, показатель единого восточнославянского этноса, выражение его общего самосознания.

Можно спорить о том, что появилось раньше — политоним «Русь», обозначающий страну, или этнонимы «русь», «русский», обозначающие народ, но не подлежит сомнению, что в данном случае этноним и политоним неотделимы друг от друга.

Весьма четким и определенным было осознание русским народом единства своей территории (не государства, а именно территории), которую он населял и которую был обязан хранить и защищать от иноземцев.

«Добра хочу братьям Руской земли», — писал в своем «Поучении» Владимир Мономах (1096 г.). «Русьския земли игуменом» представляется Даниил Паломник в своем «Хождении в Святую землю» (ок. 1112 г.). Интересно, что в монастыре Святого Саввы он записал в поминание — среди прочих «русских князей» — и «Глеба Менского».

Все содержание «Слова о полку Игореве» проникнуто идеей единой родины «русичей», единой исторической судьбы ее народа. Автор призывает князей положить конец крамолам и объединиться в борьбе с общими врагами. В какую бы часть страны не пришла беда, она — общая для всего русского народа, и все должны преодолевать ее общими усилиями.

В том же «Слове о полку Игореве» прямо говорится, что Полоцкое княжество — тоже Русская земля. Обращаясь к полоцким князьям, коря их за «крамолы», автор «Слова» восклицает: «Вы бо своими крамолами начасте наводите поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславлю».

«Жизнь» — т. е. владения Всеслава, для автора» Слова» — это та же Русская земля.

В «Памяти» Кирилла Туровского (конец XII в.) говорится, что святой был «рождения и воспитания града Турова, в Руской стране и тако нарицаема».

Осознание единой Родины сохраняется и в период феодальной раздробленности Руси. Существование отдельных русских княжеств с их столицами и великими князьями воспринималось как явление естественное и исторически обусловленное. Все они рассматривались как волости князей единого рода Рюриковичей. И все они составляли одну страну — Русь с одним русским народом. Эта идея особенно сильно выражена в «Слове о погибели Русской земли», написанном либо в конце 20-х гг. XIII в., когда русские впервые столкнулись с монголами и потерпели от них поражение на Калке, либо в 40-х гг. того же столетия после нашествия на Русь войск Батгя. В «Слове» точно очерчены пределы Русской земли: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!.. Отселе до угорь и до ляховь, до чехов, от чехов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймицы погани, и за Дышучимь моремь; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, до чермись, от чермись до морьдвии...»

Так и в таких границах — от венгров, чехов и поляков на западе до волжских народов черемисов, болгар и муромы на востоке, и вплоть до Баренцевого (Дышащего) моря на севере — представлялась современнику Русская земля. Легко заметить, что вся территория современной Беларуси включена в эти границы. Именно ее земли граничили тогда с ятвягами и литвой. И все это — единая Русская земля. Таким было осознание древнерусским народом своей Родины даже в удельный период. Ощущение своей территории — один из важнейших признаков народности. Русские люди любили свою Родину и гордились ею. Им приятно было сознавать, что Русь, говоря словами митрополита Иллариона (XI в.), «ведома есть всеми концы земля». Крылатыми стали слова князя Святослава Игоревича: «Да не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора».

Чувством патриотизма проникнуты все древнерусские летописи. Ощущение себя как части одного народа всегда присутствует в авторской позиции летописцев. Они, как правило, были свободны от местечковой ограниченности и осуждали междоусобицы. Сильно переживает автор «Слова о полку Игореве» «которые» между русскими князьями, когда в разные стороны стали развиваться их стяги, когда сказал брат брату: «Это мое, и это тоже мое». Вот откуда, по его убеждению, пошли все беды, вот почему стала страдать Русская земля.

В исторических былинах, восходящих ко временам Киевской Руси, богатыри «боронят» всю русскую землю от Муромских лесов до Карпатских гор. Для них Русь — одна и едина. Они несут свою сторожевую службу ради «матери — Свят-Русь-земли». Они защищают весь русский народ, живущий в этой стране, не глядя на то, какой тип височных колец носят его женщины в различных районах. И даже былинный Волх Всеславич, прообразом которого исследователи считают полоцкого князя Всеслава Брючиславича, тоже защищает Русь и ее столицу Киев.

Под наименованиями «Русь», «Русия» Русская земля известна как ее соседям, так и другим странам и народам. «Русию и Русь, — писал академик М. Н. Тихомиров, — знают французский эпос. О ней говорят документы римской курии, немецкие хроники, византийские хронографы, скандинавские саги, арабские, средневековые иранские и другие восточные писатели.

Существование древнерусской народности, которая населяла Русскую землю, — это «факт выдающегося значения в мировой истории, факт, который оставил заметные следы в истории Европы» [172, с. 15].

Единый язык, одна культура, одно название, общее этническое самосознание — такой мы видим Русь и ее население. Это и есть единая древнерусская народность. Осознание своего общего происхождения, единых корней — характерная черта менталитета трех братских восточнославянских народов. Этноним «русский» — общее самоназвание всего славянского населения Древней Руси, коренное имя не только современных русских, но в такой же степени — белорусов и украинцев. Народ называл себя так и после вхождения всех восточнославянских земель в состав Российской империи. В конце XIX в. среди учителей начальных школ Витебской губернии была распространена анкета, в которой на вопрос о национальности 80 % учителей назвали себя русскими и только 20 белорусами. Не может быть сомнения в том, что учителя начальных школ были представителями коренного белорусского этноса, и результаты анкетирования отнюдь не могут быть истолкованы как следствие «русификации». Это — показатель живучести в этническом самосознании населения Беларуси своего коренного исторического имени. Конечно, в XIX в. было очевидно, что ни единого русского этноса, ни общего языка у восточных славян уже нет. Реально существовали три близких народа, языки которых составляют особую общую языковую группу. Поэтому утвердились и новые уточняющие названия — белорус, великоросс, малоросс (украинец). Термин «русский» стал собирательным, историческим, названием, означавшим в науке совокупный восточнославянский мегаэтнос. В советское время возобладало представление, что в этнонимах «великоросс» и «малоросс» прослушивается некое дискриминационное

противопоставление «великого» «малому», и эти названия были исключены из употребления. Термин «русский» сохранился и закрепился только за современными этническими русскими, заменив исключенный из употребления этноним «великоросс».

10.5. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ РУСИ

Что же происходило с этносом на территории Западной Руси и что способствовало столь быстрым успехам славянской ассимиляции на вновь освоенных землях? Укажем на некоторые, наиболее вероятные причины.

Появление здесь восточных славян и освоение ими новой большой территории проходило, как мы уже отмечали, в рамках одного, общего для славян, балтов и финно-угров, государства Киевской Руси. Это было постепенное распространение славянского этноса за пределами своей этнической территории, обусловленное рядом обстоятельств, о которых мы можем только догадываться. Возможно, это была потребность в новых землях, вызванная демографическими процессами; возможно, сказалась сложная ситуация на юге Руси, где славянские поселения постоянно подвергались набегам кочевников, сопровождавшихся грабежами и разорениями, что вынудило часть славян покинуть свои места и переселиться в северные области страны; следует также предполагать стремление киевских князей усилить свою власть в неславянских землях государства, сдерживать сепаратизм местных правителей и, опираясь на славянских поселенцев погостов и городков, облегчить сбор дани. Возможно, были и другие причины.

Славяне не были здесь чужеземцами, незнакомыми местному населению, особенно местной знати, которая давно связала свою судьбу с Киевом, принимала участие в походах русских князей (вспомним участие кривичей в походе Олега на Византию и т. д.).

Конечно, хотелось бы знать, каково было численное соотношение славянского и неславянского населения на территории западных областей Руси. Хотя, как уже отмечалось, нельзя исключать некоторого оттока местных балтов к северу, основная часть местного населения, надо полагать, осталась на месте и была вовлечена в процесс этнической миксации. По всей видимости, миграция славян не носила разового характера. Она шла непрерывно, и соотношение между местным и славянским населением постоянно менялось в пользу последнего.

Археологические материалы дают основания предположить, что численность балтов на территории Беларуси ко времени начала расселения

славян севернее Припяти не была значительной. Памятников местных культур известно немного, а их поселения невелики по размерам. Исключение составляет, пожалуй, Замковая гора около д. Деделовичи. Полученный во время раскопок вещевого материала бедный и представлен в основном керамикой. Славянские же поселки, появившиеся здесь в X в., как это можно судить по селищу около д. Городище (Минский р-н), отличались очень крупными размерами. Косвенным подтверждением относительно слабой заселенности этой территории может служить и сам факт быстрой славянизации местного населения.

Быстрой славянизации способствовал ряд обстоятельств. Славяне к этому моменту достигли больших успехов в хозяйственном, политическом и социальном развитии. Они принесли с собой новые, более производительные, орудия земледелия, уборки и обработки сельскохозяйственной продукции: плуг, рало и соху, оснащенные металлическими наконечниками, каменные жернова, на которых можно было получать муку различного помола, более совершенные серпы и косы. С приходом славян распространился гончарный круг.

Превосходство в культуре — очень важный фактор, способствующий победе ее обладателя в этнических взаимодействиях. На новых землях славяне постепенно становились титульным этносом.

Население быстро приняло славянскую культуру и перешло на славянский язык. Среди известных нам надписей на предметах XI—XII вв. нет ни одной, которая бы была выполнена не по-русски.

Мощным фактором объединения этноса было существование государства. Само появление Киевской Руси с ее организацией управления страной, государственной идеологией вело к объединению. Осознание единства страны, которой правил род Рюриковичей, система наследования власти, которая предусматривала права всех Рюриковичей на власть над всей «Русской землей», единая правовая система, стабильность границ, необходимость совместной борьбы против кочевников на юге и против северных соседей способствовали утверждению представления о единстве страны и населявшего ее народа. Важная роль государственности в консолидации этноса хорошо известна. Например, разгром венгров Велико-Моравского государства в 906 г., по мнению исследователей, приостановил развитие великоморавской этнической общности на основе моравско-чешских, словацких, паннонских и лужицких племен, которые входили в ее состав. Произошел разрыв экономических и политических связей между ними и административно-территориальное разделение этой части западнославянского этноса [22].

Несомненно, консолидации содействовало социально-экономическое развитие восточных славян в рамках Древней Руси, зарождение и раз-

витие феодальных отношений. Частые войны русских князей, сборы в походы не только воинов-феодалов, но и ополченцев из разных мест страны, совместное, часто длительное пребывание их в военных лагерях способствовали осознанию общих интересов и общего социального и этнического самосознания.

Трудно также переоценить объединяющее значение распространения христианства и великую роль церкви в консолидации восточнославянского этноса. Влияние религии на все стороны жизни было таким сильным, что нередко само этническое самосознание отождествлялось с конфессиональным. На Руси это было особенно заметно, поскольку все соседние этносы исповедовали другую веру: на севере, востоке и юге соседями были язычники, на западе — католики. Вера отличала население Руси от соседних народов, она приобрела характер специального признака, подчеркивала общность славян с другими народами Руси, принявшими православие.

Необходимо добавить, что Церковь на Руси была тесно связана с политической жизнью, проводила большую работу по объединению страны, всегда стояла за единство Руси, осуждала междоусобицы, традиционно считала славян Руси и славянизированные народы единым этносом. С Церковью связано распространение письменности, а та, в свою очередь, явилась еще одной мощной силой консолидации.

Экономическая жизнь на Руси становилась все более интенсивной. Развивались ремесла и торговля — как внутренняя, так и внешняя. Единство материальной культуры, о чем так выразительно свидетельствует археологический материал, в огромной степени было связано экономическими связями между различными областями страны. Экономические связи, естественно, усиливали межэтнические контакты и способствовали сближению различных этносов, их интеграции в единую народность.

Но новые исторические условия, в которых оказались славяне после расселения на пространствах Восточной Европы, несомненно, включили в действие и факторы, которые вели к ослаблению единства и разделению восточнославянского этноса. Факторы эти — большие размеры новой территории обитания и разные этнические субстраты.

В какой-то степени повторилось то, что уже было и раньше в этнической истории как индоевропейцев, так и собственно славян. Наиболее близкий и убедительный пример — недавний выход ранних славян за пределы своей прародины. Заняв новые громадные пространства в Восточной Европе и на Балканском полуострове, они принесли с собой общий славянский язык, единство которого сохранялось длительное время. Но ослабление внутриэтнических связей, которые невозможно было поддерживать при наличных средствах коммуникации, неизбежно

вело к возникновению областных диалектов, различавшихся все больше и больше.

Наряду с этим не меньшее, если не большее, разрушительное действие на язык оказывали местные этносы, с которыми славяне начали смешиваться. Таким же заметным изменениям, особенно на Балканском полуострове, подвергся антропологический тип славян. Все эти воздействия называют действием этнического субстрата. В конечном итоге к VIII—IX вв. некогда единые славяне разделились на три ветви: западную, восточную и южную, с собственными языками и заметными антропологическими и культурными различиями. Законы этногенеза проявились в судьбах ранних славян и сказались также на их дальнейшей этнической истории.

Через те же процессы прошли и восточные славяне. В такой же степени они испытали на себе действие пространственного фактора — большие размеры новой территории обитания — и действие этнических субстратов.

Сформировавшись в качестве новой особой группы славян на относительно небольшой территории на юге Беларуси и севере Украины, славяне в короткое время (в основном в течение X в.) расселились на территории Киевской Руси как один восточнославянский народ, единая в языковом и культурном отношении древнерусская народность с общим самосознанием. Восточные славяне стали доминирующим этносом и связующим посредником между другими этносами страны. Первые века их пребывания на новой территории были отмечены в наибольшей степени общими признаками древнерусского этноса. Это этнокультурное единство стало решающим фактором дальнейшего этнического развития домонгольской Руси.

Но Древняя Русь с самого начала была полиэтничным образованием. Славяне расселились в стране, где, кроме них, проживали балты, финноугры, группы ираноязычных и фракийских народов. Начался процесс достаточно быстрой миксации, в котором победу одержали славяне. Смешиваясь с другими этносами, славяне, однако, не могли не испытать на себе действия местных этнокультурных субстратов. В чем и с какой силой субстраты проявили себя на территории Западной Руси?

Мы уже отмечали те новые черты в языке, материальной и духовной культуре, а также в антропологической характеристике славянского населения Западной Руси, которые можно проследить и объяснить неизбежными последствиями миксации, считать их проявлением действия субстрата. Напомним наиболее существенные из них.

В языке, в частности в лексике, их ничтожно мало. В фонетике некоторые исследователи считают наследием балтов «аканье» и «дзеканье»,

закрепившиеся позже в белорусском языке. Но это положение не является общепризнанным в лингвистической науке, на что мы уже указывали.

В археологических материалах наследием балтской культуры В. В. Семенов считал прослеживаемый в курганах обычай класть покойника (или ставить гроб с умершим) на остатки предварительно устроенного кострища. Мы не уверены, что этот обычай был заимствован у балтов: во-первых, балтский погребальный обряд до прихода славян, кроме как у носителей культуры длинных курганов на северо-востоке Беларуси, не был связан с курганами. В банцеровской и колочинской культурах был обычай хоронить в небольших ямках глиняные сосуды с остатками кремации покойника. Поэтому проводить прямые параллели между ними и славянскими курганными захоронениями просто невозможно. Во-вторых, до прихода славян балты жили и южнее Припяти, но славянские погребения с зольно-угольной прослойкой под погребенным там отсутствуют. Впрочем, погребальные обычаи у славян и носителей культуры длинных курганов представляются совершенно разными.

Ничтожно мало, по сравнению с типичными славянскими курганными захоронениями с западной ориентацией покойника, курганов, в которых покойник положен головой на восток. Предполагается, что последние принадлежали балтам. Но это не столько проявление субстрата, сколько свидетельство существования на Руси очень небольшого по численности балтского населения и то, если такие погребения на самом деле принадлежали балтам.

Более убедительным представляется предположение, что действие балтского субстрата сказалось на некотором изменении антропологического типа славян, о чем можно судить по погребенным в славянских курганах XI–XII вв. севернее Припяти.

Этническая миксация, в которую были вовлечены славяне и различные группы балтов, была основной формой этнических процессов, протекавших на территории западных земель Руси в X–XIII вв. Решительную и безусловную победу одержали славяне. И речь может идти лишь о том, какие изменения произошли в этой части древнерусской народности, в ее составляющих (языке, культуре и др.) в связи с включением в нее местных этносов. Однако преувеличивать влияние этнических субстратов на дальнейшее развитие восточнославянского этноса не следует. Были и другие причины, определявшие его эволюцию не только в рассматриваемый период, но и в последующие столетия. Это и территориальный фактор, и дальнейшее политическое развитие бывших древнерусских земель, приведшее к их разъединению и разрыву связей между ними. Вот почему следует с осторожностью относиться к получившим распространение утверждениям, что именно субстраты стали решающей причиной

разрушения и последующего разделения древнерусской народности. В рассматриваемую эпоху субстрат совершенно не проявил себя в одном из важнейших признаков этноса — этническом самосознании.

Письменные источники не дают никаких материалов, которые бы свидетельствовали о том, что включением неславянских этносов было хотя бы в какой-то мере поколеблено общее этническое самосознание восточных славян, их идентификация себя как «руских». Нет ни малейшего намека на то, что кто-то помнил и говорил о своем «неславянском прошлом». Трудно также объяснить, почему влияние субстрата должно было сказаться не сразу после ассимиляции балтов, а несколько веков спустя.

Как ни странно, но даже после ассимиляции «чужаков» славянская культура XI—XII вв. продолжала оставаться единообразной и монолитной на всем пространстве Руси. Даже керамика, особенно чувствительная к этническим взаимодействиям (и тем более — к смещениям), сохранила единые черты, общие для всего древнерусского пространства, и не испытала заметного воздействия со стороны культур местных этносов. И это один из сильнейших аргументов против предпринимаемых попыток гиперболизации масштабов влияния балтского и иных субстратов на славянский этнос.

Смелая и интересная гипотеза В. В. Седова о роли балтского этнического субстрата в формировании белорусов нуждается в тщательном анализе. Она стала популярной среди тех, кто ищет повод поставить под сомнение реальность общих этнических корней у современных восточнославянских народов. Дело доходит до абсурда, когда, например, сложный процесс формирования белорусов сводят к примитивной формуле «славяне + балты = белорусы». Руководствуясь этой формулой, начало формирования белорусского этноса можно отнести к тем отдаленным временам, когда фиксируются признаки смешения балтских и славянских этносов. А это имело место не только в IX—X вв., но и значительно раньше, причем не только на территории Беларуси, но и в Среднем Поднепровье, когда пришедшие туда в VI в. славяне застали там часть балтского населения.

Этногенез — сложный и многоликий процесс, который нельзя сводить только к биологическим факторам; этносы прежде всего — культурно-исторические общности.

Надо заметить, что сам В. В. Седов, как бы нейтрализуя потуги использовать его гипотезу для неправильных заключений, издал позже большое монографическое исследование «Древнерусская народность», в котором подробнейшим образом рассмотрел условия и особенности формирования и существования древнерусской народности.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что этнические процессы на Руси, в том числе и в ее западных землях, были сложными и разнонаправленными. Восточнославянский этнос в период существования Древнерусского государства испытывал на себе воздействие со стороны разных сил. Одни из них способствовали укреплению единых начал, консолидировавших народность (государственность, совместная борьба против иноземных захватчиков, налаживание экономических связей, религия). Другие, наоборот, вели к возникновению локальных особенностей как в языке, так и в культуре (географический фактор, большая территория расселения, этнические субстраты). Деструктивно влияла на этнические процессы феодальная раздробленность.

Одновременное воздействие как разъединяющих, так и объединяющих факторов характеризовало и определяло диалектику этнических процессов на Руси. Некоторые антропологические изменения, обязанные миксации, не разделили, однако, древнерусский этнос и не сказались на его базовой характеристике – этнической идентификации. Этнические включения не изменили единства древнерусской материальной и духовной культуры, несмотря на то что они были связаны с разными субстратами. Можно сказать, что эволюция древнерусского этноса имела тенденцию к появлению в ней элементов, которые вели к ее дифференциации, но мощные сдерживающие факторы не позволяли тогда ей разделиться. Это произойдет значительно позже.

Только так мы можем представить и объяснить себе результаты этнических процессов, которые протекали на Руси, в том числе в ее западных землях.

Глава 11

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

11.1. О ПРИЧИНАХ, ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ И ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ БЕЛОРУСОВ

Белорусский народ – одна из ветвей (подгрупп) восточных славян в составе славянской группы индоевропейской семьи народов. Он сформировался в результате длительных и сложных этнических процессов, протекавших в разное время на территории Беларуси, впитал в себя и переработал весь тот разнообразный генетический фонд, который накапливался здесь несколько тысячелетий.

Возникновение белорусского народа – закономерный результат предшествующего этнического развития населения Беларуси, обусловленный законами этногенеза. К сожалению, в исторической литературе проблема возникновения белорусского народа освещается не всегда правильно, вне связи с законами этногенеза и реальными историческими обстоятельствами. Нередко читателю вместо фундаментальных, теоретически обоснованных разработок, базирующихся на широком источниковом материале, предлагаются высказанные в разное время сообщения или предположения, далекие от науки. Многие из них вошли в некоторые учебные пособия без соответствующих комментариев, и учащиеся чаще всего могут только перечислить их, не понимая существа проблемы. Трудно назвать научными концепциями некоторые суждения, высказанные когда-то непрофессионалами на любительском уровне. Чего стоит, например, идея о возникновении белорусов на основе финского этноса. Она была предложена человеком, далеким от гуманитарных наук. В качестве аргумента для него достаточно было указать на то, что на территории Беларуси встречаются отдельные финно-угорские топонимы. Незначительное число финно-угорских гидронимов действительно имеется на северо-востоке Беларуси. В целом же в гидронимической

номенклатуре Беларуси преобладают балтские речные названия. Однако преобладание здесь неславянской гидронимики может свидетельствовать только о том, что славянам здесь предшествовало финно-угорское и балтское население. При этом финно-угорская гидронимика, появившаяся еще в неолите до прихода балтов, частично стала использоваться и последними. Славяне же застали на этой территории не самих финно-угров, а балтов. Следовательно, никакого влияния на этногенез белорусов финно-угры оказать не могли.

Несомненным является тот факт, что славяне распространились на территории, ранее занятой балтами, что и объясняет использование ими речных названий, которыми пользовалось местное балтское население, в том числе и сохранявшимися финно-угорскими гидронимами.

Представляется ошибочным предложенный В. В. Седовым тезис о решающей роли в этногенезе белорусов балтского субстрата [150, с. 162–190]. Следуя этой идее, Н. И. Ермолович прямо называет белорусов «славянизированными балтами» [48, с. 43].

Никогда субстрат не может быть этнической базой формирующегося этноса. Напомним, что славяне как носители культуры пражского типа начали смешиваться с балтами еще в VI–VII вв. н. э., вскоре после их расселения в междуречье Буга и Днестра, где до них обитала часть балтов. Балтский субстрат на то время сыграл известную роль в оформлении восточной группы славян, которая стала ядром древнерусской народности. Поэтому какая-то доля балтского компонента имеется у всех восточных славян, расселившихся позже на просторах Восточной Европы. Но славяне не стали ни белорусами, ни украинцами, ни современными русскими.

Пришедшие позже на территорию средней и северной Беларуси славяне снова ассимилировали какую-то часть балтов. Но далеко не всякое смешение может привести к этнической трансформации и появлению нового этноса. Включение иных этносов может быть ощутимо и рассматриваться как воздействие субстрата, но оно не ведет к потере суперстратом его основных этнических характеристик. Суперстрат может претерпеть только незначительные изменения, приобрести под действием субстрата некоторые новые черты в языке, культуре или антропологическом типе, но степень воздействия этнического субстрата в этногенезе бывает разной и зависит от многих факторов. Она тем более значительна, если носитель субстрата велик в численном отношении и уровне культурного развития. Принято считать, что при этнических взаимодействиях победу одерживает этнос с более высоким уровнем хозяйственного, культурного и социального развития. Однако следует напомнить, что развитие этноса определяет не только один субстрат.

Все говорит о том, что взаимодействие славянского и балтского населения на территории Беларуси носило именно ассимиляционный ха-

ракти и не привело к заметной трансформации славянского этноса. Сохранились славянская культура, древнерусский язык и, что особенно важно, русское этническое самосознание. Как свидетельствуют источники, славянизация балтов прошла быстро и завершилась уже к началу XI в. (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 67–68). Многие последующие века после завершения ассимиляции балтов славяне этого региона продолжали считать и называть себя русскими. О включении в состав славянского населения балтов не помнили даже первые русские летописцы, которые, однако, знали и писали о том, что славяне не были коренным населением территории Древней Руси и пришли сюда в процессе славянского расселения.

Трудно представить, что балтский субстрат мог проявить себя спустя несколько столетий после исчезновения балтского населения на территории Западной Руси, да к тому же еще стать главной причиной появления белорусов.

В проблеме происхождения белорусов важно определиться с датами. Глубоко ошибочной является позиция некоторых авторов, которые, следуя тезису о решающей роли в появлении белорусов балтского субстрата, доводят дело до абсурда, полагая, что смешение балтов со славянами, вне зависимости от времени и обстоятельств, автоматически привело к рождению белорусского этноса. Эта идея логически смыкается с позицией противников существования древнерусской народности, в силу чего, в их представлении, формирование белорусского этноса проходило чуть ли не во второй половине I тыс. н. э. Так, в некоторых учебных пособиях по истории Беларуси раздел о возникновении белорусов стали помещать сразу же после раздела «Железный век» перед эпохой Древней Руси [Гісторыя Беларусі. 1998]. Следуя ложному тезису о появлении белорусов в результате смешения балтов и славян, Г. В. Штыхов белорусами или «прабелорусами» называет уже носителей банцеровской и колочинской культур середины – второй половины I тыс. н. э., в которых и славянского-то ничего не было [213, с. 31; 214, с. 116–117]. Никакой другой этнической основы, кроме славянской, в формировании белорусов быть не могло. Белорусы – органическая часть славянского мира.

Второе распространенное заблуждение – выводить белорусов непосредственно из так называемых восточнославянских племен: кривичей, дреговичей и радимичей. Когда восточные славяне стали заселять территорию Беларуси севернее Припяти, они уже представляли собой не племена, а более высокий тип этнической общности – древнерусскую народность. Она-то и стала той основой, на которой формировались белорусы, равно как и украинцы и русские. Следовательно, возникновение этих народов относится к последнедревнерусскому периоду.

Заметим, что белорусский этнос формировался не на всем пространстве Древней Руси, а на основе той части древнерусской народности, которая заселяла основную территорию современной Беларуси. И если эту часть древнерусской народности летопись иногда называла также кривичами, радимичами и дреговичами, то необходимо иметь в виду, что речь идет не о племенах, а о территориальных группах древнерусского населения, которые этнически между собой не различались. Четкости в определении этих этнонимов, к сожалению, нет в интересных в целом работах М. Я. Гринблата [42] и М. Ф. Пилипенко [126], посвященных проблеме происхождения белорусов. Такая неопределенность в понятиях может вызвать вопрос о месте в этногенезе белорусов древнерусской народности. В свете сказанного, столь же ошибочной является идея о появлении белорусов на основе одного «кривичского племени».

Выделение белорусского этноса среди других славянских народов было обусловлено всеми теми факторами, которые проявляют себя в этногенезе: это и этническое прошлое, и пространственный фактор (обширная территория, какую занимали восточные славяне), и действие этнических субстратов, и роль политического разделения восточных славян, начавшегося в XIII в., разная политическая среда, в которой развивались различные восточнославянские области. Все это следует учитывать при объяснении причин появления белорусского народа.

Исследуя проблему происхождения белорусов, необходимо выделить основные характерные признаки белорусов в языке, материальной и духовной культуре и проследить, когда, как и почему они возникли. Очень важно выяснить становление и утверждение белорусской этнической идентификации.

11.2. ДАЛЬНИЕ И БЛИЗКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДКИ БЕЛОРУСОВ. ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Возникновение белорусов следует рассматривать как итог его предшествующей этнической истории. Как это не покажется парадоксальным, но даже очень отдаленные события получили свое отражение в некоторых этнических и антропологических характеристиках современных белорусов.

В этнической истории Беларуси выделяется несколько периодов: доиндоевропейский, совпадающий с каменным веком (XXV—III тыс. до н. э.), балтский, совпадающий с бронзовым и железным веками (II тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.), славянский (со второй половины I тыс. — до наших дней). В последнем выделяются два этапа: древ-

нерусский (до XIII в.) и белорусский (от XIV–XVI вв. до наших дней). Эти даты, как и границы между этническими периодами, несколько условны, поскольку этнические процессы протекают очень медленно, и переход от одного периода к другому может занять длительное время.

11.2.1. Появление первых этнических образований на территории Беларуси

Первые люди появились на территории Беларуси в позднем палеолите. На юге страны, в Гомельской области, найдены и изучены две стоянки этого времени: Бердыжская в Чечерском районе (23 тыс. лет назад) и Юровичская — в Калинковичском (26 тыс. лет назад). Неблагоприятная климатическая обстановка из-за долгого размещения здесь ледника препятствовала освоению человеком этой территории. Усиление холодов нередко заставляло людей покидать ее и отходить к югу. Не исключено, что все население на территории Беларуси в этот период не превышало ста человек, объединявшихся в несколько раннеродовых общин.

Только после окончания ледникового периода (приблизительно 10 тыс. лет назад) начинается активное заселение территории Беларуси. Разные мезолитические племена охотников проникли сюда из соседних регионов и образовали 3–4 этнокультурные области, несколько различавшиеся между собой в элементах материальной культуры. Позже (IV–III тыс. до н. э.) на их основе развились неолитические культуры.

Разные исходные территории расселения с самого начала определили различия в этническом составе населения Беларуси в течение всего каменного века. На ее территории проживало несколько племенных групп охотников и рыболовов, которые были прямыми потомками древнейшего населения Восточной Европы.

Наметившиеся в мезолите границы между отдельными племенными группами оказались достаточно устойчивыми и сохранялись в течение нескольких тысячелетий. Устойчивость этносов и занимаемых ими территорий в условиях одинакового образа жизни и уровней хозяйственного и социального развития этих племен свидетельствует о сложных межэтнических отношениях, по-видимому исключавших значительные смещения и проникновения одних племен на территорию других.

Язык большей части неолитических племен Беларуси не поддается определению, но представляется несомненным, что эти племена не относились к индоевропейской группе народов. Поэтому их можно условно назвать доиндоевропейцами.

В конце неолита (III тыс. до н. э.) в северные районы Беларуси проникли новые племена с характерной культурой ямочно-гребенчатой

керамики, которую археологи связывают с древними финно-уграми. Этот вывод находит подтверждение также в данных антропологии и лингвистики.

Таким образом, начальный период этнической истории Беларуси, совпадающий с каменным веком и господством присваивающих форм хозяйства, можно назвать древнейшим или доиндоевропейским. Он был самым длительным и охватывал время с момента появления на территории Беларуси первых людей до конца III тыс. до н. э. Основными занятиями были охота, рыболовство и собирательство. Богатые дичью леса и развитая система рек и озер создавали благоприятные условия для таких занятий. Все население Беларуси к концу каменного века едва ли достигало 5 тыс. человек.

11.2.2. Расселение индоевропейцев. Балтский период в этнической истории Беларуси

Важнейшие изменения в исторических судьбах населения Беларуси наступили в конце III — начале II тыс. до н. э. На ее территории стали расселяться новые индоевропейские племена скотоводов и земледельцев. Великая миграция индоевропейских племен, охватившая громадные пространства Азии и Европы, была вызвана переходом индоевропейцев к скотоводству и земледелию, которые создали совершенно новые возможности для существования людей. Скотоводство надежно обеспечивало человека мясом, молоком, жирами, шерстью. Это быстро сказалось на уровне жизни индоевропейцев: значительно сократилась детская смертность и увеличилась продолжительность жизни людей. Все это привело к резкому увеличению численности и плотности населения. Собственной территории для индоевропейцев уже не стало хватать. Они вышли за границы своей «прародины» и начали постепенно осваивать соседние территории.

Миграция индоевропейцев из области их первоначального пребывания (прародины) осуществлялась в разных направлениях и заняла несколько тысяч лет. В начале III тыс. до н. э. одна из их групп, пройдя через Иранское плоскогорье и Среднюю Азию, расселилась в южных степях Восточной Европы, между Волгой и Днепром. Здесь возник крупный очаг дальнейшего продвижения индоевропейцев в более северные и западные области Европы, в том числе и на территорию Беларуси.

При расселении индоевропейцам удавалось сохранять основные черты своей культуры, и они смогли разнести многие культурные достижения Древнего мира (производящие формы хозяйства, металлургию, колесный транспорт и др.). Превосходство новой экономики и культуры стало решающей причиной того, что им не только удавалось закрепить-

ся на новых местах, но и выходить победителями в процессе этнических взаимодействий с местными племенами охотников и рыболовов. Местное население воспринимало более высокую экономику пришельцев и постепенно переходило на индоевропейский строй речи.

Выход за рамки начальной небольшой территории обитания и расселение на обширных пространствах, сопровождавшееся смешением с различными народами, привели к распаду индоевропейцев на множество родственных народов, языков и культур.

Приблизительно в середине III тыс. до н. э. часть индоевропейских племен продвинулась из южных степей к северу и расселилась в Среднем Поднепровье. Здесь она начала энергично смешиваться с племенами местной неолитической культуры (днепро-донецкой), в результате возникла новая археологическая культура раннего бронзового века, получившая название среднеднепровской.

На рубеже III и II тыс. племена среднеднепровской культуры пришли в движение и начали быстро расселяться на территории Беларуси. Это положило начало новому, индоевропейскому, периоду в этнической истории Беларуси.

С расселением индоевропейцев изменился не только этнический состав населения, но сменилась целая эпоха: каменный век уступил место бронзовому. Древняя экономика, основанная на охоте, рыболовстве и собирательстве, постепенно заменялась производящей – скотоводством и земледелием. Столь же значительными были социальные изменения. У индоевропейцев господствовал отцовский строй и патриархальные отношения. Распространились новые формы религии, для которых характерно почитание небесных светил, прежде всего солнца.

Имеются веские основания предполагать, что расселившиеся на территории Беларуси и дальше в Прибалтике скотоводческо-земледельческие племена представляли одну из новых ветвей индоевропейцев – древнейших балтов, занимавших эту территорию до прихода сюда славян. Археологические и антропологические исследования свидетельствуют, что проживавшее здесь древнее доиндоевропейское население осталось на своих местах и постепенно ассимилировалось пришельцами. Но для этого потребовалось свыше тысячи лет.

В начале I тыс. до н. э. балтские племена научились получать железо из местных болотных и луговых руд, что положило начало железному веку (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). Если раньше племена испытывали недостаток в металле, который поступал на территорию Беларуси из Кавказа и Карпат в основном в виде готовых орудий, оружия и украшений, то теперь население стало располагать своим металлом. Металл все энергичней внедрялся в хозяйственную жизнь людей. При помощи железного топора человек освобождал от леса земельные участки

и вел на них подсечное земледелие. С этим периодом связаны многочисленные укрепленные городища, служившие местом обитания больших патриархальных семей. Такая семья была одновременно основной хозяйственной и общественной единицей. В Беларуси насчитывается приблизительно одна тысяча городищ. Если предположить, что на городище в среднем проживало от 50 до 70 человек, то можно подсчитать, что все население Беларуси в железном веке составляло от 50 до 70 тыс. человек.

Патриархальные семьи объединялись в роды, роды — в племена. На территории Беларуси сформировалось несколько своеобразных археологических культур, отражавших племенное членение населения. Важнейшие из них милоградская, зарубинецкая, штрихованной керамики, днепро-двинская. Все они были достаточно развиты, несмотря на то что лесная зона и относительно бедные почвы не благоприятствовали хозяйственному развитию.

К середине I тыс. н. э. в жизни племен произошли заметные перемены. Родовые городища уступили свое место неукрепленным поселкам — селищам, на которых селились не только родственные, но и не родственные семьи, составлявшие вместе соседскую (территориальную) общину. Укрепленные городища сохраняются иногда возле селищ как места, куда укрывалось население в случае военной опасности.

Во второй половине I тыс. н. э. на основе культур раннего железного века сформировались три-четыре новые археологические культуры (длинных курганов, колочинская и банцеровско-тушемлинская). Балтское население этих культур дожило до прихода и расселения в этих местах славян.

Таким образом, балтский период в этнической истории Беларуси условно продолжался со II тыс. до н. э. до середины, а в центре и на севере Беларуси — почти до конца I тыс. н. э. С этим периодом связано возникновение балтских названий белорусских рек.

11.2.3. Древнерусский период

До середины I тыс. н. э. Восточная Европа имела сложную этническую структуру. Лингвистические данные свидетельствуют, что здесь было несколько разных лингвистических зон. К северу от Западной Двины находился древний финно-угорский массив. К югу от него до Среднего Поднепровья располагался балтский. Южнее, в степях обитали носители древнеиранских языков. Несмотря на существование разных гипотез о месте славянской прародины, лингвистические и археологические данные отдают предпочтение идее о локализации ее в области между Эльбой и Вислой, Карпатами и Балтийским морем. Выход славян за пределы своей прародины и заселение ими Юго-Восточной и

Восточной Европы произошли относительно поздно, около середины I тыс. н. э. К этому времени относятся и первые наиболее достоверные известия о славянах в письменных источниках, в которых они выступают под своим этническим именем («склавины» — славяне). Долгое пребывание в пределах своей прародины и относительно позднее расселение выступили причиной близости языков и культур у различных славянских групп в раннем Средневековье. Славяне смогли сохранить и общее самоназвание — «славяне».

По мере роста численности населения славяне сильнее стали испытывать нехватку территории и, когда сложились благоприятные геополитические условия, приняли участие в Великом переселении народов: начали расселяться на соседних территориях за пределами своей прародины. Одна часть славян заселила Балканский полуостров. Другая — двинулась на восток и расселилась на юге Беларуси и севере Украины. В VI в. здесь появились первые достоверные общеславянские памятники культуры пражского типа. Выход славян за пределы своей прародины и смешение их с местными народами привели к разделению славян на три ветви: западных, восточных и южных славян. Южная Беларусь и северная Украина стали прародиной восточных славян. Этим было положено начало славянскому периоду в этнической истории Беларуси.

Период пребывания части славян на территории южной Беларуси и северной Украины оказался очень важным в их истории. Хронологически он занимает отрезок времени с VI до второй половины IX в. В процессе смешения различных славянских групп между собой и местным балтским населением у этой части славян возникали и закреплялись новые, только им присущие признаки: восточнославянский тип речи, единая культура, общее этническое самосознание. Есть основания говорить, что именно в этот период у них, как и у западных и южных славян, впервые формируется государственность. Все это стало проявлением общих исторических закономерностей. К началу расселения славяне уже находились на последней ступени первобытности, на том этапе, который называют строем военной демократии.

Освоение новых территорий ускорило процесс окончательного разрушения первобытно-общинного строя и привело к возникновению у славян первых государственных образований. Из письменных источников известно о возникновении в VII в. государства Само у западных славян, успешно боровшегося против аваров. У восточных славян первым политическим центром суждено было стать Киеву. Кия и двух его братьев — Щека и Хорива — летописец называет главами родов в земле полян. После их смерти княжение у полян держало их потомство. Власть по наследству оставалась в руках рода Кия. Это была первая известная

нам местная славянская династия. Такие же княжения, по летописи, были и у древлян. Называются и некоторые другие области северней Припяти, но со славянами их связывать нельзя, поскольку славяне туда тогда еще не проникли. Указание летописи на борьбу полян с уличами и древлянами, очевидно, представляет собой воспоминание о борьбе Киева за объединение вокруг него некоторых славянских и, возможно, неславянских племен. На начальных этапах государственности такое встречается в истории нередко. Союз племен распадается после смерти правителя или начинается борьба за преобладание между отдельными родами или племенами.

Есть основания предполагать, что именно в этот период у восточных славян появляется общее самоназвание «русь», «русские».

Таким образом, на юге Беларуси и севере Украины у славян формируются все те признаки, которые позволяют говорить о появлении нового типа восточнославянской этнической общности — народности, которую принято называть древнерусской. Ее характеризуют общий восточнославянский (древнерусский) язык, общая культура, общее для всех самосознание и самоназвание.

Археологические данные свидетельствуют о том, что восточные славяне перешли Припять и начали свое дальнейшее расселение на широких просторах Восточной Европы только во второй половине IX—X вв. До этого времени основным населением средней и северной части Беларуси оставались балты, а севернее и северо-восточнее от них проживали финно-угры. С учетом этой ситуации и следует рассматривать летописный рассказ о призвании на Русь варягов. Этот рассказ основан на легенде и записан почти 200 лет спустя после изложенных в нем событий, что могло привести к сильным искажениям.

К 60-м гг. IX в. в Восточной Европе сложилась сложная обстановка. По сведениям русской летописи, ее северные области оказались объектом частых и разорительных набегов со стороны варягов. Сообщается, что местные племена (чудь, весь и др.) вынуждены были платить им дань. По мнению некоторых исследователей, это не должно означать их постоянной зависимости от варягов. По аналогии с другими странами, где разбойничали норманны (варяги), это был, скорее, выкуп или разовые платежи при их набеггах. Вероятнее всего, власть варягов на славян, живших южнее Припяти, тогда не распространялась.

Некоторые другие народы Восточной Европы, жившие на Оке и Посожье, а также часть славян — северяне на Дисне и поляне на Днепре, судя по той же летописи, платили дань Хазарскому каганату, чья столица находилась в низовьях Волги. Таким образом, Восточная Европа в IX в. была как бы поделена на две сферы влияний. В ее северной по-

ловине периодически появлялись с поборами варяги, на юге то же делали хазары.

В 882 г. один из варяжских конунгов Олег захватил Киев и сделал его своей столицей. Утвердившись в земле восточных славян (полян) и став великим князем государства, получившего название Киевская Русь, Олег довольно быстро подчинил себе ряд земель, как славянских, так и неславянских. Летопись последовательно перечисляет походы Олега в земли древлян (883 г.), северян (884 г.), радимичей (885 г.). За период между 885 и 907 гг. Олегу удалось значительно расширить границы Руси и превратить ее в многоэтничное государство, которое населяли славяне (Русь – «русские»), балты и финно-угры.

Опорными пунктами государственной власти стали укрепленные тверди-города. Значительную часть их населения составляли воины. К X в., как свидетельствуют археологические данные, более 90 % профессиональных воинов киевских князей составляют славяне.

Обширная по территории и многоэтничная по составу населения Русь в IX–X вв. была еще непрочным государством. Сильны были областные сепаратистские тенденции. Киевским князьям не раз пришлось пресекать попытки отдельных народов выйти из-под власти Киева. В 966 г., например, рассказывается о походе Святослава на вятичей, живших на Оке. В результате ему удалось подчинить их и наложить дань. Однако после смерти Святослава вятичи снова выходят из подчинения, и новому киевскому князю Владимиру Святославичу пришлось дважды усмирять их. В 984 г. Владимир выступил против радимичей, и его воевода Волчий Хвост разбил их на р. Пишане.

Укрепление власти киевских князей на местах зависело от успехов славянского расселения севернее Припяти, и оно, вероятно, всячески поощрялось. Вместе с основанием городов начинается интенсивное заселение славянами территории обширного государства. Именно к концу IX и в основном к X в. относятся древнейшие славянские курганы севернее Припяти. Десятым веком датируются и ранние славянские города, возникшие на той территории.

Расселение в новых местах славянских дружинников не могло само по себе привести к славянизации местного населения. В этом смысле речь может идти только о быстрой славянизации местной знати. Общая же славянизация могла произойти только в обстановке тесных этнических контактов самих этносов. Принимая во внимание конечный результат этнических процессов, следует предполагать, что в новые области переселялись не только воины, но и славянское земледельческое население. В заселении более северных земель приняли участие жители южных областей Руси, подвергавшихся постоянным набегам и разорениям со стороны кочевников.

Приход на территорию Беларуси славянских переселенцев с юга находит подтверждение в археологических материалах.

По словам летописца, расселяясь, славяне получали новые имена. Некоторые из них, вероятно, перешли к славянам от названий местных народов. Так у славян, по мере смешения их с местными жителями, появились вторые имена — кривичи, радимичи и дреговичи.

Восточные славяне выступали как один народ, носитель единой археологической культуры, о чем убедительно свидетельствуют вещественные источники IX—X вв.

Судя по данным лингвистики, процесс ассимиляции славянами местного населения на территории Беларуси растянулся на длительное время, едва ли не до XII в. И он не прошел бесследно для самих славян, испытавших на себе действие местных этнических субстратов.

Эпоха Древней Руси — одна из ярчайших в истории восточнославянских народов, сохранившая о себе память не только в летописях, художественной литературе, разнообразных памятниках истории и культуры, но и в устном народном творчестве. В составе Руси оказалась большая часть белорусских земель. Киевские князья ежегодно собирали дань по всей стране и вели хорошо организованную заморскую торговлю. Через территорию Беларуси по Днепру проходил один из важнейших торговых путей, известный по летописи как путь «из варяг в греки». По нему шла торговля с Византией. Реки Западная Двина и Припять связывали Русь с Западной Европой. Притоки Днепра и Волги близко подходят друг к другу, что позволяло переправлять торговые суда на Волжский путь, который вел в страны Среднего и Ближнего Востока. На территории Беларуси найдено множество зарытых в землю кладов, содержащих серебряные восточные монеты и украшения, а также изделия из стекла.

Во времена княжения Владимира Святославовича Русь приобрела четкие черты раннефеодальной монархии. В 988 г. была принята христианская религия, что имело большое значение для укрепления государственной власти и сказалось на этнических процессах.

Территория Беларуси составляла органическую часть Руси, ее западные земли. К середине XIII в. они достигли высокого культурного развития. Распространяется грамотность, о чем свидетельствуют надписи на бытовых предметах: гребнях, пряслицах, посуде, письма на березовой коре. В Полоцке, Турове и Новогрудке велось летописание. При соборах и монастырях имелись собрания рукописных книг. Широкую известность в церковной литературе приобрели произведения Кирилла Туровского (XII в.).

Славянское население Руси, в том числе и ее западных областей, составляло единую древнерусскую народность. Для нее характерны еди-

ный язык, одна культура, одна религия и общая этническая идентификация. Население Руси считало себя одним народом и называло себя «русскими». Единство языка и культуры славянского населения Руси не вызывает сомнений ни у лингвистов, ни у археологов.

Среди признаков народности особое значение имеет этническое самосознание, которое проявляет себя прежде всего в самоназвании, представлении о единой родине, ее географических пространствах. Славянское население всей Руси осознавало себя как единый народ, живущий в пределах своей общей и единой родины.

Осознание общности происхождения, укрепление экономических и культурных связей между различными регионами Руси, структура государственной власти, совместная борьба против внешней опасности, единая религия и распространение грамотности – все эти факторы способствовали интеграционным процессам в развитии древнерусского народа. Вместе с тем расселившийся на обширных пространствах восточнославянский этнос стал испытывать влияние факторов, которые вели к постепенному разделению древнерусской народности на три отдельных народа: белорусов, русских и украинцев.

Психический склад, народные обычаи, как и бытовая культура белорусов, формировались исторически, во многом восходя к эпохе Древней Руси.

Историческое прошлое определило физический тип белорусов. Его антропологические особенности были унаследованы из прошлого как результат этнических процессов, миграций и смешений различных этнических групп. С ними следует связывать присутствие в составе современного белорусского населения различных антропологических типов.

События древней этнической истории, отмеченные смешением славян с неславянскими племенами непосредственно или через промежуточные этносы, сформировали антропологический тип белорусов. По своим антропологическим характеристикам славянское население Беларуси представлено тремя основными группами.

На юге страны в Полесье белорусы представлены полесским вариантом восточноевропейского антропологического типа, для которого характерны темная пигментация волос и глаз, относительно узкое лицо, средний носовой указатель (соотношение ширины и высоты носа) и вогнутость спинки носа, умеренная брахикефалия (отношение ширины головы к длине). По всем этим признакам этот тип близок населению севера Украины, где славяне распространились из своей прародины в V–VI вв. н. э. В сравнении с населением северной части Беларуси жители полесского региона имеют более низкий рост.

Население Подвинья и Верхнего Поднепровья, куда славяне проникли в X в., имеет более светлую пигментацию волос, более широкое лицо, более вогнутую спинку носа и меньший головной указатель.

Эти антропологические черты и различия между южным и северным регионами Беларуси можно объяснить обстоятельствами заселения территории Беларуси славянами и их взаимодействием с местным дославянским населением. Так, широколикость, короткоголовость и низкий нос были характерны для финно-угорского населения, расселившегося в этих местах в неолитическую эпоху, в III тыс. до н. э. Во II—I тыс. до н. э. финно-угорские племена были ассимилированы пришедшими сюда балтами, которые, по-видимому, унаследовав эти признаки, передали их части славян северной части Беларуси. Интересно, что эти черты перешли к славянам не непосредственно от финно-угров, обитавших в этих местах в неолитическую эпоху, а от балтов.

Не совсем ясно, каким был антропологический тип неолитического населения средней и южной части Беларуси, но, видимо, он отличался от финно-угорского и не сказался столь заметно на физическом типе славян. Считается, что более значительная долихокранность была усвоена от балтских индоевропейцев, расселившихся здесь в бронзовом веке. Однако представляется, что и сами славяне, когда они вышли из прародины, имели тот же индоевропейский тип. Во всяком случае, первые славяне, носители культуры шаровидных амфор, по антропологическим показателям были типичными индоевропейцами.

Впрочем, население средней части Беларуси имеет как бы промежуточные антропологические показатели между полесской и северной группами населения. М. Ф. Пилипенко склонен объяснять это процессами диффузии, более поздними перемещениями сюда населения из северных и южных регионов и их смешением [126, с. 92]. Может, это и так, но нельзя исключить и возможности того, что, поскольку в неолите здесь проживало население, отличное от финно-угров севера Беларуси, оно могло иметь иные, более близкие к индоевропейцам антропологические признаки еще до прихода сюда балтов, что объясняет наличие у населения этой зоны антропологических черт, средних между полесским и северобелорусским типами. Поскольку же в целом для белорусов характерна относительно светлая окраска волос и глаз, то можно говорить, что этот признак достался им от древнего доиндоевропейского населения белорусского региона, так как классические индоевропейские мигранты относились к малоазиатско-среднеземноморскому антропологическому типу, имели темную окраску волос и нос с высокой переносицей.

11.3. СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА

11.3.1. Распад древнерусской народности

Белорусская народность, как и русская и украинская, формировалась на общей основе – древнерусской народности. Процесс этот был постепенный, и вызревание основных признаков, присущих белорусскому этносу, – территория, общий язык, хозяйственный уклад, проявляющий себя в народной культуре, этническое самосознание – заняло несколько веков.

Разные причины по-своему определяли этот процесс. Есть основания утверждать, что некоторые присущие белорусскому этносу признаки начали вызревать еще в недрах древнерусского государства. Так, ряд особенностей белорусской речи улавливается уже в документах первой половины XIII в., а в тексте берестяной грамоты из Витебска, которая относится к концу XIII – началу XIV в., ощущается характерное для белорусского языка «цеканье». Но белорусский язык тогда еще не сформировался, и можно говорить только о возникновении диалектов в рамках древнерусского языка, на базе которых в последующее время будет развиваться белорусский язык. Еще убедительнее эволюция проявляет себя в материальной культуре. Попытки искать иную основу развития белорусского этноса, переносить этот процесс в более отдаленные времена, минуя древнерусский период и древнерусскую народность, не имеют исторических доказательств и противоречат теории этногенеза.

Как уже отмечалось, расселение славян на основной территории Беларуси севернее Припяти приходится на период, когда уже возникло древнерусское государство с центром в Киеве, а восточнославянский этнос приобрел качественно иные черты, присущие народности. В эпоху Руси в новых исторических условиях продолжался процесс усиления единых экономических и культурных характеристик ее населения, идентифицировавшего себя как один «русский» народ. Поэтому белорусский этнос не мог возникнуть на основе племенных восточнославянских группировок, которых тогда здесь просто не было. Белорусский этнос формировался на базе той части древнерусской народности, которая исторически заселяла основную территорию современной Беларуси. Таким образом, возникновение белорусов, как и русских и украинцев, относится уже к новому периоду, пришедшему на смену древнерусскому.

В XIII–XIV вв. в истории восточных славян произошли важные политические изменения, надолго определившие их последующее развитие. Восточная Русь оказалась под властью Золотой Орды, а западные и южные земли Руси постепенно вошли в состав нового государственного образования Великого княжества Литовского. Некоторые историки счи-

тали, что именно эти события стали решающей причиной разделения восточнославянского (древнерусского) этноса и возникновения белорусов, русских и украинцев. Этот факт, несомненно, сыграл известную роль в процессе разделения восточных славян, но его нельзя считать решающим хотя бы потому, что пребывание части восточных славян в составе одного государства — Великого Княжества Литовского — не предотвратило разделения ее на белорусов и украинцев.

Распад восточнославянской общности и возникновение на ее основе трех близких народов следует рассматривать как закономерный исторический процесс, проявление общих законов этногенеза. В условиях господства натурального хозяйства, относительно слабых внутренних экономических связей, редких миграций больших групп людей, привязанных к своей земле, дому, городу, сохранить единство языка и культуры на всей той большой территории, на которой проживало восточнославянское (древнерусское) население, было невозможно. Язык и культура не стоят на месте в законсервированном виде. Они развиваются и изменяются. И эти изменения не могли протекать совершенно одинаково на территории от Черного до Белого моря. Некогда единый этнос оказался под воздействием целого ряда факторов, которые вели к разединению.

Уже в эпоху Древней Руси сложились предпосылки последующей дифференциации. Большие пространства затрудняли регулярные внутриэтнические контакты. Феодалная раздробленность, а затем политическое размежевание еще более усиливали процессы дифференциации.

Известным фактором разъединения стали этнические субстраты. Постепенная славянизация неславянских коренных народов не могла пройти бесследно. Славяне все более испытывали обратное воздействие со стороны различных этнических субстратов. На территории Беларуси (Западная Русь) это был балтский субстрат, на северо-востоке Руси — финно-угорский, в Южной Руси — иранский и тюркский.

Ученые обратили внимание на то, что белорусская народность возникла в той части Руси, на которой до расселения славян обитали балтские племена. Процесс ассимиляции их славянами занял несколько веков. Включение в состав восточных славян значительной части балтского народа с его своеобразными языковыми и культурными особенностями могло способствовать появлению и закреплению у этой части славян некоторых черт, которые стали присущими только белорусам. Полагают, что это сказалось в какой-то степени на фонетическом строе белорусской речи и на антропологическом типе белорусов.

Но абсолютизировать роль балтского субстрата в формировании белорусов не следует. Балтский субстрат имеется не только у белорусов, но и у значительной части русского народа, поскольку балтские племена

на до прихода славян расселялись на востоке до Твери, Москвы и Курска. Трудно также объяснить, почему балтский субстрат проявил себя только спустя несколько веков после славянизации балтов.

К этому следует добавить, что ни в письменных источниках того времени, ни в народной памяти процесс смешения и тем более влияние его на этнические признаки белорусов не прослеживаются. Белорусы остались славянами. Обогащаясь новой лексикой и претерпев некоторые изменения в фонетике, белорусский язык сохранил много древнерусских черт.

Пространственный и субстратный факторы действовали по-разному и с разной интенсивностью на отдельные этнокультурные характеристики, но конечный результат известен: на месте древнерусской народности, населявшей в IX–XIII вв. Русь, к XVI–XVII вв. созрели три новые: белорусская, русская и украинская.

Трудно сказать, какой из факторов был решающим в образовании белорусского народа, и мнения ученых по этому поводу расходятся. Думается, что проблему следует рассматривать комплексно, учитывать все факторы и проследить постепенное утверждение у населения Беларуси тех признаков в языке, культуре и этническом самосознании, которые присущи белорусам и отличают их от других народов. Это, однако, не исключает того, что некоторые из этих признаков могут быть и у других этносов.

12.3.2. Формирование территории Беларуси

Территория — одна из обязательных составляющих этноса. Современная территория Республики Беларусь почти полностью совпадает с ареалом расселения белорусов. Некоторая часть этнических белорусов проживает в соседних странах, но они даже в ближайших примыкающих регионах не составляют большинства населения. Именно поэтому Правительство Республике Беларусь официально заявляло, что не имеет территориальных претензий ни к одному соседнему государству.

Территория Беларуси формировалась в процессе становления и развития белорусского этноса. На протяжении всего этого периода она не знала большого притока небелорусского населения, что определило монолитность ее этнического состава. Но волею судеб страна не раз разделялась, и ее отдельные части входили в состав разных государств, затем снова объединялись.

До середины XIII в. будущие белорусские земли, на территории которых сформируется белорусская народность, составляли органическую часть Древней Руси, населенную единой древнерусской народностью. В составе Руси на будущих белорусских землях располагались почти целиком два больших древнерусских княжества — Полоцкое и Туровское.

Часть будущих белорусских земель на западе входила в состав Волынского княжества, на востоке — Смоленского, на юго-востоке — Черниговского и Киевского. Эти большие области, в свою очередь, делились на удельные княжества.

Можно сказать, что основы будущего территориально-административного деления Беларуси были заложены в эпоху Древней Руси. Западная Русь составила прообраз будущей Беларуси.

В середине XIII в. практически вся территория Беларуси вошла в состав Великого княжества Литовского, Жемойтского и Русского. Под общим названием «Русских земель» они составляли в нем 9/10 всей его территории. Прежние уделы и княжества долго сохраняли свои пределы. На этот период приходится формирование белорусского этноса.

В 1569 г. Великое княжество Литовское вместе с белорусскими землями вошло в состав Речи Посполитой.

В 70–90-х гг. XVIII в. Речь Посполита, раздираемая религиозными и национальными противоречиями, внутренней борьбой между феодальными группировками, стала легкой добычей ее соседей. В результате трех разделов ее территория была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. По первому разделу 1772 г. к России отошла восточная часть Беларуси с городами Витебск, Могилев, Гомель, Полоцк. По второму в 1793 г. — центральная Беларусь с Минском и по третьему разделу в 1795 г. — западная часть с Гродно и Брестом. В результате разделов все белорусские земли вошли в состав Российской империи.

В составе России до Октябрьской революции 1917 г. территория Беларуси была поделена на четыре губернии — Гродненскую, Витебскую, Минскую и Гомельскую. Незначительная часть белорусского населения проживала в Виленской, Смоленской, Черниговской и Волынской губерниях.

После победы Октябрьской революции 1917 г. в январе 1919 г. было провозглашено создание белорусского советского государства. Однако в результате неудачной для Советской России войны с Польшей по Рижскому мирному договору 1921 г. Западная Белоруссия отошла к Польше.

30 декабря 1922 г. после окончания Гражданской войны и военной интервенции против Советской России четыре образовавшиеся советские республики — Беларусь, РСФСР, Украина и Закавказская советская республика — объединились в единое государство — Союз Советских Социалистических Республик (СССР).

В мае 1923 г. по просьбе Беларуси ЦК РКП (б) принял решение о передаче ей ряда смежных уездов РСФСР, в которых преобладало белорусское население. Для реализации решения была создана смешанная комиссия, куда вошли представители БССР, Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР. Территория Беларуси составляла всего 55,2 тыс. км², с населением 1555 тыс. человек.

В марте 1924 г. на основании декрета РСФСР из состава Витебской губернии к БССР отошли Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский и Суражский уезды; из состава Гомельской губернии – Могилевский, Рогачевский, Быховский, Климовичский, Чериковский, Чаусский уезды и ряд волостей (Дерновичская, Мухоедовская, Наровлянская, Крюковичская, Карповичская и др.). Из состава Смоленской губернии к Беларуси отошли полностью Горецкий уезд и ряд волостей Мстиславского уезда (Шамовская, Старосельская, Казими́ро-Слободская) с г. Мстиславлем.

В результате этого укрупнения БССР ее территория увеличилась до 110,5 тыс. км², а количество населения – до 4171 тыс. человек. В том же году было изменено административное деление. Были упразднены уезды и волости. Территория БССР была поделена на 10 округов (Минский, Витебский, Бобруйский, Оршанский, Полоцкий, Могилевский, Мозырский, Калининский с центром в Климовичах, Борисовский, Слуцкий) и 100 районов.

В 1926 г. произошло второе укрупнение БССР. К Беларуси были присоединены Гомельский и Речицкий поветы, что увеличило ее территорию до 120 тыс. км², а население – до 5 млн человек.

Беларусь по территории, численности населения и экономическим возможностям стала полноправной республикой в составе СССР.

Западная Беларусь оставалась в составе Польши до сентября 1939 г., когда в результате поражения Польши в начавшейся Второй мировой войне она была воссоединена с БССР. Позже, однако, Белостокская область, населенная в значительной часть белорусами, отошла к Польше.

Так завершилось формирование территории Беларуси, насчитывающей около 10 млн человек.

Несмотря на то, что территория с белорусским населением последовательно входила в состав различных государств (Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР) и какое-то время была разделена государственными границами, она смогла сохранить свою цельность, что создавало условия для формирования белорусского народа.

11.3.3. Формирование языка и этнического самосознания

Формирование белорусского этноса в основном пришлось на период Великого княжества Литовского и продолжалось в последующее время, поскольку этнические процессы не имеют перерывов.

На территории Беларуси складывались и закреплялись присущие белорусам этнографические особенности в материальной культуре. Почти повсеместно утверждалась многопольная система земледелия. Рас-

пространялись одинаковые типы орудий для обработки почвы и уборки урожая. Основным пашенным орудием стала двузубая соха. Для рыхления почвы, заделки в нее семян и ухода за посевами стала применяться деревянная, часто плетеная, борона.

Приобретает единообразие бытовая культура. Наиболее распространенной становится срубная изба с устойчивой внутренней планировкой. На основе древнерусского мужского и женского костюмов утверждаются характерные виды народной одежды. Общие для всех белорусских областей черты отмечаются в пище, обрядах и обычаях, народном художественном творчестве.

В результате оживления экономической деятельности в городах образовалось сильное городское сословие с его характерным бытом.

Меры, связанные с организацией управления государством, и введение единого законодательства нанесли чувствительный удар по удельной системе, разделявшей страну на множество мелких вотчин. Сильная верховная власть, установленная в конце XIV – начале XV в., в немалой степени способствовала объединительным процессам, более тесным экономическим и этническим связям между различными областями. Этим были созданы предпосылки для формирования этнической территории белорусов.

Существенные преобразования произошли в языке восточнославянского населения этой территории. Постепенно он приобретал новые черты, присущие языку нового этноса. Эти изменения коснулись фонетики, лексики и синтаксиса. Среди фонетических изменений особенно заметным стало «дзеканье» и «цеканье» (*дзед* вместо древнерусского *ded*, *цень* вместо *тень*), твердое произношение звука «р», «аканье» и «яканье» (бярoза), использование приставных согласных и гласных звуков в начале слова (возерo вместо oзеро, ильняной вместо льняной).

Положение восточнославянского языка в Великом княжестве Литовском в качестве официального языка государственных документов, законодательства и судопроизводства способствовало его обогащению новой лексикой, отражающей различные стороны социально-политической жизни. Образовалась терминология, связанная с системой феодальных отношений. Становились общими названия повинностей и податей, должностных лиц и органов государственной власти.

В 1569 г. Великое княжество Литовское объединилось с Польским королевством в составе нового государственного образования – Речи Посполитой. Период пребывания белорусских земель в составе этого государства оказался неблагоприятным для развития белорусского языка. Большая часть белорусских феодалов порвала с родным языком и полонизировалась, ослабло влияние в государстве белорусской культуры, замедлилось развитие белорусского литературного языка.

В официальной письменности белорусский язык стал уступать место польскому. Кириллица стала заменяться латинской графикой (латиницей).

В 1697 г. польский сейм запретил употребление белорусского языка в суде, государственных учреждениях и в книгопечатании. В белорусскую лексику проникло много слов и терминов, заимствованных из польского языка и средневековой латыни. Сохранить язык и национальную культуру смогли народные массы, крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения белорусских земель. Белорусский язык продолжал развиваться как народно-диалектный.

В конце XVIII в. белорусские земли вошли в состав Российской империи. Это спасло белорусский народ от полонизации, но появились другие проблемы с языком. Белорусы рассматривались тогда как ветвь единого русского народа, а их язык в трудах лингвистов считался особым наречием южнорусского говора (А. А. Шахматов). Поэтому со стороны государства практически не предпринималось никаких мер к сохранению и развитию белорусского языка. Более того, все делалось для того, чтобы заменить народный язык русским. Обучение на «местном наречии» рекомендовалось вести только в начальной школе. Белорусский язык не употреблялся в официальных документах. Сложилась довольно парадоксальная ситуация. В больших, особенно губернских, городах, где были сосредоточены государственно-административные учреждения и учебные заведения, языком общения и официальных документов был русский язык. В сельской же местности, где проживала подавляющая часть населения и куда еще не успела глубоко проникнуть грамотность, безраздельно господствовал белорусский язык. И только в XX в. белорусский язык стал национальным.

После победы Октябрьской революции и провозглашения БССР впервые белорусский язык стал конституционно государственным. В 1920–30-х гг. было очень много сделано по упорядочению языка, разработана грамматика, составлены словари. Белорусский язык был введен в государственную практику. За годы советской власти на белорусском литературном языке были написаны и изданы выдающиеся произведения, обогатившие белорусский язык.

Одним из важнейших признаков этноса является этническая идентификация. Этническое самосознание развивается медленнее, чем другие признаки этноса. Однако только с его утверждением завершается становление нового этноса.

В течение длительного пребывания в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой белорусы не отделяли себя как этнос от населения других областей бывшей Руси и называли себя по-прежнему русскими. Так называл себя в своих книгах великий белорусский просветитель XVI в. Франциск Скорина. Язык своих книг он также называл

русским. Такая идентификация поддерживалась еще и тем, что жители белорусских и украинских земель, а также московской Руси легко понимали друг друга при общении. Они исповедовали одну религию, оказывавшую в те времена очень сильное влияние на сознание, образ жизни и поведение людей. В течение длительного времени этническая принадлежность нередко подменялась религиозной. Понятие «православный» отождествлялось с понятием «русский». Поэтому все исповедовавшие православие традиционно считали себя русскими. Осознание единства восточных славян прочно сохранялось в памяти. В Густынской летописи конца XVI — начала XVII в. говорится: «Вестно есть всем, яко сии все... Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подгоря... единокровны и единораствны, себо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), СПб., 1908, т. II. С. 236).

Простой и в большинстве своем неграмотный народ не ведал о том, что постепенно утрачивается восточнославянское этническое единство, что появление и закрепление в различных областях все новых и новых элементов в языке и традиционной культуре нарушало прежнюю этническую однородность и все более отдаляло друг от друга население трех больших восточнославянских областей — Западной, Южной и Восточной Руси.

Вместе с тем по отношению к литовцу, немцу или поляку житель белорусских земель ясно осознавал свое отличие и прежде всего — по языку и религии. Наступление католицизма и распространение польского языка и культуры в среде господствующего класса феодалов, которое началось после заключения уний с Польшей, еще более укрепляли народ в сознании своего отличия от католика-феодала, говорившего на чуждом ему языке и ходившего не в церковь, а в костел. Все это подчеркивало этнические различия и способствовало росту национального самосознания.

Названия «белорус», «Белая Русь», «Беларусь» закрепились за населением и страной не сразу. В объяснении происхождения этих названий среди ученых нет единства. Считается, что термин «Бела Русь» впервые появился в латинской форме как «Alba Russia» в польской хронике под 1382 г. В конце XVI—XVII вв. название «Белая Русь» употребляется и в русских документах. Как свидетельствуют источники, приезжавшие в Московское государство жители Великого княжества Литовского и позже — Речи Посполитой называли себя «белорусцами» или «литвинами», иногда литвинами-белорусами. Причем литвинами называли себя обычно жители более западных славянских областей Великого княжества Литовского. Жители же Верхнего Поднепровья, Полоцка и Витебска называли себя, как правило, «белорусцами».

Причина таких различий в наименовании населения, по-видимому, в том, что западные земли Беларуси вошли в состав Литовского государства раньше, чем поднепровские. Поэтому в некоторых документах ту часть Беларуси называют Литовской Русью. Восточные же области, напротив, долгое время сохраняли название Русь.

Слово «белый» имеет несколько значений. Оно означает не только цвет. Его синонимами являются слова «светлый», «свободный» и «западный». Маловероятной представляется предлагавшаяся Карским идея, что имя белорусов связано с их светлой традиционной народной одеждой и светлой окраской глаз и волос. И в эпоху Древней Руси население ее западных земель имело те же антропологические характеристики и тем не менее не имело такого имени.

Не очень убедительным кажется и предположение, что название страны и белорусского народа связано со словом «свободный». История белорусских земель не дает оснований для таких объяснений.

Весьма вероятно (и так думают современные лингвисты), что слово «белый» применительно к названию страны означало «запад», «западный». Поэтому сочетание «белая» и «Русь» в документах XVI–XVII вв. обозначало западные земли общего пространства, заселенного восточными славянами. Сами же жители этой части Руси по-прежнему называли себя «рускими». Значит, название «Белая Русь» было тождественно названию «Западная Русь», и первоначально оно означало название страны. Этноним «белорус» вторичен и означал жителя Белой Руси. Постепенно это имя распространилось на все коренное восточнославянское население белорусских земель. Впрочем, и в XIX, и даже в начале XX в. православное население Беларуси нередко называло себя по традиции русскими. Большая роль в формировании белорусского этнического самосознания принадлежит национальной литературе и сложившемуся литературному языку. Мощным фактором утверждения национального самосознания и национальной гордости стало образование первого национального белорусского государства в 1919 г. и независимой Республики Беларусь в 1991 г. Консолидация белорусского народа в рамках единого государства и утверждения этнического самосознания завершила формирование белорусской нации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

Еще в 1970-х гг. автором была предложена идея о начале славянского этногенеза в середине III тыс. до н. э. в ареале между Эльбой и Неманом. В качестве первой славянской археологической культуры было предложено считать культуру шаровидных амфор.

Хотя эта идея основана на данных лингвистики, археологии и антропологии, она, как и любая другая гипотеза, должна периодически просматриваться через призму различных источников, имеющих отношение к славянскому этногенезу.

Касаясь теоретических аспектов славянского этногенеза, археология и лингвистика согласны с тем, что славяне, как и балты и германцы, вероятнее всего, сформировались под действием этнического субстрата в процессе миксации индоевропейцев с местным неолитическим населением Европы, приведшей к глубокой трансформации этнических компонентов будущих славян. Лингвисты полагают, что разделение северной группы древнеевропейцев началось вскоре после их расселения в Европе.

Исходя из этих посылок, следует признать, что первая археологическая культура славян должна была отразить все эти особенности своего формирования. Ее существование должно приходиться на период, когда в этот регион уже проникли индоевропейцы, а в ее характеристике должны присутствовать культурные элементы, характерные как для индоевропейцев, так и для местных культур европейского неолита. Иными словами, она должна отразить факт культурного и этнического смешения. Этим условиям полностью отвечает культура шаровидных амфор. Ей предшествовала местная доиндоевропейская культура воронковидных кубков, а сама она представляла поразительное смешение как элементов культуры воронковидных кубков, так и черт, свойственных индоевропейским мигрантам из южных степей Восточной Европы. Неслучайно многим археологам культура шаровидных амфор представляется загадкой («великая загадка европейского неолита» — по И. Форссандеру). Хотя

археологи и спорили, к чему она ближе — культуре воронковидных кубков или культурам шнуровой керамики, думается, что это не столь уж важно. Культура просто оказалась смешанной, и в ее становлении приняли участие как местные племена с культурой воронковидных кубков, так и пришлые племена индоевропейцев. Это была действительно первая по времени археологическая культура, четко отразившая процесс миксации, что и привело, как нам представляется, к появлению новой этнической общности — славян.

Однако мысль о параллельном формировании славян, балтов и германцев на базе северной группы индоевропейцев и местных субстратов, казалось бы, противоречит одному важному наблюдению лингвистов. Чем, в частности, можно объяснить тот факт, что при реконструкции древние балтийские языки отличаются большей по сравнению со славянским диалектной дифференцированностью? Именно этому аргументу обязана идея о более позднем по сравнению с балтами появлении славян.

Но разве только большей древностью балтийских языков можно объяснить этот факт? Вспомним археологическую ситуацию в Восточной Европе в конце III — начале II тыс. до н. э. Именно в это время началось широкое расселение балтийских племен из их сравнительно небольшой прародины в Среднем Поднепровье, которое вскоре привело к освоению ими обширных пространств от Вислы на западе до Волги на востоке. На этой территории ранее проживали различные группы местного населения, с которыми балты постепенно стали сливаться. Подобная ситуация должна была обязательно привести к нарушению относительного языкового единства балтов и появлению у них диалектов, о чем в свое время справедливо писал В. В. Мажюлис.

У славян же, если их локализовать в междуречье Эльба–Неман, наоборот, имело место значительное сокращение их территории. Сначала ими была утрачена территория между Вислой и Неманом, а затем с продвижением во II тыс. до н. э. германских племен, носителей ясторфской культуры, вдоль южного побережья Балтики славяне были отрезаны от моря. Их территория стала компактнее, что способствовало более длительному сохранению у них относительного языкового единства.

Следовательно, исторические обстоятельства, а не различия во времени возникновения могут объяснить различную степень диалектной расчлененности древних балтийского и славянского языков. И, видимо, неслучайно в балтийском мире в бронзовом и особенно в железном веке фиксируется серия достаточно различающихся друг от друга археологических культур, заметно отражающих этнокультурные процессы смешения. Напомним еще об одной истории, связанной с западными балтами. Как отмечалось, междуречье Вислы и Немана, составлявшее первона-

начально, согласно нашей концепции, часть славянской прародины, в начале II тыс. до н. э. вошло в зону расселения балтийских племен, которые в процессе этнических взаимоотношений смогли одержать верх над обитавшими здесь потомками культуры шаровидных амфор. Историческое время застает позже в этом регионе западнобалтийские народы – пруссов и ятвягов. Различные исследователи единодушно отмечали, что западные балты по своему языку и ряду явлений культурного порядка обнаруживают особенно заметную близость к славянам. Думается, что это обстоятельство вполне может быть объяснимо имевшим место смешением в этом регионе части балтов и славян, которое может быть соотнесено как раз с указанными событиями II тыс. до н. э. Косвенно это могло бы стать еще одним подтверждением славянского характера культуры шаровидных амфор. Объяснять это обычными пограничными контактами представляется неубедительным. Интересно напомнить, что именно этот регион, отличавшийся смешанным характером в культурно-историческом плане, отводился рядом исследователей к так называемым балто-славянам.

И наконец, лингвистика дает достаточно материала, свидетельствующего о большой древности славянских языков. По мнению авторитетнейших специалистов, общеславянский язык непосредственно выходит из индоевропейского, он есть результат распада индоевропейской языковой общности. Сумма слов и понятий, относящихся к экономике, орудиям труда, свидетельствует о функционировании общеславянского языка в период перехода от каменных орудий к металлическим и развития производящих форм хозяйства. Славяне возникли уже в тот период, когда небольшая семья еще не стала основной хозяйственной и общественной ячейкой. Все это уводит нас к концу неолита – началу бронзового века и отнюдь не противоречит представлению о славянском характере культуры шаровидных амфор.

Мы уделили значительное внимание рассмотрению теоретических аспектов славянского этногенеза, в частности выявлению причин и формы этногенетического процесса, которые привели к появлению славян, рассмотрели вопрос о вероятном времени их появления по данным лингвистики. Соображения по теории славянского этногенеза и данные лингвистики должны рассматриваться как основополагающие для формулирования гипотезы о начале славянского этногенеза. Данные археологии здесь вторичны. Одни они не могут решить этой проблемы по ряду причин: слишком удален рассматриваемый период от достоверных славянских археологических древностей, что не позволяет использовать метод ретроспекции, проблематична также сама возможность определения этносов только по археологическим источникам. Однако археология, опираясь на достижения лингвистики, может вывести проблему на новый виток, указать точные ареалы, хронологию, исследовать материальную культуру и т. д.

Посмотрим, насколько же допустима предложенная гипотеза с позиций археологии. Если исходить из высказанного предположения о славянской прародине к северу от Карпат, между Эльбой и Неманом, то важно проверить несколько моментов: существует ли в этом регионе преемственность между археологическими культурами и не было ли сюда притока новых культур со стороны. Иными словами, не было ли миграций, которые могли бы существенно изменить этническую ситуацию в регионе? Если посмотреть на проблему с этой стороны, то нужно заметить, что в пределах рассматриваемого региона, начиная с середины III тыс. до н. э., когда формировалась культура шаровидных амфор, наблюдается вполне естественная смена археологических культур. Однако почти каждая новая обнаруживает заметные черты преемственности со своей предшественницей, что может рассматриваться в качестве одного из доказательств участия предшествующего этноса в формировании новых последующих культур. Так, культура шаровидных амфор ко II тыс. до н. э. уступила свое место предлужицкой и тишинецкой культурам. В середине – второй половине этого же тысячелетия на базе названных культур развивается лужицкая (XIII–VI вв. до н. э.). На заключительном этапе своего существования она испытала известное воздействие со стороны поморской культуры, но, скорее всего, смогла сохранить свой этнос, поскольку в последующее время на этой же территории разовьется пшеворская культура железного века.

Середина I тыс. н. э. застаёт здесь уже достоверную славянскую культуру пражского типа. Исторические источники этого времени зафиксировали начало широкого расселения славянских племен в Европе, проникновение их на Балканский полуостров и т. д.

Именно в это время носители культуры пражского типа продвинулись также на восток и заняли территорию Южной Беларуси и Северной Украины, где вскоре сформировался особый вариант этой культуры (Корчак).

Тот факт, что в рассматриваемом регионе до начала расселения мы наблюдаем серию культур, не выходящих за рамки очерченной территории и обнаруживающих между собой элементы преемственности, позволяет заключить, что данная гипотеза находит подтверждение в археологическом материале. Совпадение ареалов культур справедливо рассматривается в археологической науке как аргумент в пользу их генетической преемственности. Но автор далек от упрощенной интерпретации археологического материала. Вопрос о генезисе и преемственности археологических культур всегда считался наиболее сложным и дискуссионным. Полагаем, что этот аспект нуждается в дальнейших тщательных исследованиях.

Нуждается в объяснении и гидронимическая ситуация региона, который мы называем славянской прародиной. Славянская гидронимика

составляет здесь от 60 до 70 % [255, s. 152]. Этот факт с точки зрения современных представлений о процессе формирования гидронимического ареала должен указывать на то, что рассматриваемая территория, скорее, может быть признана областью ранней славянской миграции, а сама их прародина должна находиться где-то рядом с этим ареалом. Но иного региона, куда бы можно было поместить славянскую прародину, по совокупности других фактов, мы просто не видим.

Если славяне не были мигрантами из других регионов, то, по идее, они должны были бы пользоваться теми речными названиями, которые существовали здесь и раньше, до их появления. Чем же в таком случае объяснить возникновение мощнейшего славянского гидронимического пласта, превосходящего по своей силе все остальные вместе взятые?

Возможно, объяснение этому следует искать в подвижности славянского населения, в наличии значительных переселений внутри славянского региона. Указания на такую возможность в принципе можно найти. Так, можно предполагать, что экспансия германских племен в северные районы славянской прародины во II тыс. до н. э. могла вызвать отток значительной массы славян к югу и привести к изменениям в гидронимической номенклатуре. Известный приток славянского населения мог иметь место и с востока, со стороны висланского региона, в связи с расселением там в начале II тыс. до н. э. древних балтских племен, оттеснивших часть славян на запад.

Впрочем, материалы, казалось бы, больше указывают на то, что основная масса славян осталась там на своих землях и была постепенно балтизирована.

Не исключены значительные перемещения славян в результате расселения в восточнолужицком ареале поморских племен, а позже повторное возвращение сюда славян. Следует подумать также о возможных перемещениях в славянском мире в результате давления со стороны кельтов, гуннов и аваров. Последующая славянская экспансия в I тыс. н. э. также могла привести к изменениям в гидронимической карте и возникновению на ней новых славянских названий. Наконец, не мог ли усилиться объем славянской гидронимики в результате очень длительного, более чем 3000-летнего, пребывания здесь славян? Изменения в номенклатуре, наверное, не могли не происходить.

Во всяком случае, представляется глубоко ошибочным и тенденциозным традиционное представление, согласно которому на территории средней и восточной части Германии славяне являются поздними пришельцами, что им предшествовали здесь древние германские племена, покинувшие эту территорию в период Великого переселения народов. Лингвистика достаточно убедительно свидетельствует, что славянская топонимика здесь более древняя, чем германская. Это особенно заметно при сравнении микро- и макротопонимики данного региона.

С некоторых пор в истории изучения славянского этногенеза набрала силу идея значительного омоложения славян. А. Л. Монгайт в своей 2-томной «Археологии Западной Европы» прямо писал, что о появлении славян, как, впрочем, и германцев, ранее I тыс. до н. э. не может быть и речи.

Следуя за лингвистическими концепциями о более позднем вычленении славян из предшествовавшей индоевропейской общности или даже из одной из групп балтов, великий славист В. В. Седов считал возможным соотносить начало формирования славян с археологической культурой подклешовых погребений второй половины I тыс. до н. э.

Другие пошли еще дальше по пути омолаживания славян. В. Д. Баран и его украинские последователи вывели начало славянского этногенеза в I тыс. н. э., белорусский археолог С. Е. Рассадин возникновение славян отнес ко времени, близкому к первым известиям о славянах в трудах древних авторов, что соответствует середине I тыс. н. э.

Автор пошел другим путем, не путем ретроспекций, который едва ли может надежно вывести исследователя к началу славянского этногенеза. Анализ концепций развития индоевропейцев, их расселения, условий и обстоятельств их дифференциации, сравнение с этногенезом других, близких к славянам этносов германцев и балтов, вышедших из одной более древней этнокультурной общности, а также убедительность лингвистических свидетельств о глубокой древности славян привели автора к выводу о появлении славян уже в III тыс. до н. э. Предлагаемые идеи о более позднем их происхождении не убеждают автора и не смогли поколебать его представлений. С глубоким удовлетворением автор обнаружил в недавно изданной под эгидой ЮНЕСКО большой энциклопедии статью о славянах, в которой правильно сказано, что славяне появились пять тысяч лет назад. Да, славянам уже пять тысяч лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993.
 2. *Абеян М. Х.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1948.
- Т. I.
3. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
 4. *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М. : Высш. шк., 1979.
 5. *Алексеев Л. В.* Три пряслица с надписями из Беларуси. М. : КСИИМК, 1955. Вып. 57.
 6. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: Очерки истории Северной Беларуси в IX–XIII вв. М., 1966.
 7. *Амброз А. К.* Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.
 8. *Андреева М. Д.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
 9. *Артамонов М. И.* Происхождение славян. Л., 1950.
 10. *Артеменко И. И.* Среднеднепровская культура // СА. 1963. № 2.
 11. Археалогія Беларусі. Мінск, 1999. Т. 2.
 12. Археология СССР. Энеолит СССР : в 20 т. М. : Наука, 1982.
 13. *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев-1) Львовской области // МИА. 1963. № 108.
 14. *Аулих В. В.* Зимнівске городище. Київ, 1972.
 15. *Баран В. Д.* Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев-2) на Западном Буге // МИА. 1963. № 108.
 16. *Баран В. Д.* Ранш слов'яни між Дшстром і Прип'яттю. Київ, 1972.
 17. *Баран В. Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. 1983.
 18. *Баран В. Д.* Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988.
 19. *Баран В. Д.* Походження слов'ян. Київ, 1991.

20. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
21. *Богомольников В. В.* Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004.
22. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983.
23. *Брюсов А. Я.* Археологические культуры и этнические общности. М. : СА. 1956. Вып. 26.
24. *Брюсов А. Я., Зимина А. Я.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М. : Наука, 1966.
25. *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1998.
26. *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
27. *Винокур Т. Г.* Древнерусский язык. М., 1961.
28. *Въжарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българските земи. М., 1986.
29. *Гавритухин И. О.* Раннеславянские памятники в районе Зимневского городища // Archaeoslavica. Krakow, 1993.
30. *Гавритухин И. О.* Хронология пражской культуры // Тр. VI Международн. конгр. славянской археологии. М., 1997. Т. 3.
31. *Гавритухин И. О.* Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // ГАЗ. 2003. №18.
32. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестн. древней истории. 1980. № 3.
33. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // Вестн. древнего мира. 1981. № 2.
34. *Георгиев В. И.* Индоевропейское языкознание сегодня // Вопросы языкознания. 1975. № 5.
35. *Гиндин Л. А.* Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
36. *Гісторыя Беларусі. Дапаможнік для паступаючых у вышэйшыя навучальныя ўстановы / пад рэд. Ю. Л. Казакова [і інш.].* – Мінск, 1998.
37. *Горнунг Б. В.* К дискуссии о балто-славянском языковом и этническом единстве // Вопросы этнографии. 1958. Т. 7.

38. *Горнунг Б. В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.
39. *Горнунг Б. В.* К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.
40. *Горский А. А.* О летописных «племенах» и древнерусских «землях» // *Український історичний журнал.* 3 (438). Київ, 2001.
41. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1953.
42. *Гринблат М. Я.* Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.
43. *Гуревич Ф. Д.* Удлиненные и длинные курганы Западной Беларуси // *КСИИМК.* М.; Л. 1958. Вып. 72.
44. *Гурина Н. Н.* Оленнеостровский могильник // *МИА.* Л., 1956. Вып. 47.
45. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги как источник по истории народов Восточной Прибалтики (VII—XII вв.) // *Летописи и хроники.* М., 1981.
46. *Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А.* Берестяная грамота из Витебска // *СА.* 1960. № 1.
47. *Егорейченко А. А.* К истории населения Беларуси в раннем железном веке // *СА.* 1982. № 1.
48. *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь. Мінск, 1990.
49. *Жуков Б. С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // *Этнография.* 1. М.; Л., 1929.
50. *Загорульский Э. М.* О начальном этапе формирования славян // *Вестн. БГУ.* 2. Минск, 1975.
51. *Загорульский Э. М.* Древняя история Беларуси. Очерк этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск, 1977.
52. *Загорульский Э. М.* О происхождении западных балтов // *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов : тез. докл.* Вильнюс, 1981.
53. *Загорульский Э. М.* Милоградская и зарубинецкая культуры // *Вестн. БГУ.* Сер. III. 2. Минск, 1983.
54. *Загорульский Э. М.* Проверка одной из гипотез начала славян // *Вестн. БГУ.* 3. Минск, 1993.
55. *Загорульский Э. М.* Заходняя Русь IX—XIII стст. Мінск, 1998.
56. *Загорульский Э. М.* В поисках славянской прародины // *Выбр. наук. працы БДУ.* Мінск, 2001.
57. *Загорульский Э. М.* О времени и условиях формирования древнерусской народности // *Українські історическі журнал.* 3. Київ, 2001.

58. *Загорульский Э. М.* Древнерусская народность — общая этническая основа восточнославянских народов // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI. Сб. материалов респ. науч. чтений, посвященных памяти И. В. Оржеховского. 27 мая 2003 г. Брест, 2004.

59. *Загорульский Э. М.* Происхождение и основные этапы этнического развития белорусского народа // Основы идеологии Белорусского государства. Минск, 2004.

60. *Загорульский Э. М.* К проблеме датирования начала славянского этногенеза // Працы гіст. фак. БДУ. Мінск : БДУ, 2006. Вып. 1.

61. *Зуева А. У.* Паўночна-ўсходнія могільнікі культуры шарападобных амфар і іх месца ў «амфарнай» культурнай прасторы // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2007. Вып. 23.

62. *Зуева А. У.* Міграцыйныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў эпоху позняга неаліту (на прыкладзе культуры шарападобных амфар) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2010. Вып. 25.

63. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.

64. *Иванов В. В.* Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

65. *Иванов С. В.* Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

66. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

67. *Кабо В. Р.* Каменные орудия австралийцев // Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер. 80. М., 1962.

68. *Каваленя А. З.* Археалагічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі // Працы секцыі археалогіі. Мінск, 1932. Т. 3.

69. *Каспарова К. В.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья / Археологический сборник. 17. Л., 1976.

70. *Ключевский В. О.* Боярская дума в Древней Руси. СПб., 1919.

71. *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973.

72. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

73. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. 55. М., 1956.

74. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством // ИГА-ИМК. 91. М.; Л., 1934.

75. *Коробушкина Т. Н.* Курганы Белорусского Побужья X—XIII вв. Минск, 1993.

76. *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (методология и историография). М. : Наука, 1976.
77. *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. М., 1976.
78. *Кубышев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник // МИА. 160. М., 1969.
79. *Кухаренко Ю. В.* Славянские древности V–IX вв. на территории Припятского Полесья // КСИИМК. 57. М., 1955.
80. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. 68. М., 1957.
81. *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1.
82. *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья // САИ. М. : Изд-во АН СССР. 1961. Вып. Е 157.
83. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // САИ. М., 1964. Вып. Д 119.
84. *Кухаренко Ю. В.* Курганы у с. Селец // МИА. 108. М., 1963.
85. *Левашова В. П.* Височные кольца // Труды ГИМ. 43. М., 1963.
86. *Лер-Сплавинский Т.* К современному состоянию проблемы происхождения славян // ВЯ. 4. М., 1960.
87. *Летопись по Ипатьевскому списку.* Спб., 1872.
88. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
89. *Львов А. С.* Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 2. М., 1976.
90. *Лябуда Г.* Исторический анализ так называемого германского «натиска на Восток» // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М., 1965.
91. *Ляпушкин И. И.* Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей // Вестн. ЛГУ. 20. Л., 1956.
92. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1968а.
93. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968.
94. *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978.
95. *Мажюлис В.* Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. 1964.
96. *Максимов Е. В.* Пироговский могильник // МИА. 160. М., 1969.

97. *Максимов Е. В.* Зарубинецьке городище Пилипенкова Гора // Археологія. 4. Київ, 1971.
98. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
99. *Март Н. Я.* Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси: избр. работы. Л. : Соцэкгиз, 1935. Т. V : Этно- и глоттогония Восточной Европы.
100. *Мартынов В. В.* Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Минск, 1963.
101. *Мартынов В. В.* Лингвогеография Припятского Полесья и этногенез славян // Древности Беларуси. Минск, 1966.
102. *Матюшин Г. Н.* У колыбели истории. М., 1972.
103. *Мачински Д. А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. 107. М., 1960.
104. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. : Госслоэкгиз, 1938.
105. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
106. *Мельниковская О. Н.* О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Беларуси // СА. 1. М., 1963.
107. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Беларуси в раннем железном веке. М., 1967.
108. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. : Наука, 1974.
109. *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI–VIII вв. в Средней и Северной Беларуси // Древности Беларуси. Материалы конференции по археологии Беларуси и смежных территорий (1966 г.). Минск, 1966.
110. *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V–VIII вв.) // Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972.
111. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Беларуси (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск, 1978.
112. *Мишулин А. В.* Материалы к истории древних славян // ВДИ. 1. М., 1941.
113. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
114. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
115. *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2.
116. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. : Изд-во АН СССР, 1951.

117. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
118. *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М. : Наука, 1965.
119. Очерки по археологии Беларуси. Минск, 1970. Ч. 1.
120. Очерки по археологии Беларуси. Минск, 1972. Ч. 2.
121. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
122. *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения междуречья Днепра и Немана // СА. № 4. М., 1979.
123. *Петров В. П.* Памятники корчакского типа // МИА. 108. М., 1963.
124. *Пивторак Г. П.* Вопросы периодизации праславянского языка в свете современных археологических данных // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгрессе слав. археологии. М., 1985.
125. *Пилипенко М. Ф.* Этнография Беларуси. Минск, 1981.
126. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Беларуси. Минск, 1991.
127. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Беларуси. Минск, 1974.
128. *Рассадин С. Е.* Первые славяне. Славяногенез. Минск : Белорусский Экзархат, 2008.
129. *Рафалович И. А.* Славяне VI–IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.
130. *Римша В.* Некоторые языковые данные об этногенезе балтов // Проблемы этнической истории балтов. Тез. докл. Рига, 1980.
131. *Русанова И. П.* Славянские древности между Днепром и Западным Бугом // САИ. АН СССР. М., 1963.
132. *Русанова И. П.* Раскопки курганов на Волыни // АО 1969 года. М., 1970.
133. *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. М., 1973. Вып. Е 125.
134. *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа). М. : Наука, 1976.
135. *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Древнерусское Поднестровье: историко-краеведческие очерки. Ужгород, 1981.
136. *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. М., 1953. Т. 17.
137. *Рыбаков Б. А.* Возникновение древнерусской народности // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1. (IX–XIII вв.). Древняя Русь. М., 1953б.
138. *Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.
139. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
140. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XI–XIII вв. М. : Наука, 1982.

141. Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Беларуси. Минск, 1976.
142. Самойловский И. М. Корчеватовский могильник. Памятники зарубинецкой культуры // МИА. 70. М.; Л., 1959.
143. Самсонов Н. Г. Древнерусский язык. М., 1973.
144. Саррианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана (Материалы Советско-афганской экспедиции 1969–1974 гг.). М. : Наука, 1977.
145. Свешников И. К. Культура шаровидных амфор. М. : Наука, 1983.
146. Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепрорья // СЭ. 3. М., 1954.
147. Седов В. В. Кривичи // СА. 1960. № 1.
148. Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // СА. 1961. № 2.
149. Седов В. В. Дреговичи // СА. 1963. № 3.
150. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепрорья и Подвинья. М. : Наука, 1970.
151. Седов В. В. Ранние курганы вятичей // КСИА. 135. М., 1973.
152. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М. : Наука, 1979.
153. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР : в 20 т. М., 1982.
154. Седов В. В. Распространение христианства в Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988.
155. Седов В. В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
156. Седов В. В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999.
157. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование // Ин-т археологии Рос. акад. наук. Языки славянской культуры. М., 2002.
158. Серебренников Б. А. О взаимодействии языков (проблема субстрата) // ВЯ. 1. М., 1955.
159. Сердонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.
160. Слово о полку Игореве : сборник. М. : Сов. писатель. 1985.
161. Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. М., 1956. Вып. 25.
162. Соловьева Г. Ф. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепрорья // СА. 1971. № 2.
163. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. Т. 8.

164. Страны и народы : в 20 т. Земля и человечество. Общий обзор. М. : Мысль, 1978.
165. *Сымонович Э. А.* Городище Колочин 1 на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси / МИА. 108. М., 1963.
166. *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. М., 1946. Т. 8.
167. *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. М., 1963. Т. 2.
168. Тезисы докладов сов. делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. Киев, 1985.
169. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984.
170. *Тимошук В. О.* Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976.
171. *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. VI–VII. М., 1947.
172. *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
173. *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М. : Изд-во МГУ, 1958.
174. *Топоров В. Н.* Новейшие работы в области изучения балтославянских языковых отношений (Библиографический обзор) // Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 3.
175. *Топоров В. Н.* К проблеме балто-славянских языковых отношений // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1961. № 33–34.
176. *Топоров В. А., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
177. *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балтийское языкознание. 4. М., 1973.
178. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1962.
179. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
180. *Третьяков П. Н.* Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура // СА. 1961. № 1.
181. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М., 1963.
182. *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология // СА. 1964. № 4.
183. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

184. *Третьяков П. Н.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // СА. 1968. № 4.
185. *Третьяков П. Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
186. *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. М.; Л. : Наука, 1982.
187. *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. М., 1957.
188. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
189. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
190. *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. М., 1967.
191. *Трубачев О. Н.* Свидетельствует лингвистика // Правда. 1984. № 348.
192. *Трубачев О. Н.* Принципы построения этимологических словарей славянских языков // ВЯ. 1957
193. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М. : Наука, 1985.
194. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. 1. М., 1958.
195. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Прогресс. 1987. Т. III.
196. *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
197. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, белорусского и украинского языков. Л., 1972.
198. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
199. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М. : Наука, 1977.
200. *Фосс Н. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. 29. М., 1952.
201. *Хабургаев Г. А.* Этнонимика «Повести временных лет». М. : Изд-во МГУ, 1979.
202. *Хвойка В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРАО. Т. 12. Спб., 1901. Вып. 1–2.
203. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960.

204. *Чарняўскі М. М.* Культура шарападобных амфар // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 1 : Каменны і бронзавыя вякі. Мінск, 1997.
205. *Чебоксаров Н. Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 4. М., 1967.
206. *Шахматов А. А.* Введение в курс русского языка. Ч. 1 : Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916.
207. *Широков О. С.* Албано-балтийские этногенетические связи (по данным сравнительно-исторического языкознания) // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов : тез. докл. Вильнюс, 1981.
208. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. № 5.
209. *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.
210. *Шмидт Е. А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск, 2008.
211. *Штыхов Г. В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет // Древности Беларуси. Минск, 1969.
212. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975.
213. *Штыхов Г. В.* Кто мы // Спадчына. 1989. № 1.
214. *Штыхов Г. В.* Об этнической интерпретации банцеровской культуры // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992.
215. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Соцэкгиз, 1952.
216. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М. : Изд-во. МГУ, 1965.
217. *Antoniewicz J.* Zagadnienie wczesnozelażnych osiedli obronnych na wschod od dolnej Wisły i w dorzeczu rzeki Pregoly. In. : Wiadomości archeologiczne. T. 20. 4. Warszawa, 1954.
218. *Bialekova D.* Nove včasnoslovanske nalezy z juhozapadneho Slovenska. Slovenska archeologia. X., 1962.
219. *Borkovsky I.* Staroslovanska keramika ve stredni Europe. Studie k pocatku slovanske kultury. Praha, 1940.
220. *Bosch-Gimpera P.* Les Indo-Européens problèmes archéologiques. Paris, 1961.
221. *Cornsa M.* Slavii pe teritorial R.P.R. in secolele VI–IX in lumina cercetarilor arheologice. SCIV, 1, 1959.
222. *Cornsa M.* La penetration des slaves dans le territoire de la Roumanie entre le VI et IX siècle a la lumiere des recherches archéologiques. Slavia antiqua, VII, 1960.

223. *Cornsa M.* Contributions a la question de la penetration des Slaves au sud du Danube durant les VI–VII siecles d’apres quelques donees archeologiques de Dobrudja / M. Cornsa. – In: I Migdzynarodowy kongres archeologii slowianskiej, III. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1970.
224. Corpus archaologischer Quellen zur Friihgeschichte auf dem Gebiet der Deutsche Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert), I. 1973. Berlin. Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970.
225. *Fraenkell E.* Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950.
226. *Gardawski A.* Plemiona kultury trzciieckiej w Polsce. Materialy starozytne, t. 5 / A. Gardawski. Warszawa, 1959.
227. *Gardawski A.* Zagadnienie ciagiosci osadniczej, ulturowej i etnicznej w miedzyrzeczu Odry-Dniepru od II okresu epoki brazu do VI–VII wieku n. e. A. Gardawski // I MKAS. Warszawa, 1968.
228. *Gimbutas M.* The Prehistory of Eastern Europe. 1. Cambridge Mass, 1956.
229. *Gimbutas Marija.* The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge Mass, 1958.
230. *Homer L. Thomas.* «New Evidence for Dating the Indo-European Dispersal in Europe.» In Indo-European and Ind-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. University of Pennsylvania Press / Philadelphia, 1970.
231. *Godlowski K.* Die Przeworsk-Kultur der mittleren und spatn Kaiserzeit. ZFA. № 2. 1968.
232. *Godlowski K.* Kultura przeworska na Gornym Sl[^]sku. Katowice-Krakow, 1969.
233. *Godlowski K.* Spor o slowian // «Narodziny sredniowiecznej Europy. Warszawa, 1999.
234. *Godlowski K.* Pierwotne siedziby slowian. Krakow, 2000.
235. *Hasegawa J.* Z badafi nad wczesnosredniowieczna. ceramika zachodnioslowianska. Lodz, 1973.
236. *Hasegawa J.* Chronologia i rozprzestrzenienie ceramiki typu praskiego w Europie srodkowej. Lodz, 1975.
237. *Hencken H.* Indo-European Languages and Archeology. American Anthropologist, Vol. 57, № 6. Part 3. Memoir, 1955. № 84.
238. *Hensel W.* La Communante culturelle archeologique balto-slave. In: I Miedzynar.kongres archeol. Slowianskiej. Wroclaw; Warszawa; Krakow. № 1. 1968.
239. *Herrmann I.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhaltnisse der slawische Stamme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968.
240. *Hilczzerowna Z.* Dorzecze gornej i srodkowej Obry od VI do poczatkow XI wieku. Wroclaw – Warszawa – Krakow. 1967.

241. *Jaidzewski K.* Das gegenseitige Verhältnis slawischer und germanischer Elemente in Mitteleuropa seit den Hunneneinfällen bis zur awarischen Landnahme an der Mittleren Donau. AP, IV, 2. 1959.

242. *Kostrzewski J.* Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich od połowy II tys. przed n.e. do wczesnego średniowiecza. Poznań, 1961.

243. *Losinski W.* Początki wczesnosredniowiecznej osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsgty, (VII–X/XI w.). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1972.

244. *Mallory J. P.* In search of the Indo–Europeans. Language, Archaeology and Mith. London. 1989.

245. *Milewski T.* Dyferencjacja języków indoeuropejskich. – In: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej (Warszawa 14) 18 IX 1965). Wrocław–Warszawa–Kraków. 1968.

246. *Parczewski M.* Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005.

247. *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław, 1988.

248. *Poulik J.* Staroslovanska Morava. Praha, 1948.

249. *Poulik J.* Žizni Morava, zeme dřivijich sřvanu. Brno, 1948–1950.

250. *Schuldt E.* Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956.

251. *Schuldt E.* Slawische Topferei in Mecklenburg. Schwerin, 1964
Slavs // The World Book Encyclopedia (International). Volum 17. 1994, 1993, 1992 A Scott Fetzer company London Sydney Tunbridge Wells Chicago.

252. *Trager G. L., Smith H. L.* A Chronology of Indo-Hittite Studies in Linguistics. 8, 1950. № 3.

253. *Wisłanski T.* The globular amphora Culture. – In: Neolithos in Poland. Wrocław–Warszawa–Kraków. 1970.

254. *Wisłanski Tadeusz.* «The globular amphora Culture.» In Neolithos in Poland, Wrocław–Warszawa–Kraków. 1970.

255. *Witkowski T.* Forschungen und Fortschritte. Berlin. H. 37. 1963. № 5.

256. *Zeman J.* Nejstarsi slovanske osidleni Čech. Paměky archeologicke. 1976. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА И ВОЗМОЖНОСТЯМ ИСТОЧНИКОВ	7
Глава 1. ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ И ТЕРРИТОРИИ ИХ ОБИТАНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ	29
1.1. Венеды, склавены, анты и их локализация.....	31
1.2. Об отношении к славянскому этносу некоторых племен, описанных Геродотом.....	42
Глава 2. ДРЕВНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ. ПРАРОДИНА, РАССЕЛЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ	50
2.1. Расчленение общеславянского языка.....	50
2.2. Место славян в семье индоевропейских народов.....	52
2.3. Праиндоевропейцы.....	55
2.4. О прародине индоевропейцев. Основные концепции	57
2.4.1. Центрально-северогерманская концепция	57
2.4.2. Идеи Георгиева.....	58
2.4.3. Балканская концепция	59
2.4.4. Концепция Бош Химперы	63
2.4.5. Концепция М. Гимбутас.....	64
2.4.6. Концепция Т. Гамкрелидзе и В. Иванова переднеазиатской прародины индоевропейцев.....	67
Глава 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. ГЕРМАНЦЫ И БАЛТЫ.	74
3.1. Южностепной очаг дальнейшего продвижения части индоевропейцев	74

3.2. Область северных индоевропейцев.....	77
3.3. Происхождение германцев.....	80
3.4. Возникновение балтов.....	85
3.4.1. Концепция балто-славянской общности.....	88
3.4.2. Время и обстоятельства появления балтов. Начальная территория и последующее расселение.....	90
Глава 4. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА. МЕСТО СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ И ПЕРВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН.....	97
4.1. О времени появления славян.....	98
4.2. О месте славянской прародины.....	106
4.3. Первая славянская культура.....	119
Глава 5. СЛАВЯНЕ ДО НАЧАЛА ШИРОКОГО РАССЕЛЕНИЯ	128
5.1. Утрата славянами части своей территории.....	128
5.2. Предлужицкая и пшеворская культуры.....	131
5.3. Лужицкая культура.....	137
5.4. Вторжение поморских племен.....	143
5.5. Культура подклешовых погребений.....	146
5.6. Место зарубинецкой культуры в славянском этногенезе.....	148
5.7. Еще раз об этносе носителей поморской, подклешовой и зарубинецкой культур.....	159
5.8. Пшеворская культура.....	160
Глава 6. НАЧАЛО ВЕЛИКОГО РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН.....	170
6.1. Последняя общеславянская культура.....	170
6.1.1. Характерные черты пражской культуры.....	173
6.1.2. Происхождение пражской культуры.....	187
6.2. Начало великой миграции славян.....	194
6.2.1. Причины расселения.....	195
6.2.2. Движение славян на восток.....	197
6.2.3. Об исходной территории расселения славян в Висло-Днепровском междуречье.....	199
6.2.4. Еще раз об антах.....	203
6.2.5. Северо-западная группа славян.....	209
6.2.6. Движение славян на юг.....	212
Глава 7. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН.....	214
7.1. Изменения в культурном и социально-экономическом развитии славян в конце I тыс. н. э.	214

7.2. Возникновении восточных славян	216
7.3. Происхождение названий «славяне» и «Русь»	222
7.3.1. Происхождение этнонима «славяне»	222
7.3.2. О названии «Русь»	224
Глава 8. СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	238
8.1. Племена банцеровской культуры	241
8.2. Племена колочинской культуры	246
8.3. Племена культуры длинных курганов	250
8.4. Об именах северных соседей славян	256
8.5. Появление варягов.....	259
Глава 9. ЗАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ К СЕВЕРУ ОТ ПРИПЯТИ	265
9.1. Возникновение Киевской Руси	267
9.2. О времени заселения восточными славянами средней и северной Беларуси.....	275
9.3. Этносоциальная сущность славян в период новой миграции	279
Глава 10. ДРЕВНЕРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ РУСИ	287
10.1. Из истории формирования древнерусской народности.....	288
10.2. Начало формирования древнерусской народности	292
10.3. Особенности этнических процессов на территории Беларуси	295
10.4. Древнерусская народность и ее признаки.....	302
10.4.1. Язык.....	302
10.4.2. Традиционная культура.....	310
10.4.3. Этническое самосознание	310
10.5. Этнические процессы в западных землях Руси	315
Глава 11. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИ- ЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА	322
11.1. О причинах, этнической основе и времени появления белорусов.....	322
11.2. Дальние и близкие генетические предки белорусов. Формирование антропологического типа	325
11.2.1. Появление первых этнических образований на территории Беларуси	326

11.2.2. Расселение индоевропейцев. Балтский период в этнической истории Беларуси.....	327
11.2.3. Древнерусский период	329
11.3. Становление белорусского этноса	336
11.3.1. Распад древнерусской народности	336
11.3.2. Формирование территории Беларуси.....	338
11.3.3. Формирование языка и этнического самосознания ..	340
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ	345
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	351

Научное издание

Загорульский Эдуард Михайлович

**СЛАВЯНЕ:
происхождение и расселение
на территории Беларуси**

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Компьютерная верстка *О. Л. Рачковской*

Корректор *Л. Н. Масловская*

Подписано в печать 17.12.2012. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,39.
Уч.-изд. л. 23,2. Тираж 300 экз. Заказ 82.

Белорусский государственный университет.

ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.